А. Богдановъ.

ПОЗНАНІЕ

СЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія А. Лейферта Большая Морская, 65.
1902.

ИЗДАНІЯ
С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

В. Базаровъ. Трудъ производительный и трудъ, образующій цѣнность. Цѣна 40 к.

Т Барвенкова Раздолье (повѣсть) По способу Коха. На мели (разсказы) Цѣна 80 к

А Богдановъ. Краткій курсъ экономич. науки 2-е изданіе, переработанное и дополненное Цѣна 1 р. 50 к.

Л. Василевскій. Современная Галиція (съ картой) Цѣна 80 к.

Ч. Вѣтринскій. Среди малышей (съ 12 рисунк.). Цѣна 25 к.

Ф Д Нефедовъ. Сочиненія тт III и IV. Цѣна по 1 р. (I и II тт. вышли въ изд. К Т Солдатенкова).

Его-же. Святочные разсказы Цѣна 60 к.

И. Озеровъ Общества погребителей Историческій очеркъ ихъ развитія въ Западной Европѣ, Америкѣ и Россіи. Краткое руководство къ основанію и веденію погребит. обществъ Съ предисловіемъ академика П. П Янжула. 2-е изданіе, значительно дополненное и исправленное. Цѣна 2 р

А Погорѣловъ Мракъ и Передъ грозой. (Изъ жизни Приуралья) Цѣна 80 к.

В Сѣрошевскій. Повѣсти и разсказы Цѣна 80 к

Танъ. Чукотскіе разсказы (съ 12 рисунк.). Цѣна 1 р

Его-же Стихотворенія Цѣна 80 к

Н. Тимковскій. Повѣсти и разсказы Цѣна 1 р.

Евг. Чириковъ Инвалиды. Чужестранцы и др. разск. Цѣна 1 р.

Ол Шрейнеръ. Грезы и сновидѣнія. Перев. *Ц В* Цѣна 25 к

С Н. Кривенко. На распутьи (культурн скиты и культурн. одиночки). **Ѳ. Павловъ** (Ѳ П). За десять лѣтъ практики (изъ фабричн. воспоминаній и впечатлѣній).

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ: Москва, Моховая, 26, магазинъ «Книжное Дѣло» Книгопродавцамъ—обычная скидка. Выписывающіе изъ склада на 2 р. и болѣе за пересылку не платятъ

Всѣ означенныя изданія имѣются въ продажѣ въ провинціи, между прочимъ, въ магазинахъ П И Макушина (въ Томскѣ и Иркутскѣ), г. Идзиковскаго (въ Кіевѣ), Юж. Русск Т-ва (Одесса, Пушкин., 20). Книжн. Складъ Саратовск Земства (Саратовъ) Кн Скл. Вятскаго Земства (Вятка), Ю. В Волковой (Ялта), Башмаковыхъ и Дубровина (Казань), Пегровской (въ Перьми)

А. Богдановъ.

ПОЗНАНІЕ

СЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

Цѣна 1 рубл.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литография А. Лейферта Большая Морская, 65
1902.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр

Отъ автора . . . . . I—VI.

I. О всеобщемъ методѣ.

1 Точка зрѣнія 1
2 Энергетическій методъ и критическій монизмъ . . . 7
3 Энергетическій методъ и біомеханика Авенаріуса . . 13
4. Порядокъ наслѣдованія 28

II Познаніе, какъ приспособленіе.

1 Психическія реакціи

a) Біологическая причинность 26
b) Роль психическихъ реакцій въ сохраненіи жизни . 33
c) Подборъ психическихъ формъ 40
d) Три типа психическихъ реакціи 47
e) Происхожденіе трехъ типовъ психическихъ реакцій . 54
f) Значеніе трехъ типовъ психическихъ реакцій . . . 58

2 Формы сознанія

a) Значеніе и мѣсто сознанія въ психич. реакціяхъ . 63
b) Неполныя психическія реакціи 67
c) Значеніе неполныхъ реакцій 73
d) Гармонія и противорѣчія въ мірѣ сознанія . 78

3 Выработка формъ сознанія

a) Процессъ обобщенія . 85
b) Процессъ различенія . 95
c) Монистическая тенденція въ развитіи сознанія . 100

4 Общественность

a) Первичная стадность . . 107
b) Подражаніе 109
c) отрудничество . 113
d) Общественный подборъ 115

Стр.

5. Выражающія реакціи

a) Ихъ происхожденіе и значеніе . . 119
b) Типы выражающихъ реакцій 122
c) Выражаемое и форма выраженія . . 126

6 Формы познанія

a) Опредѣленіе . . 128
b) Біологическое значеніе 133

7 Выработка формъ познанія

a) Познавательная пластика . . 137
b) Познаніе истинное и ложное . 140
c) Монистическая тенденція въ познаніи . . 149
d) Познаніе въ общемъ ряду психическихъ явленій 156

III О методѣ исторической теоріи познанія.

1 Мѣсто исторической теоріи познанія въ общемъ рядѣ наукъ 161
2 Дедукція въ различныхъ наукахъ 165
3 Абстрактный методъ въ общественныхъ наукахъ 168
4 Абстрактный методъ въ исторической теоріи познанія 173
5. Матеріалистическій моментъ въ абстрактномъ методѣ теоріи познанія . . . 176
6 Внѣ-познавательныя основы познанія 180
7 ормы сотрудничества и монистическая тенденція . 187
8. Дальнѣйшій ходъ изслѣдованія . 191
9 Общіе типы формъ сотрудничества и формъ мышленія 194
10 Типы труда и типы мышленія . . 203
11. О границахъ эклектизма 209
12. О предпосылкахъ познанія 218

ОТЪ АВТОРА.

Изъ всѣхъ упрековъ, какіе возможно сдѣлать переживаемой нами эпохѣ, безспорно, наименѣе основательнымъ былъ бы упрекъ въ недостаткѣ разнообразія, движенія, интереса. Наше время причудливо сплетаетъ самыя различныя жизненныя отношенія, совмѣщаетъ въ себѣ самыя далекія одна отъ другой историческія формаціи, порождаетъ новыя и новыя формы борьбы съ ея измѣняющимися тенденціями

Идейная жизнь общества опредѣляется жизнью практической, являясь одновременно ея продуктомъ и ея орудіемъ Разнообразіе и борьба реальныхъ отношеній вызываетъ разнообразіе и борьбу идей Здѣсь общество выступаетъ передъ познаніемъ, какъ система стихійно возникающихъ социально-групповыхъ союзовъ, то рѣзко отграниченныхъ, то незамѣтно сливающихся между собою, связанныхъ безчисленными нитями сотрудничества, разъединенныхъ безчисленными проявленіями вражды

Въ этой грандіозной картинѣ много яснаго, чистаго свѣта, много яркихъ, рѣжущихъ глазъ красокъ,—но всего больше неопредѣленныхъ, расплывающихся тѣней. Подойдите къ ней ближе—и общія очертанія исчезаютъ изъ глазъ; выступаютъ мелкія точки и штрихи. Вмѣсто общества, вмѣсто группы передъ вами только отдѣльныя личности. Это въ нихъ живетъ общество и группа, это онѣ чувствуютъ и стремятся, познаютъ и дѣйствуютъ; это изъ нихъ, полу-сознательныхъ атомовъ стихійнаго цѣлаго, образуется общественный союзъ; это ими, крошечными слагающими гигантскихъ силъ, ведется общественная борьба.

мышленія, въ ихъ разнообразіи, въ ихъ противорѣчіяхъ, необходимо установить тѣ общія законности, которыя связываютъ идейную жизнь личности съ объективными условіями ея существованія. Задача очень сложная и очень трудная; способы ея разрѣшенія едва намѣчаются въ наше время.

Предлагаемая работа посвящается не столько прямому разрѣшенію этой задачи—оно врядъ ли вообще можетъ быть теперь выполнено, и потребуетъ, вѣроятно, еще не мало коллективнаго труда,—сколько выясненію—въ существенныхъ и основныхъ чертахъ—научнаго метода ея изслѣдованія

«Научность» метода есть его познавательная полезность, и обнаруживается лишь практикой его примѣненія Поэтому и въ данномъ случаѣ методъ, о которомъ я говорю, можетъ быть признанъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ на опытѣ оказался способнымъ уже въ настоящее время привести хотя къ самому общему и приблизительному рѣшенію вопроса. Такимъ образомъ выясненіе метода должно итти рядомъ съ его примѣненіемъ, безъ котораго оно, въ сущности, даже невозможно. Однако это примѣненіе метода въ рамкахъ нашей работы занимаетъ по необходимости второе мѣсто, такъ что общій ея характеръ остается все же методологическій

Работа представляетъ изъ себя самостоятельное цѣлое, тѣмъ не менѣе, она стоитъ въ нѣкоторой генетической связи съ предыдущей моей работою—«Основные элементы историческаго взгляда на природу» Тамъ излагались существенныя черты современнаго монистическаго міросозерцанія, поскольку оно намѣчается въ возрастающемъ единствѣ научныхъ методовъ; здѣсь болѣе подробно выясняется и обосновывается примѣненіе той же точки зрѣнія въ области фактовъ познанія.

Правда, за истекшій промежутокъ времени воззрѣнія автора успѣли въ нѣкоторыхъ, немногихъ частностяхъ измѣниться, а въ иныхъ случаяхъ — пріобрѣсти новую формулировку, которая казалась автору болѣе опредѣленной и отчетливой. Но неизмѣннымъ осталось все существенное, и прежде всего, конечно, основное стремленіе автора—стремленіе разсматривать всѣ современные методы научнаго объясненія, какъ логически подчиненные принципу сохраненія энергіи

XIX вѣкъ пережилъ много переворотовъ въ наукѣ, но одинъ изъ нихъ господствуетъ надъ всѣми другими, объединяетъ ихъ, резюмируетъ ихъ въ себѣ это переворотъ въ содержаніи идеи причинности Старое понятіе причинности сводилось къ необходимой, постоянной послѣдовательности двухъ явленій, и только,—такъ что причина и слѣдствіе выступали вообще говоря, и качественно, и количественно различными между собою. Новое понятіе заключается въ признаніи количественнаго равенства и существеннаго тожества причины и слѣдствія, какъ двухъ стадій одного непрерывнаго процесса. Это послѣднее, энергетическое, пониманіе причинности и составляетъ основу метода, объединяющій принципъ изслѣдованія какъ прежней работы, такъ и предлагаемой теперь читателю [1]).

---

[1]) Я думаю, нѣтъ надобности спеціально выяснять, насколько громадно различіе между старымъ понятіемъ причинности и новымъ, оно слишкомъ очевидно даже въ такой сжатой формулировкѣ, какъ приведенная мною Дѣйствительно это—различіе двухъ міровыхъ періодовъ развитія науки

Здѣсь не могу не коснуться одного довольно характернаго факта По поводу моей прежней работы, посвященной какъ разъ популяризаціи энергетическаго пониманія причинности, нѣкто П Берлинъ („Жизнь", 99 г, 10) писалъ „ причинность авторъ понимаетъ вполнѣ въ духѣ Милля" Миллю энергетическое понятіе причинности осталось вполнѣ чуждымъ въ своей „Логикѣ" онъ излагаетъ старое понятіе, оно и обрисовано мною выше именно въ выраженіяхъ Милля

Курьезно, что въ той же фразѣ, въ которой упомянутый рецензентъ сдѣлалъ такую грубую ошибку противъ азбуки даннаго вопроса, онъ скромно выражаетъ сожалѣніе, что авторъ „Осн элем историч взгл на прир" „не стоитъ въ данномъ вопросѣ на высотѣ современной науки"

Все это, въ связи съ бѣглымъ немотивированнымъ замѣчаніемъ того же рецензента о „досадномъ дилеттантизмѣ", который проявляется въ естественно-научныхъ вопросахъ у автора „Осн эл" (кстати сказать—естественника и врача), все это заставило меня заинтересоваться литературно-научной дѣятельностью г Берлина При этомъ изъ массы рецензій и мелкихъ замѣтокъ упомянутого литератора выяснилось, что онъ спеціалистъ не только въ естественныхъ наукахъ, но также въ гносеологіи, философіи исторіи, въ политической экономіи, исторіи разныхъ странъ, въ сравнительной филологіи. Его безусловная компетентность во всѣхъ этихъ областяхъ убѣдительно доказывается многочисленными, обыкновенно необоснованными, указаніями на дилеттантизмъ разбираемыхъ авторовъ, ихъ недостаточную начитанность, а также упоминаніями о „высотѣ современной науки" Вотъ, напр, въ какомъ тонѣ говоритъ онъ по поводу маленькой (въ 20 страницъ) популярной брошюры г Ганнушкина „О соціальномъ вопросѣ въ Египтѣ" („Жизнь", 900, 8) „Брошюра г. Г. не представляетъ ничего цѣннаго или оригинальнаго Она—простая популяризація трудовъ современныхъ египтологовъ Данныя заим-

Такъ какъ эта точка зрѣнія наиболѣе оспаривается въ настоящее время именно по отношенію къ области фактовъ сознанія, то самая ея обосновка необходимо должна была принять здѣсь въ значительной мѣрѣ полемическій характеръ Особенно важны съ моей точки зрѣнія два момента полемики во-1) доказательство того, что нѣтъ основаній считать энергетическій методъ непримѣнимымъ въ какой бы то ни было области опыта, и что наоборотъ, его отрицаніе есть отрицаніе возможности научнаго познанія вообще (первые два параграфа работы); во-2) доказательство того, что нѣтъ никакой возможности «гносеологически» установить абсолютныя границы познанія, что попытки такого ограниченія основаны на логическихъ ошибкахъ (послѣдній параграфъ)

Во всякомъ случаѣ, главная моя задача была не отрицательно-критическая, а положительная. показать, какимъ образомъ на основѣ наличнаго опыта и существующихъ научныхъ теорій можетъ быть найдена прочная руководящая нить для непрерывно прогрессирующаго анализа сложнѣйшихъ фактовъ познанія. Въ какой мѣрѣ это выполнено, судить не мнѣ.

Авторъ

31 Дек 1900 г

ствованы авторомъ всегда изъ вторыхъ рукъ, жалуду тѣмъ именно по отношенію къ Египту первоисточникамъ крайне важны Здѣсь, какъ извѣстно, прекрасный папирусъ издавна служилъ матеріаломъ для письма Искусство писать чернилами существовало здѣсь по крайней мѣрѣ съ III вѣка до Р. Х.“

Дѣло ясное. г Берлинъ знакомъ съ первоисточниками, онъ читалъ папирусы, онъ отнюдь не „дилеттантъ“ въ исторіи Египта Кромѣ того, онъ до такой степени пропитанъ высшей научной добросовѣстностью, что не счолъ бы возможнымъ писать объ Египтѣ популярную брошюру въ 20 стр., не изучивъ упомянутыхъ первоисточниковъ— папирусовъ

Что же все это значитъ?

I. О всеобщемъ методѣ.

1 Точка зрѣнія

Исторически изучать какое-нибудь явленіе, это значитъ—выяснять, изъ какихъ явленій оно возникаетъ, въ какихъ формахъ совершается, по какимъ законамъ измѣняется Наша задача состоитъ въ томъ, чтобы съ этой точки зрѣнія изслѣдовать факты познанія.

Задача эта должна быть признана весьма трудной, по двумъ причинамъ. во-1), данная группа явленій отличается громадной сложностью и разнообразіемъ, во-2), изслѣдованіе ихъ необходимо затрагиваетъ многіе жизненные интересы, связанные съ установившимися взглядами людей, съ ихъ предразсудками и предубѣжденіями.

Изъ двухъ указанныхъ затрудненій, второе—сила привычныхъ идей—можетъ быть значительно ослаблено всегда критическимъ отношеніемъ изслѣдователя къ своей работѣ. Высказавая какое-нибудь положеніе, онъ долженъ каждый разъ ясно и отчетливо указывать тѣ объективныя основанія, изъ которыхъ въ данномъ случаѣ исходитъ. тогда предразсудку труднѣе проскользнуть въ изслѣдованіе подъ маскою внѣшней научности.—Но какъ преодолѣть первую трудность?

Чтобы изслѣдователь не оказался безпомощнымъ передъ громадной сложностью и разнообразіемъ своего матеріала, ему необходима о б щ а я т о ч к а з р ѣ н і я. Необходимъ е д и н ы й м е т о д ъ, который управлялъ бы группировкой фактовъ и обобщеній опыта, который контролировалъ бы ихъ истолкованіе Только при наличности такого метода возможно свести все разнообразіе явленій—къ единству закономѣрности, всю ихъ сложность—къ опредѣленнымъ простымъ отношеніямъ.

Требуется не только разсмотрѣть и „описать“ познаніе, какимъ оно является само по себѣ Требуется также выяснить, какимъ образомъ оно возникаетъ изъ процессовъ не-познавательныхъ, какимъ образомъ въ зависимости отъ такихъ процессовъ оно измѣняется, словомъ—установить связь познанія съ тѣмъ, что не есть познаніе [1]) Слѣдовательно, необходимъ такой общій, всеохватывающій методъ которому можно было бы подчинить законности явленій въ обѣихъ областяхъ, въ познаніи и внѣ его — Но гдѣ найти такой методъ? Слѣдуетъ ли для даннаго случая искать непремѣнно особый, еще не существующій методъ, или, можетъ быть, позволительна попытка обратиться за нимъ къ другимъ наукамъ, болѣе выработаннымъ, чѣмъ наука о познаніи?

Такъ какъ наука стремится объяснять неизвѣстное—извѣстнымъ, то во всѣхъ подобныхъ случаяхъ изслѣдователи практически руководились до сихъ поръ такимъ правиломъ: всякій установленный методъ общаго характера считать примѣнимымъ вездѣ, гдѣ только логически мыслима его примѣнимость,—считать до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано противоположное, или пока не будетъ выяснено, что его примѣненіе ничего не прибавляетъ въ пониманіи данныхъ явленій. Правило это имѣетъ за себя опытъ прошлаго оно принесло не мало пользы развитію науки. Кромѣ того, оно имѣетъ за себя стремленіе людей къ единству познавательнаго метода. А такое стремленіе вполнѣ законно, и основывается на томъ, что единство метода, гдѣ оно возможно, позволяетъ съ наименьшимъ трудомъ

---

[1]) Въ теоріи познанія (или теоріяхъ познанія) критической философской школы преобладаетъ узко-описательная точка зрѣнія, которая беретъ своимъ предметомъ познаніе, какъ нѣчто *уже данное уже сложившееся* Здѣсь, стало быть, не идетъ скорѣе о познаніи опредѣленной эпохи, чѣмъ о познаніи въ его развитіи Поэтому нѣкоторые критицисты склонны даже прямо противополагать „гносеологическую“ и „генетическую“ точку зрѣнія, подразумѣвая подъ этой послѣдней вопросы развитія формъ, вопросы изъ исторіи (см напр, Струве, предисловіе къ книгѣ Горнова „Индивидуализмъ и объективизмъ“, стр XXVI) Однако, и среди критицистовъ нѣкоторые далеко не склонны вполнѣ отказываться отъ генетической точки зрѣнія въ теоріи познанія (напр Зиммель, Махъ) А представитель наиболѣе „критическаго“ направленія этой школы, Авенаріусъ (котораго можно также съ большимъ основаніемъ отнести къ позитивистамъ) является въ своихъ изслѣдованіяхъ всецѣло „генетикомъ“ („Kritik der reinen Erfahrung“)

На нашъ взглядъ отказъ отъ историческаго изслѣдованія познавательныхъ явленій можетъ считаться только „свидѣтельствомъ о бѣдности“ для философскаго мышленія отказывающихся —Въ дальнѣйшемъ намъ еще будетъ случай встрѣтиться съ „гносеологической“ точкой зрѣнія (см Ш ч , гл 12 „О предпосылкахъ познанія“)

достигать наибольшихъ результатовъ, повышаетъ „производительность труда“ въ познаніи.

Итакъ, историческая наука о познаніи въ правѣ искать для себя общаго метода въ другихъ, болѣе сложившихся, болѣе точныхъ наукахъ, среди ихъ послѣднихъ обобщеній, ихъ высшихъ законовъ

Естественныя науки обладаютъ такимъ принципомъ, который, по степени своей общности, можетъ, повидимому, составить основу необходимаго намъ метода. Это—законъ сохраненія энергіи

Энергія не создается и не исчезаетъ въ нашемъ опытѣ—такова точная формула закона Разсмотримъ, что означаетъ эта формула, къ чему можетъ обязать насъ ея примѣненіе—энергетическій методъ.

Терминъ „энергія“ обозначаетъ измѣненіе, взятое съ его количественной стороны. Такимъ образомъ, энергетическій методъ требуетъ, чтобы на явленіе мы смотрѣли, какъ на измѣненіе, на процессъ, и притомъ на процессъ, подлежащій измѣренію. Стало быть, вотъ первый моментъ энергетическаго метода: изучаемое явленіе признается за процессъ, подлежащій измѣренію.

Далѣе, процессъ этотъ признается за нѣчто, неспособное изъ ничего возникнуть или въ ничто обратиться Это—второй моментъ

Весь ли энергетическій методъ данъ въ этихъ формулахъ? Да, весь. Остальное его содержаніе представляетъ лишь логическій выводъ изъ нихъ.

Наблюдаемое нами явленіе имѣетъ начало и конецъ. Движеніе пули началось въ моментъ a, кончилось въ моментъ b. Оно не должно было, согласно второй формулѣ, создаться изъ ничего. и не могло въ ничто обратиться Стало быть, оно возникло изъ другого явленія, которое существовало раньше,—и перешло въ новое явленіе, которое продолжается дальше. Надо найти оба эти явленія, что и должно быть выполнено конкретнымъ изслѣдованіемъ

Положимъ, они найдены химическое сродство составныхъ частей пороха, и теплота, развившаяся при ударѣ пули объ стѣну. [1]) Тогда всѣ три явленія сливаются для нашего познанія въ одинъ непрерывный процессъ, теченіе котораго, конечно, нами не ограничивается, а неопредѣленно продолжается въ прошедшее и въ будущее

Но, согласно первой формулѣ, изучаемый процессъ подлежитъ измѣ-

[1]) Явленіе для удобства изображается въ возможно болѣе простомъ видѣ

ренію, имѣетъ свою количественную сторону, представляетъ опредѣленную величину „энергіи“ Величина эта не можетъ измѣниться ни въ одинъ изъ моментовъ процесса: иначе передъ нами было бы возникновеніе изъ ничего или превращеніе въ ничто

Итакъ, передъ нами рядъ явленій, представляющихъ одинъ непрерывный процессъ, на всѣхъ стадіяхъ количественно себѣ равный. Чѣмъ же различаются эти явленія, эти стадіи одного процесса? Что измѣняется при превращеніи химическаго сродства въ механическое движеніе, механическаго движенія въ теплоту и т. д.?

Измѣняется способъ воспріятія даннаго процесса нашимъ психическимъ аппаратомъ. То, что воспринималось нами до выстрѣла, какъ обычныя, доступныя зрѣнію и осязанію, „свойства“ пороха, то является затѣмъ, какъ механическое движеніе пули, доступное нашимъ чувствамъ уже въ иной формѣ (напр въ видѣ свиста пули и толчка отъ нея), въ дальнѣйшемъ же выступаетъ, какъ ощущаемое при посредствѣ органовъ чувства температуры нагрѣваніе пули, и т. д Различіе отдѣльныхъ стадій процесса въ пространствѣ и времени относится сюда же пространство и время принадлежатъ къ способу воспріятія; сказать, что два явленія различаются въ пространствѣ и времени, значитъ сказать, что одно изъ нихъ воспринимается въ опредѣленной связи съ одними процессами сознанія, другое—съ другими [1])

Итакъ, для энергетическаго метода всякое явленіе выступаетъ, какъ опредѣленная стадія непрерывнаго процесса, стадія, лишь по способу воспріятія отличающаяся отъ другихъ стадій Единство и непрерывность этого процесса обыкновенно выражаютъ не въ той точной формулѣ закона, которая приведена выше, а въ другой, болѣе изящной, но менѣе научной: энергія едина и вѣчна.

Законъ сохраненія энергіи представляетъ современную, наиболѣе выработанную форму принципа всеобщей причинности явленій. По старому, менѣе совершенному понятію о причинности, вполнѣ опредѣленная причина необходимо влечетъ за собою вполнѣ опредѣленное слѣдствіе, по энергетическому понятію причина непосредственно переходитъ въ свое слѣдствіе, какъ предыдущая стадія того же процесса; причина и слѣдствіе тожественны по существу и различаются только способомъ воспріятія

[1]) О какой связи и съ какими психическими процессами здѣсь идетъ дѣло, это выясняется ассоціаціонной психологіей въ ея ученіи о пространствѣ и времени

Измѣненіе способа воспріятія обозначается метафорическимъ терминомъ „превращенія энергіи“. Терминъ этотъ хорошо выражаетъ сущность энергетическаго метода: стремленіе для каждаго наблюдаемаго явленія найти его предшествующую и послѣдующую стадіи, которыя воспринимаются нами, какъ особыя, другого вида явленія.

Можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ одна и та же сумма энергіи въ различные моменты воспринимается въ различныхъ видахъ, напр сначала, какъ механическое движеніе, а потомъ какъ теплота. Но дѣло въ томъ, что сумма эта представляетъ въ одинъ моментъ одну, а въ другой—другую комбинацію опредѣленныхъ соизмѣримыхъ элементовъ—измѣненій, и одной и той же суммою является только въ своемъ итогѣ, съ которымъ непосредственно имѣетъ дѣло изслѣдователь.

Выяснивши себѣ содержаніе энергетическаго метода, мы должны перейти къ вопросу, можетъ ли онъ служить намъ руководителемъ въ изслѣдованіи фактовъ познанія.

Наукѣ не удалось пока выяснить предѣловъ (или безпредѣльности) примѣненія этого метода. Она стремится примѣнять его всюду, во всѣхъ случаяхъ изслѣдованія, но вполнѣ удается ей это лишь тамъ, гдѣ современная научная техника допускаетъ точное измѣреніе. Въ другихъ случаяхъ прямая, точная повѣрка примѣнимости метода пока не удается; но и тамъ онъ весьма часто оказываетъ цѣнныя услуги для объясненія сложныхъ явленій: это особенно относится къ большинству жизненныхъ процессовъ. Въ такихъ областяхъ изслѣдованія примѣнимость принципа энергіи также не оспаривается (или почти не оспаривается)

Нерѣшеннымъ является вопросъ по отношенію къ тѣмъ группамъ явленій, гдѣ провѣрки метода не удавалось достигнуть и косвенными путями, гдѣ его полезность не доказана еще практически. Такова именно область фактовъ сознанія, въ предѣлахъ которой лежатъ и интересующія насъ познавательныя явленія.

Гдѣ молчитъ наука, тамъ слово принадлежитъ философіи. Какъ же она высказывается?

Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ, я позволю себѣ поставить другой вопросъ: равноцѣнны ли для насъ оба возможныя рѣшенія, признаніе и непризнаніе примѣнимости принципа энергіи въ сферѣ фактовъ сознанія? Къ чему обязываетъ насъ и что даетъ намъ одно, къ чему обязываетъ и что даетъ другое рѣшеніе.

Начнемъ съ отрицательнаго рѣшенія. Что значитъ — сказать что энергетическій методъ непримѣнимъ къ фактамъ сознанія?

Формула метода сводится, какъ мы видѣли, къ двумъ моментамъ: разсматривать явленія, какъ измѣримые процессы, и признавать, что процессы эти не могутъ изъ ничего создаваться или въ ничто обращаться.

Измѣримые ли процессы—факты сознанія? Объ этомъ не можетъ быть спора. Вѣдь на количественныхъ различіяхъ фактовъ сознанія, на различіяхъ ихъ интенсивности и повторяемости основывается всякое измѣреніе Несомнѣнно, что они измѣримы.

Стало быть, для отрицательнаго рѣшенія остается отвергать второй моментъ метода,—*остается признать*, что факты сознанія могутъ изъ ничего возникать и въ ничто обращаться.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ явленія эти переходятъ въ область чудеснаго. Гдѣ что-нибудь абсолютно создается или абсолютно уничтожается, тамъ современное научное мышленіе признаетъ себя безсильнымъ и скромно удаляется, уступая мѣсто вѣрѣ

Итакъ, вотъ къ чему обязываетъ насъ отрицательное рѣшеніе. „Руки прочь! Здѣсь область чудесъ", — говоритъ оно всякой попытк, научнаго *объясненія*

Что же даетъ оно наукѣ въ награду за такое ограниченіе? Какъ всякій чисто отрицательный фактъ—ровно ничего

Теперь, къ чему обязываетъ насъ положительное рѣшеніе? Къ примѣненію энергетическаго метода въ ученіи о сознаніи вообще, о познаніи въ частности Что оно даетъ намъ? Это можетъ показать только практика самаго примѣненія. Но пока что, оно даетъ намъ хотя бы надежду на объясненіе изслѣдуемыхъ фактовъ.

Какое же рѣшеніе предлагаетъ намъ современная философія? Или, такъ какъ она говоритъ всегда черезъ философовъ, — какое рѣшеніе предлагаютъ намъ философы?

Немногіе—a priori признаютъ всеобщность энергетическаго метода, основываясь на томъ, что развитіе науки шло до сихъ поръ и продолжаетъ итти къ единству познавательнаго метода. Съ этими намъ спорить не о чемъ

Немногіе — a priori отрицаютъ примѣнимость энергетическаго метода къ фактамъ сознанія, принимая духъ и тѣло за двѣ различныя сущности, для которыхъ немыслимъ единый методъ. Съ этими философами никто не считается, и намъ съ ними спорить незачѣмъ.

Большинство — господствующая на каѳедрѣ школа — отрицаютъ всеобщность энергетическаго метода, но отрицаютъ ее „критически"

2. Энергетическій методъ и критическій монизмъ

Въ чемъ же заключается и на чемъ основывается „критическое“ опроверженіе примѣнимости принципа энергіи въ сферѣ фактовъ сознанія?

Приведемъ это опроверженіе въ той формѣ, въ какой излагаетъ его проф. А. Риль, одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ представителей критической школы, пользующійся широкой извѣстностью и большимъ авторитетомъ какъ въ Зап. Европѣ, такъ и въ Россіи.

Прежде всего производится разграниченіе двухъ областей природы—явленій механическихъ и психическихъ. Разграниченіе основано на с п о с о б ѣ в о с п р і я т і я: механическими явленія называются въ томъ случаѣ, если они воспринимаются при посредствѣ внѣшнихъ чувствъ, психическими—если они воспринимаются непосредственно, какъ факты сознанія. Этимъ устанавливается, что факты сознанія н е м е х а н и ч н ы.

Въ дальнѣйшемъ аргументація ведется слѣдующимъ образомъ:

„. . . Принципъ сохраненія механической энергіи (NB. Риль невѣрно употребляетъ выраженіе „Kraft“ — „сила“ вмѣсто термина „энергія“. А. Б.) п о з в о л я е т ъ намъ утверждать, что механическая причина н е можетъ имѣть никакихъ иныхъ слѣдствій, кромѣ также механическихъ. Механическая причина вполнѣ, безъ остатка переходитъ въ свое механическое слѣдствіе, и въ сцѣпленіи внѣшнихъ (механическихъ) процессовъ при этомъ не получается никакого пробѣла, никакого свободнаго мѣста, здѣсь, такимъ образомъ, не остается ни малѣйшей возможности для какихъ бы то ни было побочныхъ, не механическихъ слѣдствій. Стало быть, о щ у щ е н і е и в о л я не могутъ войти въ эту цѣпь ни какъ слѣдствіе, ни какъ причина. Отношеніе причинности между нервнымъ возбужденіемъ и ощущеніемъ, между волею и внѣшнимъ движеніемъ въ виду этого является совершенно недопустимымъ, что доказывается, слѣдовательно, самыми фактами, а не только априорными соображеніями“ (A. Riehl, Der philosophische Kriticismus und seine Bedeutung....., II Band, 2 Teil, SS. 177—178 изданія 1887 года).

Такова эта замѣчательная аргументація. При внимательномъ анализѣ она раскрываетъ секретъ многихъ „критическихъ“ доказательствъ. Сведемъ ее къ формѣ простого силлогизма:

Большая посылка: Механическими причинами производятся лишь механическія слѣдствія.

Малая посылка: Факты сознанія не механичны

Заключеніе: Стало быть, факты сознанія производятся не механическими причинами—

Дальнѣйшій выводъ: а потому фактамъ сознанія нѣтъ мѣста въ ряду энергетическихъ явленій, гдѣ лежатъ механическія причины и ихъ слѣдствія.

По формѣ разсужденіе правильно. Но насколько обоснованы посылки силлогизма?

Малая посылка—„сознаніе не механично“—выражаетъ собою только принятое философомъ разграниченіе понятій „психическаго“ и „механическаго“—стало быть, она и не нуждается въ доказательствѣ. Весь вопросъ, очевидно, въ большой посылкѣ. Откуда она взялась?

По словамъ Риля, она основана „на фактахъ, а не какихъ-либо априорныхъ соображеніяхъ“. она опирается именно на законъ „сохраненія механической энергіи“ [1]) Какой же это законъ?

Существуетъ законъ сохраненія энергіи. Наукѣ не удалось еще точно установить, примѣнимъ ли онъ только къ механическимъ явленіямъ, или также и къ остальнымъ. Вопросъ сводится именно къ тому, есть ли это всеобщій законъ явленій, или только „законъ сохраненія механической энергіи“. И вопросъ этотъ еще не разрѣшенъ „фактами“.

Какъ же поступаетъ критицистъ? Онъ просто заранѣе, a priori, принимаетъ, что законъ относится только къ механическимъ явленіямъ, что онъ есть только „законъ сохраненія механической энергіи“. Тогда, само собой, и получается, что къ не механическимъ явленіямъ онъ не относится. Но на какихъ „фактахъ, а не априорныхъ соображеніяхъ“ основывается такое предвзятое ограниченіе закона? Этого намъ не скажетъ Риль, этого намъ не скажетъ наука, этого намъ никто не скажетъ.

Такіе факты были бы даны намъ только въ одномъ случаѣ: если бы въ рядѣ опытовъ законъ примѣнялся къ явленіямъ сознанія, и оказался бы въ прямомъ противорѣчіи съ выводами этихъ опытовъ. Но ничего подобнаго не было.

Стало быть, ограниченіе закона энергіи въ большой посылкѣ является априорнымъ, чисто догматическимъ; и все доказательство относится къ тому типу логическихъ ошибокъ, который обозначается терминомъ „petitio principii“, т. е. силлогизмъ, построенный на бездоказательномъ утвержденіи.

---

[1]) „ das Princip der Erhaltung der mechanischen Kraft. “

Заключеніе философа было бы правильнымъ, если бы раньше было установлено. . . . именно то, что онъ хочетъ доказать

Чтобы сдѣлать свое разсужденіе убѣдительнѣе, Риль дальше развиваетъ его слѣдующимъ образомъ:

„ Можетъ быть, предпочтутъ допустить очень маленькое, практически-безконечно малое исключеніе изъ принципа сохраненія энергіи Могутъ сказать: значеніе этого принципа простирается только до фактическихъ границъ наблюденія и измѣренія. Поэтому можно представить себѣ, что очень незначительное, ускользающее отъ наблюденія количество механической энергіи исчезаетъ и обращается въ психическую величину каждый разъ, какъ выступаетъ на сцену ощущеніе или актъ воли. Можно также представить себѣ, что воля вызываетъ движеніе тѣла безъ всякой затраты энергіи (ohne Arbeit zu leisten) Движущій механизмъ тѣла тогда пришлось бы только разсматривать, какъ разряжающійся аппаратъ такого совершеннаго устройства, что для него достаточна безконечно-малая разряжающая сила. Но и безконечно-малая величина есть все-же величина реальная, хотя и чрезвычайно малая. Разряжающая сила, какой бы ничтожной мы ее себѣ ни представили, никогда не можетъ стать вполнѣ равной нулю. Если она не произошла изъ ничего, то она должна быть взята изъ наличнаго, опредѣленнаго запаса энергіи, существующаго въ природѣ . . . . . постоянное повтореніе безчисленныхъ актовъ воли въ животномъ мірѣ, благодаря ихъ суммированію, необходимо повело бы не къ очень малому но очень значительному уклоненію отъ принципа сохраненія энергіи (Ibidem, SS. 179—180).

Нетрудно показать, что это разсужденіе несостоятельно, и притомъ несостоятельно въ двухъ отношеніяхъ: по своему фактическому содержанію и по своему логическому строенію. Начнемъ съ перваго.

Читая приведенное мѣсто работы Риля, можно подумать что энергетика живыхъ организмовъ доведена въ наше время до величайшаго совершенства, что превращенія энергіи въ организмѣ прослѣживаются съ большой количественной точностью во всѣхъ частностяхъ: общій балансъ энергіи организма строго выясненъ, и оказалось, что въ немъ совсѣмъ нѣтъ мѣста для энергіи психическихъ явленій; въ приходѣ и расходѣ „механической энергіи“ сколько-нибудь значительнаго „уклоненія“ не нашлось — активъ съ пассивомъ вѣренъ

Но физіологи знаютъ, какъ далеко современной наукѣ до такой точности. Если, напр., подводя общій балансъ суточнаго обмѣна энергіи, для взрослаго человѣка получаютъ сумму прихода и расхода приблизительно по

3 миллиона малыхъ калорій, то ошибка или „уклоненіе“ въ расчетахъ можетъ при нынѣшнихъ методахъ измѣренія составить не одну сотню тысячъ калорій. Гдѣ жъ тутъ рѣшить, есть въ этомъ балансѣ мѣсто психической энергіи, или нѣтъ.

Еще хуже чисто логическая ошибка. По мнѣнію философа, если бы факты сознанія входили въ цѣпь энергетическихъ процессовъ, то обнаружилось бы „уклоненіе“ отъ закона сохраненія энергіи: онъ полагаетъ, что количества энергіи, получаемой и теряемой организмомъ, не сходились бы между собою. Но откуда у него получилось такое представленіе?

Предположимъ, что факты сознанія „энергетичны“; пусть суточный приходъ энергіи въ организмѣ—3 миллиона малыхъ калорій. изъ нихъ на функціи „не-психическія“ идетъ, допустимъ, 2 миллиона, на „психическія“—1 миллионъ. Сколько же энергіи отдастъ организмъ за сутки внѣшней средѣ? По Рицу выходитъ, что только 2 миллиона, а 1 миллионъ долженъ, будто-бы, составить „уклоненіе“, и такъ какъ такого уклоненія не наблюдается, то изъ этого, будто-бы, слѣдуетъ, что факты сознанія совсѣмъ не энергетичны.

Но философъ забылъ при этомъ довольно важное обстоятельство—что факты сознанія не остаются вѣчно, а проходятъ, и каждый продолжается лишь короткое время. И такъ какъ энергія, согласно закону, не исчезаетъ, но переходитъ въ другія формы, то каждый фактъ сознанія, прекращаясь, какъ „психическое“ явленіе, долженъ перейти опять въ процессы не-психическіе, механическіе Поэтому тотъ миллионъ единицъ энергіи, который, по нашему предположенію, затраченъ на факты сознанія, превращается обратно въ „механическую“ энергію, и затѣмъ теряется организмомъ, напр., въ формѣ теплоты. Сумма общаго расхода энергіи окажется 2+1, т. е. 3 миллиона, въ полномъ соотвѣтствіи съ суммой прихода, и никакого „уклоненія“ не можетъ оказаться А критицистъ заранѣе предложилъ, что факты сознанія исчезаютъ безвозвратно, т. е. что они не подчинены закону энергіи. тогда и должно было получиться „уклоненіе“ отъ этого закона

Таковы критическіе аргументы, на которыхъ основывается отрицательное рѣшеніе вопроса объ единствѣ научныхъ методовъ. Сами по себѣ, они логически неправильны. Но долженъ же быть у нихъ какой-нибудь болѣе объективный базисъ?

Конечно, да. При извѣстномъ складѣ ума можетъ казаться чрезмѣрной смѣлостью перенесеніе метода, выработаннаго въ области механическихъ явленій, на процессы не-механическіе· тѣ и другіе такъ сильно различаются между собою, они подлежатъ д в у м ъ н е о д и н а к о в ы м ъ с п о с о б а м ъ

восприятiю—восприятiю непосредственному и посредствомъ внѣшнихъ чувствъ. Не правильнѣе ли думать, что двумъ взаимно-несводимымъ способамъ воспрiятiя должны соотвѣтствовать и два взаимно-несводимыхъ метода познанiя?

Воспрiятiе и познанiе, какъ мы знаемъ, далеко не одно и тоже; не говоря уже о другихъ различiяхъ, первое индивидуально, второе социально Именно новѣйшiе критицисты—и Риль въ томъ числѣ—тщательно и вполнѣ убѣдительно доказывали социальность познанiя [1]). Если такъ, то какая логика позволяетъ дѣлать непосредственное заключенiе отъ двухъ способовъ воспрiятiя къ двумъ способамъ познанiя?

Но допустимъ, что такая логика существуетъ, что отъ двухъ взаимно несводимыхъ способовъ индивидуальнаго воспрiятiя можно заключать къ двумъ взаимно несводимымъ способамъ общественнаго познанiя И тогда мы должны прiйти не къ „дуализму метода", котораго требуютъ сторонники разобраннаго нами взгляда, а къ еще болѣе печальному состоянiю.

„Внѣшнiя чувства"—вовсе не одинъ способъ воспрiятiя, а цѣлый рядъ совершенно различныхъ, взаимно-несводимыхъ способовъ. Зрѣнiе нельзя свести на слухъ, слухъ на осязанiе и т д , [2]) всѣ они не могутъ быть непосредственно сведены къ чему-нибудь одному, какъ неоднократно указывалось и самими критицистами. Если на каждый способъ воспрiятiя надо по методу познанiя, то взаимно-несводимыхъ методовъ окажется не два, а нѣсколько больше

Вообще, въ вопросѣ о границахъ энергетическаго метода способъ воспрiятiя не при чемъ; ибо энергiя вовсе не способъ воспрiятiя, а какъ разъ напротивъ — отвлеченiе отъ различныхъ способовъ воспрiятiя. Какъ мы видѣли, формы энергiи въ ея превращенiяхъ различаются именно способами воспрiятiй Энергiя не есть свѣтъ, звукъ, теплота и т. д., она есть количественная сторона этихъ процессовъ, ихъ измѣримость и соизмѣримость. Такое же методологическое отвлеченiе представляетъ изъ себя „абстрактный трудъ" экономистовъ. это не трудъ сапожника, портного, кузнеца,—а измѣримость и соизмѣримость общественнаго труда.

Если признанiе психическихъ процессовъ за энергетическiе есть „слиш-

---

[1]) Гораздо раньше ихъ социальный характеръ познанiя былъ указанъ родоначальникомъ современной социологической школы (предисловiе къ „Zur Kritik " et cet)

[2]) Однако, исторически всѣ способы воспрiятiя сводятся къ одному общему началу—къ такъ назыв „общему чувству" простѣйшихъ, изъ котораго всѣ они дифференцировались въ процессѣ развитiя

комъ смѣлая гипотеза", то не является ли еще болѣе смѣлой гипотезой съ точки зрѣнія научнаго мышленія противоположный взглядъ? Ибо онъ, какъ было выяснено, нуждается въ предположеніи, что психическіе процессы могутъ возникать изъ ничего и абсолютно уничтожаться, что они, стало быть, представляютъ „чудо".

Мы видѣли, что „критическія" основы этого взгляда въ дѣйствительности вполнѣ догматичны. А на немъ основывается система „критическаго монизма".

„Критическій монизмъ" признаетъ единую реальность, которая познается двумя совершенно различными методами. Въ „механическомъ" и „психическомъ" теоріи эта видитъ два „параллельныхъ" ряда проявленій реальности, и требуетъ, чтобы оба ряда познавались двумя взаимно несводимыми методами. Но не значитъ ли это—практически относиться къ обоимъ рядамъ, какъ къ совершенно различнымъ реальностямъ; Не безсодержательно ли чисто словесное признаніе единства реальности? Ясно, что такая доктрина должна быть признана эклектичной [1]).

Догматическое требованіе дуализма въ методѣ—такова оказывается, по внимательномъ изслѣдованіи, сущность «критическаго монизма». Повидимому, теорія эта въ своемъ названіи даетъ какъ разъ то, чего не хватаетъ въ ея содержаніи.

За ней стоитъ авторитетъ значительной философской школы Но было бы некритично просто подчиниться такому авторитету.

Такимъ образомъ вопросъ о примѣнимости принципа энергіи къ фактамъ сознанія вообще, къ познанію—въ частности, можетъ быть рѣшенъ только практикою примѣненія этого метода. И для этого нѣтъ надобности ожидать того времени, когда точное измѣреніе процессовъ сознанія сдѣлаетъ возможной прямую провѣрку метода въ данной области. Кромѣ непосредственныхъ примѣненій, для всякаго научнаго метода существуютъ еще косвенныя.

Сейчасъ мы попробуемъ сдѣлать изъ энергетическаго принципа такое

---

[1]) Теорія „параллелизма" является еще сравнительно менѣе эклектичной, когда параллелизмъ распространяется на всю природу, когда допускается, что всякому механическому явленію соотвѣтствуетъ „психическое", когда всѣ явленія признаются однородными, физико-психическими Но въ такомъ воззрѣніи слишкомъ ужъ много элемента гипотезы —Желая избѣжать такой гипотетичности, другіе параллелисты, и Рить въ томъ числѣ, впадаютъ въ еще больший эклектизмъ они относятъ представленіе параллелизма только къ немногимъ избраннымъ элементамъ природы—къ высшимъ организмамъ, которые одарены сознаніемъ

косвенное примѣненіе, именно, воспользуемся имъ, какъ методомъ критики одного интереснаго научно-философскаго построенія, имѣющаго близкое отношеніе къ нашимъ задачамъ.

3. Энергетическій методъ и біомеханика Авенаріуса.

При изученіи процессовъ познанія въ наше время трудно было бы не считаться съ работами такого оригинальнаго мыслителя, какъ Р. Авенаріусъ, философа, замѣчательнаго по разносторонности его научной подготовки и по стремленію къ возможно большей строгости и точности метода. Но въ данный моментъ воззрѣнія его получаютъ для насъ особенный интересъ не съ положительной, а съ отрицательной стороны—поскольку онъ былъ противникомъ всеобщности энергическаго метода.

Не желая подвергать читателя всѣмъ ужасамъ знаменитой терминологіи Авенаріуса, я заранѣе оговариваюсь, что буду ею пользоваться лишь постольку, поскольку это безусловно необходимо, а гдѣ только возможно, буду замѣнять его выраженія болѣе обычными. Если при этомъ и могутъ пострадать нѣкоторые оттѣнки его мысли, то занимающій насъ теперь вопросъ касается не оттѣнковъ, а существеннаго въ его методѣ, и они не могутъ оказать вліянія на выводы.

Въ основу своихъ теоретико-познавательныхъ изслѣдованій Авенаріусъ положилъ біомеханику—ученіе о механизмѣ жизненныхъ процессовъ. Тѣмъ не менѣе, по его воззрѣніямъ, сознательно-психическія явленія („содержаніе высказываній“) находятся не прямо въ общемъ ряду физіологическихъ измѣненій нервной системы, а только въ извѣстной связи, въ „функціональномъ соотношеніи“ съ ними. Закономѣрность этого соотношенія онъ подвергаетъ ближайшему изслѣдованію, и она оказывается, въ его описаніи, не такова, чтобы допустить хотя бы мысль о примѣнимости энергетическаго метода къ фактамъ сознанія.

Всего яснѣе выступаетъ такая точка зрѣнія въ ученіи Авенаріуса объ „аффекціоналѣ“, объ окраскѣ удовольствія или страданія, свойственной сознательно-психическимъ явленіямъ Но такъ какъ ученіе это логически вытекаетъ изъ основныхъ понятій біомеханики, то намъ придется начать съ этихъ послѣднихъ.

Жизнедѣятельность организма въ его цѣломъ, также какъ и всякой отдѣльной его части, физіологически сводится къ двумъ рядамъ превращеній энергіи: процессъ усвоенія энергіи изъ внѣшней среды, и растраты энергіи

во внѣшнюю среду—„питаніе“ [1]) и „работа“ по выраженію Авенаріуса. Въ своей біомеханикѣ философъ изслѣдуетъ различныя соотношенія обоихъ процессовъ для „системы С“—центральнаго нервнаго аппарата [2]). Изслѣдованіе ведется въ такомъ направленіи, чтобы выяснить условія сохраненія жизни системы С.

Если „питаніе“ преобладаетъ надъ „работою“, то энергія системы непосредственно возрастаетъ; если „работа“ преобладаетъ надъ „питаніемъ“, то энергія системы непосредственно уменьшается. Оба эти случая, когда система находится не въ равновѣсіи прихода и расхода энергіи, Авенаріусъ обозначаетъ однимъ терминомъ „жизнеразность“. Если мозгъ ребенка усваиваетъ изъ крови больше энергіи, чѣмъ тратитъ на различные процессы приспособленія организма къ измѣняющимся условіямъ, то это будетъ одинъ видъ жизнеразности; если наступаетъ, положимъ, болѣзнь, или какое-нибудь другое потрясеніе организма, и мозгъ ребенка теряетъ больше энергіи, чѣмъ получаетъ извнѣ, это будетъ другой видъ жизнеразности. По мнѣнію Авенаріуса, оба вида имѣютъ приблизительно одинаковое біологическое значеніе—противоположное жизненному идеалу. Такимъ идеаломъ является для философа отсутствіе всякой жизнеразности, полное равенство противоположныхъ сторонъ жизненнаго процесса. это равенство соотвѣтствуетъ наибольшей „жизнесохранимости“ (Vital-Erhaltungswert) системы.

Фактически, идеальное равновѣсіе системы никогда въ точности не наблюдается. Самыя разнообразныя внѣшнія вліянія непрерывно воздѣйствуютъ на систему, доставляя перевѣсъ, то работѣ, то питанію. Система непрерывно приспособляется къ этимъ вліяніямъ: она устраняетъ жизнеразности, которыя ими порождаются.

Возникновеніе жизнеразности означаетъ, по Авенаріусу, уменьшеніе жизнесохранимости; устраненіе жизнеразности уничтожаетъ это уменьшеніе или сводитъ его къ наименьшей величинѣ. Такъ протекаетъ жизнь системы.

---

[1]) Здѣсь умѣстно будетъ замѣтить, что терминъ „питаніе“ нѣсколько грубъ и матеріалистиченъ для выражаемой имъ идеи. Дѣло идетъ объ „ассимиляціи“ энергіи нервными центрами, о переходѣ внѣшней энергіи въ ихъ формы, которыя свойственны ихъ недѣятельности этихъ центровъ, при чемъ эта ассимиляція можетъ совершаться не только тѣмъ способомъ, который физіологи обозначаютъ терминомъ „питаніе“ т. е. не только путемъ воспринятія въ питающуюся ткань частицъ питательныхъ веществъ.

[2]) Нервные центры въ ихъ взаимной связи—можетъ быть, только корковые, (центры сознанія), а вѣроятнѣе—всѣ вмѣстѣ, и корковые, и субкортикальные, и спинномозговые, и разсѣянные въ организмѣ гангліозные. Авенаріусъ не беретъ опредѣлить точно границы „системы С“.

С въ постоянныхъ колебаніяхъ около уровня идеальнаго равновѣсія, въ концѣ концовъ послѣдняя жизнеразность уноситъ послѣдній остатокъ жизнесохранимости—и тогда наступаетъ смерть.

Какъ видимъ, для Авенаріуса *понятіе* жизнеразности совпадаетъ съ тѣмъ, что обыкновенно называютъ неприспособленностью, или, точнѣе, непосредственной неприспособленностью (неприспособленность даннаго момента); а устраненіе жизнеразности, это съ его точки зрѣнія возстановленіе непосредственной приспособленности. То, что порождаетъ жизнеразности, есть непосредственно вредное для жизни; то, что уничтожаетъ ихъ—непосредственно полезное.

Итакъ, понятіе жизнеразности охватываетъ два энергетически противоположныхъ явленія: возрастаніе энергіи системы —когда питаніе преобладаетъ надъ работою, уменьшеніе энергіи системы — когда работа преобладаетъ надъ питаніемъ Оба случая объединяются въ одномъ понятіи, потому что ихъ біологическій смыслъ признается одинаковымъ—уменьшеніе жизнесохранимости Это взглядъ не одного Авенаріуса, а также многихъ людей науки, взглядъ возникшій среди физіологовъ гораздо раньше біомеханики цюрихскаго философа

Совмѣстима ли такая теорія съ энергетическимъ методомъ? Вопросъ этотъ всего легче разрѣшить, если перейти къ ея психологическимъ выводамъ—именно, къ ученію объ удовольствіи и страданіи

Извѣстно, что чувства удовольствія и страданія стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ непосредственной приспособленностью и неприспособленностью организма къ условіямъ борьбы за жизнь. Говоря вообще, чувство страданія вызываютъ воздѣйствія, непосредственно-вредныя для организма, чувство удовольствія— непосредственно-полезныя Нетрудно понять біологическую основу такой связи Удовольствіе есть то, къ чему стремятся, страданіе— то, чего избѣгаютъ. Если бы удовольствіе соотвѣтствовало вредному для жизни, а страданіе—полезному, то психическіе организмы, стремясь къ первому и избѣгая второго, дѣйствовали бы не на пользу, а во вредъ себѣ, и неминуемо очень скоро погибали бы. Очевидно, что естественный подборъ могъ сохранять только организмы съ цѣлесообразнымъ направленіемъ чувства удовольствія и страданія

Такъ какъ для Авенаріуса жизнеразность означаетъ непосредственную неприспособленность, то вполнѣ естественнымъ и логичнымъ является у него представленіе, что страданіе соотвѣтствуетъ возрастанію жизнеразности, удовольствіе—ея уменьшенію. Ибо первое выражаетъ собою возра-

станіе неприспособленности, удаленіе отъ идеальнаго равновѣсія, второе— возвращеніе къ равновѣсію и къ приспособленности.

Какъ возрастаніе, такъ и уменьшеніе жизнеразности могутъ имѣть по два противоположныхъ энергетическихъ значенія: первое можетъ означать и прогрессирующее увеличеніе энергіи системы, и прогрессирующее уменьшеніе,—оба случая выражаются въ чувствѣ страданія; второе можетъ имѣть содержаніемъ и понижающееся увеличеніе энергіи, и понижающееся уменьшеніе,—обоимъ случаямъ соотвѣтствуетъ чувство удовольствія

Такимъ образомъ, одинъ и тотъ же „аффекціоналъ"—положительный (чувство удовольствія) или отрицательный (чувство страданія) можетъ соединяться съ энергетически противоположными процессами въ нервной системѣ. И наоборотъ, энергетически сходные процессы могутъ выражаться въ противоположныхъ явленіяхъ чувства

Если предположить, что процессы сознанія энергетичны, то противоположность фактовъ сознанія должна означать противоположность измѣненій энергіи сознанія. Какъ извѣстно, удовольствіе и страданіе представляютъ изъ себя противоположные факты сознанія, противоположные въ точномъ, математическомъ значеніи этого слова, т. е. способные взаимно уменьшать и уничтожать другъ друга, соединяясь въ сознаніи Слѣдовательно, съ энергетической точки зрѣнія, они никакъ не могутъ выражать собою въ однихъ случаяхъ однородные, въ другихъ противоположные процессы въ нервной системѣ Здѣсь энергетическій методъ вступаетъ въ противорѣчіе съ воззрѣніями Авенаріуса Спрашивается, гдѣ истина?

Рѣшить дѣло можно только путемъ сопоставленія обоихъ взглядовъ съ наличными фактами и обобщеніями науки.

Можно указать цѣлый рядъ фактовъ, которые въ высшей степени трудно—я полагаю, невозможно—согласовать съ ученіемъ Авенаріуса, и которые являются вполнѣ понятными съ энергетической точки зрѣнія

Какъ примѣръ жизнеразности, возникающей изъ перевѣса питанія надъ работою, самъ Авенаріусъ приводитъ маніакальное состояніе, при которомъ бываетъ гиперемія мозга Но онъ забываетъ прибавить, что самочувствіе больного въ начальныхъ стадіяхъ этой болѣзни, когда система С отъ сравнительнаго равновѣсія переходитъ къ избытку питанія, бываетъ обыкновенно пріятное [1]). По Авенаріусу должно быть какъ разъ наоборотъ: воз-

[1]) По отношенію къ дальнѣйшимъ стадіямъ и тяжелымъ формамъ маніи дѣло гораздо сложнѣе, какъ мы увидимъ, когда еще разъ вернемся къ этому примѣру

никновеніе и возрастаніе жизненазности должно соединяться съ чувствомъ страданія

Далѣе, врядъ ли возможно съ точки зрѣнія Авенаріуса объяснить вліяніе наркотическихъ веществъ на психическую систему. На первыхъ стадіяхъ своего дѣйствія они вызываютъ обыкновенно весьма пріятное возбужденіе, ради котораго чаще всего и примѣняются Однако, въ высшей степени невѣроятно предположеніе, чтобы, напр., алкоголь, нарушая нормальныя соотношенія всѣхъ психическихъ функцій, въ то же время приводилъ систему С къ равновѣсію работы и питанія, и чтобы именно отъ этого зависѣло то, нерѣдко очень продолжительное удовольствіе, которое доставляютъ спиртные напитки. Къ тому же, пришлось бы приписать этимъ ядамъ два противоположныхъ физіологическихъ дѣйствія: повышеніе работы—при избыткѣ питанія, и повышеніе питанія—при избыткѣ работы. Столько дополнительныхъ, натянутыхъ гипотезъ!

Разсмотримъ, далѣе, физіологическую картину эмоціи печали Она всегда, приблизительно, одинакова. ослабленіе дѣятельности сердца, сжатіе мелкихъ сосудовъ, и ужъ какъ результатъ всего этого—уменьшеніе произвольно-мускульной работы. Очевидно, эмоція эта понижаетъ питаніе системы по сравненію съ ея работою ослабленіе дѣятельности сердца означаетъ уменьшеніе количества крови, протекающей въ единицу времени въ питаемыхъ органахъ, сжатіе мелкихъ сосудовъ, во-1), уменьшаетъ ихъ питающую ткани поверхность, во-2), вызываясь усиленнымъ сокращеніемъ кольцевыхъ волоконъ, окружающихъ сосуды, требуетъ увеличенныхъ затратъ иннерваціонной энергіи на эти сосудодвигательные мускулы; уменьшеніе же работы произвольныхъ мышцъ есть лишь послѣдующее приспособленіе, стремящееся вознаградить недостатокъ питанія. Вообще, истощающее дѣйствіе печали на психическую систему не подлежитъ сомнѣнію

Если такъ, то при наличности въ системѣ С общаго избытка питанія надъ работою эмоція печали должна получать окраску у д о в о л ь с т в і я, по крайней мѣрѣ вначалѣ, когда она только устраняетъ наличный избытокъ питанія.—На дѣлѣ этого не бываетъ

Въ особенно рѣзкомъ противорѣчіи съ точкой зрѣнія Авенаріуса стоитъ, какъ я полагаю, одна важная группа фактовъ. Это именно тѣ случаи, когда человѣкъ получаетъ интенсивное удовольствіе отъ какого-нибудь нечаяннаго открытія, дающаго человѣку то, чего онъ вовсе въ это время не ожидалъ, къ чему вовсе спеціально не стремился, но что кажется ему хорошимъ Можетъ ли при этомъ итти рѣчь о какомъ-либо устраненіи наличи-

ныхъ жизнеразностей? Напротивъ, здѣсь скорѣе возникаетъ новая жизнеразность—и однако на сцену выступаетъ чувство удовольствія.

Вообще, въ ученіи объ аффекціоналѣ трудно видѣть что-либо иное, какъ гипотезу, недостаточно обоснованную, и стоящую въ противорѣчіи съ многими фактами [1]) Но таковъ же и базисъ этой теоріи—ученіе о жизнеразности

Всякая жизнеразность уменьшаетъ жизнесохранимость—такова точка зрѣнія Авенаріуса. Оправдывается ли она фактами?

Не подлежитъ сомнѣнію, что прогрессивное р а з в и т і е организма увеличиваетъ его жизнесохранимость Стоитъ только сравнить цифры болѣзненности и смертности въ 30-лѣтнемъ и въ 3-мѣсячномъ возрастѣ, или взять такой случай, когда взрослый и ребенокъ подвергаются относительно одинаково сильнымъ разрушительнымъ воздѣйствіямъ среды, и посмотрѣть, кто изъ нихъ скорѣе останется въ живыхъ [2]).

Далѣе не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ процессъ возрастанія жизнесохранимости опирается, въ значительной мѣрѣ, на явленія р о с т а организма вообще, системы С въ частности Это—вещь достаточно извѣстная, довольно указать на то, что если происходитъ преждевременная задержка роста, то развитіе не бываетъ полнымъ, и обычный maximum жизнесохранимости не достигается

Но явленія роста обусловливаются перевѣсомъ прихода энергіи надъ расходомъ, „питанія“ системы надъ ея „работою“, т. е., они обусловливаются о п р е д ѣ л е н н о й ф о р м о й ж и з н е р а з н о с т и, которую можно было бы назвать „положительной жизнеразностью“ Итакъ, эта положительная жизнеразность является у с л о в і е м ъ п о в ы ш е н і я

---

[1]) Замѣчу что ученіе объ аффекціоналѣ изложено здѣсь весьма неполно, а лишь настолько, насколько оно имѣетъ отношеніе къ нашей задачѣ

[2]) Здѣсь, правда, возможно еще такое сомнѣніе не слѣдуетъ ли признать жизнесохранимость младенца больше чѣмъ жизнесохранимость взрослаго, потому что первый можетъ еще прожить лѣтъ 70, а второй, сверхъ своихъ 30, врядъ ли проживетъ болѣе 40 тѣхъ? Но тутъ надо принять во вниманіе вотъ что шансы младенца на 70 тѣхъ лѣтъ очень малы—напр, 1 изъ 50—60, а шансы взрослаго на 40 лѣтъ жизни довольно велики, напр, 1 изъ 5—6 Обобщающая тенденція науки не позволяетъ намъ считать первую величину жизнесохранимости больше второй это значило бы—придать больше значенія частнымъ случаямъ, чѣмъ общему правилу Изъ сопоставленія можно вынести только одно что жизнесохранимость младенца о щ е м о ж е т ъ в о з р а с т и въ процессѣ его развитія, а для взрослаго она уже близка къ maximum, и врядъ ли еще увеличится, поэтому первый п р и б л а г о п р і я т н ы х ъ у с л о в і я х ъ и проживетъ дольше

жизнесохранимости, а не пониженія, какъ изображаетъ Авенаріусъ

Другое дѣло—жизнеразность отрицательная, перевѣсъ работы надъ питаніемъ Она ведетъ къ „истощенію“ системы, и дѣйствительно понижаетъ ея жизнесохранимость Именно она выступаетъ на сцену въ громадномъ большинствѣ случаевъ болѣзней, потрясеній, страданій Она характерна и для нормальнаго періода деградаціи системы—для періода старости.

Періодъ положительныхъ жизнеразностей характеризуется процессомъ роста, развитія, возрастанія жизнесохранимости; періодъ отрицательныхъ—истощеніемъ, деградаціей, пониженіемъ жизнесохранимости Логично ли—сдѣлать изъ этого выводъ, что всякая жизнеразность является уменьшеніемъ жизнесохранимости, представляетъ изъ себя нѣчто непосредственно вредное?

Однако, эпоха относительнаго равновѣсія — зрѣлый возрастъ — есть вмѣстѣ съ тѣмъ эпоха наибольшей приспособленности системы. Не слѣдуетъ ли вывести изъ этого, что равновѣсіе системы и должно признаваться ея „идеальнымъ состояніемъ“

Чтобы убѣдиться въ томъ, насколько такая мысль неправильна, достаточно вспомнить тѣ случаи, когда жизненное равновѣсіе достигается преждевременно Если процессъ роста задерживается въ дѣтскомъ возрастѣ, не доходя до нормы, то равновѣсіе системы выступаетъ въ соединеніи съ весьма невысокой жизнесохранимостью, жизнесохранимость эта значительно меньше той, которая наблюдается при одинаковыхъ прочихъ условіяхъ, но при обычномъ перевѣсѣ питанія надъ работою

Впрочемъ, врядъ ли кто и станетъ утверждать, что высокая приспособленность зрѣлаго возраста зависитъ именно отъ того, что устранены нормальныя жизнеразности дѣтства и юности — перевѣсъ питанія надъ работою. Вѣроятно, всякій согласится, что здѣсь высокая приспособленность достигается въ значительной мѣрѣ именно б л а г о д а р я этимъ жизнеразностямъ, б л а г о д а р я тому возрастанію энергіи системы, которое ими создается.

Весьма простая и, какъ мнѣ кажется, весьма убѣдительная дедукція въ самой общей формѣ укажетъ намъ связь между возрастаніемъ энергіи системы, и возрастаніемъ возможности ея сохраненія

Законъ, по которому происходитъ разсѣяніе энергіи психической системы, въ различныхъ случаяхъ, вѣроятно, различенъ,—несомнѣнно, всегда очень сложенъ, и до сихъ поръ никогда почти намъ въ точности не извѣстенъ. Тѣмъ не менѣе, легко сообразить, что въ общемъ и среднемъ, гдѣ имѣются

большій запасъ накопленной энергіи, тамъ, при одномъ и томъ же законѣ процесса, она дольше можетъ и растрачиваться безъ окончательнаго разрушенія системы —Поэтому, возрастаніе энергіи системы есть непосредственное возрастаніе возможности ея сохраненія; уменьшеніе энергіи — уменьшеніе возможности сохраненія.

Конечно, такъ обстоитъ дѣло лишь въ общемъ и среднемъ. Въ частныхъ случаяхъ всякихъ явленія можетъ быть и таковъ, что получатся противоположные результаты Но опытъ показываетъ, что такіе случаи — не правило, а только исключеніе.

Изъ всего этого видно, насколько неудачное обобщеніе представляетъ изъ себя понятіе „жизнеразности“ у Авенаріуса. Оно имѣетъ два энергетически противоположныхъ значенія, которыя оказываются противоположными и біологически, по ихъ отношенію къ жизнеспособности системы. [1])

Примѣняя вульгарное сравненіе, два вида жизнеразности соотвѣтствуютъ дефициту и чистой прибыли: то и другое нарушаетъ равновѣсіе капитала, но въ весьма различномъ смыслѣ. Какъ для капиталиста условіемъ наибольшей устойчивости предпріятія является не простое сохраненіе прежняго баланса, но его расширеніе, такъ и для жизненной системы условіемъ наибольшей жизнеспособности слѣдуетъ считать не простое равновѣсіе, но развитіе, т. е. расширеніе жизненнаго процесса, основанное на возрастаніи его энергіи.

Разъ мы станемъ на эту точку зрѣнія, соотвѣтственно ей долженъ измѣниться и нашъ взглядъ на чувства удовольствія и страданія. Тогда чувство удовольствія представится намъ, какъ явленіе однозначащее съ непосредственнымъ увеличеніемъ энергіи психической системы, чувство страданія— съ ея уменьшеніемъ.

Такое воззрѣніе не найдетъ для себя никакихъ трудностей въ выясненіи тѣхъ фактовъ, которые, какъ мы видѣли, не мирятся со взглядами Авенаріуса. Пріятное самочувствіе при маніакальномъ состояніи выступитъ

---

[1]) Итакъ, дѣло идетъ не о томъ, чтобы совсѣмъ устранить понятіе жизнеразности, а о томъ, чтобы строго различать два ея вида — потолитольный и отрицательный, придавая имъ противоположное біологическое значеніе соотвѣтственно противоположному энергетическому Самъ Авенаріусъ изслѣдуетъ въ громадномъ большинствѣ своихъ примѣровъ явленія о т р и ц а т е л ь н о й жизнеразности, которая имѣетъ именно такое біологическое значеніе, какое онъ приписываетъ жизнеразности вообще, а потому въ его описаніи психическихъ процессовъ неправильность основного понятія сказывается лишь въ небольшомъ числѣ погрѣшностей

предъ нами, какъ вполнѣ естественный результатъ временнаго, вызваннаго артеріальной гипереміей перевѣса питанія надъ работою. Совершенно такова же физіологія того пріятнаго возбужденія, которое порождается дѣйствіемъ нѣкоторыхъ нервныхъ ядовъ. Окраска страданія, характеризующая эмоцію печали, вполнѣ соотвѣтствуетъ тому относительному пониженію питанія, которое при этой эмоціи всегда наблюдается.

Мы приходимъ, къ выводу, что теорія Авенаріуса, противорѣчащая энергетической точкѣ зрѣнія, не выдерживаетъ также біологической критики, и что напротивъ, воззрѣніе, опирающееся на энергетическій методъ, легко устраняетъ тѣ затрудненія, которыя представляетъ истолкованіе указанныхъ нами фактовъ, подрывающихъ теорію Авенаріуса.

Однако, теорія эта должна же имѣть какія-нибудь основанія? представленіе о непосредственно вредномъ характерѣ всякой жизнеразности, въ томъ числѣ и положительной, должно же опираться на какія-нибудь научныя данныя?

Въ пользу его приводится цѣлый рядъ физіологическихъ и патологическихъ фактовъ, которые, повидимому, доказываютъ, что и положительная жизнеразность, перевѣсъ усвоенія энергіи надъ ея затратами, влечетъ за собою печальныя послѣдствія для жизненной системы. Такъ напр., полное удовлетвореніе потребностей при недостаточныхъ затратахъ со стороны организма приводитъ по меньшей мѣрѣ къ пресыщенію, сплину и т. под. непріятностямъ. Маніакальное состояніе, при которомъ, какъ мы видѣли, питаніе мозга вначалѣ повышено по сравненію съ затратами, является серьезной болѣзнью.

Но во всѣхъ такихъ случаяхъ, если разсмотрѣть ихъ внимательнѣе, оказывается, что пониженіе жизнесохранимости выступаетъ не какъ первичное, а какъ послѣдовательное явленіе. Непосредственнаго пониженія жизнесохранимости и здѣсь не наблюдается, пока ассимиляція, усвоеніе энергіи дѣйствительно преобладаетъ надъ противоположнымъ процессомъ. При чрезмѣрно благопріятныхъ условіяхъ жизни пресыщеніе и сплинъ наступаютъ не тогда, когда энергія нервной системы еще продолжаетъ возрастать въ это время люди, напротивъ, чувствуютъ себя очень хорошо. Здоровье ихъ разстраивается уже тогда, когда на почвѣ измѣненнаго необычнымъ сочетаніемъ условій строенія нервнаго аппарата выступаетъ жестокая растрата нервной энергіи. [1]) Является хроническое сжатіе мелкихъ сосудовъ,

[1]) Зѣсь мы имѣемъ передъ собою явленіе вполнѣ одного типа съ общими кризисами капиталистическаго производства. Ростъ производительныхъ силъ есть фактъ,

т. е судорожные процессы въ вазомоторной сферѣ· съ одной стороны затрачивается масса нервной энергіи на это повышеніе иннерваціи, съ другой — уменьшается та поверхность, черезъ которую происходитъ питаніе тканей — Точно также при маніакальномъ состояніи непосредственное пониженіе жизнесохранимости наступаетъ не сразу: вначалѣ человѣкъ хорошо себя чувствуетъ, его внѣшній видъ становится болѣе здоровымъ, чѣмъ прежде, жизненная упругость тканей возрастаетъ, мускульная сила увеличивается. Но затѣмъ, благодаря громадной растратѣ нервной энергіи на импульсивныя движенія, а также благодаря нарушающему питаніе отравленію различныхъ тканей продуктами усиленной жизнедѣятельности, дезассимиляція получаетъ перевѣсъ надъ ассимиляціей, жизнеразность изъ положительной переходитъ въ отрицательную, и организмъ начинаетъ быстро истощаться, теряя свою жизнесохранимость.

Итакъ, положительная жизнеразность соединяется въ приведенныхъ случаяхъ съ вредомъ для системы не сама по себѣ, а потому, что ея данная форма, измѣняя строеніе системы, влечетъ за собою еще большую жизнеразность отрицательную. Первая и здѣсь выступаетъ, какъ непосредственное благо, только здѣсь оно оказывается особенно кратковременнымъ, обращаясь въ значительное зло Вообще, подобные факты доказываютъ какъ разъ противоположное тому, что обыкновенно изъ нихъ выводится.

Равновѣсіе есть идеалъ статическій, развитіе — историческій. Ученіе Авенаріуса, нами разобранное, основано на статическомъ представленіи; поэтому оно и терпитъ крушеніе, встрѣчаясь съ фактами развитія. Идеалъ „чистаго сохраненія", абсолютнаго консерватизма жизненныхъ формъ, идеалъ этотъ стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ основной тенденціей современной науки о жизни Со временъ Дарвина біологія стремится связывать сохраненіе формъ съ ихъ развитіемъ, находитъ въ полезныхъ измѣненіяхъ формъ существенное условіе ихъ консерватизма При этомъ она постоянно имѣетъ въ виду консерватизмъ относительный, а не абсолютный, не такой, который страдаетъ отъ всякаго жизненнаго колебанія.

вообще говоря, благопріятный для жизнесохранимости общества, какъ и возрастаніе энергіи центральнаго нервнаго аппарата—для его жизнесохранимости Но, совершаясь не гармонически, не пропорціонально въ различныхъ частяхъ общественной системы, ростъ производительныхъ силъ можетъ вызвать такое измѣненіе во внутреннихъ отношеніяхъ системы, которое является причиной послѣдующихъ громадныхъ растратъ общественно-трудовой энергіи, растратъ совершенно непроизводительныхъ Такъ же обстоитъ иногда дѣло съ накопленіемъ энергіи въ отдѣльной психической системѣ

Такимъ образомъ, энергетическій методъ послужилъ для насъ во-1), орудіемъ критики тѣхъ представленій, исходной точкой которыхъ является статическая тенденція мышленія; и критика эта оказалась въ полной гармоніи съ современнымъ ученіемъ о развитіи Во-2), онъ далъ намъ возможность на мѣсто отвергнутаго представленія поставить другое, по которому непосредственно-вредное и непосредственно-полезное для жизненной формы сводится не къ жизнеразности и ея устраненію, но просто—къ пониженію и повышенію энергіи жизненнаго процесса. При этомъ и психологическіе факты удовольствія и страданія получаютъ иное, болѣе согласное съ опытомъ освѣщеніе, они связываются не съ уменьшеніемъ или увеличеніемъ жизнеразности, но съ повышеніемъ или пониженіемъ энергіи центровъ сознанія

Убѣждаясь на опытѣ, что энергетическій методъ можетъ быть полезенъ и въ объясненіи психическихъ фактовъ, и въ критикѣ существующихъ объясненій, мы тѣмъ съ большимъ правомъ можемъ взять его руководителемъ въ нашемъ изслѣдованіи.

4 Порядокъ изслѣдованія

Установивши для своего изслѣдованія энергетическую точку зрѣнія, какъ основную, мы тѣмъ самымъ беремъ на себя обязательство подчинять этой точкѣ зрѣнія всѣ частные пріемы изслѣдованія, какіе придется употреблять въ отдѣльныхъ случаяхъ; никакое представленіе, ей противорѣчащее, не можетъ допускаться до тѣхъ поръ, пока она не будетъ опровергнута фактами и точными обобщеніями Всякій примѣняемый нами методъ мы должны, по возможности, ставить въ логическую связь съ энергетическимъ методомъ, устанавливать между первымъ и вторымъ такое отношеніе, какое существуетъ между частнымъ и общимъ Только въ томъ случаѣ, если все это намъ удастся безъ противорѣчія съ дѣйствительностью, и если все это фактически облегчитъ намъ пониманіе дѣйствительности, — только тогда можетъ итти рѣчь объ успѣшномъ разрѣшеніи нашей задачи, разрѣшеніе это будетъ, конечно, приблизительнымъ и временнымъ

Отъ этихъ общихъ и предварительныхъ соображеній относительно м е т о д а изслѣдованія перейдемъ къ такимъ же общимъ и предварительнымъ соображеніямъ относительно п о р я д к а изслѣдованія Здѣсь затрудненій гораздо меньше: въ развитіи науки уже выработалась опредѣленная, наиболѣе цѣлесообразная послѣдовательность работы познанія, которая, созна-

тельно или безсознательно, применяется во всякой научной работѣ, гдѣ дѣло идетъ объ анализѣ явленій съ исторической точки зрѣнія

Эта послѣдовательность соотвѣтствуетъ той, въ которой исторически происходило и происходитъ развитіе науки Сначала явленія изучаются статически они разсматриваются внѣ ихъ всеобщей связи, какъ самостоятельные, отдѣльные „предметы“ съ постоянными „свойствами“, затѣмъ они изслѣдуются исторически, какъ процессы, находящіеся въ связи съ другими и подъ ихъ вліяніемъ измѣняющіе свое теченіе

Само собой разумѣется, что изслѣдователь, уже стоящій на почвѣ историческаго мировоззрѣнія, ни на минуту не можетъ вернуться къ настоящему статическому способу мышленія; онъ ни на минуту не можетъ отрѣшиться отъ представленія объ изучаемыхъ явленіяхъ, какъ процессахъ, неразрывно связанныхъ въ общемъ единствѣ природы. Но для статическаго изслѣдованія нѣтъ и надобности возвращаться къ статическому мышленію. Достаточно разсмотрѣть ходъ процесса въ условіяхъ чистаго консерватизма, когда вліянія на него со стороны другихъ процессовъ остаются постоянными и взаимно уравновѣшенными. Конечно, такія условія существуютъ лишь въ отвлеченіи, но дѣйствительность можетъ болѣе или менѣе значительно къ нимъ приближаться. Отвлекаясь отъ измѣненій въ ходѣ процесса, выясняя его собственную правильность, его собственную закономѣрность, изслѣдователь создаетъ понятіе о формѣ процесса

Наблюдая какой-нибудь процессъ, напр, кристаллъ горной породы, въ различные моменты его существованія, познающій получаетъ сходныя впечатлѣнія, это сходство впечатлѣній онъ статически выражаетъ, говоря о „постоянныхъ свойствахъ предмета“; при историческомъ же способѣ познанія это сходство ведетъ къ установленію непрерывности процесса, его единства существованія. Въ то же время познающій отличаетъ данный процессъ отъ другихъ, смежныхъ съ нимъ въ пространствѣ и времени, выдѣляетъ его изъ его среды Въ наблюденіяхъ, связь между элементами кристалла оказывается иной, чѣмъ та, которая существуетъ между элементами его среды, притомъ, она приблизительно одинакова для различныхъ частей кристалла, и значительно измѣняется только въ той пограничной области, гдѣ онъ сливается со своею средой. Такимъ способомъ устанавливается отдѣльность процесса Единство существованія и отдѣльность процесса немыслимы одно безъ другого Вмѣстѣ они составляютъ форму процесса.

Форма процесса относительна,—его единство и отдѣльность не безу-

словны, они имѣютъ свои предѣлы Данный процессъ находится въ неразрывной реальной связи съ другими процессами, и эта связь ограничиваетъ его отдѣльность; подъ дѣйствіемъ другихъ процессовъ онъ измѣняетъ свою форму, закономѣрность своего теченія,—и эти измѣненія ограничиваютъ его единство существованія. Онъ не только выдѣляется познаніемъ изъ своей среды, но и познается и какъ одно съ нею, онъ не только одно и тоже для познанія, но и нѣчто различное въ различные моменты времени. Итакъ если форма процесса относительна, если она измѣняется вліяніемъ другихъ процессовъ, то возникаетъ вопросъ о закономѣрности этихъ измѣненій [1])

Такъ мы переходимъ къ другой стадіи познанія, когда процессы разсматриваются въ ихъ взаимной связи и переходѣ однихъ въ другіе. Отъ формы процесса, которая представляетъ статическій моментъ познанія, мы переходимъ къ законамъ ея измѣненій, къ историческому моменту познанія Въ то же время это переходъ отъ болѣе абстрактнаго къ менѣе абстрактному, но и отъ частнаго къ общему: форма процесса есть его закономѣрность среди равновѣсія внѣшнихъ вліяній; а такое равновѣсіе есть лишь идеальный и частный моментъ въ явленіяхъ; отсутствіе равновѣсія и измѣнчивость—общая характеристика явленій

Здѣсь чрезвычайно возрастаютъ трудности изслѣдованія Громадная сложность изучаемыхъ явленій, дѣлающая весьма нелегкимъ даже статическое ихъ описаніе, представляетъ тѣмъ большія препятствія для историческаго ихъ объясненія Чтобы не запутаться въ сплетающихся между собою рядахъ причинъ и слѣдствій, необходима строгая послѣдовательность анализа Не трудно понять въ чемъ эта послѣдовательность заключается

Въ исторіи сложное развивается изъ простого; въ наукѣ сложное объясняется черезъ простое. Начинать необходимо съ простѣйшихъ формъ, какія мы можемъ установить въ непрерывномъ ряду развитія.

Явленія познавательныя представляютъ изъ себя сложный продуктъ соціальнаго развитія жизни. Соціальность есть высшій результатъ психическаго развитія въ животномъ царствѣ. Психика—сложнѣйшая изъ формъ біологическаго развитія. Продолжить эту цѣпь дальше, въ область неорганическаго, наука въ наше время не можетъ. Стало быть, изученіе познавательныхъ процессовъ приходится начинать съ ихъ біологическихъ основъ Та-

---

[1]) Понятіе о формѣ процесса намѣчено здѣсь лишь въ самой сжатой формѣ и въ общихъ чертахъ, подробнѣе излагалось оно въ другой моей работѣ („Основн элем истор взгл на прир“, глава 2, I части—„Формы движенія“)

кая послѣдовательность — единственно возможная, если имѣется въ виду дѣйствительное объясненіе изучаемаго, т. е сведеніе наблюдаемыхъ въ предметѣ изслѣдованія болѣе сложныхъ отношеній къ болѣе простымъ [1]).

II Познаніе, какъ приспособленіе

I. Психическія реакціи

а) Біологическая причинность

Всеобщимъ методомъ научнаго изслѣдованія является принципъ причинности, для котораго XIX вѣкъ выработалъ, какъ мы знаемъ, новую форму, болѣе опредѣленную и точную, чѣмъ существовавшія раньше, эта новая форма—законъ сохраненія энергіи.

Но чѣмъ сложнѣе и своеобразнѣе тѣ явленія, которыя подлежатъ познанію, и чѣмъ меньше точныхъ данныхъ относительно нихъ установлено въ моментъ изслѣдованія, тѣмъ меньше возможности ограничиваться въ изслѣдованіи однимъ универсальнымъ принципомъ во всей его опредѣленности и общности.

---

[1]) Въ наше время и по этому вопросу существуютъ разныя мнѣнія Такъ, г Бердяевъ заявляетъ „Тайна мірового процесса открывается для насъ въ процессѣ социальномъ, тутъ, въ этомъ высшемъ пріемѣ бытія раскрывается истинное его содержаніе, такъ какъ болѣе сложное и совершенное даетъ ключъ къ пониманію менѣе сложнаго и совершеннаго („Субъективизмъ и индивидуализмъ“, стр 215) Объяснять, это, стало быть, означаетъ—сводить простое къ сложному Что же, въ такомъ случаѣ, означаетъ слово „вапутывать“?

Возникновеніе такой оригинальной идеи объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что г Бердяевъ считаетъ необходимымъ вносить въ познаніе природы телеологическій принципъ (объясненіе по „цѣлямъ“), и разсматривая болѣе сложное и совершенное какъ „цѣль“ развитія того, что менѣе сложно и совершенно, естественно, склоненъ послѣднее объяснять первымъ

Ненаучность такой точки зрѣнія, извращающей познаніе, объясняющей простое сложнымъ и прошлое будущимъ, не нуждается въ особыхъ доказательствахъ

Если наблюденія и опыты надъ извѣстною группой явленій не отличаются отчетливостью, опредѣленностью результатовъ, если эти явленія, напр., не удается точно измѣрить, то строгая, количественная формула всеобщаго закона становится **непосредственно** не примѣнимой и замѣняется формулой менѣе законченнаго содержанія, менѣе полно исчерпывающей постоянное въ явленіяхъ. Такъ, жизненные процессы въ массѣ случаевъ не поддаются прямому количественному изслѣдованію и потому законъ причинности по отношенію къ нимъ приходится большей частью примѣнять въ менѣе выработанной, менѣе отчетливой его формулировкѣ. Ближайшей подобною формулировкой причинности является законъ „опредѣленнаго дѣйствія“ или, какъ его обыкновенно обозначаютъ, законъ единообразія природы.

Съ энергетической точки зрѣнія каждый процессъ природы можетъ быть выраженъ количественно, представляетъ изъ себя вполнѣ опредѣленное количественное сочетаніе однородныхъ сопзмѣримыхъ измѣненій Если одинъ процессъ опредѣленнымъ образомъ „подвергается вліянію“ другого, то это означаетъ, что одно опредѣленное количественное сочетаніе измѣненій въ опредѣленной послѣдовательности соединяется съ другимъ опредѣленнымъ количественнымъ сочетаніемъ Ясно, что при этомъ можетъ получиться только одинъ, вполнѣ опредѣленный результатъ онъ уже вполнѣ данъ въ соединяющихся количественныхъ комбинаціяхъ энергіи, какъ сумма дана въ ея слагаемыхъ, и не можетъ быть инымъ, чѣмъ онъ есть.

Такимъ образомъ, теченіе **даннаго** процесса подъ **даннымъ** вліяніемъ измѣняется неизбѣжно **вполнѣ опредѣленнымъ** образомъ; и если два **одинаковыя** явленія подвергаются **одинаковымъ** воздѣйствіямъ, то результаты получаются необходимо **одинаковые**; или, другими словами: одни и тѣ же условія порождаютъ одни и тѣ же слѣдствія. Это и есть законъ опредѣленнаго дѣйствія [1]).

Законъ этотъ, какъ видимъ, можетъ быть выведенъ изъ энергетическаго

---

[1]) Историческій законъ опредѣленнаго дѣйствія представляетъ изъ себя извѣстную стадію развитія принципа причинности, стадію, непосредственно предшествующую энергетическому пониманію этого принципа То, что у логиковъ обыкновенно называется причинностью вообще, представленіе о необходимой связи между условіями и обусловленнымъ, очевидно, совпадаетъ именно съ формулой опредѣленнаго дѣйствія.

Подробнѣе вопросъ о развитіи закона причинности и объ отношеніи различныхъ его стадій я разобралъ въ другой работѣ („Основные элементы историческаго взгляда на природу“; стр 27—41)

принципа, представляетъ одну изъ его дедукцій. Въ то же время законъ этотъ менѣе содержателенъ, менѣе опредѣленъ, онъ не требуетъ для своей примѣнимости точнаго изслѣдованія во многихъ случаяхъ изъ тѣхъ, когда принципъ сохраненія энергіи непосредственно не удается примѣнить

Законъ опредѣленнаго дѣйствія играетъ особенно важную роль въ ученіи о всякаго рода жизненныхъ процессахъ.

Если опредѣленная частная группа явленій отличается сложностью и своеобразіемъ, то общій познавательный принципъ можетъ усложняться, примѣняясь къ ихъ отличительнымъ особенностямъ И въ области явленій жизни общій принципъ причинности получаетъ спеціальную, частную формулировку.

Формы жизни характеризуются тѣмъ, что онѣ возникаютъ путемъ размноженія. Это—наиболѣе отличительная ихъ черта, наиболѣе строгое опредѣленіе всей ихъ области. Въ зависимости отъ этой особенности жизненныхъ формъ находится и характеръ біологическаго метода.

Размноженіе стремится увеличивать число біологическихъ формъ до безконечности; но область тѣхъ условій, при которыхъ возможно сохраненіе жизни, ограниченна [1]) Такимъ образомъ, изъ числа возникающихъ формъ сохраняются только нѣкоторыя, избранное меньшинство; остальныя—громадное большинство—разрушаются.

Примѣняя законъ опредѣленнаго дѣйствія къ фактамъ сохраненія и разрушенія жизненныхъ формъ, мы получаемъ формулу: подъ одинаковыми вліяніями формы одинаковаго строенія одинаковымъ образомъ сохраняются или разрушаются. Такъ какъ всю сумму вліяній, дѣйствующихъ на данную форму, называютъ ея средою, то біологическій законъ можетъ быть выраженъ еще такъ: въ данной средѣ закономѣрно происходитъ сохраненіе однѣхъ жизненныхъ формъ и разрушеніе другихъ.

Чтобы получить еще болѣе привычное для насъ выраженіе закона, мы назовемъ формы сохраняющіяся—„приспособленными“ (а понятіе „приспособленности“ именно къ этому и сводится, и ничего болѣе не означаетъ) Тогда мы можемъ сказать: сохраняются формы приспособленныя къ своей средѣ, разрушаются—неприспособленныя

---

[1]) Первое ограниченіе зависитъ отъ того факта, что жизнь на землѣ относится къ числу превращеній лучистой энергіи солнца, а количество этой энергіи, получаемое землею, является конечнымъ и строго опредѣленнымъ.

Это, очевидно, и есть законъ „выживанія приспособленныхъ“ или „естественнаго подбора“ Содержаніе его заключается въ томъ, что сохраненіе или гибель формы закономѣрно обусловливается ея средою. Онъ является частной біологической формулой причинности и представляетъ изъ себя, какъ видимъ, простое примѣненіе закона опредѣленнаго дѣйствія къ жизненнымъ процессамъ.

Читатель, можетъ быть, обратитъ вниманіе на то, что въ приведенномъ выраженіи біологической причинности нѣтъ обычнаго въ такихъ случаяхъ указанія на роль конкурренціи формъ, какъ основного и общаго условія процессовъ подбора. Но дѣло въ томъ, что конкурренція, есть, хотя и особенно важный, однако лишь спеціальный случай того дѣйствія среды, которое выражается въ гибели формъ или ихъ сохраненіи.

Есть случаи, когда о конкурренціи не можетъ быть и рѣчи, и однако съ полнымъ правомъ можно говорить о подборѣ Такъ, положимъ, въ изолированной географической области происходитъ почему-либо измѣненіе климата—напр, онъ становится болѣе холоднымъ. Тогда масса организмовъ можетъ погибнуть, и цѣлые виды исчезнутъ, вовсе не потому, что ихъ побили конкурренты, а просто потому, что ихъ погубило измѣненіе климата.

Понятіе „конкурренція“ относится спеціально къ зависимости сохраненія формъ отъ ихъ органической среды—другихъ формъ жизни Вліяніе неорганической среды можетъ выступать и независимо отъ вліянія органической. Поэтому и оно должно войти въ понятіе подбора, чтобы принципъ подбора могъ стать общимъ біологическимъ методомъ. Тогда получается принятая нами формула [1]).

---

[1]) Итакъ, законъ подбора есть общій біологическій принципъ изслѣдованія, спеціально біологическая форма причинности Этотъ принципъ представляетъ общій методъ объясненія для главнаго біологическаго факта—развитія, въ различныхъ его проявленіяхъ Такова дарвинистическая точка зрѣнія.

Г Вольтманъ, занимаясь „примиреніемъ“ дарвинизма и соціализма, создаетъ нѣсколько своеобразный дарвинизмъ Въ этомъ дарвинизмѣ развитіе является основнымъ біологическимъ принципомъ, а не эмпирическимъ фактомъ, который долженъ быть изслѣдованъ при помощи біологическихъ методовъ „Общими основаніями“ біологическаго развитія для Вольтмана служатъ „начала дифференцированія, приспособленія и совершенствованія“ Принципъ подбора занимаетъ какое-то двусмысленное, подчиненное положеніе онъ можетъ быть устраненъ или ограниченъ при помощи „техники и ума“, а принципы „дифференцированія, приспособленія и совершенствованія“ остаются въ полной силѣ, потому что „техника и умъ“ замѣняютъ „подборъ“ (Тріада — „подборъ, техника, умъ“ ничуть не хуже построена, чѣмъ тріада „земля, капиталъ, трудъ“ или сравненіе Марьса, „морковь, нотаріальная плата, музыка“)

Надо избѣгать слишкомъ грубаго, упрощеннаго понятія о подборѣ, которое разсматриваетъ форму жизни въ рѣзкой отдѣльности отъ ея среды, и притомъ какъ нѣчто совершенно цѣльное, единое въ своемъ строеніи Подборъ означаетъ причинную зависимость сохраненія или разрушенія формы отъ ея среды, но понятіе среды относительно Такъ, общество людей есть, конечно, среда для данной, входящей въ него, особи, которая можетъ оказаться приспособленной къ нему или не приспособленной, но въ своемъ цѣломъ, вмѣстѣ съ этой особью, оно есть опредѣленная жизненная форма и подлежитъ подбору со стороны болѣе широкой среды. Точно также особь есть колоніальное цѣлое, клѣточные элементы котораго обладаютъ извѣстной отдѣльностью, извѣстной самостоятельностью существованія; для нихъ особь въ цѣломъ является уже „подбирающей" средой, какъ общество въ свою очередь для особи; къ этой своей средѣ онѣ должны приспособляться или погибать.

Слѣдовательно, при историческомъ изученіи формъ жизни надо имѣть въ виду не только подборъ в н ѣ ш н і й—отношеніе формы къ ея средѣ, но и в н у т р е н н і й—отношеніе элементовъ формы къ ея цѣлому и между собою.—Когда эти элементы способны къ росту и размноженію, то внутренній подборъ пріобрѣтаетъ особенно важное значеніе Во взаимной конкурренціи элементовъ (напр., клѣтокъ организма) одни изъ нихъ оказываются болѣе приспособлены къ своей средѣ, т е. внутреннимъ условіямъ жизни организма, другіе менѣе приспособлены; и первые разростаются и размножаются, вторые вытѣсняются въ неравной конкурренціи. Точка врѣнія внутренняго подбора долгое время упускалась изъ виду біологами, но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе выдвигалась впередъ, особенно въ ученіи объ индивидуальномъ развитіи организмовъ.

Вытѣсненіе менѣе жизнеспособныхъ элементовъ сложной формы болѣе жизнеспособными въ иныхъ случаяхъ—вѣроятно, весьма часто—является выгоднымъ для цѣлаго, въ иныхъ случаяхъ, напротивъ, измѣнитъ его строеніе къ сторону неприспособленности къ внѣшней средѣ. Гипертрофія однихъ элементовъ, атрофія другихъ можетъ вести организмъ иногда къ процвѣтанію, иногда—къ гибели Такъ, усиленное размноженіе эпите-

---

Путаница у Вольтмана объясняется чрезвычайной неопредѣленностью его понятій о біологическомъ методѣ, и особенно—рабскимъ слѣдованіемъ взглядамъ Канта, доходящимъ до того, что принципъ причинности Вольтманъ считаетъ недостаточнымъ въ ученіи о жизни и дополнять его принципомъ „цѣлей природы", какъ-будто со времени Канта состояніе науки существенно не измѣнилось

лальныхъ клѣтокъ въ однихъ случаяхъ создаетъ нѣкоторымъ частямъ организма прочную оболочку для защиты отъ сильныхъ раздраженій (утолщеніе эпидермы на подошвѣ при частой и продолжительной ходьбѣ), въ другихъ—пріобрѣтаетъ характеръ губительнаго ракового процесса

Въ общемъ, внѣшнему подбору приходится имѣть дѣло уже съ такимъ цѣлымъ, части котораго, такъ или иначе, приспособились другъ къ другу въ процессѣ внутренняго подбора, и непрерывно продолжаютъ приспособляться Подборъ внутренній доставляетъ матеріалъ для внѣшняго, при этомъ цѣлесообразность внутренняя, такъ сказать, повѣряется и контролируется внѣшней средой

Такимъ образомъ естественный подборъ распадается въ анализѣ на цѣлую градацію видовъ подбора, соотвѣтственно градаціи сложности жизненныхъ формъ Внутренній подборъ, приспособляющій клѣтки организма къ его цѣлому, подчиняется подбору, приспособляющему организмы къ ихъ соціальному цѣлому, какъ этотъ подчиняется подбору со стороны внѣшней среды соціальнаго цѣлаго. Каждый разъ подборъ высшаго порядка имѣетъ дѣло съ тѣмъ, что уже выработано подборомъ низшаго порядка

Разграниченіе подбора внѣшняго и внутренняго логически вытекаетъ изъ понятія о подборѣ, какъ общей закономѣрности сохраненія и разрушенія формъ въ зависимости отъ ихъ среды. Такимъ образомъ не можетъ быть вопроса о вѣрности этого разграниченія, а возможенъ только вопросъ объ его полезности въ изслѣдованіи, степень же этой полезности можетъ выясниться только практически, путемъ примѣненія даннаго методологическаго пріема И такое примѣненіе совершенно необходимо, если мы стремимся понять систему жизненнаго развитія въ ея цѣломъ.

Слѣдуетъ принимать во вниманіе непрерывную одновременную дѣятельность подбора жизненныхъ процессовъ на всѣхъ ступеняхъ его градаціи, всю цѣпь приспособленія, идущую отъ частнаго къ общему Слѣдуетъ также принимать во вниманіе безконечное разнообразіе частныхъ измѣненій, которыя вызываются въ жизненныхъ формахъ безчисленными частными вліяніями со стороны ихъ среды, и которыя служатъ матеріаломъ для подбора разрушающаго и сохраняющаго.—При такомъ богатствѣ матеріала, при такой всепроникающей дѣятельности подбирающаго механизма не слишкомъ трудно понять и представить себѣ возможность того подавляющаго воображеніе своей громадностью пути развитія, который должна была пройти жизнь отъ простѣйшихъ проявленій психики до наиболѣе сложныхъ [1]).

[1]) Въ предыдущей моей работѣ („Основные элементы историческаго взгляда на

Здѣсь можетъ быть умѣстно будетъ сдѣлать одно напоминаніе читателю. Ученіе о развитіи не можетъ пока обойтись безъ многихъ образныхъ выраженій, какъ „дѣятельность подбора“, „матеріалъ для подбора“, „контролирующій механизмъ подбора“ и т под. Надо не упускать изъ виду, что за такими выраженіями скрываются простыя познавательныя абстракціи, а не реальные, самостоятельные „механизмы“ и „дѣятели“ Принципъ подбора есть только наиболѣе цѣлесообразный методъ познанія біологическихъ явленій; и методъ этотъ заключается, собственно, въ томъ, чтобы разсматривать каждую форму жизни, какъ вполнѣ обусловленную ея средой въ своихъ измѣненіяхъ, сохраненіи и разрушеніи. Точно также понятіе о различныхъ видахъ подбора, высшихъ и низшихъ, представляетъ изъ себя лишь особый пріемъ группировки біологическихъ явленій, который можетъ облегчить установленіе связи между ними [1]).

Само собою разумѣется, что спеціальный біологическій методъ не есть единственный для науки о жизни. Всюду, гдѣ только возможно, принципъ подбора долженъ уступать свое мѣсто высшему, всеобщему энергетическому принципу.

природу“, стр 109—111) излагалось между прочимъ—но здѣсь не приходится повторять этого,—какимъ образомъ съ точки зрѣнія развернутаго представленія о подборѣ объясняются играющіе такую важную роль въ новѣйшихъ біологическихъ теоріяхъ факты развитія (или деградаціи) органовъ и тканей подъ вліяніемъ у с и л е н н а г о ф у н к ц і о н и р о в а н і я

[1]) Интересна и своеобразна, классификація видовъ подбора у Вольтмана („Дарвинизмъ и соціализмъ“) У него насчитывается не меньше 15 видовъ подбора, взаимное отношеніе которыхъ по большей части невозможно понять. Найдите, напр, принципъ классификаціи въ такихъ сопоставленіяхъ подборъ „физическій, половой, психическій“ (значитъ, половой подборъ не „физическій“ и не „психическій“—что же онъ такое?), подборъ „теллурическій и техническій“ (т. е подборъ с о с т о р о н ы стихійной внѣобщественной среды и подборъ о р у д і й), подборъ въ обществѣ „педагогическій, юридическій, экономическій, военный и моральный“, и т д Съ методологической точки зрѣнія всего оригинальнѣе идея о „подборѣ орудій“ у г Вольтмана этотъ терминъ употребляется, насколько можно понять, конечно не въ переносномъ смыслѣ, онъ полагаетъ, что это прямое продолженіе „естественнаго подбора“, такъ что между орудіями онъ находитъ, очевидно, „борьбу за существованіе“ и „переживаніе“ наиболѣе приспособленныхъ Это вполнѣ аналогично мнѣнію вульгарныхъ экономистовъ, что „трудъ“ машины „производитъ“ цѣнности

b) Роль психическихъ реакцій въ сохраненіи жизни.

Два великія царства организованной природы, растительное и животное, тѣсно соприкасаются между собою въ области одноклѣточныхъ организмовъ. Тамъ лежитъ исходная точка двухъ основныхъ типовъ развитія, тамъ оба они еще настолько слабо выражены, что нерѣдко остается спорнымъ вопросъ, слѣдуетъ ли считать данную клѣтку за „растеніе“ или „животное“ [1]) Но чѣмъ болѣе возрастаетъ въ историческомъ ряду организмовъ ихъ сложность, тѣмъ рѣзче, отчетливѣе выступаетъ различіе, почти противоположность двухъ направленій въ развитіи. Различіе между высшимъ растеніемъ и высшимъ животнымъ неизмѣримо значительнѣе, чѣмъ между низшими представителями тѣхъ же типовъ [2])

Съ древнихъ временъ общепринята характеристика животныхъ, какъ существъ, одаренныхъ самостоятельнымъ движеніемъ Опредѣленіе это, конечно, далеко не строгое, пожалуй, — совсѣмъ не научное, но въ немъ значительная доля истины. Наиболѣе выдающейся особенностью царства животныхъ въ его цѣломъ съ полнымъ основаніемъ можно считать громадную роль реакцій перемѣщенія въ борьбѣ животныхъ за ихъ существованіе.

Къ опредѣленнымъ условіямъ своей среды организмъ приспособляется, измѣняя взаимное положеніе своихъ частей такова сущность реакцій перемѣщенія, или „двигательныхъ“ Онѣ наблюдаются въ безконечно-разнообразныхъ видахъ, представляющихъ непрерывную цѣпь развитія, первое извѣстное намъ звено этой цѣпи — амебоидное переливающееся движеніе отдѣльныхъ клѣтокъ, послѣднее звено — нерво-мускульныя реакціи человѣка.

Реакціи перемѣщенія характеризуютъ собою не животное царство, какъ особую группу организмовъ, а зоологическій типъ развитія. У низшихъ растеній онѣ играютъ еще довольно значительную роль въ жизни хотя и менѣе значительную, чѣмъ у низшихъ животныхъ, у высшихъ расте-

---

[1]) Его относятся, напр., ко многимъ „жгутиковымъ“ (Flagellata)

[2]) На этомъ основаніи Геккель выдѣлилъ простѣйшіе организмы въ особое „царство протистовъ“ Но считать эту группу за настоящее „царство“ не имѣетъ смысла, потому что въ ней нельзя указать третьяго специально ей свойственнаго направленія въ органическомъ развитіи тѣ же два направленія, только еще недостаточно обособившіяся одно отъ другого Простѣйшія существа еще не растенія и не животныя но и не что-либо третье

ный онѣ являются уже только какъ исключеніе, а у высшихъ животныхъ къ нимъ сводится почти вся жизнедѣятельность.

Та же тенденція ясно выступаетъ въ индивидуальномъ развитіи животныхъ организмовъ Жизнедѣятельность, напр., человѣческаго эмбріона на первыхъ стадіяхъ его развитія сводится исключительно къ непосредственному (осмотическому) питанію и къ размноженію тканевыхъ элементовъ, затѣмъ, по мѣрѣ развитія эмбріона, выступаетъ все большее и большее число двигательныхъ реакцій, безъ участія которыхъ, въ концѣ концовъ, не выполняется ни одна функція организма, отъ самыхъ важныхъ до самыхъ незначительныхъ. Двигательными реакціями обусловливаются процессы кровообращенія, дыханія; при посредствѣ двигательныхъ приспособленій происходитъ добываніе пищи, и такого же рода приспособленіями регулируются процессы физической и химической обработки пищи въ организмѣ. Двигательныя реакціи составляютъ существенную часть половой жизни, и онѣ же лежатъ въ основѣ жизни соціальной

Вообще, если царство растительное можно характеризовать развитіемъ формъ непосредственнаго питанія, то царство животное представляетъ область двигательныхъ приспособленій по преимуществу. Ихъ возрастающее значеніе является настоящей характеристикой зоологическаго типа развитія [1]). Это, повидимому, даже основная, первичная его особенность, отъ которой ближайшимъ образомъ зависятъ остальныя (напр., опредѣленный химизмъ дыханія и вообще питанія).

Реакціи перемѣщенія основываются на почти еще невыясненныхъ химическихъ и физическихъ процессахъ въ живой протоплазмѣ—процессахъ, при которыхъ измѣняется форма клѣточныхъ элементовъ. — Однако, можно думать, что уже не далеко то время, когда разсѣется туманъ, окутывающій тайну движенія организмовъ По крайней мѣрѣ, теорія пѣнистаго строенія протоплазмы даетъ, повидимому, твердую точку опоры для объясненія простѣйшихъ амебоидныхъ движеній принципами молекулярной физики, эта форма двигательныхъ реакцій уже въ настоящее время съ большой точностью искусственно воспроизводится въ опытахъ Бючли Что касается механизма реакцій болѣе сложныхъ, связанныхъ съ высокимъ дифференцированіемъ протоплазмы, то физіологія располагаетъ уже бога-

[1]) Въ мірѣ животныхъ кажущееся исключеніе представляютъ паразитическія организмы, у которыхъ большая часть двигательныхъ функцій утрачивается, уступая мѣсто формамъ непосредственнаго питанія —Но здѣсь, собственно, имѣется переходъ къ растительному типу развитія, переходъ, выражающійся во многихъ аналогіяхъ паразитическихъ животныхъ съ растеніями

тымъ матеріаломъ наблюденій и обобщеній относительно физическихъ и химическихъ процессовъ въ нервахъ и мышцахъ. Вообще, въ данной области развитіе науки идетъ настолько быстро, что для мистическихъ склонностей и для метафизическихъ способовъ объясненія не остается никакой почвы.

Двигательныя реакціи относятся къ числу приспособленій, формъ борьбы за существованіе—положеніе это никѣмъ не оспаривается въ наукѣ. Тѣмъ не менѣе въ немъ есть одинъ пунктъ, который нуждается въ тщательномъ разъясненіи

Познавать форму какого-либо процесса—это, какъ было выяснено, означаетъ устанавливать его отдѣльность и единство существованія—конечно, относительную отдѣльность и относительное единство. Но единство процесса, хотя бы и относительное, включаетъ его непрерывность. Все это относится и къ формѣ приспособленія. либо она является формой непрерывнаго процесса, либо объ ней не можетъ быть и рѣчи, какъ о формѣ приспособленія. Что же даютъ намъ наблюденія?

Разсматривая отдѣльный случай двигательной реакціи, нетрудно констатировать ея непрерывность Амеба опредѣленнымъ способомъ выпускаетъ псевдоподію, чтобы захватить частицу питательнаго вещества, и затѣмъ, втягивая псевдоподію, вновь возвращается къ прежней формѣ· все это происходитъ въ непрерывной послѣдовательности. Но если наблюдать рядъ повтореній данной реакціи, непрерывность исчезаетъ изъ глазъ За реакціей слѣдуетъ періодъ покоя или иныхъ реакцій. Затѣмъ приблизительно повторяются прежнія условія: движеніе воды, такимъ же способомъ, какъ прежде, приближаетъ къ амебѣ другую питательную частицу; и вотъ, происходитъ новая двигательная реакція, съ точностью повторяющая собой прежнюю: такъ же образуется псевдоподія, обволакиваетъ добычу, и съ нею втягивается обратно.—Аналогичнымъ образомъ у человѣка повторяются опредѣленныя привычныя дѣйствія, причемъ перерывы между ними продолжаются часы, дни, иногда—цѣлые годы.

Во всѣхъ такихъ случаяхъ познаніе не можетъ не связывать воедино одинаковые комплексы движеній организма, оно необходимо сводитъ ихъ къ одной формѣ приспособленія Но гдѣ же непрерывность существованія этой формы? [1]).

---

[1]) Одинъ ученый математикъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ говорилъ на съѣздѣ естествоиспытателей рѣчь объ основахъ научнаго міровоззрѣнія Онъ выражалъ ту мысль, что для полнаго пониманія явленій „аналитическое“ ихъ объясненіе должно быть дополнено „аритмологическимъ“, представленіе о непрерывности явленій – пред-

Относительно этого вопроса въ современной физіологіи не существуетъ никакихъ сомнѣній. Наблюдаемыя съ перерывами повторенія двигательныхъ реакцій представляютъ изъ себя лишь кризисы въ теченіи непрерывнаго физіологическаго процесса, къ которому и сводится единство ихъ существованія[1]). Этотъ процессъ, почти недоступный нынѣшнимъ грубымъ методамъ прямого наблюденія, протекаетъ въ опредѣленныхъ, нервныхъ и мускульныхъ, элементахъ организма; лишь подъ извѣстными внѣшними для него вліяніями онъ преобразуется такимъ образомъ, что становится доступнымъ прямому наблюденію въ видѣ частнаго повторенія реакціи,—и затѣмъ, когда исчезаетъ вызывающее кризисъ вліяніе, физіологическій процессъ возвращается снова къ прежнему, незамѣтному ходу.—Если произойдетъ перерывъ въ теченіи этого процесса, то прежняя реакція уже не повторится болѣе Такъ, съ разрушеніемъ отдѣльныхъ частей мозга или нервовъ или мускуловъ, исчезаетъ способность къ опредѣленнымъ движеніямъ — Жизнь органа какой-нибудь реакціи есть процессъ непрерывный, самая реакція—съ перерывами повторяющіяся кризисъ этого процесса, въ непрерывномъ ряду измѣненій изъ него возникающій и вновь къ нему возвращающійся [2]).

ставленіемъ объ ихъ прерываемости, идея необходимости—идеей свободы, и т д, словомъ, онъ предлагалъ, въ качествѣ основъ научнаго мышленія, цѣлый рядъ старыхъ плоскихъ противорѣчій, чуть ли не всѣ, какія извѣстны въ исторіи философіи Съ этой точки зрѣнія, было бы очень удобно разсматривать двигательныя реакціи такимъ образомъ приспособленіе возникаетъ, затѣмъ, когда становится не нужно, исчезаетъ, затѣмъ, когда понадобится, опять сразу воскресаетъ, и т д, а если дѣло идетъ о человѣкѣ, то можно еще прибавить „свободно" возникаетъ, „свободно" исчезаетъ

[1]) Понятіе „кризиса" неразрывно связано съ понятіемъ о превращеніяхъ энергіи или, что то же, о различныхъ способахъ ея воспріятія Кризисомъ называется такой моментъ, когда измѣняется способъ воспріятія процесса Такъ, превращеніе остановленнаго движенія въ теплоту, переходъ воды въ паръ или въ ледъ, „возникновеніе" или „уничтоженіе" предметовъ, взрывъ гремучаго газа, вспышка долго сдерживаемыхъ страстей—все это типы кризисовъ —Въ началомъ организмѣ человѣка различные способы воспріятія въ высокой степени обособлены одинъ отъ другого. Поэтому всякій кризисъ, внося перемѣна способовъ воспріятія непосредственно предоставляются очень рѣзкимъ переходомъ, и только дальнѣйшее, историческое по направленію изслѣдованіе, констатируетъ и въ кризисахъ непрерывность процесса

[2]) Къ различію непрерывнаго физіологическаго процесса и кризисовъ въ его теченіи сводится единственно-допустимое разграниченіе между органомъ и его функціей Если же функцію органа понимать въ болѣе широкомъ смыслѣ слова, какъ всю его непрерывную жизнетѣятельность, то органъ и его функція совершенно тожественны, представляя лишь два различныхъ выраженія одного факта—выраженіе статическое и историческое

Существованіе тѣсной связи между двигательными реакціями и психическими явленіями извѣстно каждому и, какъ фактъ, не возбуждаетъ сомнѣній. Въ иномъ положеніи—вопросъ о характерѣ этой связи: идетъ ли здѣсь дѣло объ отношеніи частнаго къ общему, или о причинности, или о параллелизмѣ, или о тожествѣ, или еще о чемъ-нибудь иномъ?

По этому вопросу гораздо больше путаницы наблюдается въ возарѣніяхъ философовъ, чѣмъ во взглядахъ біологовъ или психофизіологовъ. Представители науки, большинство по крайней мѣрѣ, склонны всякую двигательную реакцію считать „психической"; при этомъ они основываются на такомъ—съ точки зрѣнія метода, вполнѣ достаточномъ—соображеніи, что только въ движеніяхъ другихъ организмовъ человѣкъ и можетъ познавать ихъ психику.

Но если всѣ двигательныя реакціи суть психическія, то будетъ ли вѣрно обратное положеніе. всѣ психическія реакціи суть двигательныя? На первый взглядъ, вопросъ этотъ слѣдуетъ рѣшить отрицательно. Изъ всѣхъ психическихъ фактовъ каждому человѣку въ наибольшей мѣрѣ извѣстны факты его собственнаго сознанія [1]) Въ числѣ ихъ онъ наблюдаетъ не мало такихъ, которые, повидимому, совсѣмъ не связаны съ двигательными реакціями. Такъ, факты представленія и чувства въ массѣ случаевъ кажутся совершенно отдѣльными отъ фактовъ внѣшняго движенія организма; только въ актахъ воли связь сознанія съ двигательными реакціями совершенно очевидна и не подлежитъ сомнѣнію.

Итакъ, непосредственное наблюденіе говоритъ, повидимому, въ пользу того, что многіе психическіе факты представляютъ нѣчто самостоятельное отъ двигательныхъ реакцій. Но можно ли здѣсь вполнѣ положиться на непосредственное наблюденіе? Какъ показываетъ опытъ, оно не рѣдко создаетъ людямъ различныя иллюзіи, которыя устраняются дальнѣйшимъ

[1]) Старые психологи и нѣкоторые современные философы склонны признавать „психическими" только факты сознанія Конечно, вполнѣ разграниченіе условно,—поэтому можно было бы допустить и такое опредѣленіе, но оно весьма неудобно съ точки зрѣнія метода При этомъ, напр, простые безсознательные рефлексы пришлось бы считать явленіями непсихическими, а развившіяся изъ нихъ инстинктивныя и произвольныя движенія—психическими Особенно неопредѣленной вещью стали бы психологія животныхъ вѣдь о чужомъ сознаніи вообще можно судить только по аналогіи, а по отношенію къ животнымъ никакъ нельзя рѣшить, до какого предѣла аналогія законна, гдѣ можно принять „психику", и гдѣ—нельзя Поэтому для объективнаго изслѣдованія гораздо удобнѣе взять болѣе широкое опредѣленіе „психики" Особенно это естественно для энергетической точки зрѣнія, которая вовсе не склонна устанавливать рѣзкія различія между сознаніемъ и безсознательнымъ

изслѣдованіемъ и критикой. При непосредственномъ наблюденіи поле зрѣнія слишкомъ узко; а то, что лежитъ внѣ этого поля, можетъ, однако, быть весьма важнымъ для рѣшенія вопроса.—Напр., въ занимающемъ насъ вопросѣ нетрудно сразу же указать цѣлый рядъ погрѣшностей непосредственнаго наблюденія Такъ, для зрительнаго воспріятія оно не замѣчаетъ никакой прямой связи съ двигательными реакціями, между тѣмъ въ этомъ актѣ участвуетъ сложнѣйшій комплексъ движеній глазныхъ мускуловъ Точно также всякая эмоція, какъ бы она ни была незначительна, какъ бы ни *были* неуловимы *ея внѣшнія проявленія*, имѣетъ *въ* своей *основѣ* измѣненія иннерваціи непроизвольныхъ сосудодвигательныхъ мускуловъ, а также, вѣроятно, нѣкоторыхъ другихъ Актъ стремленія заключаетъ въ себѣ ослабленное воспроизведеніе того самаго дѣйствія, къ которому человѣкъ стремится Актъ вниманія также неотдѣлимъ отъ двигательныхъ реакцій, частью непроизвольныхъ, частью произвольныхъ, и т. д.—Всѣ подобные недосмотры непосредственнаго наблюденія заставляютъ насъ не останавливаться на его выводахъ, а *подвергнуть* вопросъ дальнѣйшему изслѣдованію.

Съ тѣхъ поръ какъ ученіе Дарвина преобразовало всю область наукъ о живой природѣ, значеніе психика можетъ разсматриваться въ наукѣ только съ одной точки зрѣнія. психика есть приспособленіе организма въ его борьбѣ за существованіе.—Какимъ же именно путемъ психика приспособляетъ организмъ къ условіямъ его существованія, къ его средѣ? Наблюденіе показываетъ, что исключительно *путемъ* двигательныхъ реакцій Что же такое психика *безъ* двигательныхъ реакцій? Не приспособляющее приспособленіе, біологическій абсурдъ.

Отсюда неизбѣжно получается такой выводъ Психическое явленіе, взятое совершенно независимо отъ двигательной реакціи, не есть форма приспособленія, а только познавательная абстракція Абстракція эта пригодна для *статическаго* описанія фактовъ, когда они изображаются независимо отъ ихъ біологическаго значенія. Но она совершенно непригодна для ученія о развитіи, гдѣ дѣло идетъ о *приспособленіяхъ* Если приспособляющая роль психики выражается *только во* внѣшнихъ движеніяхъ организма, то къ *этимъ только* движеніямъ и сводится ея біологическое назначеніе, ея „сущность“ Итакъ, съ точки зрѣнія исторической біологіи, психика должна разсматриваться, какъ приспособленіе для внѣшняго движенія организма Всякая психическая реакція есть—въ конечномъ анализѣ [1])—двигательная

[1]) По поводу выраженія „въ конечномъ анализѣ“, „въ послѣднемъ счетѣ“ за по-

„Въ конечномъ анализѣ" — эта оговорка необходима въ данномъ случаѣ. Нетрудно выхватить какой-нибудь моментъ психической реакціи — напр. моментъ „сознанія" — изъ его связи съ остальными, и разсматривать его, какъ нѣчто самостоятельное, реальное „само по себѣ" При этомъ, конечно, и рѣчи не будетъ о внѣшнемъ движеніи. Но остановиться на такомъ отношеніи къ предмету, значило бы—познавать не-исторично, поступать въ противорѣчіи съ основной тенденціей современнаго научнаго изслѣдованія.

Положимъ, что на какое-нибудь незначительное вліяніе психика реагируетъ „только" ощущеніемъ. Конечно, о такомъ фактѣ наука не можетъ знать съ достовѣрностью, потому что факты сознанія становятся доступны ея объективному изслѣдованію лишь при посредствѣ своихъ двигательныхъ проявленій (напр , рѣчи). Однако, ничто не мѣшаетъ намъ допустить возможность „чистаго факта сознанія", безъ непосредственныхъ двигательныхъ реакцій. Во всякомъ случаѣ этотъ „чистый фактъ сознанія" происходитъ въ опредѣленныхъ первыхъ элементахъ, и, съ энергетической точки зрѣнія, представляетъ изъ себя нѣкоторое измѣненіе формы ихъ равновѣсія. Измѣненіе это не можетъ остаться совершенно безразличнымъ для жизни организма, оно необходимо сказывается хотя бы въ незначительномъ преобразованіи сложившихся двигательныхъ реакцій (или же въ возникновеніи новыхъ). Напр , суммируясь съ другими такими-же ничтожными измѣненіями, оно, наконецъ, вызываетъ особую внѣшнюю реакцію, или ускоряетъ, задерживаетъ, видоизмѣняетъ реакцію на другое внѣшнее вліяніе, и т п. Только такимъ путемъ данный фактъ сознанія **становится объективно познаваемымъ** для современной науки, и только такимъ путемъ онъ **пріобрѣтаетъ нѣкоторый интересъ для нея**, потому что только такимъ путемъ онъ получаетъ реальное, жизненное значеніе.

Слѣдовательно, если психическое явленіе и не сопровождается внѣш-

---

слѣднее время высказываются весьма рѣзкія замѣчанія—что никакого конечнаго анализа быть не можетъ, что это просто абсурдъ Замѣчанія эти свидѣтельствуютъ о весьма непріятномъ настроеніи ихъ авторовъ—о нежеланіи понимать Область каждой науки имѣетъ свои границы, за которыми ея анализъ оканчивается, ея методъ сліяется методами другихъ наукъ: здѣсь и лежитъ мѣсто „конечнаго анализа" этой науки Такъ, если, напр , говорятъ, что біологическое развитіе опредѣляется въ конечномъ анализѣ развитіемъ формъ экономическихъ, то это значитъ, что ученіе объ біологическихъ должно отыскивать причины біологическихъ измѣненій въ измѣненіяхъ формъ экономическихъ, причины же дальнѣйшія изучаются уже не этой наукой, а другими (напр , экономической наукой)

нимъ движеніемъ непосредственно, то все-же, съ исторической точки зрѣнія, оно представляетъ изъ себя лишь моментъ въ процессѣ выработки двигательныхъ реакцій [1]). Таково объективное значеніе подобныхъ фактовъ. Всякое иное ихъ значеніе не подлежитъ научному наблюденію и анализу, а потому для науки оно равняется нулю

Совершенно тѣ же соображенія могутъ быть отнесены и къ безсознательно-психическимъ процессамъ, поскольку эти послѣдніе не проявляются внѣшнимъ образомъ

Итакъ, съ точки зрѣнія біологіи, психическія реакціи сводятся къ двигательнымъ приспособленіямъ организма въ его борьбѣ за существованіе

c) Подборъ психическихъ формъ.

Признавая психическія реакціи за опредѣленныя біологическія приспособленія, мы неизбѣжно и процессы психическаго развитія должны разсматривать съ біологической точки зрѣнія Другими словами, психическое развитіе мы должны изслѣдовать прежде всего при помощи біологическихъ методовъ, и только тамъ, гдѣ они окажутся недостаточными, передъ нами выступитъ задача—искать спеціальныхъ, частныхъ методовъ для данной группы явленій

Біологическая причинность, законъ подбора въ самомъ широкомъ его пониманіи даетъ намъ возможность представлять себѣ психическую жизнь, какъ одинъ изъ типовъ борьбы за существованіе, типъ хотя и своеобразный, но не по существу отличающійся отъ другихъ

Прежде чѣмъ перейти къ вопросу о подборѣ психическихъ формъ, оки-

---

[1]) Эклектикъ указалъ бы, вѣроятно, на тѣ случаи, когда „приспособляющая" психическая дѣятельность направлена къ устраненію внутреннихъ противорѣчій психики, ко взаимному приспособленію фактовъ сознанія, здѣсь психика, повидимому „приспособляетъ" безъ отношенія къ внѣшнимъ двигательнымъ реакціямъ Но біологъ, не будучи склоненъ оставаться на поверхности явленій, задастъ вопросъ а для чего организму нужны тѣ факты сознанія, которые психикѣ пришлось приспособлять одни къ другимъ? Продолжая такимъ образомъ изслѣдованіе, мы всегда приходимъ къ двигательнымъ реакціямъ, приспособляющимъ организмъ путемъ измѣненія его отношеній къ внѣшней средѣ Если мы раньше этого остановимся въ своемъ анализѣ, то не найдемъ исходной точки развитія данныхъ психическихъ фактовъ, исходной точки, которая необходимо лежитъ въ отношеніяхъ психики къ ея средѣ Вотъ почему о психическихъ реакціяхъ можно сказать, что онѣ въ конечномъ счетѣ принадлежатъ къ двигательнымъ приспособленіямъ Объ этомъ съ полной ясностью свидѣтельствуетъ вообще вся исторія ихъ развитія

немъ бѣглымъ взглядомъ путь психическаго развитія въ его главнѣйшихъ этапахъ, какіе находятся въ полѣ зрѣнія современной біологіи.

Очень вѣроятно, что исторію психики слѣдуетъ начинать съ первыхъ проявленій жизни на землѣ. По крайней мѣрѣ даже наиболѣе простыя изъ извѣстныхъ намъ одноклѣточныхъ существъ обладаютъ уже несомнѣнными двигательными реакціями.

Исторически-первою реакціей перемѣщенія является, повидимому, переливающееся амебоидное движеніе клѣтокъ съ неопредѣленными, измѣняющимися очертаніями (низшія амебы, лейкоциты и т. под.) У низшихъ амебъ тѣло клѣтки во всѣхъ своихъ частяхъ въ равной степени приспособлено къ такимъ движеніямъ. Съ развитіемъ скелета понемногу происходятъ измѣненія, и у высшихъ корненожекъ съ наиболѣе сложнымъ скелетомъ могутъ уже до извѣстной степени специально приспособляться къ двигательнымъ реакціямъ тѣ части клѣточнаго тѣла, которыя соотвѣтствуютъ отверстіямъ скелета. — Дальнѣйшее развитіе приводитъ къ образованію п о с т о я н н ы х ъ двигательныхъ отростковъ клѣтки. Жгутикъ у Flagellata, мерцательные волоски у многихъ инфузорій представляютъ уже специальные органы движенія; начиная съ рѣсничныхъ можно констатировать обособленіе своеобразной по строенію сократительной ткани („міофаны", аналогичные мускульной ткани высшихъ организмовъ). Можно думать, что рядомъ съ выдѣленіемъ сократительныхъ элементовъ другіе элементы начинаютъ играть роль специально чувствительныхъ. Но во всякомъ случаѣ одноклѣточный организмъ представляетъ слишкомъ узкое поле для развитія психическихъ реакцій.

Переходъ къ колоніальнымъ, многоклѣточнымъ организмамъ является исходной точкой новой, безконечно возрастающей дифференціаціи двигательныхъ приспособленій. Цѣлыя клѣтки и группы клѣтокъ специализируются на отдѣльныхъ функціяхъ, относящихся къ двигательнымъ реакціямъ: ткань мускульная обособляется отъ нервной, а эта послѣдняя дифференцируется на гангліозную, клѣтки которой служатъ аккумуляторами нервной энергіи, и ткань нервныхъ проводниковъ съ ихъ периферическими аппаратами. При этомъ вначалѣ нервно-мускульные элементы не представляютъ связной системы: у зоофитовъ, напр., они разбросаны среди тканей тѣла такъ, что дѣйствуютъ сравнительно независимо одни отъ другихъ. — Но слѣдомъ за дифференціаціей нервно-мускульныхъ элементовъ идетъ ихъ интеграція, объединеніе въ централизованную систему. Оно происходитъ въ высшей степени послѣдовательно и постепенно; въ различныхъ группахъ неопредѣленнаго типа „червей" можно найти самыя различныя его степени.

Высшей степени внутренняго единства и гармоничности достигаетъ центральный нервный аппаратъ въ болѣе законченныхъ представителяхъ различныхъ развѣтвленій біологическаго развитія (отчасти—въ головоногихъ моллюскахъ, но главнымъ образомъ въ социальныхъ насѣкомыхъ и социальныхъ позвоночныхъ).

На первыхъ стадіяхъ этого громаднаго историческаго пути, въ мірѣ простѣйшихъ, преобладающую роль въ развитіи психики долженъ игратъ подборъ цѣлыхъ психическихъ организмовъ—клѣтокъ. Тогда выработка психическихъ приспособленій должна итти съ величайшей медленностью, при простотѣ и однообразіи строенія организмовъ, полезныя уклоненія отъ обычнаго типа могутъ быть лишь самыя минимальныя, и выработка какой-нибудь несложной реакціи должна стоить жизни милліоновъ поколѣній [1]) Значеніе „внутренняго" подбора, въ предѣлахъ клѣтокъ-организмовъ, по всей вѣроятности, ничтожно, хотя вообще степень этого значенія трудно было бы опредѣлить даже приблизительно, пока недостаточно выяснено внутреннее строеніе клѣтки, степень ея сложности и относительной самостоятельности ея элементовъ.

Съ переходомъ къ многоклѣточнымъ организмамъ роль внутренняго подбора во всякомъ случаѣ возрастаетъ Процессъ взаимнаго приспособленія элементовъ организма относительно часто долженъ создавать уклоненія, цѣлесообразныя и по отношенію къ внѣшней средѣ По мѣрѣ усложненія организованной системы самыя уклоненія должны становиться разнообразнѣе Въ общемъ для подбора представляется и болѣе обширный, и болѣе подходящій матеріалъ, а это означаетъ возрастающую скорость развитія

По мѣрѣ того какъ психическая система пріобрѣтаетъ болѣе связный характеръ, и обособляется центральный нервный аппаратъ, на сцену выступаетъ специальная форма внутренняго подбора, на которой намъ слѣдуетъ остановиться, какъ на фактѣ несомнѣнномъ и очень важномъ, хотя недостаточно объясненномъ. Сохраненіе или устраненіе частныхъ психическихъ реакцій оказывается въ прямой зависимости отъ того, являются ли эти реакціи непосредственно полезными или непосредственно вредными *для центральнаго аппарата*. Этотъ видъ подбора удобно будетъ назвать собственно „психическимъ" подборомъ.

Какъ мы указывали въ главѣ, посвященной Авенаріусу, непосредственно полезнымъ для организованной системы является—съ энергетиче-

---

[1]) Правда, что періодъ времени между двумя послѣдовательными поколѣніями у одноклѣточныхъ въ сотни и тысячи разъ меньше, чѣмъ у большинства многоклѣточныхъ

ской точки зрѣнія — возрастаніе энергіи этой системы, непосредственно вреднымъ—пониженіе.—Такимъ образомъ спеціальный психическій подборъ оказывается въ прямой зависимости отъ возрастанія или пониженія энергіи центральнаго нервнаго аппарата (отъ положительной или отрицательной „жизнеразности").

Какъ мы видѣли, съ энергетической точки зрѣнія есть всѣ основанія думать, что возрастаніе энергіи центральнаго психическаго аппарата соотвѣтствуетъ чувству „удовольствія", пониженіе—чувству „страданія". Стало быть спеціальный „психическій подборъ" связывается съ чувствами удовольствія и страданія. Именно потому мы и имѣемъ возможность знать объ этомъ видѣ подбора.

Прямыя наблюденія надъ психикой говорятъ намъ слѣдующее. Если какая-нибудь психическая реакція соединяется съ чувствомъ удовольствія, то это непосредственно ведетъ къ усиленію, продленію самой реакціи и упроченію ея механизма въ психикѣ; если же реакція связывается съ чувствомъ страданія, то происходитъ ея ослабленіе, прекращеніе, разстройство ея механизма. Если человѣку „пріятно" что-либо дѣлать, то онъ и продолжаетъ это дѣлать и легко приходитъ къ повторенію дѣйствія; если непріятно, то происходитъ наоборотъ

Энергетически, это представляется въ такомъ видѣ если реакція влечетъ за собою возрастаніе энергіи центральнаго психическаго аппарата, то возрастаетъ сила, продолжительность реакціи, ея устойчивость, легкость ея повторенія—вообще, жизнеспособность реакціи въ данной психикѣ; если реакція соединяется съ уменьшеніемъ энергіи центральнаго аппарата, то уменьшается ея жизнеспособность.

Нетрудно понять „цѣлесообразность" психическаго подбора. Удовольствіе и страданіе представляютъ изъ себя способъ воспріятія непосредственной пользы и непосредственнаго вреда для центральнаго аппарата психики. въ общемъ и среднемъ то и другое должно соотвѣтствовать пользѣ и вреду организма; ибо центральный психическій аппаратъ есть существенное приспособленіе организма, которое въ своей жизнедѣятельности не должно стоять въ противорѣчіи съ цѣлымъ. Въ частныхъ случаяхъ такое противорѣчіе, разумѣется возможно, и встрѣчается нерѣдко. жизненное единство организма не безусловно, и потому „пріятное", т. е. непосредственно полезное для центральнаго органа, не всегда оказывается полезнымъ вообще для организма Но это лишь исключеніе, а не правило, и о такихъ случаяхъ мы еще будемъ говорить въ дальнѣйшемъ.

Прежде всего, со стороны читателя возможенъ вопросъ имѣемъ ли мы

право прямо ставить психическій подборъ въ ряду другихъ видовъ подбора? Первый непосредственно выражается въ опредѣленныхъ фактахъ сознанія, тогда какъ объ остальныхъ нельзя сказать ничего подобнаго —Но это значитъ только, что для психическаго подбора существуетъ спеціальный способъ воспріятія — чувство удовольствія и страданія, — тогда какъ дѣйствіе другихъ видовъ подбора воспринимается при помощи внѣшнихъ чувствъ. Основной характеръ явленія въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же сохраняются одни формы приспособленія, разрушаются другія. Различіе же способовъ воспріятія несущественно для методa познанія, который долженъ стоять надъ ними, чтобы цѣлесообразно распоряжаться тѣмъ матеріаломъ, который они доставляютъ.

Слѣдующій вопросъ. какъ велико значеніе психическаго подбора? Для высшихъ психическихъ организмовъ оно, какъ показываетъ опытъ, громадно. Дѣйствіе психическаго подбора совершается непрерывно, пока продолжается работа сознанія. Нѣтъ такого факта сознанія, который не обладалъ бы „чувственнымъ тономъ", характеромъ удовольствія или страданія. Всякую сознательно-психическую реакцію психическій подборъ сопровождаетъ и контролируетъ во всѣ ея моменты, во всѣхъ ея элементахъ. Ослабляя и устраняя одни изъ этихъ элементовъ, сохраняя и усиливая другіе, онъ создаетъ новыя и новыя ихъ комбинаціи Мы постоянно чувствуемъ на себѣ работу психическаго подбора въ видѣ непрерывнаго стремленія — отъ менѣе пріятныхъ актовъ (внутренней и внѣшней) психической дѣятельности переходить къ болѣе пріятнымъ.

При громадной сложности и измѣнчивости центральнаго психическаго аппарата, матеріалъ психическаго подбора чрезвычайно обширенъ. При весьма, сравнительно, непосредственномъ характерѣ дѣйствія психическаго подбора, обработка его матеріала совершается съ особенной быстротой Въ результатѣ—главнымъ образомъ благодаря ему успѣваетъ отдѣльный организмъ въ теченіе своей короткой жизни выработать поразительное множество сознательно-психическихъ формъ дѣятельности. Благодаря ему эти формы могутъ достигать такой сложности, такого тонкаго дифференцированія для разнообразныхъ условій.

Съ другой стороны, психическій подборъ не всегда дѣйствуетъ въ полномъ согласіи съ другими, высшими формами подбора Удовольствіе не всегда соотвѣтствуетъ дѣйствительной приспособленности, а страданіе—неприспособленности Такъ называемое „злоупотребленіе удовольствіями" нерѣдко приводитъ организмъ къ гибели, хотя оно стоитъ въ гармоніи съ

психическимъ подборомъ, и даже представляетъ прямой его результатъ— при извѣстныхъ условіяхъ

Но если психическій подборъ оказывается направленнымъ въ противорѣчіи со внутренними отношеніями всего организма или, что, конечно, бываетъ еще чаще, съ отношеніями его внѣшней среды, какъ тогда совершается процессъ приспособленія? Тогда дѣйствіе подбора психическаго разрушается вліяніемъ высшихъ формъ подбора. Напр., двигательная реакція, соединенная съ чувствомъ страданія, можетъ упорно повторяться и сохраняться въ силу особыхъ условій внутренняго подбора, лежащихъ въ сферѣ питанія человѣкъ вновь и вновь возвращается къ такимъ дѣйствіямъ, отъ которыхъ получаетъ непріятныя ощущенія. Реакція, соединенная съ чувствомъ удовольствія, постепенно исчезаетъ вслѣдствіе того, что исчезли внѣшнія условія ея повторенія и поддержанія, напр., алкоголикъ, когда ему нечего пить, постепенно отвыкаетъ отъ пріятной привычки, хотя она еще долгое время сохраняется въ неполномъ, ослабленномъ видѣ— въ формѣ стремленія. Иногда, наконецъ, пріятная, но вредная реакція устраняется такимъ способомъ, что приводитъ организмъ къ гибели и разрушается вмѣстѣ съ нимъ. Во всѣхъ случаяхъ подобнаго противорѣчія рѣшающее значеніе принадлежитъ высшимъ формамъ подбора, имѣющимъ своей основой болѣе широкую среду.

Во всякомъ случаѣ, подобныя противорѣчія во всей суммѣ фактовъ составляютъ меньшинство. Въ общемъ и среднемъ, психическій подборъ доставляетъ высшимъ формамъ подбора такой матеріалъ психическихъ реакцій, который оказывается пригоднымъ, способнымъ сохраняться подъ дѣйствіемъ внутренней и внѣшней среды организма.

Остается еще одинъ, и самый затруднительный вопросъ: какъ объяснить себѣ дѣйствіе психическаго подбора? Фактъ психическаго подбора констатированъ; но въ чемъ заключается его механизмъ? Вопросъ этотъ является неизбѣжнымъ, если принять во вниманіе, что понятіе подбора означаетъ закономѣрное дѣйствіе среды на данныя формы жизни, а дѣйствіемъ какой среды опредѣляется сохраненіе реакцій „пріятныхъ“ и устраненіе „непріятныхъ“? Почему реакція оказывается приспособленной, если она повышаетъ энергію центральнаго нервнаго аппарата, неприспособленной—если понижаетъ ее?

Исторія развитія дала бы отвѣтъ на этотъ вопросъ—но мы еще не знаемъ, гдѣ искать начала явленій психическаго подбора Нѣчто подобное имъ, правда, можно видѣть уже въ реакціяхъ простѣйшихъ организмовъ и тамъ наблюдается быстрое прекращеніе движеній непосредственно-вред-

ныхъ, и тенденція къ усиленію непосредственно-полезныхъ. Но врядъ ли эти факты однородны съ процессами психическаго подбора, происходящими у высшихъ организмовъ, при развитомъ центральномъ психическомъ аппаратѣ

На основаніи нѣкоторыхъ несомнѣнныхъ данныхъ можно прійти къ очень вѣроятной гипотезѣ, которая можетъ послужить предварительнымъ объясненіемъ

Двигательная реакція, по современнымъ физіологическимъ представленіямъ, есть своеобразный кризисъ, происходящій въ жизнедѣятельности опредѣленныхъ, связанныхъ между собою элементовъ нервной системы. Въ этомъ кризисѣ накопленная энергія нервныхъ элементовъ растрачивается, переходя во внѣшнее движеніе (а частью просто разсѣиваясь въ видѣ тепловой энергіи) Слѣдовательно, по окончаніи реакціи ея органы—опредѣленные нервные элементы a, b, c оказываются, такъ сказать, разряженными ихъ энергія ниже, чѣмъ въ обычномъ состояніи Что же дѣлаетъ съ ними психическій подборъ? Если за реакціей слѣдуетъ повышеніе энергіи высшихъ нервныхъ центровъ, то энергія „разрядившихся“ элементовъ оказывается черезъ нѣкоторое время болѣе значительною, а ихъ связь болѣе тѣсною, чѣмъ до реакціи (положительный подборъ), если совершается общее пониженіе энергіи центровъ сознанія, то и энергія элементовъ реакціи уменьшается, ихъ взаимная связь разстраивается (отрицательный подборъ) Все это, конечно, цѣлесообразно съ біологической точки зрѣнія Но какимъ приспособленіемъ это достигается?

Можно догадываться, что все зависитъ отъ дѣятельности того спеціальнаго нервнаго аппарата, который регулируетъ размѣры непосредственнаго питанія тканей,—отъ дѣятельности сосудодвигательныхъ центровъ. При дѣятельномъ состояніи какихъ-либо элементовъ организма—мускульныхъ, железистыхъ, нервныхъ, — питающіе ихъ сосуды бываютъ расширены вслѣдствіе рефлекторнаго разслабленія мускульной оболочки мѣстныхъ сосудовъ: это одно изъ самыхъ важныхъ приспособленій организма, существованіе котораго съ несомнѣнностью установлено физіологіей. Если дополнить это приспособленіе другимъ, благодаря которому такое расширеніе сосудовъ продолжалось бы сравнительно долго послѣ реакціи въ случаѣ общаго повышенія энергіи высшихъ центровъ, и быстро прекращалось бы въ случаѣ ея пониженія, то получился бы подходящій механизмъ для психическаго подбора. Въ первомъ случаѣ дѣйствовавшіе элементы дольше находятся въ благопріятныхъ условіяхъ питанія, такъ что ихъ энергія

возрастаетъ, во второмъ случаѣ наоборотъ, она не можетъ достигнуть прежней нормы.

При этомъ и взаимная связь элементовъ реакціи должна въ первомъ случаѣ возрасти, такъ какъ повышеніе ихъ энергіи должно сильнѣе выдѣлить ихъ изъ среды окружающихъ элементовъ психики. Во второмъ случаѣ связь эта дѣлается менѣе прочной, чѣмъ прежде: по всей вѣроятности, здѣсь дѣло въ томъ, что сопротивленіе проводниковъ, которыми связаны нервные элементы, участвующіе въ реакціи, становится слишкомъ значительнымъ для ихъ повышенной энергіи, а стало быть одни элементы не такъ легко возбуждаются другими. Такимъ образомъ, возможность того, чтобы элементы реакціи вновь с о в м ѣ с т н о проявили свое дѣйствіе, въ первомъ случаѣ возрастаетъ, во второмъ уменьшается; тамъ реакція упрочивается, здѣсь—разстраивается.

Принять или не принять такую объяснительную гипотезу, дѣйствіе психическаго подбора, какъ фактъ, остается внѣ сомнѣнія [1]).

d) Три типа психическихъ реакцій.

Всепроникающее дѣйствіе подбора, на всѣхъ его стадіяхъ и во всѣхъ видахъ, изъ тѣхъ безчисленныхъ измѣненій, которыя въ психическихъ формахъ вызываются безконечно измѣняющимися вліяніями среды, создастъ въ психическомъ мірѣ поразительное разнообразіе приспособленій, отъ простѣйшихъ до непзмѣримо сложныхъ.

Теперь наша задача заключается въ томъ, чтобы разсмотрѣть, нельзя ли привести это разнообразіе въ нѣкоторую систему.

Собственно говоря, в с я к а я психическая реакція представляетъ изъ себя „рефлексъ", т. е. „отраженіе" опредѣленныхъ внѣшнихъ вліяній въ жизнедѣятельности организма, обратное воздѣйствіе организма на эти вліянія [2]). Но обыкновенно терминъ „рефлексъ" примѣняютъ только къ наибо-

---

[1]) Замѣчу, кстати, что терминомъ „психическій подборъ" я далъ нѣсколько иное, и болѣе узкое значеніе, чѣмъ то, которое обыкновенно съ нимъ соединяется (именно — подборъ психологическихъ формъ вообще. Таково значеніе этого термина, напр., у Зиммеля).

[2]) Само собой разумѣется, что внѣшнія вліянія, которыя служатъ исходной точкой реакціи, не всегда н е п о с р е д с т в е н н о ей предшествуютъ. Такъ называемыя „произвольныя дѣйствія" съ внѣшней стороны тѣмъ и отличаются, что для нихъ обыкновенно нельзя указать прямой и очевидной связи съ опредѣленными внѣшними воздѣйствіями—такъ значительна здѣсь цѣпь промежуточныхъ звеньевъ между психической реакціей, и внѣшними импульсами, ее вызвавшими.

ѣе простымъ и непосредственнымъ двигательнымъ реакціямъ. Простые рефлексы составляютъ исторически первую группу психическихъ формъ приспособленія.

У „простѣйшихъ“ къ рефлексамъ сводится вся психическая жизнь Реакціи одноклѣточныхъ и ближайшихъ къ нимъ организмовъ просты, непосредственны, быстры, автоматичны, однообразны въ своихъ повтореніяхъ: тутъ вся характеристика простыхъ рефлексовъ — Характеристика эта имѣетъ, однако, лишь относительное значеніе, и вѣрна только по сравненію съ высшими типами реакцій. Такъ, и самый простой рефлексъ представляется чрезвычайно сложнымъ съ физико-химической точки зрѣнія. Непосредственность и быстрота подобной реакціи, конечно, выражены далеко не въ такой степени, какъ, положимъ, въ физической реакціи стрѣлки гальванометра на электрическій токъ [1]) Автоматизмъ, т. е. стихійная неизбѣжность реакціи при наличности опредѣленныхъ условій, и точность въ повтореніяхъ далеко уступаетъ стихійности и консерватизму въ движеніяхъ какой-нибудь машины Но для наблюдателя біолога всѣ эти черты выступаютъ чрезвычайно ярко [2])

[1]) Что касается, въ частности, до быстроты рефлекторныхъ реакцій, то она въ иныхъ случаяхъ, напр., въ сокращеніяхъ непроизвольныхъ мускуловъ у высшихъ животныхъ, можетъ быть очень мала. Но для однихъ и тѣхъ же мускуловъ рефлекторное движеніе оказывается быстрѣе всякаго другого

[2]) Съ внѣшней стороны механизмъ простого рефлекса представляется далеко не одинаковымъ у одноклѣточныхъ и у высшихъ организмовъ У первыхъ аппаратъ рефлекса есть сама клѣтка въ ея цѣломъ безъ особой системы проводниковъ и воспринимающихъ концевыхъ приспособленій, только собственно сократительные элементы уже дифференцируются отчасти у высшихъ одноклѣточныхъ У организмовъ съ высоко развитой психической системой (всѣ промежуточныя стадіи пропускаемъ) аппаратъ состоитъ по меньшей мѣрѣ изъ двухъ соприкасающихся нейроновъ—чувствительнаго и двигательнаго, каждый нейронъ состоитъ изъ нервной клѣтки съ проводящими путями — Потолкимъ, дотрагиваются острымъ иголки до кожи спящаго человѣка тогда внѣшнее раздраженіе, дѣйствуя на концевой аппаратъ чувствительнаго нерва, передается по нерву его гангліозной клѣткѣ, отсюда возбужденіе по вѣтвящимся отросткамъ, которые соприкасаются съ такими же отростками двигательной клѣтки, передается этой послѣдней, и она, при посредствѣ центробѣжнаго нерва, возбуждаетъ концевой аппаратъ въ поперечно-полосатой мышцѣ, въ нашемъ примѣрѣ такимъ способомъ возбуждаются многіе нейроны спиннаго мозга, и происходитъ довольно обширное рефлекторное движеніе—отдергиваніе руки — Несмотря на такое сравнительно сложное устройство механизма, въ рефлексахъ высшей психики автоматичность и консерватизмъ выступаютъ едва ли не болѣе отчетливо чѣмъ въ рефлексахъ простой клѣтки —Впрочемъ, это не покажется страннымъ, если обратить вниманіе на то, что самостоятельная клѣтка выполняетъ не одинъ, а нѣсколько различныхъ рефлексовъ, тогда какъ специализированный органъ рефлекса въ высшей психикѣ предназначенъ, вообще говоря для одной опредѣленной реакціи

Съ точки зрѣнія нашей задачи наиболѣе важной особенностью рефлексовъ является чрезвычайно слабая степень различенія внѣшнихъ вліяній, которая обнаруживается въ рефлексахъ На самыя разнообразныя воздѣйствія вреднаго характера у самостоятельной клѣтки служитъ отвѣтомъ почти одна и та же реакція удаленія; рука спящаго совершенно одинаково отдергивается въ случаѣ укола булавкой, ожога, электрической искры, нервная барышня съ повышенной рефлекторной возбудимостью одинаково вскрикиваетъ и падаетъ въ обморокъ отъ неожиданнаго шума или толчка, при видѣ таракана или тигра. Различныя вліянія вызываютъ одну реакцію, т. е. не различаются въ ней — Только сила рефлекса болѣе или менѣе варіируется въ зависимости отъ энергіи внѣшняго воздѣйствія, особенно у низшихъ организмовъ, у высшихъ же, кромѣ того, значительная энергія раздраженія ведетъ обыкновенно къ значительной распространенности рефлекса, къ одновременному возбужденію многихъ аппаратовъ простого рефлекса.

Психическія реакціи представляютъ для организма, между прочимъ, форму различенія внѣшнихъ вліяній, т. е въ различіи реакцій выражается различіе вліяній (о „сознательномъ“ или „безсознательномъ“ характерѣ этого различенія здѣсь пока нѣтъ рѣчи). Съ этой точки зрѣнія важно отмѣтить, что первичныя формы различенія, наблюдаемыя въ рефлексахъ,—именно, различеніе вліяній по ихъ силѣ—относятся къ количественной сторонѣ вліяній: первоначально различаемое есть количество (а не „качество“) [1]).

Очевидно, что слабое различеніе внѣшнихъ вліяній въ актѣ рефлекса неразрывно связано съ консервативнымъ характеромъ этого типа приспособленій. реакція не измѣняется, несмотря на измѣненіе внѣшняго воздѣйствія (точнѣе, она измѣняется, но очень мало) [2])

Въ высшихъ организмахъ по типу рефлекса происходятъ совершаются движенія лейкоцитовъ, нѣкоторыхъ эпителіальныхъ клѣтокъ и т под

[1]) Повидимому, здѣсь возможно такое возраженіе, въ рефлексахъ прежде всего различается потезный или вредный характеръ вліянія (реакціи приближенія и удаленія), а что, по отношенію къ организму—„качество“ вліяній —Но съ нашей точки зрѣнія и здѣсь различаются лишь количественныя измѣненія—увеличеніе и уменьшеніе—жизненнаго интеграла, общей суммы энергіи жизненнаго процесса Уже на этомъ примѣрѣ можно видѣть, какъ „количество превращается въ качество“ гдѣ интегралъ измѣняется только количественно, становится больше или меньше, тамъ дифференціальная величина выступаетъ въ „качественно“ различномъ видѣ—положительномъ или отрицательномъ

[2]) Чтобы нѣсколько освѣтить для себя этотъ специфическій консервативный рефлекса,

Слѣдующій, исторически болѣе высокій типъ представляютъ привычныя реакціи. Сюда относятся всѣ наиболѣе простые виды работы, всѣ обычныя, повторяющіяся сознательныя дѣйствія людей—вообще едва ли не большинство психическихъ реакцій человѣка Существованіе этой группы приспособленій связано съ дифференцированной нервно-мускульной системой и спеціализированными органами внѣшнихъ чувствъ Привычныя дѣйствія, по сравненію съ рефлексами, гораздо болѣе сложны, гораздо менѣе консервативны въ своихъ повтореніяхъ, менѣе автоматичны и непосредственны, а въ связи съ этимъ отличаются меньшей быстротой

Привычная реакція можетъ быть разложена на большое количество— нерѣдко, цѣлые милліоны — реакцій, подобныхъ простымъ рефлексамъ. Всѣ эти элементы взаимно связаны и взаимно приспособлены (координированы) въ зависимости отъ назначенія всей реакціи [1])

надо принять во вниманіе слѣдующее Сумма условій рефлекса слагается изъ двухъ частей изъ внутреннихъ отношеній рефлекторнаго механизма, и изъ внѣшняго толчка-раздраженія Та и другая сторона условій одинаково необходимы для того, чтобы реакція произошла, но самый характеръ, форма реакціи опредѣляется въ гораздо большей мѣрѣ внутренними ея условіями, чѣмъ внѣшними Съ давнишнихъ поръ рефлексы сравниваются со взрывами непрочныхъ соединеній дѣйствительно, рефлексъ есть кризисъ филогенетическаго процесса, онъ происходитъ насчетъ накопленнаго въ рефлекторномъ механизмѣ запаса потенціальной энергіи, которая при этомъ растрачивается, переходя въ кинетическую Внѣшнее раздраженіе играетъ роль только дополнительнаго толчка нарушающаго неустойчивое равновѣсіе системы и дающаго поводъ къ превращенію энергіи, къ ея растратѣ Вспышка пороха въ замкнутомъ пространствѣ произойдетъ почти совершенно одинаково, вызвать ее зажженной спичкой или электрической искрой, лишь бы толчекъ оказался достаточнымъ для возбужденія крупинокъ Точно также для рефлекса внѣшнее раздраженіе есть хотя необходимое, но минимальное условіе, поэтому даже очень большая разница формъ внѣшняго воздѣйствія, при консервативныхъ внутреннихъ отношеніяхъ, дастъ лишь очень малое измѣненіе реакціи она повторится въ прежнемъ видѣ, значительныя измѣненія среды останутся не различенными, не отразятся (почти) на формѣ реакціи Стало быть, причина слабаго различенія внѣшнихъ вліяній въ рефлексахъ, заключается, главнымъ образомъ, въ консервативномъ строеніи самого рефлекторнаго аппарата

[1]) Соотвѣтственно сложенъ и аппаратъ привычной реакціи: онъ слагается изъ *тысячъ или даже милліоновъ* аппаратовъ *простого рефлекса*, *при этомъ между периферическими*—чувствительными и двигательными—*нейронами* вставлено по одному, по два или болѣе нейроновъ центральныхъ, промежуточныхъ Связь различныхъ нейроновъ устанавливается частью прямо при посредствѣ вѣтвистыхъ отростковъ, частью при посредствѣ проэкціонныхъ волоконъ Мейнерта Въ сущности, только прямое участіе центровъ коры большого мозга могло бы служить достаточнымъ отличіемъ привычной реакціи отъ

Степень консерватизма привычныхъ реакцій, хотя гораздо ниже, чѣмъ наблюдаемая въ рефлексахъ, все еще довольно значительна. При сходныхъ внѣшнихъ условіяхъ реакція повторяется приблизительно въ одинаковомъ видѣ. Этотъ консерватизмъ гораздо значительнѣе, чѣмъ непосредственно замѣчается самими людьми: сознаніе отмѣчаетъ раньше всего преимущественно уклоненія отъ обычнаго хода явленій, а не то, что въ немъ совершается согласно установившемуся порядку Если же наблюдать привычныя дѣйствія другихъ людей, то нерѣдко прямо поражаешься тѣмъ, съ какой точностью они повторяются. Особенно легко это видѣть на тѣхъ движеніяхъ, которыя наиболѣе привычны, всего чаще повторяются, какъ напр , ходьба, произнесеніе употребительныхъ словъ, техническія спеціальныя работа.

Однако, благодаря громадной сложности механизма (съ которой необходимо связана меньшая устойчивость его строенія), ходъ привычныхъ реакцій можетъ весьма замѣтно варіировать. Варіаціи эти находятся въ зависимости, во-первыхъ, непосредственно отъ характера внѣшнихъ воздѣйствій, во-вторыхъ, также, отъ тѣхъ внутреннихъ измѣненій въ психической системѣ, которыя были вызваны предшествующими внѣшними вліяніями, т е отъ этихъ же вліяній, но болѣе косвенно. Примѣръ перваго рода—нѣкоторое измѣненіе манеръ человѣка, когда онъ находится въ непривычномъ обществѣ, примѣръ второго рода—измѣненіе походки послѣ перенесенной болѣзни или потрясенія [1])

Благодаря такой измѣнчивости, привычныя дѣйствія не обладаютъ также, лучше сказать—лишь въ малой степени обладаютъ характеромъ стихійной неизбѣжности и непосредственности. Внѣшнія условія, вызывавшія раньше данное дѣйствіе, могутъ иногда съ большой точностью повториться, а между тѣмъ дѣйствіе не наступитъ, вслѣдствіе совершившихся въ промежуткѣ времени перемѣнъ во внутреннихъ отношеніяхъ психики. Меньшая, чѣмъ при рефлексѣ, непосредственность реакціи выражается еще

распространеннаго рефлекса (потому что привычная реакція—всегда сознательная, хотя участіе сознанія не всегда выступаетъ въ одинаковой степени)

[1]) Меньшій консерватизмъ привычныхъ реакцій зависитъ, съ одной стороны, отъ характера самыхъ органовъ нейроны мозговой коры, играющіе такую важную роль въ этихъ реакціяхъ, отличаются среди всѣхъ элементовъ психической системы наименьшей устойчивостью строенія Съ другой стороны, масса периферическихъ нейроновъ, участвующихъ въ реакціи, проводитъ къ ея центрамъ массу разнообразныхъ внѣшнихъ вліяній, общій комплексъ которыхъ неизбѣжно оказывается весьма различнымъ съ измѣненіемъ среды организма А измѣненіе хотя бы въ немногихъ элементахъ реакціи должно, въ силу тѣсной взаимной связи элементовъ, вести къ измѣненію, въ различной мѣрѣ, и во всѣхъ остальныхъ

въ томъ, что между внѣшнимъ воздѣйствіемъ и реакціей здѣсь протекаетъ по точнымъ измѣреніямъ большій промежутокъ времени.

Степень различенія условій, выражающаяся въ привычныхъ реакціяхъ, уже несравненно выше, чѣмъ въ рефлексахъ. Требуется опредѣленный комплексъ частныхъ условій для наступленія опредѣленной реакціи. Сколько-нибудь значительное измѣненіе условій влечетъ за собою наступленіе уже иной реакціи, либо замѣтную варіацію прежней Здѣсь психика различаетъ процессы своей среды уже не только по ихъ величинѣ и относительному направленію (польза и вредъ), какъ въ рефлексахъ; здѣсь она различаетъ вліянія также по ихъ спеціальному характеру, по ихъ „качеству“ (что съ энергетической точки зрѣнія должно разсматриваться, какъ сложныя количественныя различія). Рефлексъ, вызываемый въ психикѣ всякой неожиданной опасностью, приблизительно одинаковъ (судорожныя явленія „испуга“: сжатіе сосудовъ, усиленная перистальтика кишекъ и мочевого пузыря, замираніе сердца, и т. под.). Но привычныя реакціи борьбы съ опасностью, выступающія затѣмъ на сцену, весьма различны въ зависимости отъ характера опасности: въ случаѣ нападенія собаки — однѣ, человѣка — другія, и т д. При этомъ опять-таки, смотря на степени развитія психики, наблюдаются различныя степени различенія, отъ самаго грубаго, до самаго тонкаго [1])

Третій и послѣдній типъ психическихъ реакцій составляютъ тѣ, которыя я назову пластичными (не могу найти болѣе подходящаго термина). Это формы наиболѣе сложныя, наименѣе консервативныя; непосредственность и стихійность свойственны имъ въ наименьшей степени; вслѣдствіе этого онѣ отличаются и относительной медленностью своего выполненія. Примѣры такихъ реакцій: обдуманный и цѣлесообразный комплексъ дѣйствій человѣка при никогда еще не пережитыхъ условіяхъ, работа артиста, который создаетъ новое произведеніе

Пластичная реакція представляетъ сложное сочетаніе элементовъ привычныхъ и рефлекторныхъ, сочетаніе, вообще говоря, не повторяющееся

---

[1]) Такому болѣе тонкому различенію вліяній соотвѣтствуетъ участіе въ привычныхъ реакціяхъ особаго, чрезвычайно важнаго приспособленія—спеціализированныхъ способовъ восприятія внѣшнихъ измѣненій По мѣрѣ обособленія различныхъ органовъ внѣшнихъ чувствъ психика начинаетъ все въ большей мѣрѣ различать „по качеству“ —Другой полюсъ психическаго аппарата есть сложная, развитая мускульная система она въ слѣдъ специализированной, разнообразной дѣятельности внѣшнимъ образомъ выражаетъ степень психическаго различенія

со сколько-нибудь значительною точностью. Тамъ, гдѣ подобныя повторенія имѣютъ мѣсто, дѣйствія слѣдуетъ разсматривать, какъ привычныя

Пластичная форма приспособленія есть впервые складывающаяся для даннаго комплекса условій, форма привычная есть уже сложившаяся въ рядѣ повтореній даннаго комплекса условій Напр., если дикарю случалось охотиться за волкомъ, и онъ научился этому дѣлу, то встрѣча съ волкомъ вызоветъ у него привычныя дѣйствія, приблизительно сходныя съ прежними. Но, положимъ, тому же дикарю еще никогда не случалось вступать въ борьбу съ человѣкомъ; нападеніе со стороны человѣка должно, въ такомъ случаѣ, вызвать пластичную реакцію Изъ существующаго запаса привычныхъ дѣйствій и рефлексовъ при этомъ подбираются наиболѣе подходящія къ даннымъ условіямъ, и путемъ ихъ соединенія или варіаціи въ соотвѣтствіи съ условіями создается новая реакція, болѣе или менѣе цѣлесообразная для даннаго случая. Здѣсь происходитъ, слѣдовательно, непосредственно-творческая психическая дѣятельность, пластика психическихъ формъ [1])

Въ какихъ предѣлахъ за пластичными реакціями можно признать характеръ автоматизма, стихійности? По отношенію къ такой реакціи въ ея цѣломъ, объ этомъ почти не можетъ быть и рѣчи. Но матеріалъ, изъ котораго создается пластичная форма приспособленія, составляютъ привычныя реакціи и рефлексы, она есть новое сочетаніе элементовъ, входящихъ въ старыя, сложившіяся формы приспособленія Эти же элементы не лишены, какъ мы знаемъ, автоматизма и непосредственности, которыхъ, такимъ образомъ, не лишена и пластичная форма въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ

Очевидно, что степень различенія условій въ пластичныхъ реакціяхъ наибольшая, каждая изъ нихъ соотвѣтствуетъ лишь опредѣленному, частному сочетанію условій.

Всѣ три типа психическихъ приспособленій связаны между собою непрерывной цѣпью послѣдовательныхъ переходовъ Точнѣе, эти три типа и не существуютъ въ отдѣльности, а разграничиваются только въ познаніи: въ каждой реакціи, какъ она наблюдается въ дѣйствительности, можно найти только преобладаніе того или другого типа Даже рефлексъ не ли-

[1]) Органомъ такой пластики служитъ, конечно, вся психическая система въ ея цѣломъ: но наиболѣе выдающуюся, непосредственно главную роль играютъ центры „сознанія“ тамъ сходятся связи всѣхъ органовъ бессознательной психики, тамъ памятливость господствуетъ въ наибольшей степени, тамъ, слѣдовательно, имѣются всѣ условія для составленія новыхъ комбинацій и для варированія существующихъ формъ психическаго приспособленія

шенъ всякой пластичности, даже онъ, хотя въ ничтожной степени, измѣняется соотвѣтственно измѣненію условій. Но и пластичная реакція, очевидно, консервативна въ своихъ элементахъ, хотя и не въ цѣломъ —Что касается сложности, то существуютъ весьма сложные рефлексы, и довольно простыя привычныя реакціи, и сравнительно несложныя пластичныя. Вообще, область психическихъ явленій полна переходовъ и неуловимыхъ оттѣнковъ.

е) Происхожденіе трехъ типовъ реакцій.

Исторически первичнымъ изъ трехъ типовъ является, какъ извѣстно, простой рефлексъ. Процессъ развитія этой формы приспособленія, какъ и всякой другой, совершался путемъ подбора мелкихъ измѣненій, внѣшняго и внутренняго подбора психическихъ организмовъ. При этомъ вырабатывались все болѣе сложныя, все болѣе разнообразныя формы рефлексовъ — Въ предѣлахъ этого развитія лежатъ, вѣроятно, и многія формы такъ называемаго „инстинкта", который по сложности своихъ проявленій примыкаетъ къ привычнымъ реакціямъ, а по консерватизму и стихійности стоитъ ближе къ рефлексамъ Такъ, проявленія полового инстинкта, нерѣдко весьма сложныя, по всей вѣроятности должны быть отнесены къ группѣ рефлекторныхъ приспособленій

По мѣрѣ того какъ складывается центральная нервная система, и обособляются ея высшіе центры, возрастаетъ роль спеціально-психическаго подбора, подъ его контролемъ, сначала изъ рефлексовъ, а затѣмъ р я д о м ъ съ ними вырабатываются привычныя реакціи.—Однако въ моментъ своего возникновенія „привычная" реакція не заслуживаетъ этого имени. Она представляетъ тогда еще „непривычное" приспособленіе, приспособленіе къ условіямъ, еще только впервые переживаемымъ, не пережитымъ раньше. Слѣдовательно, она возникаетъ, какъ пластичная реакція, и потомъ уже, въ ряду повтореній, вызываемыхъ повтореніемъ тѣхъ же условій, пріобрѣтаетъ характеръ привычной. Когда человѣкъ еще только начинаетъ плавать, его движенія имѣютъ характеръ пластичныхъ; послѣ ряда повтореній они являются привычными.

При этомъ возрастаетъ съ одной стороны опредѣленность, отчетливость и цѣлесообразность реакціи, съ другой стороны—ея консерватизмъ.— Первое происходитъ въ силу того, что въ ряду повтореній приспособленіе становится совершеннѣе: продолжительное дѣйствіе подбора со стороны повторяющихся условій устраняетъ наименѣе подходящіе къ этимъ условіямъ

элементы реакціи, тогда какъ наиболѣе подходящіе сохраняются. — Второе явленіе, состоящее въ неразрывной связи съ первымъ, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ накопляющагося дѣйствія психическаго подбора. Каждый разъ какъ психическій подборъ оказывается благопріятнымъ для реакціи, т. е. каждый разъ, какъ сама она оказывается непосредственно цѣлесообразной, ея элементы и ихъ взаимная связь становятся прочнѣе, возможность повторенія реакціи возрастаетъ [1]). Такъ и развивается привычная реакція: она не могла бы часто повторяться и стать „привычной“, если бы не оказывалась въ своихъ повтореніяхъ непосредственно цѣлесообразной.

Повторяясь чаще и чаще, привычная реакція становится все въ большей степени устойчивой и автоматичной, приближаясь во всѣхъ отношеніяхъ къ рефлексамъ (даже, какъ увидимъ, по степени сознательности). Таковы, напр., движенія при ходьбѣ, или профессіональныя движенія работника, выполняющаго какую-нибудь простую техническую операцію. — Очень вѣроятно, что многіе инстинкты, напр., строительные инстинкты птицъ, возникли изъ привычныхъ дѣйствій, повторявшихся при сходныхъ условіяхъ въ ряду поколѣній, и пріобрѣтавшихъ все болѣе консервативный и стихійный характеръ.

Пластичное приспособленіе есть высшій результатъ развитія. Это вѣрно именно въ томъ смыслѣ, что самая возможность быстро и легко создавать новое, достаточно цѣлесообразное приспособленіе для не переживавшейся раньше комбинаціи условій достигается уже на высшихъ стадіяхъ психическаго прогресса. При меньшемъ совершенствѣ психическаго аппарата пластичныя реакціи въ громаднѣйшемъ большинствѣ случаевъ оказываются неудачными, не формами приспособленія, а формами неприспособленности.

Но разъ возникши, пластичная реакція стремится въ своемъ развитіи стать привычной, если ея условія имѣютъ хотя сколько-нибудь общій характеръ, если они хотя изрѣдка повторяются. Чѣмъ постояннѣе, обычнѣе становится сочетаніе условій, породившее пластичную форму приспособленія, тѣмъ въ большей мѣрѣ она пріобрѣтаетъ оттѣнокъ „привычной“; а въ дальнѣйшемъ возникшая такимъ образомъ привычная реакція можетъ обнаружить тенденцію къ переходу въ рефлексъ. Когда человѣкъ учится какой-нибудь работѣ, его дѣйствія являются пластичными; когда онъ научился ей,

[1]) Возможно, что сопротивленіе нервныхъ проводниковъ уменьшается по мѣрѣ ихъ функціонированія въ силу чисто физическихъ условій самаго проведенія. Это, можетъ быть, послужитъ исходной точкой самаго простого и непосредственнаго объясненія процессовъ „привыканія“ при такихъ условіяхъ каждое повтореніе реакціи должно облегчать слѣдующее ея повтореніе.

эти дѣйствія стали уже привычными, а у стараго спеціалиста они пріобрѣтаютъ весьма автоматическій характеръ.

Въ жизни особи развитіе психики совершается на почвѣ опредѣленной наслѣдственности. Благодаря наслѣдственности, матеріалъ для подбора психическихъ формъ оказывается достаточно подходящимъ, годнымъ къ сохраненію въ значительной своей части Иначе немыслимъ бычъ бы тотъ фактъ, что въ теченіи своей короткой жизни особи повторяютъ, приблизительно, ходъ развитія вида, въ жизни психической, какъ и въ жизни растительной

Наслѣдственность есть не „сила“, не загадочное „стремленіе“ организма воспроизвести въ своей жизни жизнь предка Это просто фактическое сходство различныхъ поколѣній По закону причинности, чѣмъ въ большей степени одинаковы данныя формы и дѣйствующія на нихъ вліянія внѣшней среды, тѣмъ болѣе одинаковы измѣненія этихъ формъ Въ данную формулу вполнѣ укладываются явленія наслѣдственности Стало быть, сходный процессъ развитія въ ряду поколѣній основанъ на сходствѣ ихъ среды и на сходствѣ ихъ эмбріональныхъ зачатковъ Сходство зародышевыхъ клѣтокъ основывается на непрерывности зародышевой протоплазмы, на происхожденіи однѣхъ зародышевыхъ клѣтокъ отъ другихъ путемъ непрерывнаго равномѣрнаго дѣленія [1]).

Рефлексы и инстинкты представляютъ изъ себя, соотвѣтственно своему высокому консерватизму, почти вполнѣ наслѣдственныя психическія формы. Дѣло въ томъ, что это—приспособленія къ наиболѣе постояннымъ, наиболѣе повторяющимся вліяніямъ среды, тѣмъ вліяніямъ, которыя всегда въ высшей степени сходны въ жизни послѣдовательныхъ поколѣній. Это, такъ сказать, видовыя условія жизни; они необходимо должны создавать постоянно одинаковыя формы приспособленія.

Привычныя реакціи наслѣдственны только отчасти, и то, пожалуй, условно. это приспособленіе къ болѣе частнымъ, менѣе постояннымъ, рѣже

---

[1]) Итакъ, „объясненіе“ наслѣдственности, съ точки зрѣнія закона причинности, сводится къ рѣшенію вопроса о томъ, какимъ способомъ достигается въ дѣйствительности непрерывность эмбріональной протоплазмы, какимъ способомъ осуществляется равномѣрное дѣленіе зародышевыхъ клѣтокъ въ цѣломъ ряду поколѣній Вопросъ этотъ осложняется, конечно, при разсмотрѣніи различныхъ частныхъ формъ размноженія и наслѣдственности, формъ нерѣдко весьма сложныхъ и своеобразныхъ (говорить буквально о происхожденіи однѣхъ эмбріональныхъ клѣтокъ отъ другихъ путемъ послѣдовательно равномѣрнаго дѣленія можно точно по отношенію къ простѣйшимъ способамъ размноженія) Но усложненіе вопроса не мѣняетъ его сущности

повторяющимся воздѣйствіямъ среды Однако и здѣсь явленія наслѣдственности выступаютъ достаточно ярко, если отдѣлаться отъ традиціонной привычки противополагать результаты в о с п и т а н і я — вліянію наслѣдственности Согласно изложенной точкѣ зрѣнія, фактъ наслѣдственности сводится къ сходству эмбріоновъ различныхъ поколѣній и къ сходству ихъ среды, а традиціонное воспитаніе, одинаковое для родителей и для дѣтей, является существеннымъ элементомъ „сходства среды“ для тѣхъ и другихъ Поэтому, наблюдая одинаковыя привычныя формы дѣятельности у родителей и дѣтей, особенно среди животныхъ или въ застойныхъ, непрогрессивныхъ человѣческихъ обществахъ, изслѣдователь въ правѣ говорить о „наслѣдственности“ этихъ формъ

О наслѣдственности пластичныхъ реакцій, повидимому, не можетъ быть и рѣчи: такая форма приспособленія соотвѣтствуетъ индивидуальному, не повторяющемуся сочетанію условій. Однако, наблюденіе даже здѣсь обнаруживаетъ наслѣдственность, если не для самихъ психическихъ формъ, то для ихъ п л а с т и ч н о с т и Въ силу наслѣдственности, отъ организмовъ, способныхъ быстро и легко создавать пластичныя реакціи, быстро и легко приспособляться къ новымъ сочетаніямъ условій, происходятъ организмы, вообще говоря, такъ же пластичные, такъ же приспособляющіеся Для папуасскаго или готтентотскаго ребенка, за немногими исключеніями, немыслимо пройти въ теченіе своей жизни тотъ громадный путь развитія, который является обычнымъ для европейскихъ дѣтей. Консерватизмъ психики, недостатокъ ея гибкости, пластичности у дикаря „въ крови“, точнѣе— въ эмбріональной клѣткѣ, изъ которой онъ развивается.—Отъ „умныхъ“ людей (это слово и обозначаетъ пластичную психику) обыкновенно происходятъ умные, изъ глупой семьи можно съ большей вѣроятностью ожидать глупцовъ.—Все это вѣрно, разумѣется, лишь съ поправками на разнообразіе условій жизни, на вызываемыя частными вліяніями случайныя уклоненія, и т д

Сверхъ того, отъ внимательнаго наблюдателя не ускользаетъ наслѣдственная передача самаго характера, способа пластики новыхъ реакцій. Въ массѣ случаевъ потомки приспособляются къ новымъ условіямъ „на тотъ же манеръ“, какъ приспособлялись къ подобнымъ обстоятельствамъ ихъ предки.—Напр., уже въ литературно-полемическомъ стилѣ Ульриха фонъ-Гуттена не трудно узнать потомка старыхъ рыцарей. —Такая наслѣдственность основывается, какъ можно думать, на наслѣдственности многихъ привычныхъ и рефлекторныхъ формъ, которыя и служатъ матеріаломъ для пластики

Наслѣдственность, измѣняющія внѣшнія вліянія, подборъ въ его различныхъ проявленіяхъ—вотъ тѣ моменты, къ которымъ сводится происхожденіе и развитіе психическихъ формъ

f) Значеніе трехъ типовъ психическихъ реакцій.

Спеціальное значеніе отдѣльныхъ типовъ психическихъ формъ отчасти уже намѣчено Строго наслѣдственныя формы—рефлексы, инстинкты—соотвѣтствуютъ, вообще говоря, постояннымъ условіямъ жизни вида (иначе не было бы необходимости въ постоянной наслѣдственной передачѣ этихъ реакцій) Привычныя реакціи приспособляютъ организмъ къ болѣе повторяющимся условіямъ его индивидуальной жизни, пластичныя—къ частнымъ, непостояннымъ сочетаніямъ условій

Если къ этому прибавить то, что было сказано о степени сложности, консервативма и непосредственности психическихъ реакцій, то у насъ будутъ въ рукахъ основныя данныя, по которымъ слѣдуетъ судить о „достоинствахъ“ и „недостаткахъ“ каждаго изъ трехъ типовъ, т. е о томъ, въ какой мѣрѣ ими можетъ достигаться приспособленность организма, съ одной стороны — въ общемъ и среднемъ, съ другой стороны — въ отдѣльныхъ, частныхъ случаяхъ

Долгимъ процессомъ видовой жизни рефлексы и инстинкты вырабатывались до наибольшей возможной цѣлесообразности Но эта цѣлесообразность относится лишь къ большинству случаевъ проявленія такихъ реакцій, хотя бы и къ громадному большинству. Въ частныхъ случаяхъ, благодаря стихійности движеній и ихъ негибкой, консервативной формѣ, приспособленія этого типа могутъ оказываться весьма невыгодными для организма. Такъ, рефлекторный крикъ испуга въ случаѣ опасности обыкновенно бываетъ полезнымъ, какъ предупрежденіе другихъ людей и безсознательный призывъ на помощь, но иногда онъ можетъ быть и очень вреденъ, выдавая присутствіе человѣка его врагу Инстинктивное стремленіе къ борьбѣ за самку, важное видовое приспособленіе—весьма нерѣдко оказывается гибельнымъ для особи, и т п

Этотъ же недостатокъ свойственъ и привычнымъ формамъ психики, но уже въ гораздо меньшей степени, соотвѣтственно ихъ меньшей стихійности. Какъ плохо приходится, напр., человѣку, попавшему въ новую общественную среду, гдѣ его манеры не подходятъ! Какъ опасенъ автоматизмъ привычныхъ движеній для работника при машинѣ, если почему-либо неожиданно измѣняется ритмъ движеній машины!

Кромѣ того, здѣсь присоединяется еще одинъ факторъ неприспособленности. Въ выработкѣ привычекъ преобладающая роль принадлежитъ психическому подбору. Но, какъ было выяснено, этому виду подбора подлежитъ только непосредственная польза и непосредственный вредъ, получаемые отъ реакцій, и притомъ только польза и вредъ для высшихъ центровъ психики, а не для всего организма. Такимъ образомъ легко можетъ случиться, что при помощи психическаго подбора выработаются формы дѣйствія, въ конечномъ счетѣ весьма вредныя для организма. Мы уже упоминали о такомъ происхожденіи различныхъ „пагубныхъ привычекъ", напр., привычки пьянствовать Конечно, такое направленіе психическаго подбора есть не правило, а исключеніе.

Пластичныя формы приспособленія всѣхъ менѣе страдаютъ излишнимъ консерватизмомъ и стихійностью, однако, даже онѣ не абсолютно лишены этихъ недостатковъ. Онѣ возникаютъ, путемъ комбинированія и варіированія, изъ матеріала привычныхъ реакцій и рефлексовъ, т. е изъ элементовъ стихійныхъ и консервативныхъ, недостатки которыхъ могутъ проявляться и въ ихъ сочетаніи

Кромѣ того, къ пластическимъ реакціямъ еще болѣе, чѣмъ къ привычнымъ, примѣнимо то, что сказано о недостаткахъ психическаго подбора, какъ дѣятеля, управляющаго выработкой психическихъ формъ. Здѣсь психическій подборъ играетъ относительно наибольшую роль,—можно сказать, что исключительно онъ регулируетъ пластику непосредственно, потому что только онъ съ достаточной быстротой создаетъ новыя приспособленія; естественно, что здѣсь же психическій подборъ въ наибольшей мѣрѣ обнаруживаетъ свое несовершенство, вытекающее изъ узости его основанія Всякая „пагубная привычка" начинается съ пластичной реакціи; всякое преступленіе есть пластичная реакція, непосредственно сложившаяся подъ вліяніемъ психическаго подбора

Но чѣмъ болѣе расширяется внѣшняя среда организма, сфера его дѣятельности,—чѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе новыя вліянія, которымъ онъ подвергается,—тѣмъ существеннѣе для жизни становится приспособленіе къ не пережитымъ ранѣе, не вошедшимъ въ сферу привычнаго вліяніямъ,—тѣмъ болѣе выступаетъ на первый планъ значеніе психической пластики. Въ узкой, консервативной средѣ первобытныхъ обществъ люди жили почти исключительно инстинктами и привычками; бурная, стремительно развивающаяся, широкая жизнь новѣйшихъ культурныхъ обществъ возможна только при громадномъ развитіи психической пластики

Во многихъ случаяхъ жизни немалое значеніе имѣетъ быстрота

приспособленія. Въ этомъ отношеніи рѣшительное преимущество находится на сторонѣ рефлексовъ съ ихъ стихійной непосредственностью, привычныя реакціи наступаютъ уже значительно медленнѣе (у человѣка, по опытамъ, на сотыя, на десятыя секунды), пластичныя занимаютъ послѣднее мѣсто (опаздываніе отъ десятыхъ долей секунды до минутъ, часовъ, дней и т. д.) Только рефлексъ можетъ спасти человѣка отъ мгновенной опасности; при опасности быстро, но не мгновенно протекающей можетъ еще годиться привычная реакція, а пластичная хороша только тогда, когда есть время сообразить да приготовиться [1]).

Наконецъ, три типа реакцій различаются по степени экономіи въ затратахъ энергіи Выработанный долгимъ процессомъ подбора, рефлексъ представляетъ наименьшую, по сравненію съ полезными результатами, затрату энергіи Значительно менѣе совершенны въ этомъ смыслѣ привычныя дѣйствія, а всего ниже стоятъ пластичныя: тутъ самый процессъ выработки реакціи въ высшихъ центрахъ стоитъ организму нерѣдко большихъ затратъ энергіи, чѣмъ непосредственное выполненіе реакціи. Заставьте непривычнаго человѣка исполнить самый простой гимнастическій опытъ,—напр , подняться на рукахъ, при этомъ все тѣло приходитъ въ судорожное состояніе; кромѣ необходимыхъ сокращеній мускуловъ рукъ, груди и спины, возникаетъ масса „сочувственныхъ“ движеній: глаза вытаращены, зубы стиснуты, дыханіе неровно, туловище согнуто, ноги безполезно лягаютъ воздухъ, и т д. И у привычнаго дѣло не обойдется совсѣмъ безъ сочувственныхъ движеній,—но они сведены до едва замѣтнаго minimum, а у гиббона, для котораго это движеніе является, повидимому, рефлекторнымъ, врядъ ли сократится хотя одинъ лишній мускулъ [2])

---

[1]) Въ механизмѣ рефлекса путь нервнаго возбужденія всего короче, онъ совсѣмъ не заходитъ въ область мозговой коры Для привычной реакціи возбужденію необходимо изъ низшихъ центровъ пройти еще до корковыхъ и обратно, а пластичная невозможна безъ сложнаго взаимодѣйствія между находящимися въ связи элементами корковыхъ центровъ, причемъ продолжительность этого взаимодѣйствія, въ различныхъ случаяхъ очень различная, иногда бываетъ весьма велика

[2]) Сумма „вредныхъ сопротивленій“, т е непосредственно - непроизводительныхъ затратъ энергіи, въ путяхъ рефлекса является наименьшей уже въ силу того, что ихъ длина—наименьшая Но кромѣ того, механизмъ рефлекса, расположенный въ низшихъ центрахъ психики, гораздо болѣе изолированъ отъ другихъ подобныхъ аппаратовъ, чѣмъ механизмъ привычной реакціи, захватывающій и корковые центры въ высшихъ центрахъ гораздо многочисленнѣе и сложнѣе чѣмъ въ низшихъ, ассоціативныя связи между нервными элементами Такимъ образомъ рефлексъ всего менѣе „иррадіируетъ“, т е при немъ возбужденіе всего менѣе распространяется по побочнымъ

Сопоставленіе „достоинствъ“ и „недостатковъ“ каждаго изъ трехъ типовъ позволяетъ съ достовѣрностью сдѣлать выводы о направленіи ихъ развитія.

Развитіе рефлексовъ должно итти прежде всего въ сторону болѣе тонкаго различенія условій надо, чтобы организмъ на весьма мало сходныя вліянія не отвѣчалъ одинаковыми движеніями, которыя при этомъ слишкомъ часто должны оказываться нецѣлесообразными Тенденція эта выражается въ возрастающемъ разнообразіи и сложности рефлексовъ.—Въ то же время должна, до извѣстныхъ предѣловъ, устраняться и стихійная непосредственность рефлексовъ. Это достигается при помощи задерживающаго вліянія высшихъ центровъ на рефлекторную дѣятельность. Если сравнить особей, стоящихъ на крайнихъ ступеняхъ культуры—напр., англичанина и дикаря, или хотя бы взрослаго человѣка и младенца,—то въ глаза бросается происходящее въ процессѣ развитія возрастаніе контроля высшей психики надъ рефлексами.—Этотъ путь развитія приближаетъ рефлексы къ привычнымъ реакціямъ.

То же самое относится, въ общемъ, и къ привычнымъ реакціямъ. онѣ развиваются въ сторону большаго разнообразія, большей сложности, большей измѣнчивости, меньшаго автоматизма. Такимъ путемъ привычныя реакціи пріобрѣтаютъ характеръ пластичныхъ —Развитіе этой послѣдней группы продолжается въ ту же сторону—къ большему разнообразію, измѣнчивости, сложности

Такова одна линія развитія Иллюстрацію къ ней можетъ представить вся исторія культуры, въ ея движеніи отъ стихійности и консерватизма къ сложнымъ и измѣнчивымъ формамъ жизни. Но это не единственная линія развитія.

Быстрота приспособленія и экономизація непосредственныхъ затратъ энергіи также составляютъ существенныя выгоды въ смыслѣ сохраненія и развитія. Отсюда возникаетъ другое теченіе въ развитіи — отъ пластичныхъ

путячь, всего менѣе затрагиваетъ тѣ элементы психики, участіе которыхъ не требуется для цѣлесообразности движенія Напротивъ, при реакціяхъ привычныхъ иррадіація необходимо болѣе значительна,—къ реакціи вовлекается иногда большее, иногда меньшее количество лишнихъ элементовъ —Пластичныя же формы, собственно, и основываются на иррадіаціи возбужденія по соединительнымъ путямъ возбужденіе передается многимъ частнымъ аппаратамъ психическихъ реакцій, а психическій подборъ, устраняя одинъ изъ возникающихъ двигательныхъ реакцій, ослабляя другія, усиливая третьи, создаетъ изъ всего этого болѣе или менѣе подходящее къ случаю сочетаніе. Нетрудно представить себѣ, какъ много лишней энергіи потратится на этотъ процессъ подбора

приспособлений къ привычнымъ и далѣе—къ рефлекторнымъ. Особенно отчетливо выступаетъ оно въ индивидуальной жизни по мѣрѣ того какъ трудъ становится привычнымъ, производительность его повышается; она становится наибольшею, когда привычка достигаетъ такой степени автоматизма, которая сближаетъ ее съ рефлекторной дѣятельностью.

Какъ видимъ, два основныхъ теченія въ развитіи—отъ рефлекса къ пластикѣ и отъ пластики къ рефлексу—прямо противоположны Изъ ихъ совмѣстнаго дѣйствія, которое удобно представить въ видѣ борьбы, возникаютъ самыя различныя конкретныя формы развитія.

Въ тѣхъ психическихъ процессахъ, которые всего непосредственнѣе связаны съ растительной жизнью, преобладаетъ типъ рефлекса Въ тѣхъ, которые наибольшимъ числомъ посредствующихъ звеньевъ удалены отъ растительныхъ функцій, господствуетъ пластика.— Количественное преобладаніе, на современныхъ ступеняхъ культуры, принадлежитъ привычнымъ формамъ.

Противоположность двухъ теченій психическаго развитія остается непримиренной только въ видовой и индивидуальной жизни. Въ жизни общественной, на ея высшихъ ступеняхъ они примиряются и сливаются... Но объ этомъ рѣчь далеко впереди

Резюмируемъ въ немногихъ краткихъ положеніяхъ выводы всей этой главы.

1. Психическія реакціи характеризуютъ зоологическій типъ развитія Въ предѣлахъ зоологическаго развитія значеніе ихъ возрастаетъ

2 Психическія реакціи, если разсматривать ихъ съ исторической точки зрѣнія, принадлежатъ, въ конечномъ счетѣ, къ двигательнымъ приспособленіямъ организма, т е. ихъ приспособляющее дѣйствіе выражается въ двигательныхъ реакціяхъ

3. Психическія или двигательныя приспособленія развиваются по общимъ біологическимъ законамъ, путемъ внѣшняго и внутренняго подбора измѣненій организма. Въ этомъ развитіи особенно важную роль играетъ специальный видъ подбора—психическій подборъ

4 Въ различіи психическихъ реакцій выражается различеніе организмомъ внѣшнихъ вліяній его среды Въ этомъ отношеніи высшій типъ реакцій представляютъ пластичныя—наиболѣе сложныя, наименѣе консервативныя и наименѣе стихійныя.

5. Цѣлесообразныя пластичныя реакціи въ ряду повтореній стремятся стать привычными и, далѣе, автоматичными Съ этимъ связана возрастающая быстрота и отчетливость реакцій съ одной стороны, экономизація затратъ энергіи—съ другой

6 Значеніе пластики является наибольшимъ въ жизни стремительно развивающагося человѣческаго общества

2 Формы сознанія

а) Значеніе и мѣсто сознанія въ психическихъ реакціяхъ

О фактахъ сознанія мы составляемъ себѣ понятіе, прежде всего, непосредственно наблюдая ихъ въ себѣ самихъ О сознаніи другихъ людей (и животныхъ) мы заключаемъ, строго говоря, только по аналогіи Мы наблюдаемъ чужія дѣйствія, и находимъ ихъ вполнѣ подобными нашимъ собственнымъ, а такъ какъ изъ прямого самонаблюденія мы знаемъ, что съ нашими дѣйствіями связаны опредѣленные факты сознанія, то и признаемъ, что и у другихъ людей съ такими же дѣйствіями связаны также факты сознанія. Это вполнѣ законная, познавательно-необходимая аналогія, и опытъ не даетъ намъ поводовъ сомнѣваться въ ея истинѣ.

Итакъ, въ основѣ всего, что мы знаемъ о сознаніи, лежитъ самонаблюденіе. Оно является необходимой исходной точкой для всякаго изслѣдованія сознательной психики,—въ томъ числѣ и для рѣшенія занимающаго насъ теперь вопроса о мѣстѣ и значеніи сознанія въ различныхъ психическихъ реакціяхъ.

Но мы уже указывали, по другому поводу, что на самонаблюденіе нельзя во всемъ полагаться. Его поле зрѣнія слишкомъ узко, многое остается внѣ этого поля, связь явленій познается неполно, а отсюда возникаютъ различныя иллюзіи Мы указывали, что иллюзіи всего легче возникаютъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о связи сознанія съ тѣмъ, что не есть сознаніе: оно и понятно, — вѣдь то, что не есть сознаніе, совсѣмъ не подлежитъ самонаблюденію.

Поэтому ко всѣмъ выводамъ, которые мы получаемъ путемъ самонаблюденія, мы будемъ относиться съ большой осторожностью Мы будемъ принимать ихъ за достовѣрные лишь тогда, когда они находятся въ полной гармоніи съ выводами болѣе точныхъ, объективныхъ способовъ изслѣдованія Гдѣ матеріалъ, полученный самонаблюденіемъ, окажется въ противорѣчіи съ результатами объективнаго изслѣдованія, тамъ мы должны отнести

этотъ матеріалъ къ области иллюзій, и вмѣсто того, чтобы дѣлать изъ него выводы, должны ставить вопросъ о происхожденіи данной иллюзіи [1])

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о методѣ, мы можемъ перейти къ разсмотрѣнію вопроса о роли сознанія въ психическихъ реакціяхъ различныхъ типовъ

Степень сознательности для различныхъ типовъ психическихъ реакцій находится въ соотвѣтствіи со степенью различенія въ нихъ внѣшнихъ вліяній. наименьшая — для рефлекторныхъ, наибольшая для пластичныхъ, средняя—для привычныхъ реакцій

Простые рефлексы принято считать вполнѣ безсознательными дѣйствіями И это, пожалуй, вѣрно для психики высшаго строенія, напр. человѣческой. Наблюдая собственную психику, мы не находимъ непосредственной связи рефлексовъ съ фактами сознанія Объективное наблюденіе подтверждаетъ это тѣмъ, что въ механизмѣ простого рефлекса непосредственно не участвуютъ высшіе, кортикальные центры — тѣ, которые считаются центрами сознанія О „сознаніи“ низшихъ центровъ (напр., о предполагаемой нѣкоторыми физіологами „спинно-мозговой душѣ“) мы не знаемъ ничего вполнѣ достовѣрнаго.

Но мы не можемъ остановиться на рѣзкомъ противоположеніи сознательной и безсознательной психики; мы не можемъ признать ихъ различіе абсолютнымъ. Предполагать, что психическіе процессы въ высшихъ центрахъ существенно отличаются отъ психическихъ процессовъ въ низшихъ,

---

[1]) Многіе склонны преувеличивать различіе между „самонаблюденіемъ“ и „внѣшнимъ наблюденіемъ“ Примѣненіе во второмъ случаѣ органовъ внѣшнихъ чувствъ создаетъ, конечно, различіе, но различіе это, въ сущности, того же рода, какъ при наблюденіи простымъ глазомъ и при помощи телескопа посредствующая роль внѣшнихъ чувствъ аналогична роли зрительныхъ или слуховыхъ приборовъ физики Съ точки зрѣнія *отдѣльной особи*, всякое наблюденіе можно разсматривать, какъ „самонаблюденіе“ вѣдь непосредственно для особи существуютъ только факты ея сознанія, и только съ ними она имѣетъ дѣло, только фактами сознанія, которые она наблюдаетъ въ себѣ самой, являются и воспріятія внѣшнихъ чувствъ, и только изъ „самонаблюденія“, т. е. наблюденія своихъ воспріятій знаетъ она косвенно о внѣшнемъ мірѣ Все это, конечно, только съ точки зрѣнія *изолированной* особи А съ точки зрѣнія *общественной* особи противоположеніе между двумя способами наблюденія имѣетъ еще меньше основаній въ процессѣ психическаго общенія особей (при помощи рѣчи, мимики и т. под.) то, что для одного человѣка существуетъ въ прямомъ самонаблюденіи, для другого — становится предметомъ косвеннаго наблюденія, въ которомъ посредникомъ являются внѣшнія чувства (одинъ человѣкъ слушаетъ рѣчь другого и такимъ образомъ узнаетъ, что этотъ другой непосредственно чувствуетъ)

было бы ненаучно: такому допущенію прямо противорѣчитъ тотъ фактъ что и высшіе и низшіе центры происходятъ изъ одинаковыхъ эмбріональныхъ элементовъ. Наблюдаемое въ исторіи каждаго организма и всего зоологическаго міра развитіе высшихъ, сознательныхъ реакцій изъ рефлекторныхъ, безсознательныхъ необходимо заставляетъ насъ признать лишь относительною сознательность однихъ и безсознательность другихъ. Если самонаблюденіе не даетъ намъ прямыхъ указаній на эту относительность, то страннаго тутъ ничего нѣтъ: матеріалъ самонаблюденія всего менѣе пригоденъ именно тамъ, гдѣ интенсивность и связность сознанія уменьшается, гдѣ происходитъ переходъ къ безсознательному [1])

Во всякомъ случаѣ, рефлексы важны для нашей задачи только какъ историческое начало развитія высшихъ формъ. А по отношенію къ этимъ послѣднимъ связь между степенью сознательности и степенью различенія выступаетъ достаточно ясно.

Привычныя дѣйствія всегда въ извѣстной мѣрѣ сознательны, но не всегда въ одинаковой. Обыкновенно, привычная реакція, при наличности вызывающихъ ее условій, не повторяется во время сна или когда вниманіе отвлечено въ другую сторону,—другими словами, когда дѣятельность высшихъ центровъ подавлена или ограничена Однако, наиболѣе привычныя дѣйствія и въ этихъ случаяхъ выполняются, какъ принято говорить, машинально, т е безсознательно или почти безсознательно. Вообще, привыч-

---

[1]) Не прибѣгая къ такому грубо противорѣчивому представленію, какъ абсолютная безсознательность рефлексовъ, и сознательность высшихъ реакцій, которыя изъ рефлексовъ произошли, мы можемъ до извѣстной степени разъяснить себѣ дѣло на основаніи чисто объективныхъ данныхъ и законныхъ аналогій

Изъ физіологіи извѣстно, что въ высшихъ центрахъ начинные процессы протекаютъ съ наибольшей интенсивностью Гистологія указываетъ на величайшую связность этихъ процессовъ — Итакъ, кортикальное сознаніе должно отличаться интенсивностью и организованностью, аналогичная дѣятельность другихъ центровъ должна быть гораздо менѣе интенсивна и сравнительно безсвязна, неорганизована Это одна сторона различія, объясняющая, почему „сознаніе“ низшихъ центровъ недоступно самонаблюденію

Другая сторона дѣла Низшіе центры обладаютъ значительной отдѣльностью, не зависимостью отъ высшихъ въ своихъ жизненныхъ процессахъ объ этомъ свидѣтельствуетъ самостоятельный характеръ тѣхъ же рефлекторныхъ реакцій Поэтому, если непосредственное „сознаніе“ простого рефлекса, которое существуетъ въ рефлекторномъ центрѣ, недоступно наблюденію кортикальнаго сознанія, то это такъ же естественно и понятно, какъ невозможность при помощи самонаблюденія прямо проникнуть въ сознаніе другого человѣка или животнаго

ная реакція, становясь съ теченіемъ времени консервативнѣе, становится и болѣе автоматичной, менѣе сознательной: по мѣрѣ того, какъ уменьшается ея пластичность, способность измѣняться съ измѣненіемъ условій — т е, выражающееся въ ней различеніе условій,—уменьшается и сознательность.

Что касается пластичныхъ реакцій, то онѣ всегда сознательны, сознательны по преимуществу. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ высшей степени различенія условій въ данной группѣ формъ приспособленія.

Въ такой тѣсной связи между сознаніемъ и различеніемъ нѣтъ ничего удивительнаго Сознаніе, какъ приспособленіе организма, и есть не что иное, какъ различеніе условій по ихъ отношенію къ данному жизненному процессу· различеніе со стороны пользы и вреда, со стороны количества того и другого, наконецъ, со стороны „качества", т. е. неясно различаемаго, сложнаго количественнаго отношенія Такова биологическая роль сознанія; а играетъ ли оно еще какую-нибудь другую—объ этомъ мы рѣшительно ничего не знаемъ [1])

Чтобы конкретнѣе выяснить себѣ мѣсто сознанія въ психической жизни, надо опредѣленнѣе установить его отношеніе къ другимъ, внѣ-сознательнымъ элементамъ психическихъ формъ Для этого разсмотримъ сначала общую послѣдовательность явленій сознательной—привычной или пластичной реакціи.

Типичная, полная психическая реакція начинается съ внѣшняго раздраженія—опредѣленнаго воздѣйствія внѣшней среды на концевые аппараты чувствительныхъ нервовъ Въ формѣ нервнаго тока возбужденіе передается сначала низшимъ центрамъ—въ нервныхъ узлахъ, въ спинномъ мозгу, въ субкортикальныхъ областяхъ головного мозга Далѣе, при посредствѣ проэкціонныхъ волоконъ Meynert'a, возбужденіе достигаетъ высшихъ чувствительныхъ центровъ мозговой коры. Затѣмъ, уже въ мозговой корѣ, возбужденіе распространяется при помощи ассоціативныхъ волоконъ и вѣтвистыхъ отростковъ, захватывая двигательные центры коры Отсюда нервный токъ идетъ по проэкціоннымъ путямъ къ низшимъ двигательнымъ центрамъ. Изъ нихъ по двигательнымъ нервамъ возбужденіе передается концевымъ аппаратамъ въ мускульной (иногда въ железистой) ткани [2]) Здѣсь двигательная реакція завершается —Она измѣняетъ отношеніе организма къ его средѣ, и это измѣненіе можетъ въ свою очередь послужить на-

---

[1]) Идея, что сознаніе есть приспособленіе, впервые выставленная эволюціонистами, въ особенности дарвинистами, въ наше время поддерживается также наиболѣе выдающимися представителями критической философіи

[2]) Мелкія гистологическія подробности я опускаю для простоты изложенія

чаломъ новаго аналогичнаго цикла явленій, и т. д. Каждая наблюдаемая двигательная реакція представляетъ сложный комплексъ подобныхъ простыхъ процессовъ, связанныхъ между собой опредѣленными отношеніями одновременности и послѣдовательности.

Итакъ, въ полной реакціи можно различить два момента: центростремительный—начинается въ органахъ внѣшнихъ чувствъ, оканчивается въ чувствительныхъ (психосенсорныхъ) центрахъ коры,—и центробѣжный—начинается въ двигательныхъ (психомоторныхъ) центрахъ коры, оканчивается въ органахъ непосредственнаго движенія. Переходъ одного момента въ другой совершается, конечно, безъ опредѣленной границы. Идеальный „центръ“ всей реакціи лежитъ между чувствительными и двигательными центрами коры; тѣ и другіе, повидимому, анатомически сливаются, такъ что ихъ разграниченіе существуетъ до сихъ поръ лишь весьма грубое и приблизительное.

Въ каждомъ изъ обоихъ моментовъ реакціи для нашихъ цѣлей необходимо различать опять такія двѣ части: ту, которая протекаетъ въ корковыхъ центрахъ, и ту, которая протекаетъ внѣ ихъ. При современномъ состояніи психофизіологіи первую можно назвать „сознательной“, вторую—„внѣ-сознательной“.

Въ центростремительной реакціи ея сознательная часть представляетъ „различеніе“ (или сознаніе) полученнаго внѣшняго раздраженія: это именно то, что въ психологіи называется „воспріятіемъ“. Въ центробѣжной реакціи сознательная часть представляетъ „различеніе“ собственнаго отвѣта психики на внѣшнее раздраженіе, это соотвѣтствуетъ, приблизительно, тому, что у психологовъ называется „актомъ воли“.

Таково отношеніе сознанія къ внѣ-сознательной психикѣ въ типической полной реакціи. Не совсѣмъ такимъ является оно въ реакціяхъ неполныхъ.

b) Неполныя психическія реакціи.

Наиболѣе простой случай неполной психической реакціи, это тотъ, когда наблюденіе не находитъ послѣдней изъ четырехъ частей реакціи возбужденіе, достигнувъ уже психомоторныхъ центровъ, оказывается недостаточно сильнымъ, чтобы, дойдя оттуда до концевого мускульнаго аппарата, могло вызвать замѣтное движеніе. Это происходитъ въ различныхъ случаяхъ по различнымъ причинамъ. Иногда внѣшнее воздѣйствіе является слишкомъ слабымъ, чтобы произвести полную реакцію. Напр., если человѣкъ раненъ,

то онъ обыкновенно идетъ лѣчиться; но если поврежденіе незначительно, дѣло не идетъ дальше простого стремленія, которое не переходитъ во внѣшнее движеніе: въ стремленіи выражается уже возбужденіе психомоторнаго аппарата, но болѣе слабое, чѣмъ при полномъ актѣ воли. Иногда психическій подборъ ослабляетъ и обрываетъ процессъ передачи нервной энергіи въ его предпослѣдней стадіи. Напр., человѣкъ находится въ грустномъ настроеніи, энергія его психики понижена, вновь возникающія психическія реакціи подвергаются тому отрицательному подбору, который, какъ мы знаемъ, неразрывно связанъ съ чувствомъ страданія; опредѣленныя привычныя впечатлѣнія—видъ поданнаго кушанья, ощущеніе пустоты въ желудкѣ—вызываютъ стремленіе къ опредѣленнымъ привычнымъ дѣйствіямъ—къ принятію пищи; но психическій подборъ настолько уменьшаетъ энергію этого стремленія, что оно не можетъ перейти въ дѣйствіе [1]).

На основаніи многихъ физіологическихъ данныхъ приходится думать, что тамъ, гдѣ существуетъ стремленіе, т. е. замѣтное возбужденіе двигательныхъ центровъ коры, тамъ происходитъ и центробѣжная растрата энергіи, исходящая изъ этихъ центровъ. Если потраченная такимъ образомъ энергія и не вызываетъ видимыхъ движеній, а разсѣивается въ проводящихъ путяхъ, то все же общій характеръ реакціи остается прежній.

Далѣе, психическій процессъ можетъ не достигнуть стадіи возбужденія двигательныхъ центровъ, а закончиться на чувствительныхъ центрахъ коры. Тогда получается то, что слѣдуетъ назвать „реакціей воспріятія“. Это очень частая форма неполной реакціи. На каждомъ шагу человѣкъ получаетъ отъ внѣшней среды различныя впечатлѣнія, которыя не только не вызываютъ съ его стороны непосредственныхъ отвѣтныхъ дѣйствій, но даже не порождаютъ въ немъ замѣтныхъ для него стремленій.

Повидимому, эта группа реакцій не можетъ быть отнесена къ двигательнымъ. Но здѣсь надо только вспомнить то, что было выяснено раньше. подобная реакція вовсе не была бы психическимъ п р и с п о с о б л е н і е м ъ,

---

[1]) Въ наблюденіяхъ подобнаго рода слѣдуетъ имѣть въ виду ошибки, происходящія отъ грубости способовъ изслѣдованія. Въ большинствѣ случаевъ, тамъ, гдѣ, повидимому, дѣло оканчивается на простомъ стремленіи, внѣшняя реакція въ дѣйствительности воспроизводится, только въ ослабленной степени человѣкъ самъ не замѣчаетъ—но при большомъ вниманіи часто можетъ и замѣтить,—что у него сокращаются именно тѣ мускулы, которые участвуютъ въ полной реакціи. Даже, вообще говоря, очень сомнительно, и во всякомъ случаѣ не доказано, чтобы при напряженіи ясно сознаваемаго стремленія въ нормальномъ организмѣ могли в п о л н ѣ отсутствовать соотвѣтственныя мускульныя сокращенія, хотя бы и очень слабыя. Только при перерывѣ двигательныхъ путей это, разумѣется, не только возможно, но даже неизбѣжно.

если бы она не измѣняла внутреннія отношенія двигательнаго аппарата, и такимъ образомъ косвенно не опредѣляла бы формъ внѣшняго движенія организма. Это—настоящая „двигательная реакція“, потому что ея *біологическій смыслъ* заключается въ фактахъ внѣшняго движенія [1]).

Тѣ случаи, когда возбужденіе, вызванное извнѣ, совсѣмъ не достигаетъ стадіи сознанія, сейчасъ не представляютъ для насъ интереса Но вообще для жизни психики они очень важны Они наиболѣе многочисленны, точнѣе даже—безчисленны; и изъ суммированія этихъ безконечно малыхъ вліяній могутъ возникать существенныя измѣненія психики.

Гораздо сложнѣе анализъ механизма тѣхъ неполныхъ реакцій, въ которыхъ не хватаетъ *начальныхъ* моментовъ психическаго процесса,—которыя возникаютъ въ чувствительныхъ или двигательныхъ центрахъ коры безъ прямого повода въ видѣ внѣшняго раздраженія. Здѣсь надо припомнить то, что раньше говорилось о подборѣ психическихъ формъ

Если психическій подборъ благопріятенъ для данной реакціи, то, какъ мы знаемъ, энергія ея элементовъ возрастаетъ, и связь ихъ дѣлается прочнѣе, тѣснѣе. Такимъ образомъ, для возбужденія этихъ элементовъ становится достаточнымъ все болѣе слабаго толчка извнѣ (они какъ бы „сильнѣе заряжены“), а разъ начавшееся возбужденіе однихъ все легче распространяется на остальные. Теперь та же самая реакція возникаетъ уже не только въ случаѣ раздраженія всѣхъ или большинства концевыхъ чувствительныхъ аппаратовъ, съ которыхъ она раньше начиналась, но и въ случаѣ раздраженія хотя бы немногихъ изъ этихъ аппаратовъ. Мало того, въ дальнѣйшемъ развитіи она можетъ обнаруживаться иногда и помимо всякаго прямого раздраженія изъ внѣшняго міра: она наступаетъ тогда благодаря возбужденію нѣкоторыхъ ея элементовъ со стороны смежныхъ съ ними въ психиче-

---

[1]) Въ томъ сложномъ явленіи, которое у психологовъ носитъ названіе воспріятія, перцепціи, обыкновенно участвуютъ множество специальныхъ мускульныхъ движеній и соотвѣтственныхъ имъ „стремленій“ съ органами внѣшнихъ чувствъ, какъ ихъ необходимая, иногда наиболѣе существенная часть, связаны специальные мускульные аппараты Такъ, въ зрительномъ воспріятіи форма предметовъ и ихъ разстояніе опредѣляется въ сознаніи при посредствѣ чрезвычайно сложныхъ комбинацій сокращенія глазныхъ мускуловъ. Въ слуховыхъ воспріятіяхъ, вѣроятно, участвуютъ—какъ именно, это еще не выяснено—движенія мускуловъ средняго уха По теоріи А. Бернштейна мелодія воспринимается въ значительной мѣрѣ при помощи иннервационныхъ ощущеній гортаннаго голосового аппарата, напряженіе мышцъ котораго рефлекторно измѣняется въ зависимости отъ смѣны тоновъ Въ осязательныхъ воспріятіяхъ важную роль играютъ движенія различныхъ произвольныхъ мускуловъ, о воспріятіяхъ собственно мускульнаго, иннервационнаго чувства и говорить нечего

ской системѣ, „ассоціированныхъ“ съ ними элементовъ другихъ психическихъ формъ. Особенно легко случается это въ сферѣ сознанія—въ мозговой корѣ, гдѣ такъ многочисленны, разнообразны и измѣнчивы связи между нервными клѣтками, и гдѣ жизненные процессы протекаютъ съ такой чрезвычайной интенсивностью для этихъ элементовъ, съ ихъ значительнымъ напряженіемъ накопленной энергіи, уже отъ незначительнаго толчка можетъ наступить дѣятельное состояніе (познаваемое, какъ „актъ сознанія“) въ видѣ кризиса, подобнаго „взрыву“, а каждый такой кризисъ при посредствѣ системы проводниковъ можетъ дать начало многимъ подобнымъ же кризисамъ. Воспроизведеніе реакцій при отсутствіи тѣхъ внѣшнихъ раздраженій, которыя первоначально ихъ вызывали, встрѣчается на каждомъ шагу; и нерѣдко достаточно небольшого числа повтореній при наличности вызывающихъ реакцію раздраженій, чтобы затѣмъ стало возможно повтореніе и безъ нихъ. Такъ, ребенку достаточно нѣсколько разъ прочитать стихи по книгѣ (реакція на почвѣ опредѣленныхъ зрительныхъ впечатлѣній), и потомъ онъ можетъ прочитать ихъ наизусть (та же реакція, но въ отсутствіи вызывающихъ зрительныхъ впечатлѣній) [1]).

Теперь остановимся подробнѣе на первомъ моментѣ сознательно-психической реакціи—на моментѣ „воспріятія“, который оканчивается въ чувствительныхъ центрахъ коры

Если реакція воспріятія повторяется въ психикѣ б е з ъ наличности тѣхъ внѣшнихъ раздраженій, которыя раньше ее обусловливали, то она оказывается при этомъ н е п о л н о ю и въ самомъ сознаніи. Если ученикъ читаетъ стихи наизусть, то въ его сознаніи нѣтъ воспріятія той печатной страницы, на которой онъ ихъ читалъ раньше, а есть только п р е д с т а в л е н і е этой страницы. Въ какомъ же смыслѣ представленіе меньше воспріятія?—То возбужденіе, которое отъ периферіи черезъ безсознательно-психическіе элементы передается клѣткамъ сознательной психики, имѣетъ свои особенности, и далеко не одинаково съ тѣмъ возбужденіемъ, которое отъ однѣхъ кортикальныхъ клѣтокъ передается другимъ. Слѣдовательно, въ новомъ повтореніи акта сознанія, въ „представленіи“ не хватаетъ того, что дается собственно только передачей внѣшняго раздраженія черезъ органы чувствъ,

[1]) По закону причинности, только одинаковыя вліянія вызываютъ въ одинаковыхъ формахъ процессовъ одинаковыя измѣненія Здѣсь же, какъ видимъ, и при отсутствіи прежнихъ вліяній въ психикѣ возникаютъ одинаковыя съ прежними реакціи Но, очевидно, противорѣчія здѣсь нѣтъ никакого если дѣятельное состояніе аппарата реакціи наступаетъ и безъ тѣхъ внѣшнихъ условій, которыми раньше оно порождалось, то исключительно потому, что самый аппаратъ уже не тотъ, что раньше,—онъ измѣнился

не хватаетъ тѣхъ элементовъ, которые соотвѣтствуютъ наиболѣе прямому, наиболѣе непосредственному воздѣйствію внѣшней среды на сознательную психику. Отчасти тутъ разница заключается въ меньшей интенсивности процесса „представленія“, но этимъ она не исчерпывается. представленіе не есть просто ослабленное воспріятіе. Повидимому, въ актѣ представленія нѣтъ или почти нѣтъ дѣятельнаго состоянія тѣхъ элементовъ мозговой коры, которые лежатъ первыми на пути идущаго извнѣ возбужденія, которые первыми воспринимаютъ энергію внѣшняго вліянія [1]). При обыкновенныхъ условіяхъ воздѣйствіе со стороны другихъ элементовъ коры недостаточно, чтобы привести эти элементы въ дѣятельное состояніе. А если иногда оно оказывается достаточнымъ, то получается уже не представленіе, а воспріятіе, именно, галлюцинація—воспріятіе того, чего нѣтъ (повидимому то же бываетъ и въ сновидѣніяхъ) [2]).

---

[1]) Возможно также, что дѣятельность низшихъ (субкортикальныхъ, спинно-мозговыхъ) центровъ входитъ въ составъ процессовъ сознанія, когда эти центры возбуждаются *совмѣстно* съ высшими объединяющими органами психики. Это нисколько не противорѣчило бы тому взгляду, что низшіе центры сами по себѣ „безсознательны“ ибо сознаніе основывается на связности, организованности происходящихъ въ психикѣ измѣненій, положимъ, высшіе центры являются специальнымъ органомъ, создающимъ такую связь и организацію, когда низшіе функціонируютъ отдѣльно отъ нихъ, „сознанія“, конечно, еще нѣтъ. но когда дѣятельность низшихъ центровъ непосредственно связывается съ дѣятельностью высшихъ, то первая можетъ составлять интегральную часть акта сознанія Тогда разница между воспріятіемъ и представленіемъ сведется бы къ участію въ первомъ случаѣ низшихъ центровъ —Мнѣ кажется что такой взглядъ наиболѣе соотвѣтствуетъ тому, что намъ извѣстно объ анатомическомъ и физіологическомъ единствѣ нервной системы

[2]) То, чего не хватаетъ представленію до воспріятія можно бы назвать „чистымъ ощущеніемъ“ Въ дѣйствительности наблюдать его отдѣльно не приходится, это воображательная абстракція—воспріятіе минусъ представленіе Если человѣкъ видитъ волка, то это воспріятіе, если образъ возникаетъ въ сознаніи при отсутствіи самого волка, это представленіе, а „чистое ощущеніе“, соотвѣтствующее этимъ фактамъ, нельзя себѣ и представить въ отдѣльности

Какъ видимъ, чистое ощущеніе есть величина дифференціальная, несамостоятельная особой психической реакціи такого рода не существуетъ И это вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему понятію о центрахъ сознанія сознаніе, доступное самонаблюденію, есть *организованное*, потому отдѣльное возбужденіе тѣхъ центральныхъ элементовъ, которые лежатъ первыми на пути энергіи внѣшняго возбужденія, вовсе не было бы актомъ такого сознанія, не захватывая, въ той или иной степени, остальныхъ элементовъ сознательной психики, оно осталось бы внѣ общей связи сознательныхъ процессовъ. Эти процессы нельзя представлять себѣ происходящими въ различныхъ уголкахъ психики отдѣльно сознаніе есть проявленіе цѣлостной жизни психики

Такимъ образомъ, неправильно разсматривать воспріятіе, какъ синтезъ чистаго ощу-

Воспріятіе и его производное—представленіе—относятся къ центростремительной части сознательной реакціи. Центробѣжная часть сводится къ аналогичнымъ же формамъ Воспріятію внѣшняго вліянія соотвѣтствуетъ воспріятіе совершаемаго дѣйствія (иннерваціонное воспріятіе), представленію—стремленіе Если изъ высшихъ центровъ къ мышцамъ направляется потокъ нервной энергіи, способный вызвать сокращеніе мышцъ, то въ сознаніи оказывается налицо воспріятіе выполняемаго дѣйствія. Если центробѣжный потокъ не захватываетъ послѣднихъ двигательныхъ элементовъ системы, тѣхъ, отъ которыхъ ближайшимъ образомъ зависитъ фактическое выполненіе внѣшней реакціи, то воспріятіе дѣйствія не можетъ возникнуть: получается стремленіе [1]).

Всѣ установленныя въ предыдущемъ разграниченія видовъ неполныхъ реакцій еще вполнѣ абстрактны. Врядъ-ли возможно наблюдать такой актъ сознанія, который не соединялъ бы въ себѣ элементовъ всѣхъ указанныхъ типовъ, только въ различныхъ отношеніяхъ Сообразно съ преобладаніемъ тѣхъ или другихъ элементовъ, психологъ наблюдаемому факту сознанія отводитъ мѣсто въ той или другой группѣ. Воспріятіе внѣшняго явленія или представленіе о немъ всегда заключаетъ въ себѣ иннерваціонные элементы, напр., никакое зрительное воспріятіе не обходится, какъ мы знаемъ, безъ движеній глазныхъ мускуловъ, никакое зрительное представленіе—безъ стремленія воспроизвести соотвѣтственныя движенія этихъ мускуловъ. Точно такъ же съ иннерваціоннымъ воспріятіемъ совершаемаго дѣйствія при обычныхъ условіяхъ всегда соединяется рядъ воспріятій осязательныхъ. зрительныхъ, слуховыхъ, и т д., порождаемыхъ самымъ дѣйствіемъ (поэтому, если, благодаря перерыву проводящихъ путей, дѣйствіе не совершается фактически, не смотря на иннервацію, то и не получается настоящаго воспріятія совершаемаго дѣйствія —не хватаетъ массы необходимыхъ элементовъ полнаго воспріятія). Стремленіе къ какому-нибудь дѣйствію постоянно сопровождается съ одной стороны представленіемъ этого дѣйствія, съ другой стороны—ослабленнымъ, частичнымъ воспроизведеніемъ самаго дѣйствія; и чѣмъ сильнѣе стремленіе, тѣмъ ярче представленіе, и тѣмъ въ большей мѣрѣ съ актомъ сознанія соединяются дѣйствительныя двигательныя реакціи частичнаго характера.

щенія и представленія не изъ ощущенія и представленія получается воспріятіе, а изъ сравненія воспріятій и представленій получается понятіе чистаго ощущенія

[1]) Если изъ полнаго воспріятія дѣйствія вычесть то, что имѣется въ актѣ стремленія, то разность составила бы чистое „ощущеніе иннервацiи", и оно такъ же не существуетъ въ отдѣльности какъ чистое ощущеніе внѣшняго воздѣйствія

Посмотрите на человѣка, которому хочется отплатить за обиду, но нѣтъ возможности кулаки сжимаются, глаза сверкаютъ, дыханіе прерывисто, туловище наклоняется слегка впередъ, рука немного отводится назадъ (начало движенія, которымъ наносится ударъ) и т. д.—цѣлый комплексъ частичныхъ движеній, входящихъ въ составъ акта борьбы. Но для прямого, обычнаго наблюденія уже незамѣтны болѣе мелкія мускульныя сокращенія, а громадное большинство постоянно происходящихъ колебаній тонуса мышцъ ускользаетъ и отъ болѣе совершенныхъ пріемовъ изслѣдованія.

Въ общемъ, изложенное раздѣленіе неполныхъ реакцій необходимо, какъ пріемъ изслѣдованія; но пользоваться этой абстракціей, какъ и всякой другой, надо такимъ образомъ, чтобы отъ нея шагъ за шагомъ восходить къ явленію въ его конкретности

Рефлексы были пока оставлены у насъ въ сторонѣ· дѣло шло о сознательныхъ реакціяхъ. Но рефлексы связаны съ сознаніемъ гораздо тѣснѣе, чѣмъ это можетъ показаться. Во всякой сознательной реакціи участвуютъ и чисто рефлекторные элементы (напр , измѣненіе въ тонусѣ сосудодвигателей, управляющихъ сосудами тѣхъ же мускуловъ, которые дѣйствуютъ) Съ другой стороны, рефлексъ, вызывая перемѣщеніе частей организма, служитъ исходной точкой цѣлаго ряда реакцій воспріятія, а за ними и другихъ. Человѣкъ получаетъ, напр . воспріятіе собственнаго рефлекторнаго дѣйствія. Наконецъ, центробѣжная задержка рефлексовъ представляетъ важную форму психической дѣятельности; а въ этой задержкѣ въ значительной мѣрѣ участвуетъ сознательная психика.

Вообще же, въ психической жизни рефлексы и сознательныя реакціи такъ тѣсно перемѣшиваются между собою, что разграниченіе ихъ во многихъ конкретныхъ случаяхъ становится невозможнымъ. Напр., дыханіе есть рефлекторный актъ, который во всякій данный моментъ можетъ стать сознательнымъ.

с) Значеніе неполныхъ реакцій.

Поскольку въ неполныхъ реакціяхъ моментъ внѣшняго движенія имѣется налицо, постольку ихъ біологическая роль очевидна и безъ поясненій,— а именно такая, какъ вообще всѣхъ двигательныхъ приспособленій Но поскольку въ нихъ не хватаетъ именно этого заключительнаго момента, ихъ значеніе можетъ показаться весьма сомнительнымъ. Какая польза организму отъ актовъ сознанія, не переходящихъ въ дѣйствіе? Не представляютъ ли они излишнюю растрату психической энергіи? Почему подборъ не устра-

няетъ ихъ? Казалось бы, для организма выгоднѣе ограничиться „практическими“ реакціями—дѣйствіями, а „теоретическія“, не выходящія за предѣлы психики, для него безполезны

Прежде всего, неполныя реакціи поддерживаютъ жизнеспособность двигательныхъ приспособленій. Если реакція долго не воспроизводится, хоть въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, напр , въ актѣ сознанія, то аппаратъ ея можетъ разстроиться, атрофироваться, какъ и всякій другой органъ при такихъ условіяхъ.—Конечно, въ этомъ смыслѣ гораздо болѣе велико значеніе полныхъ реакцій. представляемое дѣйствіе не можетъ замѣнить реальнаго хотя бы потому, что первое—слишкомъ плохая гимнастика для мускуловъ и двигательныхъ нервовъ.

Гораздо важнѣе другая сторона дѣла. Но ея выясненіе удобнѣе начать съ конкретнаго примѣра

Человѣкъ очутился въ необычныхъ для него и затруднительныхъ обстоятельствахъ Онъ находится въ верхнемъ этажѣ дома, который горитъ, а удалиться привычнымъ способомъ—чрезъ дверь—невозможно, потому что пламя уже охватило корридоры Но открытое окно представляетъ условія, довольно аналогичныя тѣмъ, какія представляетъ открытая дверь, а такъ какъ для повторенія привычной реакціи достаточно условій, сколько-нибудь сходныхъ съ тѣми, которыя первоначально ее вызывали, то человѣкъ легко приходитъ къ попыткѣ выбраться чрезъ окно Очутившись на внѣшнемъ выступѣ окна, онъ видитъ прямо подъ собою отвѣсную стѣну, и затѣмъ землю въ разстояніи 20 метровъ Прямыми приспособленіями для лазанья по такой стѣнѣ психика не располагаетъ Человѣкъ осматривается кругомъ—привычная реакція для всѣхъ случаевъ физической неприспособленности. Онъ замѣчаетъ слѣдующее Направо вблизи отъ окна расположены рельефныя украшенія, которыя уступами идутъ внизъ, почти доходя до широкаго карниза Карнизъ этотъ проходитъ мимо водосточной трубы, которая спускается до нижняго этажа и оканчивается на два метра отъ земли Всѣ эти обстоятельства вызываютъ въ психикѣ рядъ привычныхъ двигательныхъ реакцій—вызываютъ сначала въ неполномъ видѣ, въ сферѣ только сознанія Дѣло въ томъ, что идущія внизъ уступами рельефныя украшенія представляютъ отчасти тѣ же условія, что ступеньки лѣстницы, а потому въ сознаніи въ видѣ представленія и стремленія возобновляется привычная реакція схожденія по ступенькамъ Далѣе, широкій, плоскій карнизъ воспроизводитъ почти тѣ же условія, что любая дорожка, по какой человѣкъ привыкъ ходить, а водосточная труба—въ значительной мѣрѣ тѣ же, что стволы деревьевъ, по которымъ человѣку въ дѣтствѣ не

разъ случалось лазать. Въ сознаніи, слѣдовательно, воспроизводятся привычныя реакціи хожденія и лазанья. Наконецъ, небольшое разстояніе отъ конца трубы до земли почти точно воспроизводитъ условія привычнаго прыжка, и представленіе о немъ также выступаетъ въ сознаніи. Психика такимъ образомъ сразу комбинируетъ цѣлый рядъ привычныхъ приспособленій. Въ соединеніи со зрительнымъ воспріятіемъ, которое ихъ вызвало, они становятся матеріаломъ для новой пластичной реакціи, которая и должна явиться подходящимъ приспособленіемъ для данныхъ необычныхъ условій передвиженія

Новое приспособленіе возникаетъ отчасти путемъ соединенія старыхъ, отчасти путемъ ихъ варіаціи. Простого соединенія привычныхъ реакцій обыкновенно недостаточно, и вотъ почему. Рельефныя украшенія стѣнъ не совсѣмъ то, что ступеньки лѣстницы, карнизъ не совсѣмъ то, что дорожка, водосточная труба—не стволъ дерева, и т. д Въ зависимости отъ различій въ условіяхъ, указанныя реакціи необходимо видоизмѣняются другими, соотвѣтствующими этимъ различіямъ. Такъ напр, спускаясь съ одного выступа на другой, человѣкъ долженъ цѣпляться руками за верхній выступъ, ногами тщательно ощупывать точку опоры—привычныя, почти рефлекторныя реакціи для всѣхъ случаевъ, когда существуетъ опасность паденія

Въ концѣ концовъ, путемъ психическаго подбора изъ всего матеріала одновременно возникшихъ фактовъ сознанія создается цѣлесообразное пластическое приспособленіе, сначала только какъ реакція сознанія—планъ дѣйствій Въ его формированіи участвуетъ гораздо больше старыхъ приспособленій, чѣмъ мы могли указать: вѣдь обстоятельства были гораздо сложнѣе, чѣмъ въ описаніи, а потому въ сознаніи должно было возникнуть гораздо больше образовъ и стремленій. По психическій подборъ устранилъ большинство ихъ, какъ неподходящія ко всей совокупности условій приспособленія

Когда выработается пластичная реакція сознанія, вполнѣ соотвѣтствующая условіямъ, то психическій подборъ быстро усиливаетъ ее и доводитъ до степени дѣйствія Къ счастію, этотъ процессъ на дѣлѣ совершается гораздо быстрѣе, чѣмъ въ аналитическомъ описаніи.

Таковъ способъ, по которому психика выполняетъ свою творческую дѣятельность. Человѣкъ соображаетъ способы дѣйствія въ его сознаніи выступаютъ различныя сочетанія старыхъ реакцій, но выступаютъ только въ сознаніи—въ видѣ образовъ—представленій, стремленій. Они возникаютъ потому, что новыя условія, къ которымъ надо приспособиться,

вовсе не совершенно новы для психики, да и не могутъ быть таковыми. Каждое новое внѣшнее вліяніе разлагается на элементы, подобные пережитымъ раньше, но только являющіеся въ новомъ сложномъ сочетаніи. Соотвѣтственно прежнимъ элементамъ новаго сочетанія возбуждаются различные механизмы сложившихся реакцій; они возбуждаются въ различной мѣрѣ, но вначалѣ, большей частью, не вполнѣ, не настолько, чтобы наступало самое дѣйствіе. Затѣмъ изъ нихъ путемъ психическаго подбора создается новое сочетаніе, какъ форма приспособленія къ даннымъ обстоятельствамъ; и оно возникаетъ еще только въ сознаніи—въ видѣ представленія объ опредѣленномъ комплексѣ дѣйствій, и стремленія осуществить его. Но психическій подборъ, благопріятный для новой сложившейся формы, усиливаетъ это стремленіе, такъ что оно переходитъ въ дѣйствіе: реакція неполная превращается въ полную.

На этомъ примѣрѣ можно понять громадное значеніе неполныхъ реакцій для психической пластики. Въ чемъ состоитъ такая пластика? Это сложный, и дорого стоящій психикѣ процессъ подбора психическихъ формъ. Непережитыя раньше сочетанія условій возбуждаютъ, прямо и косвенно, не одинъ, а множество реактивныхъ механизмовъ Изъ возникающихъ при этомъ реакцій процессъ подбора (главнымъ образомъ, психическаго) поддерживаетъ и до извѣстной степени усиливаетъ однѣ, устраняетъ или до извѣстной степени ослабляетъ другія; наконецъ, получается такое сочетаніе, которое наиболѣе подходитъ къ даннымъ обстоятельствамъ, т. е. при данныхъ обстоятельствахъ наиболѣе сохраняется и усиливается дѣйствіемъ подбора Но раньше, чѣмъ получится такая форма приспособленія, отрицательная дѣятельность подбора обыкновенно далеко преобладаетъ надъ положительной: гораздо большее число частичныхъ реакцій устраняется, чѣмъ поддерживается.

Какъ мы видѣли на взятомъ примѣрѣ, эта отрицательная работа подбора происходитъ главнымъ образомъ въ сферѣ неполныхъ реакцій, именно въ сознаніи А хорошо ли было бы, если бы подборъ имѣлъ дѣло только съ полными реакціями? Такъ какъ полная реакція представляетъ гораздо болѣе значительную затрату психической энергіи, чѣмъ неполная, то въ этомъ случаѣ на пластику пошло бы громадное количество энергіи. Кромѣ того, неудачныя движенія успѣвали бы причинить немалый вредъ организму, прежде чѣмъ подбору удавалось бы остановить ихъ Процессъ приспособленія слишкомъ дорого обходился бы психикѣ И вотъ здѣсь то обнаруживается высокополезная роль неполныхъ реакцій, въ частности — актовъ сознанія.

Но участіе сознанія въ пластикѣ важно не только тѣмъ, что сокращаетъ

непосредственную растрату энергіи на приспособленіе и охранять психику отъ поспѣшныхъ „ложныхъ шаговъ“. Оно полезно еще въ томъ смыслѣ, что позволяетъ гораздо большему числу психическихъ формъ принять участіе въ пластикѣ. Неполныя реакціи, составляя гораздо меньшую растрату энергіи, чѣмъ полныя, и возникаютъ гораздо легче, и одновременное число ихъ въ психикѣ можетъ быть гораздо больше. Когда же изъ нихъ сложится окончательная реакція, то она, естественно, окажется и болѣе совершенной, благодаря тому, что въ ея выработкѣ участвовала болѣе значительная доля всей психики. Какъ много возможныхъ способовъ дѣйствія успѣваетъ человѣкъ перебрать въ своемъ сознаніи, когда онъ только *соображаетъ*, и какъ мало попытокъ онъ успѣлъ бы привести въ исполненіе, если бы каждое возникающее въ психикѣ стремленіе немедленно начинало осуществляться въ дѣйствіи!

Изъ всего только что изложеннаго нетрудно видѣть, что *сознательная психика есть настоящее приспособленіе для развитія*. Именно ей обязано человѣчество своей возрастающей властью надъ природой [1])

---

[1]) Здѣсь умѣстно сказать нѣсколько словъ по поводу такъ называемыхъ „безсознательныхъ представленій и стремленій“ и особенно „безсознательныхъ умозаключеній“ Эти крайне своеобразныя психологическія понятія еще встрѣчаются у многихъ психологовъ Они опираются на факты внѣ-сознательной пластики психическихъ формъ Нерѣдко человѣкъ, даже неожиданно для себя, находитъ въ своемъ сознаніи новый, цѣльный комплексъ представленій, сложившихся совершенно незамѣтно для сознанія Напр, утомленный долгимъ обдумываніемъ труднаго теоретическаго или практическаго вопроса, человѣкъ совсѣмъ бросаетъ думать о немъ Но черезъ нѣкоторое время въ сознаніи вдругъ сразу возникаетъ готовое, удовлетворительное рѣшеніе вопроса очевидно, приспособленіе сложилось внѣ сознанія Затѣмъ цѣлый рядъ сравнительно простыхъ, автоматически выполняемыхъ психическихъ актовъ могутъ быть представлены какъ результатъ „умозаключенія“, этотъ логическій процессъ, котораго въ сознаніи не находятъ, предполагаютъ тогда въ области безсознательнаго Напр, когда человѣкъ относитъ оба изображенія предмета, получаемыя въ двухъ глазахъ, къ одному предмету, то это можетъ быть представлено, какъ результатъ умозаключенія—отъ взаимнаго соотвѣтствія изображеній на двухъ сѣтчаткахъ къ тожеству ихъ внѣшней причины Если сносить глаза, изображенія оказываются не на взаимно-соотвѣтственныхъ мѣстахъ, прежняго умозаключенія не получается—предметъ двоится въ глазахъ Всѣ такіе факты, дѣйствительно, указываютъ на существенное тожество пластическихъ процессовъ въ сознаніи и безсознательной психикѣ, на условность разграниченія этихъ сферъ, пожалуй, они указываютъ даже на вѣроятность существованія въ нашей психикѣ, помимо центральнаго сознанія, еще другихъ „сознаній“, внѣ-центральныхъ, равносильныхъ въ „безсознательной психикѣ“ и живущихъ своею особенной, хотя и подчиненной жизнью — Но все-же лучше отрицательно отнестись къ употребленію такихъ терминовъ, какъ

d) Гармонія и противорѣчія въ мірѣ сознанія.

Въ процессахъ психической пластики—а къ нимъ сводится почти вся сознательная жизнь человѣка—сознаніе на каждомъ шагу становится полемъ одновременнаго проявленія различныхъ представленій и стремленій. Тогда эти представленія и стремленія подлежатъ психическому подбору не только сами по себѣ, но и по своему взаимному отношенію. Они могутъ оказываться **приспособленными** или **неприспособленными** другъ къ другу; а благодаря этому **изъ самаго ихъ соотношенія** можетъ возникать временное повышеніе или пониженіе жизнедѣятельности центровъ сознанія —Каждому по опыту извѣстно, что одни сочетанія фактовъ сознанія вызываютъ такое чувство удовольствія, какого не могли бы дать всѣ эти факты, взятые въ иной связи; другія сочетанія такимъ же образомъ вызываютъ спеціальное чувство страданія Напр., въ картинѣ одно сочетаніе образовъ даетъ такое эстетическое удовольствіе, какого не можетъ дать другое сочетаніе тѣхъ же образовъ, а въ третьемъ сочетаніи получится даже непріятное впечатлѣніе. Такъ какъ въ этихъ чувствахъ выражается психическій подборъ, то очевидно, что ему подлежатъ не только формы сознанія въ отдѣльности, но и **связь** между ними: она становится болѣе прочной, когда, благодаря данному сочетанію актовъ сознанія, возрастаетъ непосредственная приспособленность центровъ сознанія, она ослабѣваетъ или разрушается, когда, благодаря одновременному появленію данныхъ формъ въ сознаніи, энергія высшихъ центровъ понижается

Въ первомъ случаѣ отношеніе двухъ формъ сознанія обозначается, какъ взаимное **соотвѣтствіе** или **гармонія**, во второмъ—какъ **проти-**

„безсознательное представленіе", и т. под.: они способны чрезвычайно затруднить необходимое для изслѣдованія опредѣленіе и разграниченіе видовъ психическихъ реакцій Достаточно помнить, что психическая форма существуетъ и тогда, когда наблюденіе не находитъ ея ни во внѣшнихъ проявленіяхъ, ни въ сознаніи она существуетъ въ видѣ опредѣленнаго комплекса молекулярныхъ или иныхъ движеній въ опредѣленныхъ, взаимно связанныхъ элементахъ психики И въ этомъ видѣ форма реакціи можетъ измѣняться дѣйствіемъ различныхъ вліяній, на почвѣ такихъ измѣненій происходитъ внѣ-сознательная пластика, управляетъ ею не тотъ центральный подборъ, который выражается въ чувствѣ удовольствія и страданія, а другія формы подбора Между тѣмъ подборъ извѣстныхъ намъ въ нашемъ сознаніи представленій и стремленій совершается по преимуществу именно въ формѣ удовольствія и страданія, такимъ образомъ у насъ имѣется достаточное основаніе отказаться отъ терминовъ „безсознательныя представленія" и т под, а ограничить міръ представленій, стремленій и ихъ производныхъ въ родѣ умозаключеній—одною сознательной психикой.

ворѣчіе. Эти два понятія должны быть положены въ основу изслѣдованія, когда дѣло идетъ о высшихъ формахъ психическаго развитія.

Перейдемъ къ болѣе конкретному изученію гармоническихъ и противорѣчивыхъ сочетаній фактовъ сознанія съ принятой нами энергетической точки зрѣнія. При этомъ начнемъ съ болѣе легкаго случая — одновременности двухъ стремленій въ сознательной психикѣ

Стремленіе есть незавершенное дѣйствіе, центробѣжный актъ сознанія, растрата нервной энергіи по направленію къ периферическому мускульному аппарату. Усиливаясь, оно имѣетъ тенденцію перейти въ полное дѣйствіе и даже болѣе того—всегда заключаетъ въ себѣ большую или меньшую долю дѣйствительныхъ мускульныхъ сокращеній и напряженій, настоящей двигательной иннерваціи.

Существованіе въ психикѣ двухъ стремленій означаетъ два центробѣжныхъ потока энергіи Пусть они направляются къ двумъ группамъ мускуловъ, которыя взаимно-антагонистичны въ своей дѣятельности, приспособлены къ взаимно-противоположнымъ движеніямъ организма. Напр., Геркулесъ стоитъ на распутьи, приглашаемый богиней наслажденія и богиней добродѣтели въ прямо противоположныя стороны—одна зоветъ направо, другая налѣво. Оба стремленія сильны, оба представляютъ изъ себя значительную растрату энергіи по направленію къ двумъ опредѣленнымъ группамъ мускуловъ, и обѣ группы исключаютъ другъ друга въ своей дѣятельности—невозможно одновременно повернуть направо и налѣво. Пусть въ направленіи каждой группы протекаетъ въ секунду количество нервной энергіи, равное, положимъ, 10 эргамъ: цифра, конечно, совершенно произвольная—никакихъ подходящихъ измѣреній еще не было сдѣлано, и врядъ ли скоро удастся ихъ осуществить, — но дѣло вовсе не въ конкретной величинѣ. Итакъ, сила двухъ стремленій равняется въ совокупности 20 эргамъ въ секунду; если бы такое количество психической работы затрачивалось на одну только группу мускуловъ, это могло бы быть достаточно для перемѣщенія организма, — а между тѣмъ онъ ни съ мѣста. Интенсивность стремленій можетъ возрасти еще болѣе, тонусъ мускуловъ можетъ значительно повыситься—и все же никакого результата. Энергія, очевидно, растрачивается безъ пользы, психика оказывается неприспособленной благодаря соотношенію двухъ стремленій Психическій подборъ долженъ такъ или иначе устранить это вредное соотношеніе, которое вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы назвать его „противорѣчіемъ“ [1])

[1]) Читатель, знакомый съ психофизіологіей, замѣтитъ, конечно, что въ приведенной

Въ массѣ случаевъ два одновременныя стремленія бываютъ не прямо противоположны по направленію иннервации, а просто различны, напр., когда человѣкъ, имѣя въ виду выполнить нѣсколько различныхъ дѣлъ, не сразу рѣшаетъ, которымъ изъ нихъ раньше заняться И въ этомъ случаѣ передъ нами „противорѣчіе“ стремленій, только не такое рѣзкое, какъ въ предыдущемъ примѣрѣ: стремленія находятся во взаимной конкурренціи; каждое изъ нихъ мѣшаетъ другому перейти въ дѣйствіе тѣмъ, что отнимаетъ для себя часть наличной энергіи центровъ сознанія, которая всегда ограничена по количеству Тогда успѣхъ одного стремленія совершается рядомъ съ ослабленіемъ другихъ, такъ сказать, на ихъ счетъ.

Та неприспособленность, которая возникаетъ изъ противорѣчія стремленій, обозначается обыкновенно выраженіями: нерѣшительность, внутренняя борьба, „колебаніе“ (очевидно, послѣдній терминъ указываетъ, по своему основному значенію, на безполезныя мелкія двигательныя реакціи, направленныя то въ ту, то въ другую сторону).

Теперь беремъ примѣръ противоположнаго характера. У Геркулеса есть стремленіе подраться съ сильнымъ противникомъ, чтобы пріобрѣсти славу; у него есть также другое стремленіе—возвратить неутѣшному мужу его покойную жену Сила каждаго стремленія измѣряется, положимъ 10 эргами въ секунду—величина недостаточная для настоящей двигательной реакціи. Такимъ образомъ, если бы стремленія были противоположны, или просто конкуррировали между собою, ни одно изъ нихъ не перешло бы въ дѣйствіе—оба остались бы только въ сферѣ сознанія, вся сумма ихъ энергіи была бы затрачена не на прямое реальное приспособленіе Но оба стремленія ведутъ къ однимъ дѣйствіямъ, оба потока иннервации сходятся къ однимъ проводникамъ, направляются къ однимъ элементамъ мускульной системы. Величина иннервации оказывается 20 эргов, она уже достаточно для того, чтобы вызвать полную двигательную реакцію: Геркулесъ отправляется душить Танатоса—бога смерти —Энергія психики тратится на внѣшнее приспособленіе, тратится, стало быть, производительно, благодаря чему ея убыль вознаграждается послѣдующимъ возрастаніемъ Отношеніе двухъ стремленій оказы-

---

иллюстрации явленія представлены въ значительно упрощенномъ видѣ Стремленія въ дѣйствительности не сводятся къ такой элементарной формѣ, какъ у насъ изображено соотвѣтственныя мускульныя функціи не являются прямо противоположными, они противоположны для даннаго случая лишь въ наибольшей части, въ меньшей же части только различны, и т д Но все это нисколько не измѣняетъ сущности изображаемыхъ фактовъ, общей характеристики даннаго состоянія психики, а потому если и принять во вниманіе всѣ поправки, выводы останутся все тѣ же

вается выгоднымъ для организма, психическій подборъ необходимо благопріятенъ данному сочетанію психическихъ фактовъ: это—гармонія, соотвѣтствіе стремленій.

Но возможенъ и такой случай, когда, не смотря на свою взаимную гармонію, оба стремленія все-же и въ совокупности не обладаютъ достаточной энергіей, чтобы перейти въ дѣйствіе Въ чемъ же тогда заключается положительное значеніе этой гармоніи?

Поскольку энергетическіе элементы двухъ стремленій *совпадаютъ*, постольку они сливаются въ одно, болѣе интенсивное. Такимъ образомъ, при *данныхъ* затратахъ психической энергіи получается относительно большая *интенсивность* акта сознанія Очевидно, при большей интенсивности актъ сознанія стоитъ ближе къ своему біологическому назначенію—къ переходу во внѣшнее движеніе организма; при большей интенсивности актъ сознанія въ большей мѣрѣ способствуетъ выработкѣ и подготовленію настоящихъ двигательныхъ реакцій. А это біологически выгодно, такъ какъ затраты психической энергіи сознанія оказываются направлены *болѣе производительно*, чѣмъ въ другихъ случаяхъ

Напротивъ, если энергетическіе элементы одновременныхъ стремленій направлены различно или противоположно, то они конкуррируютъ и взаимно ослабляются въ сознаніи каждое, отнимая для себя извѣстную долю разсѣивающейся энергіи сознанія, мѣшаетъ другимъ достигнуть большей интенсивности Энергія сознанія тратится не интенсивно, а *экстенсивно*, что біологически невыгодно. чѣмъ менѣе интенсивны стремленія, тѣмъ дальше они стоятъ отъ перехода во внѣшнее движеніе, тѣмъ меньше даютъ для выработки двигательныхъ реакцій, — тѣмъ менѣе производительна работа сознанія.

Въ общемъ, бо́льшую интенсивность процессовъ сознанія при данныхъ затратахъ психической энергіи слѣдуетъ разсматривать, какъ біологически выгодное, меньшую—какъ біологически не выгодное для организма [1]). Это относится не только къ формамъ стремленія, но и къ формамъ воспріятія и представленія. Почему? Потому, что и ихъ біологическое значеніе таково же, какъ значеніе тѣхъ формъ стремленія, которыя непосредственно не переходятъ въ дѣйствіе оно сводится къ выработкѣ и подготовленію двига-

[1]) Конечно, только *въ общемъ*, а не всегда Не *непосредственная* польза и вредъ не всегда оказываются тѣмъ же самымъ и въ окончательныхъ результатахъ, выработанныя сознаніемъ реакціи не всегда полезны для организма, и т. д., но даромъ возможны значительныя противорѣчія между различными стадіями подбора

тельныхъ реакцій, къ переходу въ эти послѣднія черезъ большую или меньшую цѣпь промежуточныхъ звеньевъ, значитъ, здѣсь примѣнимы всѣ предыдущія соображенія объ интенсивности и экстенсивности сознанія.

Точно также въ мускульной работѣ затрата энергіи оказывается мало производительной, если рядомъ съ необходимыми мускульными сокращеніями въ реакціи участвуютъ другія, имъ антагонистичныя, или просто излишнія, уменьшающія фактическую интенсивность движеній. Здѣсь существуетъ полная аналогія между сознаніемъ и внѣшнимъ движеніемъ, и аналогія очень понятная то и другое есть психическая работа; только сознаніе есть біологически-подчиненная форма, приспособленіе для внѣшнихъ реакцій. Болѣе интенсивная жизнь сознанія соотвѣтствуетъ, въ общемъ, и болѣе интенсивной внѣшней дѣятельности; то и другое вмѣстѣ составляетъ высшій типъ психической жизни [1]).

Отношеніе двухъ воспріятій, воспріятія съ представленіемъ, двухъ представленій, можетъ быть гармоніей или противорѣчіемъ, какъ изъ опыта извѣстно каждому. Изъ предыдущаго видно, что гармонія и здѣсь должна зависѣть отъ частнаго совпаденія нѣкоторыхъ элементовъ въ одновременныхъ образахъ сознанія, противорѣчіе—отъ энергетической противоположности элементовъ того и другого образа, приводящей къ ихъ взаимному ослабленію. При отсутствіи какъ совпаденій, такъ и противоположности получается болѣе слабая степень противорѣчія образовъ: ихъ интенсивность понижается въ силу простой конкурренціи между ними въ ограниченной сферѣ сознанія. Поясникъ все это нѣсколькими примѣрами

Въ сочетаніи звуковыхъ воспріятій, напримѣръ, въ музыкальномъ аккордѣ, гармонія (консонансъ) опредѣляется совпаденіемъ нѣкоторыхъ обертоновъ изъ тѣхъ, которые ухо выдѣляетъ въ составѣ различныхъ звуковъ Противорѣчіе звуковыхъ воспріятій (диссонансъ) возникаетъ — въ болѣе слабой степени—тамъ, гдѣ ухо не находитъ совпаденій между обертонами различныхъ звуковъ: но гораздо болѣе рѣзкій диссонансъ получается при такъ называемыхъ „біеніяхъ", когда сила воспринимаемыхъ сочe-

[1]) Этому нисколько не противорѣчитъ столь часто наблюдаемое среди современной культуры несоотвѣтствіе между количествомъ энергіи сознанія и количествомъ внѣшней дѣятельности типы „гамлетовъ", которые много колеблются и ни на что не рѣшаются, и „головастиковъ", которые очень много думаютъ и изучаютъ, но очень мало предпринимаютъ Въ первомъ случаѣ дѣло идетъ о противорѣчивой ли ни сознаніи у гамлетовъ на каждомъ шагу стремленія парализуются противоположными стремленіями Во второмъ случаѣ жизнь сознанія не интенсивна, а экстенсивна сознаніе у головастика разсѣянное, разбросанное, въ немъ конкуррируетъ множество одновременныхъ представленій, стремленій.

таній звуковъ быстро и часто колеблется вверхъ и внизъ, при чемъ воспріятія этихъ противоположныхъ колебаній одновременно существуютъ въ полѣ сознанія (воспріятіе повышенія силы звука еще не исчезло, когда уже воспринимается ея пониженіе). Этотъ худшій видъ диссонанса становится особенно понятнымъ, если предположить, что въ воспріятіи противоположныхъ измѣненій силы звука участвуютъ и энергетически-противоположные процессы сознанія

Зрительное воспріятіе звѣздъ на ясномъ небѣ, осязательное воспріятіе волнъ мягкихъ волосъ подъ рукою, порождаютъ чувство гармоніи Очевидно, и здѣсь это чувство зависитъ отъ многократнаго совпаденія отдѣльныхъ элементовъ одновременныхъ воспріятій.—Но именно къ зрительнымъ и осязательнымъ образамъ можно въ значительной мѣрѣ и прямо примѣнить то, что говорилось о гармоніи и противорѣчіи стремленій: въ обѣихъ этихъ группахъ воспріятій и представленій двигательные элементы (иннервационные) играютъ господствующую роль: воспріятіе и представленіе формы предметовъ происходитъ при помощи движеній—зрительныхъ мускуловъ въ первомъ случаѣ, съѣстныхъ—во второмъ, или при помощи соотвѣтственныхъ стремленій [1]).

---

[1]) Отмѣтимъ, что законъ гармоніи образовъ не сводится къ прямому однообразію, законъ гармоніи—единство въ разнообразіи Полное однообразіе, точное повтореніе формъ не вызываетъ чувства гармоніи не повышаетъ интенсивности актовъ сознанія, напротивъ, оно ослабляетъ, усыпляетъ сознаніе Гармонія порождается частичнымъ совпаденіемъ элементовъ въ различныхъ образахъ

Біологически это понять не трудно Сознаніе, какъ мы знаемъ, есть приспособленіе къ измѣняющимся внѣшнимъ вліяніямъ (приспособленіе для психической пластики). Когда эти вліянія точно совпадаютъ въ своихъ повтореніяхъ, то достаточно сознанію приспособиться къ первымъ изъ нихъ, и роль сознанія окончена въ пластикѣ больше нѣтъ надобности, дальнѣйшая приспособляющая дѣятельность сознанія излишня; польза организма требуетъ ея ослабленія до необходимаго минимума (конечно, и тогда роль сознанія оканчивается не безусловно въ дѣйствительности нѣтъ вполнѣ точныхъ повтореній, постоянно что нибудь измѣняется во внѣшней средѣ) —Это ослабленіе работы сознанія достигается, вѣроятно, при помощи того аппарата, который контролируетъ питаніе высшихъ центровъ—при помощи соотвѣтственныхъ отдѣловъ сосудодвигательной системы Такъ, при гипнотизаціи, которая выполняется чаще всего именно посредствомъ однообразныхъ впечатлѣній, прежде всего наступаютъ явленія нѣкоторой анеміи большого мозга, и ограниченіе сознанія идетъ вслѣдъ за ограниченіемъ питанія сознательныхъ центровъ

Такимъ образомъ одна тенденція психическаго развитія—къ возможно большой интенсивности сознанія—основывается на томъ, что именно путемъ процессовъ сознанія пластически достигается наибольшая приспособленность Другая тенденція—къ ограниченію дѣятельности сознанія тѣми случаями, когда она необходима,—вытекаетъ изъ

Чувство гармоніи и чувство противорѣчія представляютъ изъ себя, какъ мы знаемъ, частный видъ удовольствія и страданія, т. е. одну изъ формъ выраженія психическаго подбора. Это—въ высшей степени важная форма подбора, своеобразная въ томъ смыслѣ, что она направлена на взаимныя отношенія фактовъ сознанія Чувство гармоніи выражаетъ положительную сторону такого подбора, и означаетъ укрѣпленіе, упроченіе взаимной связи данныхъ формъ сознанія. Чувство противорѣчія выражаетъ отрицательную сторону подбора—тенденцію къ ослабленію и разрушенію существующей взаимной связи формъ сознанія.

При этомъ, разумѣется, дѣйствіе подбора простирается не только на с в я з ь формъ сознанія, но и на самыя эти формы. Гармонія двухъ представленій не только дѣлаетъ прочнѣе ихъ связь, но и повышаетъ жизнеспособность каждаго изъ нихъ. Противорѣчіе двухъ представленій приводитъ не только къ тому, что они разъединяются въ сознаніи, но и къ тому, что сами они измѣняются: либо просто деградируетъ одно изъ нихъ или оба, либо путемъ новой пластики они приспособляются одно къ другому. Положимъ, человѣкъ впервые наблюдаетъ полное солнечное затменіе; въ сознаніи возникаетъ противорѣчіе между представленіемъ о дневномъ видѣ небеснаго свода и воспріятіемъ звѣздъ и помраченнаго солнца. Тогда либо возникаетъ тенденція не связывать этого воспріятія съ представленіемъ о днев-

---

того факта, что сознаніе есть з а т р а т а энергіи жизненнаго процесса Законъ гармоніи вытекаетъ изъ сочетанія этихъ двухъ тенденцій Съ одной стороны, интенсивность сознанія непосредственно возрастаетъ отъ частнаго совпаденія энергетическихъ элементовъ одновременныхъ фактовъ сознанія; и это полезно для психики, ибо въ наибольшей мѣрѣ она должна приспособляться именно къ п о в т о р я ю щ и м с я условіямъ среды, которыми, вообще говоря, и вызываются совпаденія фактовъ сознанія. Съ другой стороны, при очень полномъ совпаденіи ряда послѣдовательныхъ фактовъ сознанія, интенсивная дѣятельность сознанія излишня при точныхъ повтореніяхъ условій, психика, приспособившись къ первымъ повтореніямъ, тѣмъ самымъ создаетъ приспособленіе и для послѣдующихъ, дальнѣйшая пластика не нужна —Единство въ разнообразіи требуетъ пластики, требуетъ интенсивной дѣятельности сознанія, и въ то же время позволяетъ ей стать интенсивною при сравнительно малыхъ затратахъ энергіи Это и есть гармонія

Во всякомъ случаѣ, даже готое однообразіе не порождаетъ чувства противорѣчія, о которомъ мы говоримъ.—Да и вообще законъ гармоніи не есть что либо постоянное Въ развитіи человѣчества психика измѣняется, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и реальное содержаніе такихъ общихъ схемъ, какъ „гармонія“, „противорѣчіе“ То, что для культурнаго человѣка является гармоничнымъ, въ чемъ культурное сознаніе рядомъ съ разнообразіемъ находитъ достаточно единства,—то для слабаго, не культурнаго сознанія представилось бы утомительнымъ, рѣзкимъ разнообразіемъ, противорѣчивой толпой образовъ. Въ то же время, что для дикаря выступаетъ, какъ гармонія, то для насъ кажется скучнымъ однообразіемъ (напр., монотонная музыка негровъ)

номъ времени,—отдѣльно отъ дня и ночи становится третье состояніе неба; либо деградируетъ представленіе о дневномъ небѣ—теряетъ свою ясность, отчетливость, опредѣленность; либо въ сознаніи произойдетъ еще какая-нибудь иная пластика—въ зависимости отъ общей суммы условій [1]).

Исходя изъ общаго понятія о томъ психическомъ подборѣ, который выражается въ гармоніи и противорѣчіи формъ сознанія, мы получаемъ возможность изслѣдовать основныя тенденціи въ развитіи сознательной психики

Резюмируемъ въ немногихъ словахъ выводы этой главы

1. Сознаніе мы разсматриваемъ, какъ опредѣленное звено въ неразрывной цѣпи физіологическихъ процессовъ психическаго аппарата

2. Сознаніе есть приспособленіе, какъ необходимый моментъ въ процессѣ выработки двигательныхъ реакцій Спеціальная роль сознанія въ этомъ смыслѣ сводится къ быстрой и связанной съ наименьшими затратами энергіи пластикѣ цѣлесообразныхъ приспособленій для измѣнчивой среды.

3 Гармонія и противорѣчіе фактовъ сознанія сводятся къ повышенію и пониженію производительности затратъ психической энергіи на внѣшнее движеніе и на процессы сознанія, когда это повышеніе или пониженіе зависитъ отъ сочетанія, отъ связи фактовъ сознанія.

4. Вмѣстѣ съ тѣмъ гармонія и противорѣчіе фактовъ сознанія представляютъ изъ себя выраженіе спеціальной формы психическаго подбора, укрѣпляющей или разрушающей данную связь между фактами сознанія

3. Выработка формъ сознанія.

а) Процессъ обобщенія

Взаимная гармонія фактовъ сознанія, будутъ ли это воспріятія, представленія или стремленія, означаетъ, что въ нихъ существуютъ элементы совпаденія, что процессы эти, возникая въ сознаніи одновременно, частично сливаются между собою, и что взаимная ихъ связь стремится стать болѣе

---

[1]) Противорѣчіе стремленій представляетъ наиболѣе простой случай такого рода тутъ психика приспособляется чаще всего путемъ выпѣсненія одного стремленія другимъ Психическій подборъ при этомъ особенно энергиченъ, такъ какъ борьба стремленій составляетъ обыкновенно значительную растрату энергіи высшихъ центровъ, поэтому сравнительно быстрѣе совершается ослабленіе, деградація одного изъ стремленій.—Но бываетъ, конечно, и болѣе сложная „пластика“. окончательное „рѣшеніе“ часто не отвѣтствуетъ въ точности ни одному изъ первоначальныхъ стремленій

прочною подъ вліяніемъ психическаго подбора: „ассоціація" гармонирующихъ фактовъ сознанія, разъ сложившись, становится все болѣе тѣсною, каждый изъ нихъ все легче и постояннѣе вызываетъ за собою другіе.

Конечно, гармонія двухъ процессовъ сознанія можетъ обнаружиться только тогда, когда они дѣйствительно встрѣтятся въ сознаніи, хоть разъ возникнутъ въ немъ одновременно; иначе она остается скрытой, и очень часто не успѣваетъ проявиться въ теченіе жизни цѣлыхъ поколѣній. Нерѣдко научныя открытія въ своей основѣ сводятся именно къ тому, что въ сознаніи данной особи впервые сталкиваются такія воспріятія и представленія, которыя еще не встрѣчались между собою раньше и въ сознаніи другихъ людей; и тогда оказывается, что эти факты сознанія гармонируютъ между собою, такъ что между ними устанавливается все болѣе тѣсная связь По всей вѣроятности, такимъ образомъ произошло, напр., открытіе планетнаго тяготѣнія Исаакомъ Ньютономъ: въ его сознаніи впервые встрѣтились два представленія о дугѣ параболы, которую описываетъ горизонтально брошенное тѣло (напр., яблоко), и о дугѣ эллипса, который описываютъ планеты въ солнечной системѣ; частичное совпаденіе элементовъ этихъ двухъ представленій выразилось въ томъ, что Ньютонъ почувствовалъ ихъ взаимную гармонію; и та связь ассоціаціи, которая между ними установилась, стала исходной точкой геніальнаго изслѣдованія.

Но гармонирующія реакціи сознанія должны, въ общемъ, легко встрѣчаться между собою Такъ какъ гармонія сводится къ извѣстной степени с х о д с т в а фактовъ сознанія, то очень понятно, что эти факты сознанія могутъ весьма часто возникать п р и с х о д н ы х ъ у с л о в і я х ъ Если представленія кошки и котенка гармонируютъ между собою, то вѣдь кошку и котенка весьма часто встрѣчается и въ дѣйствительности видѣть вмѣстѣ. Къ тому же, чѣмъ болѣе становится привычной какая-нибудь психическая реакція, тѣмъ легче она воспроизводится п р и с к о л ь к о - н и б у д ь сходныхъ условіяхъ.

Такъ или иначе, но гармонирующія, слѣдовательно, сходныя формы сознанія должны иногда сближаться въ дѣйствительности. Тогда дѣло, обыкновенно, не ограничивается простымъ установленіемъ ассоціаціи между двумя формами; происходитъ еще своеобразная пластика, имѣющая громадное значеніе въ жизни человѣчества—такъ называемый процессъ обобщенія. Къ его изслѣдованію мы теперь и перейдемъ, но начать намъ придется съ небольшого отступленія—читатель потомъ увидитъ, что оно только кажущееся.

Вспомнимъ, какъ образуется привычная реакція Ея начало—пластич-

ная реакція, сравнительно несовершенная, въ которой, кромѣ элементовъ дѣйствительнаго приспособленія, есть не мало элементовъ біологически-излишнихъ, немало безполезныхъ для организма затратъ энергіи. Напр., когда человѣкъ учится плавать, то вначалѣ все время усиленно работаетъ чуть не вся мускульная система. Одинъ разъ за другимъ реакція вновь повторяется, и въ каждый слѣдующій разъ она, благодаря дѣйствію подбора, является болѣе совершеннымъ приспособленіемъ. Она все въ большей мѣрѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ повторяющимся условіямъ, которыя ее вызываютъ (въ нашемъ примѣрѣ — сопротивленію воды, ея удѣльному вѣсу, и т. д.), элементы, дѣйствительно полезные при этихъ условіяхъ, становятся прочнѣе и тѣснѣе связываются между собою; элементы біологически излишніе, разныя „сочувственныя“ и другія нецѣлесообразныя движенія ослабляются до minimum. Совсѣмъ они не исчезаютъ; даже отчасти напротивъ: такъ какъ условія реакціи никогда въ точности не повторяются, а подвергаются безчисленнымъ мелкимъ измѣненіямъ, то и въ самой реакціи постоянно происходятъ новыя мелкія измѣненія, въ большинствѣ нецѣлесообразныя, ибо почти никогда организмъ сразу не приспособляется къ новымъ вліяніямъ. Такимъ образомъ къ прежнимъ излишнимъ элементамъ должны присоединяться новые, но тѣ и другіе все болѣе подавляются постепеннымъ дѣйствіемъ подбора (психическаго и внутренняго), и наконецъ становятся совсѣмъ незамѣтны сравнительно съ основными движеніями, которыя приспособляютъ организмъ къ повторяющимся условіямъ реакціи.

Итакъ наблюдаемая привычная реакція представляетъ изъ себя сочетаніе движеній, въ которомъ одновременно выступаютъ двѣ тенденціи во-первыхъ, къ обособленію въ одну тѣсную, связную группу тѣхъ элементовъ реакціи, которые соотвѣтствуютъ ея повторяющимся условіямъ; во-вторыхъ, къ устраненію, подавленію всѣхъ прочихъ элементовъ, которые порождаются, вообще говоря, непостоянными частными условіями реакціи, біологически-неважными [1])

Такова внѣшняя характеристика привычной формы приспособленія установленная нами на основаніи объективнаго наблюденія. Но привычная реакція есть сознательная реакція, извѣстная часть ея протекаетъ въ сферѣ сознанія, при неполной реакціи эта часть можетъ возникать въ отдѣльности, протекать, какъ особая форма сознанія (напр., какъ стремленіе). Имѣемъ ли мы право предположить соотвѣтствіе между

[1]) Если бы они не были такими, то повели бы къ созданію новой реакціи или значительному измѣненію прежней

объективной стороной реакціи и субъективной, между формой внѣшняго движенія и формой сознанія? Имѣемъ ли основаніе на эту послѣднюю перенести характеристику, полученную для первой? Да, конечно, мы можемъ принять такое предположеніе. И оно совершенно подтверждается результатами самонаблюденія Чтобы убѣдиться въ этомъ, разсмотримъ, какъ образуется привычное представленіе.

Пусть дѣло идетъ о представленіи какого-нибудь часто встрѣчающагося данному лицу предмета, напр., наружности его знакомаго Встрѣчая г-на А одинъ, другой, третій разъ, человѣкъ каждый разъ получаетъ воспріятіе его наружности Всѣ эти воспріятія въ высшей степени сходны между собою, изъ нихъ постепенно складывается привычная реакція сознанія. Воспроизводясь все легче и легче, она начинаетъ часто выступать и въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ на лицо главнаго изъ ея первоначальныхъ внѣшнихъ условій—присутствія г-на А ; но тогда она является уже въ видѣ менѣе полной реакціи—представленія. Однако, хотя воспріятія, изъ которыхъ развилась данная форма сознанія, и весьма сходны между собою, все-же они не тожественны: сегодня наружность А не совсѣмъ та, что вчера или завтра, благодаря измѣненіямъ его костюма, здоровья, настроенія, и т. д , да и воспринимающій аппаратъ—сѣтчатка, оптическіе центры, и т. д — не всегда въ одинаковомъ состояніи, что вноситъ въ составъ акта сознанія еще новыя мелкія измѣненія. Такимъ образомъ, во всѣхъ повтореніяхъ даннаго воспріятія, кромѣ множества постоянныхъ элементовъ, не мало частныхъ варіацій,—и отъ одного повторенія остается не совсѣмъ такое представленіе, какъ отъ другого Но въ привычномъ представленіи, которое создалось изъ всѣхъ повтореній, всѣ общіе, постоянные черты наружности А. выдѣляются съ наибольшей интенсивностью, а черты непостоянныя, частныя, оставшіяся отъ отдѣльныхъ случаевъ воспріятія, являются все болѣе ослабленными, смѣшиваются и расплываются, онѣ мелькаютъ въ сознаніи только на моментъ, и тотчасъ подавляются, тогда какъ основныя, повторяющіяся черты становятся все отчетливѣе.

Слѣдовательно, и здѣсь имѣется психическая реакція съ двумя одновременными тенденціями. къ усиленію и выдѣленію въ одно цѣлое тѣхъ элементовъ, которые соотвѣтствуютъ постояннымъ условіямъ воспріятія, къ ослабленію и устраненію тѣхъ, въ которыхъ отражаются частныя, непостоянныя измѣненія этихъ условій. Привычное представленіе, какъ видимъ, есть психическій фактъ, вполнѣ однородный съ привычной двигательной реакціей; и это вполнѣ понятно, такъ какъ представленіе по существу и есть двигательная реакція, оборванная на срединѣ.

Ту двойную тенденцію, которая такъ характерна для обоихъ видовъ „привычныхъ“ психическихъ формъ, мы назовемъ, „тенденціей къ обобщенію“ Въ самомъ дѣлѣ, сущность ея въ томъ и заключается, чтобы усилить и выдѣлить о б щ і е элементы среди варіацій даннаго психическаго процесса, что и совершается путемъ устраненія частныхъ элементовъ До конца тенденція, какъ показываетъ опытъ, никогда не доходитъ: съ общимъ всегда смѣшивается частное, какъ во внѣшнемъ движеніи, такъ и въ сознаніи.

Итакъ, при повтореніяхъ психическаго процесса съ относительно малыми варіаціями обнаруживается тенденція къ обобщенію, при чемъ психическая форма становится привычною

Въ какой же связи стоитъ этотъ фактъ съ явленіями гармоніи формъ сознанія?

Отъ каждаго изъ такихъ однородныхъ воспріятій, какъ въ нашемъ примѣрѣ, остается, въ сущности, особое представленіе, но эти частныя представленія совпадаютъ въ такомъ громадномъ большинствѣ элементовъ, что для познанія сливаются въ одно. Наоборотъ, для представленій т о л ь к о гармонирующихъ такого прямого слиянія не происходитъ: они совпадаютъ лишь въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, и не всегда одновременно выступаютъ въ сознаніи, а потому они познаются р а з д ѣ л ь н о.

Пусть въ сознаніи встрѣтились два взаимно-гармонирующихъ представленія A и A′, напр , зрительные образы кошки и котенка. Въ обоихъ представленіяхъ есть совпадающіе элементы, которые соотвѣтствуютъ, положимъ, одинаковому контуру тѣла у кошки и котенка, одинаковой формѣ ихъ глазъ, когтей и т. д ; эти элементы, въ которыхъ заключается „сходство“ представленій, обозначимъ чрезъ α, β, γ Въ остальномъ представленія не совпадаютъ, этотъ рядъ „различій“ между ними составляютъ тѣ элементы обоихъ представленій, которые соотвѣтствуютъ, положимъ, неодинаковой величинѣ животныхъ, несходному цвѣту ихъ шерсти, глазъ, и т. д.; обозначимъ такіе элементы различія для A черезъ ν, μ, ν , для A′— черезъ φ, χ, ψ —Хотя совпадающія черты α, β, γ вполнѣ или отчасти сливаются въ сознаніи, но образы въ цѣломъ остаются раздѣльными, благодаря тому, что между ними существуетъ множество различій, и что они не вполнѣ одновременно возникаютъ и исчезаютъ въ сознаніи.

Теперь надо принять во вниманіе тотъ фактъ, что формы сознанія не обладаютъ полной, безусловной связностью; ихъ элементы не лишены нѣкоторой, хотя бы незначительной отдѣльности, живутъ до нѣкоторой, хотя бы минимальной степени, собственной жизнью. Психическій подборъ можетъ

быть болѣе благопріятенъ для однихъ элементовъ данной формы, менѣе благопріятенъ для другихъ, какъ то и наблюдается на каждомъ шагу въ развитіи психики Между прочимъ, благодаря накопляющемуся дѣйствію психическаго подбора, въ процессѣ такъ называемаго привыканія, тѣ факты сознанія, которые чаще повторяются, пріобрѣтаютъ, какъ мы знаемъ, бо́льшую жизнеспособность, большую интенсивность. Въ нашемъ примѣрѣ это, очевидно, относится къ элементамъ $\alpha, \beta, \gamma,$, которые встрѣчаются въ двухъ представленіяхъ, а потому и повторяются вдвое чаще, чѣмъ остальные элементы, $\varkappa, \mu, \nu$ или φ, χ, ψ , изъ которыхъ каждый входитъ въ составъ только одного представленія. Стало быть, совпадающіе элементы α, β, γ должны оказываться наиболѣе устойчивыми, величина ихъ энергіи должна оказаться относительно наибольшею

Но образы, обыкновенно, недолго держатся въ сознаніи: они блѣднѣютъ и уступаютъ мѣсто другимъ, временно устраняемые психическимъ и внутреннимъ подборомъ, чтобы потомъ снова выступить при соотвѣтственныхъ условіяхъ Такое исчезновеніе образовъ изъ сознанія совершается постепенно и послѣдовательно. Все представленіе теряетъ свою интенсивность, но изъ его элементовъ первыми исчезаютъ во мракѣ безсознательнаго, очевидно, тѣ, которые и раньше были слабѣе другихъ, а потому легче достигаютъ того уровня, за которымъ прекращается различеніе; элементы болѣе интенсивные, хотя и въ ослабленномъ видѣ, еще держатся нѣкоторое время въ сознаніи. Такъ, если исчезаетъ взятое въ нашемъ примѣрѣ представленіе A—зрительный образецъ кошки—то первыми скрываются элементы $\varkappa, \mu, \nu$, въ которыхъ оно различается отъ A' дольше сохраняются α, β, γ —элементы сходства, какъ болѣе интенсивные; если дѣло идетъ о представленіи A', то раньше стушевываются φ, χ, ψ , и уже послѣ нихъ тѣ же α, β, γ Наконецъ, если въ сознаніи одновременно блѣднѣютъ оба представленія, то сначала устраняются элементы различія; а затѣмъ оставшіеся элементы сходства изъ того и другого представленія удерживаются тѣмъ дольше, что безъ элементовъ различія они необходимо сливаются вмѣстѣ, а это еще болѣе увеличиваетъ ихъ общую интенсивность.—Когда же представленія A и A' вновь возникаютъ въ сознаніи, то первыми выступаютъ все тѣ же α, β, γ , на нихъ эта реакція сознанія можетъ и закончиться, если не произойдетъ дальнѣйшаго возрастанія интенсивности данныхъ образовъ.

Такъ совершается въ психикѣ, весьма постепенно, обособленіе элементовъ сходства въ гармонирующихъ фактахъ сознанія Интенсивность и устойчивость этихъ элементовъ возрастаютъ, они выступаютъ на первый планъ—различаются ясно еще тогда, когда остальные элементы уже смѣши-

ваются и переходятъ въ безсознательное. Такой процессъ обособленія и возрастанія интенсивности происходитъ тѣмъ въ большей степени, чѣмъ въ большемъ числѣ реальцій сознанія встрѣчаются данные элементы—чѣмъ болѣе „привычнымъ“ они становятся по сравненію съ остальными

Однако, полнаго обособленія никогда не происходитъ. Первоначальныя представленія A и A' соотвѣтствуютъ опредѣленнымъ воспріятіямъ, которыя возникаютъ при опредѣленныхъ конкретныхъ условіяхъ. Напротивъ, производное представленіе, сложившееся изъ элементовъ сходства α, β, γ , никакому отдѣльному воспріятію, никакимъ конкретнымъ условіямъ не соотвѣтствуетъ, а возникаетъ въ зависимости отъ A и A'. Поэтому оно является не обособленнымъ, а только обособляющимся представленіемъ; оно существуетъ лишь въ тенденціи: къ его основнымъ элементамъ всегда примѣшиваются менѣе интенсивные, неясные, смутные λ, μ, ν , φ, χ, ψ —элементы различія первичныхъ представленій. Устраненіе этихъ послѣднихъ также существуетъ лишь въ тенденціи.

Передъ нами, очевидно, та же тенденція къ обобщенію, которая была отмѣчена въ процессѣ образованія „привычныхъ“ формъ—усиленіе и обособленіе общихъ элементовъ различныхъ формъ сознанія, ослабленіе или устраненіе остальныхъ.

Вновь возникающая психическая форма слагается, собственно, изъ гармонирующихъ представленій A и A' и тенденціи къ ихъ обобщенію, т. е. выдѣленію въ одно цѣлое ихъ совпадающихъ элементовъ съ подавленіемъ не-совпадающихъ. Обозначимъ эту новую форму, во всей ея сложности, терминомъ „обобщенное представленіе“ или просто „форма обобщенія“ — Очевидно, такой же точно процессъ можетъ изъ нѣсколькихъ обобщенныхъ представленій создать новое, ихъ обобщающее, и т. д. Изъ формъ обобщенія перваго порядка получаются формы обобщенія второго порядка, далѣе третьяго, четвертаго Если изъ образовъ всѣхъ видѣнныхъ нами воробьевъ сложилось одно обобщенное представленіе, изъ образовъ ласточекъ—другое, воронъ—третье и т. д.,—то всѣ эти формы обобщенія, благодаря ихъ совпаденію въ нѣкоторыхъ элементахъ, могутъ послужить матеріаломъ для формы высшаго порядка, обобщающей образы всѣхъ видѣнныхъ нами птицъ, а изъ нѣсколькихъ формъ такого типа можетъ возникнуть форма еще болѣе обобщенная, и т. д. При этомъ все болѣе будетъ возрастать число частныхъ представленій, составляющихъ матеріалъ формы обобщенія,—но все меньше будетъ становиться количество элементовъ совпаденія, выдѣляемыхъ обобщающей тенденціей; или, какъ обыкновенно говорятъ, будетъ увеличиваться

объемъ обобщенія и уменьшаться его содержаніе: оно будетъ становиться все отвлеченнѣе [1])

Одно и то же представленіе можетъ, кромѣ того, входить въ составъ нѣсколькихъ различныхъ формъ обобщенія, существующихъ рядомъ, не подчиняясь одна другой. Такъ, представленіе о зайцѣ входитъ одновременно, во-1), въ обобщенное представленіе о съѣдобныхъ животныхъ, во-2), въ обобщенное представленіе о животныхъ съ теплой шкуркой, въ-3), въ обобщенное представленіе о животныхъ дикихъ, и т д. Одними элементами данное представленіе совпадаетъ и ассоціируется съ однимъ рядомъ представленій, другими съ другимъ рядомъ, и т. д , какъ одно лицо можетъ участвовать въ различныхъ обществахъ различными сторонами своей дѣятельности

Очевидно, тенденція къ обобщенію должна имѣть какой-нибудь біологическій смыслъ, должна быть въ какомъ-нибудь отношеніи полезна для психическаго цѣлаго—иначе подборъ ее не поддержитъ, и пластика обобщенныхъ представленій не будетъ имѣть мѣста. Итакъ, для чего нужны формы обобщенія въ борьбѣ за жизнь психики?

Какъ было выяснено, міръ представленій имѣетъ не самостоятельное біологическое значеніе Онъ можетъ быть понятъ только въ связи съ внѣшними движеніями организма и въ зависимости отъ нихъ. Всякое представленіе есть лишь моментъ въ развитіи какой-нибудь двигательной реакціи.

Обобщенное представленіе тѣсно связано, во-первыхъ, съ тѣми частными, изъ которыхъ оно образовалось, во-вторыхъ, обыкновенно, съ другими обобщенными представленіями, а значитъ и съ двигательными реакціями, съ которыми ассоціированы тѣ и другія представленія Этимъ облегчается и быстрый переходъ отъ одного способа дѣйствія къ другому, и пластика, соединяющая элементы различныхъ дѣйствій. Напр, пусть у даннаго лица N съ образами людей A, B, C связана реакція нападенія, съ образами X, Y, Z . —реакція бѣгства; первая группа частныхъ представленій объединяется обобщеннымъ представленіемъ о неопасномъ врагѣ, вторая—обобщеннымъ представленіемъ объ опасномъ врагѣ, та и другая вмѣстѣ—высшей формой обобщенія, представленіемъ о врагѣ вообще Происходитъ встрѣча N съ A, первый нападаетъ на второго, но сверхъ ожиданія получаетъ отъ него жестокіе удары, причиняющіе страданіе Отрицательный психическій подборъ обрываетъ реакцію нападенія, а вмѣстѣ

[1]) Замѣтимъ заранѣе, что обобщенное представленіе еще не есть „понятіе“

Понятіе—фактъ болѣе сложный, и притомъ фактъ общественный, а нашъ анализъ идетъ пока все еще въ предѣлахъ индивидуальной, мысленно изолированной психики

съ ней блѣднѣетъ и ассоцированное съ воспріятіемъ А обобщенное представленіе о неопасномъ врагѣ; но такъ какъ при посредствѣ высшаго обобщенія оно связано съ обобщеннымъ образомъ опаснаго врага, то легко совершается переходъ къ этому послѣднему; и психическій подборъ оказывается, конечно, благопріятенъ для такого перехода, потому что ощущеніе жестокихъ ударовъ особенно гармонируетъ съ представленіемъ объ опасномъ врагѣ. А разъ оно выступаетъ на сцену, съ нимъ вмѣстѣ является стремленіе къ бѣгству, которое и достигаетъ весьма быстро степени дѣйствія. Затѣмъ, во время бѣгства, когда исчезло впечатлѣніе ударовъ, психическій подборъ измѣняетъ свое направленіе, и въ зависимости отъ воспріятія А вновь возникаетъ стремленіе къ нападенію. Тогда изъ реакціи бѣгства и реакціи нападенія, которыя такимъ образомъ встрѣчаются между собою, можетъ при помощи психическаго подбора пластическы выработаться новая форма дѣйствія, соединяющая элементы той и другой: отступленіе, соединенное съ попытками причинить вредъ врагу

На приведенномъ примѣрѣ видно, какъ формы обобщенія могутъ быть полезны въ роли связующихъ звеньевъ между частными представленіями, а стало быть и между частными формами дѣйствій, какъ эти звенья облегчаютъ переходъ отъ одного способа дѣйствій къ другому, и пластику новыхъ реакцій Конечно, описаніе психическихъ фактовъ дано здѣсь въ чрезвычайно сокращенномъ и упрощенномъ видѣ; но каждый можетъ въ личномъ опытѣ найти массу подтвержденій того, что именно таковы основныя, существенныя черты явленій

Тенденція къ обобщенію простирается не только на представленія, но на всѣ психическія формы, и непосредственно двигательныя реакціи тоже обобщаются (какъ это уже отчасти показано на процессѣ образованія привычныхъ формъ дѣйствія). Напр., въ самыхъ различныхъ реакціяхъ борьбы имѣются одинаковые элементы: повышенный тонусъ произвольныхъ мускуловъ конечностей и туловища, усиленіе дѣятельности сердца, расширеніе периферическихъ сосудовъ, и т. д. Если опредѣленная частная реакція борьбы связана съ воспріятіемъ волка, другая, тоже частная, съ воспріятіемъ змѣи, третья—съ воспріятіемъ человѣка врага, и т д , то обобщенная реакція борьбы соотвѣтствуетъ обобщенному представленію объ опасности. Поясникъ это конкретнѣе.

Дикаря, отдыхающаго въ тѣсу, потревожилъ неопредѣленный шорохъ. Такой шорохъ ему и раньше приходилось слышать въ связи съ появленіемъ волка, или змѣи, или чужого человѣка, и т. д. Естественно, что и теперь воспріятіе шороха вызываетъ по ассоціаціи рядъ такихъ частныхъ пред-

ставленій; ни одно изъ нихъ не удерживается прочно въ сознаніи, потому что дикарь никого еще не видитъ, образы мелькаютъ и исчезаютъ; но остается обобщенное представленіе опасности, а съ нимъ выступаетъ и обобщенная реакція борьбы: дикарь вскочилъ, схватилъ оружіе, наклонился въ сторону шороха, его мускулы напряжены, кровь отъ внутреннихъ органовъ прилила къ периферіи... Какой бы врагъ ни показался, переходъ къ частнымъ реакціямъ борьбы совершается теперь съ наибольшей быстротой и съ наименьшей затратой энергіи, гораздо быстрѣе и легче, чѣмъ при состояніи покоя. Такимъ образомъ является возможность послѣдовательнаго приспособленія къ измѣняющимся условіямъ, которое отъ неопредѣленной и обобщенной реакціи въ сферѣ сознанія и въ сферѣ внѣшняго движенія идетъ къ опредѣленной и частной Нетрудно понять, насколько выгодна такая организація двигательныхъ приспособленій

. Чѣмъ дальше идетъ процессъ обобщенія, тѣмъ шире становятся ассоціативныя связи представленій, и въ то же время тѣмъ благопріятнѣе дѣлаются условія для психической пластики: приспособленіе къ новымъ, не пережитымъ раньше условіямъ достигается при участіи все большаго числа психическихъ формъ, и формъ все болѣе разнообразныхъ. – При томъ обобщенное представленіе и связанная съ нимъ обобщенная внѣшняя реакція соотвѣтствуетъ болѣе постояннымъ, болѣе часто повторяющимся элементамъ внѣшнихъ условій, и потому весьма нерѣдко могутъ цѣликомъ, безъ варіацій входить въ составъ новыхъ пластичныхъ формъ; а это опять таки ведетъ къ сбереженію энергіи организма, той психической энергіи, которая иначе должна тратиться на отрицательный подборъ и варпированіе привычныхъ реакцій, являющихся матеріаломъ для пластики

Можетъ быть, наиболѣе яркій примѣръ полезнаго значенія обобщенныхъ формъ представляетъ работа изобрѣтателя Какъ въ сознаніи, такъ и внѣ его происходитъ въ высшей степени сложная, интенсивная и продолжительная работа пластики. Что было бы съ изобрѣтателемъ, если бы онъ, обдумывая устройство своей машины, не пользовался обобщенными представленіями, если бы вмѣсто того, чтобы воображать себѣ винтъ вообще, зубчатое колесо вообще, онъ имѣлъ бы въ своемъ сознаніи только конкретный образъ такого-то отдѣльнаго, тогда-то имъ видѣннаго винта, такого-то и тогда-то видѣннаго зубчатаго колеса? Работа стала бы до безконечности сложна, въ дѣйствительности прямо невозможна.

То же самое, въ той или иной степени, примѣнимо почти ко всякому случаю психической пластики

b) Процессъ различенія

Сознаніе вообще, какъ выяснилось въ предыдущемъ, представляетъ изъ себя процессъ различенія условій жизненной борьбы, различенія, въ конечномъ счетѣ, по ихъ пользѣ и вреду для психики, по степени того и другого.

Процессъ обобщенія выражаетъ собою основную тенденцію, наблюдаемую въ развитіи сознанія: на основѣ гармоніи между частными формами сознанія создается ассоціативная связь, которая, непрерывно развертываясь, стремится охватить всю сознательную психику.

Но изъ этой основной тенденціи возникаетъ другая, производная, которая также имѣетъ существенное значеніе Она въ извѣстномъ смыслѣ противоположна первой, и выражается въ процессѣ различенія формъ сознанія. Такъ какъ, за неимѣніемъ другого, здѣсь приходится примѣнить тотъ же терминъ „различеніе“, который составляетъ характеристику сознанія вообще, то надо особенно имѣть въ виду, что дѣло идетъ теперь о различеніи формъ сознанія, уже сложившихся и объединенныхъ связью обобщенія

Какъ было выяснено, представленіе есть неполная психическая реакція, неполная даже въ сферѣ сознанія. Болѣе полная форма сознанія получается тогда, когда представленіе выступаетъ въ неразрывной связи со стремленіемъ. Послѣднее является непосредственнымъ продолженіемъ перваго, какъ возбужденіе двигательныхъ центровъ коры есть продолженіе такого же состоянія центровъ чувствительныхъ. Зрительное представленіе симпатичнаго существа неразрывно связано у ребенка со стремленіемъ ласкать это существо; взятые въ своей связи оба факта сознанія, представленіе и стремленіе, могутъ разсматриваться, какъ одна форма сознанія, болѣе полная, болѣе цѣльная, чѣмъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности [1])

Условіемъ гармоніи двухъ формъ сознанія, какъ мы видѣли, является совпаденіе нѣкоторыхъ элементовъ обѣихъ формъ, условіемъ противорѣчія— прямая противоположность ихъ энергетическихъ элементовъ, или, по крайней мѣрѣ, значительное преобладаніе различій надъ совпаденіями, при чемъ формы сознанія неизбѣжно конкуррируютъ между собою

Если такъ, то гармонія или противорѣчіе двухъ формъ сознанія могутъ представляться не въ одинаковомъ видѣ, смотря по тому, выступаютъ ли эти формы въ болѣе полныхъ или менѣе полныхъ реакціяхъ сознанія Два представленія сами по себѣ, положимъ, взаимно гармонируютъ, такъ какъ

[1]) Если одно и то же представленіе выступаетъ въ связи съ различными стремленіями, то, очевидно, дѣло идетъ о различныхъ формахъ сознанія

въ нихъ достаточно элементовъ совпаденія, но являясь въ сознаніи вмѣстѣ съ тѣми стремленіями, которыя съ ними связаны, они вдругъ оказываются во взаимномъ противорѣчіи, потому что противорѣчіе стремленій перевѣшиваетъ гармонію представленій. Напр., зрительные образы друга A и врага B могутъ имѣть много элементовъ совпаденія, такъ что ихъ гармонія довольно значительна; но когда въ сознаніи встрѣчаются съ одной стороны образъ A въ соединеніи со стремленіемъ выразить дружеское привѣтствіе, съ другой стороны образъ B — со стремленіемъ начать борьбу, то ихъ отношеніе становится довольно интенсивнымъ противорѣчіемъ. А такой случай нерѣдко встрѣчается на практикѣ Вы видите, положимъ, вдали человѣка, котораго не можете разглядѣть; неясное воспріятіе вызываетъ въ вашемъ сознаніи одновременно и представленіе о другѣ A, и представленіе о врагѣ B; такъ какъ эти два образа являются здѣсь вмѣстѣ съ соотвѣтственными стремленіями, которыя находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи, то всякая гармонія образовъ совершенно стушевывается, и ихъ соединеніе порождаетъ уже чувство противорѣчія, степень котораго будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ значительнѣе энергія обоихъ стремленій. При этомъ каждая изъ конкуррирующихъ формъ сознанія усиливается за счетъ другой, и обратно; сознаніе какъ-бы колеблется между ними становится интенсивнѣе образъ A—блѣдиѣетъ образъ B; возрастаетъ интенсивность B—ослабляется A.

Когда, такимъ образомъ, два сходныхъ представленія выступаютъ во взаимномъ противорѣчіи, то очевидно, что элементы ихъ совпаденія теряютъ непосредственное біологическое значеніе; наоборотъ, элементы различія пріобрѣтаютъ особенную важность Когда машинистъ вглядывается въ сигналъ, чтобы въ зависимости отъ него остановить поѣздъ или прибавить ходу, то для него не является въ этотъ моментъ непосредственно важнымъ полное сходство краснаго и зеленаго флага во всемъ, кромѣ цвѣта хотя въ образахъ того и другого сигнала совпадаютъ элементы σ, β, γ, δ, и т. д., но какъ разъ отъ единственнаго не совпадающаго элемента φ или ψ зависитъ образъ дѣйствій машиниста

При такихъ условіяхъ, разумѣется, невозможно соединеніе образовъ по типу формъ обобщенія· усиленіе совпадающихъ элементовъ, которые непосредственно неважны, и подавленіе элементовъ различія, которые имѣютъ наибольшее непосредственное значеніе, было бы въ высшей степени нецѣлесообразно Наиболѣе подходящимъ приспособленіемъ является при этомъ измѣненіе какъ разъ въ противоположную сторону — къ ослабленію въ сознаніи элементовъ сходства и къ увеличенію интенсивности элементовъ

различія Такого рода тенденція и осуществляется въ формахъ различенія

Форма различенія есть такое сочетаніе двухъ образовъ сознанія, въ которомъ элементы различія образовъ выступаютъ съ возрастающей интенсивностью, элементы сходства—съ убывающей Формы различенія играютъ громадную роль въ жизни психики. На каждомъ шагу человѣкъ, имѣя дѣло съ двумя сходными воспріятіями или представленіями, „обращаетъ вниманіе“ не на ихъ сходство, а на различіе, что какъ разъ и означаетъ тотъ процессъ, который выступаетъ въ формахъ различенія (форма обобщенія, наоборотъ, получается въ томъ случаѣ, если „вниманіе обращено“ на элементы совпаденія фактовъ сознанія)

Я намѣренно употребилъ здѣсь психологическій терминъ „вниманіе“, терминъ, безъ котораго, какъ-будто, можно было бы обойтись. Дѣло въ томъ, что изслѣдованія психофизіологовъ относительно вниманія до извѣстной степени выясняютъ механизмъ тѣхъ процессовъ подбора, которыми создаются формы обобщенія и различенія.

Актъ вниманія характеризуется тѣмъ, что, во-первыхъ, извѣстные факты сознанія выступаютъ съ возрастающей яркостью, и во-вторыхъ, чувствуется въ то же время нѣкоторое неопредѣленное напряженіе, подобное усилію при мускульной работѣ [1]).

Господствующія теоріи вниманія, основываясь частью на общихъ аналогіяхъ, частью на точныхъ экспериментальныхъ данныхъ, видятъ его сущность въ двигательныхъ реакціяхъ При этомъ главная роль приписывается однимъ сосудодвигательнымъ измѣненіямъ, именно—расширенію сосудовъ, питающихъ дѣятельныя въ данный моментъ клѣтки мозга [2]), другими—усиленію тѣхъ двигательныхъ реакцій, которыя непосредственно входятъ въ составъ даннаго акта сознанія [3]). Наиболѣе вѣроятно, что въ актѣ вниманія неразрывно связаны тѣ и другія измѣненія: усиленіе дѣятельности какихъ бы то ни было органовъ обыкновенно соединяется съ расширеніемъ

[1]) Это напряженіе или усиліе можетъ имѣть непроизвольный или произвольный характеръ, на основаніи чего и различаютъ „волевое“ и „рефлекторное“ вниманіе (между обѣими формами существуютъ переходныя)

[2]) Къ этому Меунеrt присоединяетъ одновременное измѣненіе въ химизмѣ обмѣна веществъ, измѣненіе, благодаря которому повышается питаніе дѣятельныхъ элементовъ

[3]) Не знаю, надо ли здѣсь напоминать читателю, что въ каждомъ „воспріятіи“ и „представленіи“ фактически существуютъ и чисто двигательные элементы—опредѣленныя мускульныя сокращенія и соотвѣтственныя „стремленія“

ихъ сосудовъ; повышенное, благодаря этому, питаніе дѣятельныхъ элементовъ нервной системы ведетъ къ возрастанію энергіи разыгрывающагося въ нихъ акта сознанія, что, въ свою очередь, обусловливаетъ усиленіе двигательныхъ реакцій, входящихъ въ составъ этого акта, то и другое необходимо увеличиваетъ яркость, интенсивность образовъ сознанія, — а второе, въ частности, объясняетъ намъ происхожденіе того чувства усилія, которое неразлучно съ актомъ вниманія

Нетрудно понять значеніе обѣихъ сторонъ акта вниманія для того процесса различенія, который мы разсматривали. Самое происхожденіе формъ различенія основывается, какъ мы видѣли, на усиленіи тѣхъ полныхъ и неполныхъ двигательныхъ реакцій, которыя біологически объединяются съ различными представленіями, и въ актѣ вниманія какъ разъ выступаетъ такое усиленіе реакцій. Во то же время возрастаніе интенсивности элементовъ различія вмѣстѣ съ ослабленіемъ элементовъ совпаденія въ образахъ сознанія легко можетъ достигаться сосудодвигательными измѣненіями, повышеннымъ питаніемъ однихъ нервныхъ элементовъ рядомъ съ пониженнымъ питаніемъ другихъ

Сравнивая форму обобщенія съ формой различенія, мы приходимъ къ такимъ выводамъ о связи и различіяхъ между тѣми и другими

Во-первыхъ, форма различенія всегда—производное отъ формы обобщенія. Гдѣ имѣются два факта сознанія во взаимно-противорѣчивомъ отношеніи, а элементовъ совпаденія, или, что то же, элементовъ обобщенія нѣтъ, тамъ существуетъ противорѣчіе въ сознаніи, но нѣтъ формы различенія. Въ ней могутъ объединяться только сходныя представленія, которыя при другихъ условіяхъ выступаютъ, какъ матеріалъ формы обобщенія Въ психикѣ часто возникаютъ такія формы различенія, въ которыхъ соединяются, напр., образы двухъ людей, двухъ родственныхъ между собою животныхъ и т д , но лишь рѣдко создаются и почти не имѣютъ значенія такія формы различенія, въ которыхъ между представленіями очень мало сходства; сопоставленіе, напр , созвѣздія Большого Пса съ обыкновенной собакою въ большинствѣ случаевъ покажется прямо нелѣпымъ.

Во-вторыхъ, основное различіе формъ обобщенія и формъ различенія заключается въ противоположности тенденцій сознанія: въ первомъ случаѣ тенденція направлена къ возрастанію интенсивности элементовъ совпаденія и къ ослабленію элементовъ различія; во второмъ—наоборотъ Благодаря этому, конкурренція представленій наблюдается гораздо рѣзче тогда, когда они связываются въ форму различенія, когда на первый планъ выступаютъ элементы различія, т е. конкуррирующіе элементы образовъ весьма легко

замѣтить, что при такихъ условіяхъ, съ возрастаніемъ интенсивности одного изъ сопоставляемыхъ образовъ, блѣднѣетъ другой, и наоборотъ, причемъ обыкновенно наблюдается рядъ колебаній въ ту и въ другую сторону. Если же одно изъ представленій исчезаетъ изъ сознанія совсѣмъ, то, конечно, формы различенія уже нѣтъ [1]).

Въ-третьихъ, ни для процесса обобщенія, ни для процесса различенія не приходится наблюдать, чтобы ихъ тенденція доводилась до конца, до полнаго уничтоженія элементовъ различія въ обобщеніи, элементовъ сходства въ различеніи. Тѣ и другіе ослабляются и лишь смутно мелькаютъ въ сознаніи, отчасти совсѣмъ исчезаютъ, но никогда всѣ сразу не устраняются вполнѣ. Ни чистыхъ обобщеній, ни чистыхъ различеній не бываетъ въ сознаніи: ибо не бываетъ такихъ конкретныхъ условій, которымъ тѣ или другія могли бы вполнѣ соотвѣтствовать: условія повторяющіяся, которымъ соотвѣтствуютъ элементы сходства въ представленіяхъ, всегда сопровождаются условіями непостоянными, отраженіемъ которыхъ служатъ элементы различія; и наоборотъ, различіе условій никогда не бываетъ безусловнымъ, но всегда сопровождается большимъ или меньшимъ сходствомъ.

Біологическая роль формъ различенія отчасти видна уже изъ приведенныхъ нами примѣровъ. Онѣ служатъ для установленія связи между такими двигательными реакціями, которыя, хотя и вызываются сходными до извѣстной степени условіями, однако значительно различаются между собою, или находятся даже въ прямомъ противорѣчіи. Форма различенія въ сознаніи составляетъ одно цѣлое съ формой различенія во внѣшнихъ движеніяхъ организма. Приспособленіе это выступаетъ на сцену тогда, когда изъ цѣлаго ряда условій измѣняются лишь нѣкоторыя, и при этомъ возникаетъ необходимость въ существенномъ измѣненіи характера внѣшнихъ движеній организма. Такъ, въ медицинской практикѣ есть случаи, когда съ минимальнымъ, но для всякаго наблюдателя доступнымъ, измѣненіемъ симптомовъ болѣзни связано радикальное измѣненіе всего образа дѣйствій врача.

Формы различенія имѣютъ, далѣе, большое значеніе для пластики психическихъ приспособленій. Тѣсно связывая весьма не сходныя внѣшнія реакціи, онѣ даютъ, такимъ образомъ, достаточно разнообразный матеріалъ для

---

[1]) Напр., когда дикарь, видя издали животное, не можетъ его разглядѣть и колеблется между воспріятіями волка и собаки, то въ его сознаніи сохраняется форма различенія двухъ представленій. Но какъ только онъ ясно разглядѣлъ волка, форма различенія становится безполезною, и представленіе о собакѣ совсѣмъ устраняется изъ сознанія.

образованія новыхъ реакцій. Такъ, при затруднительной діагностикѣ и серьезномъ положеніи больного, врачъ нерѣдко вынужденъ изъ двухъ различныхъ способовъ воздѣйствія на организмъ, связанныхъ одной „формой различенія", составлять новый планъ лѣченія, который бы по возможности въ обоихъ случаяхъ оказался полезенъ, и во всякомъ случаѣ не принесъ бы значительнаго вреда.

Одна форма различенія нерѣдко оказывается сходною съ другой формой различенія, и это во многихъ случаяхъ можетъ быть полезно для психической пластики. Такъ, напр., на знакомыхъ намъ лицахъ мы научаемся различать доброе и злое выраженіе, при чемъ нашъ образъ дѣйствія измѣнается сообразно съ тѣмъ или другимъ, попавши въ среду людей другого класса, другой націи, расы,—вообще, иного физическаго и психическаго типа, мы, не смотря на несходство ихъ лицъ съ тѣми, которыя намъ привычны, находимъ на нихъ приблизительно тѣ же различія выраженія; и хотя весь образъ дѣйствій въ прежней и новой обстановкѣ окажется у насъ далеко не одинаковъ, однако *различія* нашихъ отношеній къ людямъ добродушнаго и злобнаго вида будутъ приблизительно одинаковы Здѣсь сходство формъ различенія позволитъ намъ удачно измѣнять образъ дѣйствій въ новыхъ условіяхъ

Процессъ обобщенія и процессъ различенія составляютъ два послѣдовательныхъ момента въ процессѣ *сравненія* образовъ сознанія. Изъ обоихъ моментовъ первичнымъ является, какъ было выяснено, актъ обобщенія актъ различенія всегда его предполагаетъ, ибо только *сходные* образы входятъ въ форму различенія. Это подтверждается и опытами психофизиологовъ, такъ, по точнымъ измѣреніямъ Н Ланге, сознаніе сходства двухъ фигуръ въ воспріятіи требуетъ меньше времени, чѣмъ сознаніе различія: первый случай есть образованіе элементарной формы обобщенія, второй— образованіе элементарной формы различенія.

с) *Монистическая тенденція въ развитіи сознанія*

Назначеніе психическаго аппарата заключается въ томъ, чтобы непрерывно приспособлять организмъ къ измѣняющимся условіямъ его жизненной борьбы Это достигается тѣмъ въ большей степени, чѣмъ богаче и разнообразнѣе накопленный запасъ психическихъ приспособленій, и чѣмъ тѣснѣе ихъ взаимная связь, чѣмъ гармоничнѣе ихъ совмѣстная дѣятельность

Послѣднее условіе врядъ ли менѣе важно, чѣмъ первое; степень его значенія нетрудно понять даже a priori. Чѣмъ въ большей мѣрѣ вся каѳисти

принимаетъ участіе въ выработкѣ приспособленія къ новымъ условіямъ, тѣмъ въ большей мѣрѣ возникшее приспособленіе окажется приспособленіемъ для всей психики Напротивъ, когда лишь незначительная часть психическаго аппарата независимо отъ остальныхъ создаетъ новое приспособленіе, то это послѣднее легко можетъ оказаться въ жизненномъ противорѣчіи съ другими сложившимися приспособленіями, тогда устраненіе однихъ вредныхъ вліяній влечетъ за собой другія. Всякому изъ личнаго опыта извѣстно, насколько несовершенныя создаются обыкновенно приспособленія, когда человѣкъ дѣйствуетъ на основаніи немногихъ представившихся соображеній, т. е. примѣняетъ въ пластикѣ лишь незначительную часть своего психическаго матеріала.

Міръ сознанія есть область психической пластики по преимуществу, и въ то же время это область наибольшаго объединенія психическихъ формъ. Объединеніе достигается путемъ непрерывно развертывающихся процессовъ обобщенія и различенія.

Прогрессивный процессъ обобщенія заключается въ томъ, что изъ обобщеній перваго порядка создаются обобщенія второго порядка, изъ этихъ— обобщенія третьяго порядка, и т д При этомъ достигается высшая степень связности при наименьшемъ количествѣ непосредственныхъ ассоціативныхъ связей, для которыхъ необходимы особые проводящіе пути. Пусть, напр , въ психикѣ имѣется милліонъ представленій Если бы всѣ они были связаны каждое съ каждымъ безъ посредства обобщеній, то, какъ нетрудно вычислить, потребовалось бы 500,000 милліоновъ прямыхъ ассоціативныхъ связей (въ чемъ бы онѣ физіологически и анатомически ни заключались). Но пусть представленія группируются по 10 въ одно обобщеніе 1-го порядка, эти по 10 въ обобщеніе 2-го порядка, и т. д ; тогда, предполагая даже прямыя связи въ предѣлахъ каждаго обобщенія между всѣми его элементами, получится, по расчету, меньше $6^1/_4$ милліоновъ непосредственныхъ связей; а посредственно, черезъ формы обобщенія, всѣ представленія окажутся взаимно связанными между собою Цифры, положенныя въ основу нашей иллюстраціи, конечно, вполнѣ фантастичны; но общій смыслъ фактовъ онѣ могутъ выразить, очевидно, настолько же вѣрно, какъ и всякія другія

Прогрессивный процессъ обобщенія шагъ за шагомъ сводитъ всѣ частныя представленія къ одному, наиболѣе общему Это, конечно, только тенденція; и осуществиться исторически съ извѣстной полнотой она можетъ не въ раз-

витіи индивидуальной психики, а въ громадномъ ряду поколѣній видового, индивидуальнаго и общественнаго развитія [1]).

Въ общемъ, прогрессивный ходъ процесса обобщенія основывается на его несомнѣнной пользѣ для сохраненія и развитія психической жизни, всеобщій подборъ долженъ постоянно поддерживать эту тенденцію. Ближайшимъ же образомъ для нея долженъ являться особенно благопріятнымъ психическій подборъ, именно въ силу того, что процессъ обобщенія основывается на гармоніи фактовъ сознанія. Съ одной стороны, гармонія частныхъ представленій есть условіе ихъ обобщенія; съ другой стороны, само обобщеніе находится въ отношеніяхъ гармоніи съ каждымъ изъ подчиненныхъ ему частныхъ представленій (благодаря совпаденію въ обобщенномъ и въ частномъ представленіи именно тѣхъ элементовъ, которые составляютъ сущность обобщенія). А такъ какъ гармонія означаетъ одинъ изъ видовъ положительнаго психическаго подбора, то благодаря ей каждое разъ сложившееся обобщеніе поддерживается и упрочивается среди психики [2]).

Рядомъ съ процессомъ обобщенія идетъ процессъ различенія. Каждой формѣ обобщенія обыкновенно соотвѣтствуетъ множество формъ различенія: изъ каждой пары тѣхъ представленій, которыя—нерѣдко въ очень большомъ числѣ—объединены въ данномъ обобщеніи, можетъ сложиться особая форма различенія. Будучи производнымъ отъ формы обобщенія, форма различенія сопровождаетъ ее въ сознаніи, какъ послѣдующій моментъ одного процесса сравненія.

Обобщенныя представленія, группируясь въ обобщенія высшаго порядка, служатъ матеріаломъ для новыхъ формъ различенія, точно такимъ же образомъ, какъ частныя представленія. Но съ другой стороны и формы различенія, соединяясь по сходству, становятся матеріаломъ обобщающаго процесса. Обобщенные образы человѣка и гориллы могутъ составить одну

---

[1]) Какъ будетъ показано въ дальнѣйшемъ, осуществляетъ эту тенденцію, главнымъ образомъ, общественное развитіе (въ сферѣ познанія)

[2]) Чтобы правильно оцѣнить значеніе этой формы подбора вообще, и основаннаго на ней процесса обобщенія въ частности, надо принять во вниманіе слѣдующее. Неприспособленность, порождаемая въ каждомъ частномъ случаѣ противорѣчіемъ двухъ встрѣчающихся актовъ сознанія, можетъ быть очень незначительна, происходящая при этомъ безполезная растрата нервной энергіи—очень ничтожна, но одинъ и тѣ же комбинаціи актовъ сознанія повторяются въ жизни милліоны тысячи, десятки, сотни тысячъ разъ, суммируясь, ничтожныя различія въ затратахъ энергіи могутъ стать очень велики, и обусловить сравнительно большую неприспособленность. Поэтому устраненіе противорѣчій въ сознаніи имѣетъ большое жизненное значеніе,—и, конечно, тѣмъ большее, чѣмъ обыденнѣе, чѣмъ чаще повторяются тѣ факты сознанія, которыя стоятъ въ про-

форму различенія, наоборотъ, изъ представленія о различіяхъ человѣка и гориллы, льва и кошки, слона и свиньи можетъ сложиться обобщенное представленіе о различіяхъ родственныхъ группъ организмовъ

Возникающая такимъ путемъ система формъ обобщенія и различенія никогда не достигаетъ законченности, никогда не приходитъ къ устойчивому равновѣсію. Это сложный, измѣнчивый комплексъ психическихъ процессовъ, въ которомъ болѣе или менѣе отчетливо выдѣляются только опредѣленныя тенденціи развитія: въ каждой формѣ обобщенія—тенденція къ обособленію совпадающихъ элементовъ болѣе частныхъ формъ сознанія и къ устраненію элементовъ несовпадающихъ; въ каждой формѣ различенія—наоборотъ; въ общей системѣ сознанія—тенденція къ прогрессивному обобщенію и различенію

Всякое новое воспріятіе или представленіе, силою вещей брошенное въ міръ сознанія, временно разстраиваетъ эту систему (поскольку она сложилась) Затѣмъ происходитъ взаимное приспособленіе „стараго порядка“ и новыхъ элементовъ, возникшія противорѣчія устраняются въ процессѣ подбора, нерѣдко унося съ собою много установившихся, издавна существовавшихъ формъ.

Разсмотримъ на конкретныхъ примѣрахъ, какъ совершается такой процессъ приспособленія

Человѣкъ, у котораго имѣется сложившееся обобщенное представленіе о кошкѣ, встрѣчаетъ новый, раньше имъ не видѣнный экземпляръ этой породы Тутъ процессъ приспособленія совершается быстро и легко. Такъ какъ новое воспріятіе довольно точно воспроизводитъ тѣ условія, при которыхъ раньше много разъ возникало въ психикѣ обобщенное представленіе о кошкѣ, то оно и въ данномъ случаѣ немедленно выступаетъ въ сознаніи, возникающее изъ новаго воспріятія частное представленіе оказывается въ гармоніи съ формой обобщенія, вступаетъ въ ея ассоціативную связь рядомъ съ другими частными представленіями, и далѣе сохраняется въ этой связи, какъ одно изъ обобщаемыхъ, подчиненныхъ представленій. Будучи такимъ образомъ „подведена“ подъ старое обобщеніе, новая форма сознанія не вызываетъ уже въ психикѣ никакой неприспособленности, напротивъ, съ этимъ расширеніемъ круга объединяемыхъ представленій само обобщеніе упрочивается въ сознаніи.

Конечно, въ новомъ воспріятіи есть и такія—хотя бы незначительныя—

тиворѣчія. Такимъ образомъ тенденція къ обобщенію представляетъ большія непосредственныя выгоды для психики

особенности, какія не встрѣчались въ прежнихъ воспріятіяхъ. Благодаря этому, изъ вновь образованнаго представленія и прежнихъ, связанныхъ въ обобщеніи, можетъ возникнуть цѣлый рядъ новыхъ формъ различенія, и онѣ въ свою очередь могутъ послужить матеріаломъ для дальнѣйшаго обобщенія и различенія

Европейскіе путешественники привозятъ кошку на одинъ изъ острововъ Полинезіи, гдѣ до этого времени изъ млекопитающихъ водились только крысы и летучія мыши Въ психикѣ туземцевъ воспріятіе никогда не виданнаго животнаго порождаетъ вначалѣ нѣкоторую неприспособленность, которая выражается въ чувствахъ удивленія, недоумѣнія Психическій подборъ стремится устранить эту неприспособленность, что можетъ достигаться различными способами. Напр., новое воспріятіе находится въ нѣкоторой гармоніи со старымъ обобщеннымъ представленіемъ о крысѣ, и легко можетъ случиться, что вначалѣ оно и будетъ „подведено" подъ это послѣднее. Правда, въ новомъ воспріятіи не хватаетъ нѣкоторыхъ элементовъ совпаденія, имѣющихся въ обобщеніи,— есть, можетъ быть, даже элементы прямо противорѣчащіе этимъ послѣднимъ [1]), но недостающее можетъ быть дополнено, излишнее устранено психической пластикой (такая пластика происходитъ постоянно, а иногда, совершаясь въ чрезмѣрныхъ размѣрахъ, порождаетъ такъ называемыя „иллюзіи") Однако, благодаря повторепіямъ новаго воспріятія, представленіе о кошкѣ пріобрѣтаетъ съ теченіемъ времени больше точности и опредѣленности; тогда противорѣчіе этого представленія съ обобщеніемъ, подъ которое оно подведено, начинаетъ сильно чувствоваться Отрицательный психическій подборъ, связанный съ чувствомъ противорѣчія, разрушаетъ прежнюю прямую связь новаго представленія съ другими частными представленіями, входящими въ старую форму обобщенія, такимъ образомъ представленіе это отдѣляется отъ обобщенія Но такъ какъ между тѣмъ и другимъ все-таки имѣются налицо нѣкоторые элементы совпаденія, то они вмѣстѣ входятъ въ новую форму обобщенія высшаго порядка, и образуютъ также новую форму различенія. Та и другая должны приспособиться къ другимъ близкимъ формамъ обобщенія и различенія, вступить въ такую или иную связь съ ними, и т д., пока вся система представленій не возвратится къ относительному равновѣсію.

Въ иныхъ случаяхъ ломка старыхъ психическихъ формъ, обусловленная

[1]) Особенно легко можетъ оказаться противорѣчіе между нѣкоторыми двигательными элементами стараго обобщенія и новаго воспріятія (мы знаемъ, что въ воспріятіяхъ и представленіяхъ всегда фактически существуютъ двигательные элементы)

вторженіемъ новыхъ, оказывается гораздо болѣе значительной, затрагиваетъ сразу многія области міра представленій и стремленій Этой ломкѣ всегда предшествуютъ попытки психики приспособиться болѣе легкимъ и непосредственнымъ путемъ—подведеніемъ новаго подъ старое; и нерѣдко долгое время въ новыхъ представленіяхъ элементы противорѣчія со старыми устраняются подборомъ, а элементы недостающіе для полной гармоніи дополняются посредствомъ пластики [1]). Нужно продолжительное и повторяющееся воздѣйствіе новыхъ вліяній, чтобы разрушить консерватизмъ старыхъ формъ психики, которыя „борются за свое существованіе", какъ все живущее.

До какой степени значителенъ при извѣстныхъ условіяхъ этотъ консерватизмъ сложившейся системы сознанія, показываютъ тѣ поразительно нелѣпыя (на нашъ взглядъ) подведенія новаго подъ старое, которыя наблюдались, напр , при первыхъ встрѣчахъ низшихъ расъ съ европейцами. У индѣйцевъ Вестъ-Индіи бѣлые люди первоначально подводились подъ сложившееся представленіе о богахъ, неграмъ, напротивъ, они казались чертями, австралійцы у рѣки Меррея принимали воловъ за женъ европейскихъ колонистовъ, и это основывалась на томъ сходствѣ, что волы везли на себѣ багажъ колонистовъ, какъ жены дикарей носятъ въ путешествіяхъ ихъ имущество, и т под.

То потрясеніе, которое психика испытываетъ при вторженіи въ нее новыхъ впечатлѣній, и которое вызываетъ въ ней внутреннія перегруппировки, пластику и т д , выражается прежде всего въ эмоціяхъ удивленія, изумленія, недоумѣнія; это—сложныя эмоціи, главную составную часть которыхъ представляетъ интенсивное чувство противорѣчія Интенсивное чувство означаетъ энергичную, усиленную дѣятельность психическаго подбора; и по мѣрѣ того какъ приспособленность возстановляется этой дѣятельностью, эмоція ослабѣваетъ.

Чѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе новыя вліянія, тѣмъ болѣе глубокія измѣненія вызываютъ они въ сложившейся системѣ сознанія; но въ значительной мѣрѣ это зависитъ отъ строенія системы, отъ степени ея прочности и устойчивости. Въ однихъ случаяхъ старыя формы упорнѣе борются за свою жизнь, въ другихъ онѣ легче уступаютъ мѣсто новымъ, въ третьихъ приспособленность совсѣмъ не возстановляется, и система сознанія дезорганизуется (напр , при „сумасшествіи"). Въ иныхъ случаяхъ старыя формы,

[1]) Такого рода пластику, которая вноситъ въ представленіе то, чего нѣтъ въ воспріятіи, или вообще создаетъ представленія, не имѣющія соотвѣтственныхъ воспріятій, называютъ дѣятельностью воображенія

несмотря на свое противорѣчіе съ новыми впечатлѣніями, держатся, медленно измѣняясь, въ теченіе цѣлыхъ поколѣній Нерѣдко отъ старыхъ формъ остаются кое-какіе обрывки, нарушая единство преобразованной психики и ея внутреннюю гармонію, какъ чуждое тѣло среди живыхъ тканей. Все это хорошо извѣстно каждому, кто сколько-нибудь внимательно наблюдалъ себя и другихъ. Въ подобныхъ явленіяхъ обнаруживается относительная отдѣльность и самостоятельность частей человѣческой психики Отдѣльность эта можетъ переходить въ прямое жизненное противорѣчіе, и на каждомъ шагу гибель частей необходима для развитія цѣлаго

Но *такая* отдѣльность все въ большей мѣрѣ устраняется прогрессивнымъ процессомъ обобщенія и различенія. Оба эти процесса стремятся установить наибольшее единство, наибольшую связность психики, первый — соединяя въ сознаніи сходное, второй — соединяя несходное Въ совокупности они составляютъ процессъ вѣчнаго приспособленія формъ сознанія, или, какъ его удобно будетъ назвать, процессъ психической *координаціи*. Эта сторона психической пластики имѣетъ громадное значеніе: собственно она дѣлаетъ сознаніе системой. Въ двухъ направленіяхъ координаціи — въ обобщеніи и различеніи — выражается одна и та жи тенденція психическаго развитія — къ гармонической цѣлостности сознанія, къ единству въ разнообразіи.

Тенденція эта, которую правильно будетъ назвать *монистической*, никогда не осуществляется до конца въ отдѣльной особи. Человѣкъ, какимъ мы его знаемъ въ исторіи, существо слишкомъ ограниченное, слишкомъ бѣдное матеріаломъ для развитія, если его разсматривать въ отдѣльности. Лишь какъ часть общественнаго цѣлаго, становится онъ элементомъ великой формы развитія. Лишь какъ отраженіе общественно-психической жизни, можетъ индивидуальная психика, съ ея короткимъ періодомъ развитія и быстрой деградаціей, сколько-нибудь полно проявить монистическую тенденцію

Въ жизни *общественнаго человѣчества* тенденція эта непрерывно господствуетъ, и осуществляется съ возрастающей скоростью.

Резюмируемъ въ немногихъ словахъ содержаніе этой главы.

1. Гармонія отдѣльныхъ представленій является основою своеобразной психической пластики — *процесса обобщенія*. Его характеристику составляетъ тенденція къ усиленію и обособленію элементовъ сходства въ

гармонирующихъ ассоціированныхъ представленіяхъ, къ подавленію и устраненію элементовъ различія.

2. Производнымъ отъ процесса обобщенія является процессъ различенія, съ обратной тенденціей

3 Біологическое значеніе обоихъ процессовъ заключается въ ихъ громадной полезности для пластики и координаціи психическихъ приспособленій.

4. Въ своемъ совмѣстномъ дѣйствіи, оба процесса стремятся превратить сознательную психику въ связную, гармоническую систему, такъ что могутъ разсматриваться, какъ два типа проявленій одной монистической тенденціи.

5. Измѣненіе условій постоянно нарушаетъ равновѣсіе существующей системы сознанія, а психическая пластика въ направленіи монистической тенденціи постоянно стремится вновь установить равновѣсіе.

4 Общественность.

а) Первичная стадность.

Раньше чѣмъ стать элементомъ жизни общественной, особь выступаетъ, какъ элементъ жизни видовой. Въ жизни видовой связью между особями является размноженіе. Связь эта въ своемъ развитіи съ величайшей послѣдовательностью восходитъ отъ простѣйшихъ формъ размноженія, какія наблюдаются у безполыхъ организмовъ, къ наиболѣе сложнымъ, въ которыхъ съ отношеніями раздѣльности половъ и взаимнаго исканія самцовъ и самокъ соединяются отношенія заботы родителей о дѣтенышахъ Въ этихъ то сложныхъ формахъ и лежитъ пограничная область, гдѣ изъ высоко уже развитой видовой жизни возникаетъ жизнь общественная.

Половое размноженіе представляетъ простѣйшую, историчесни первую форму прямой совмѣстности особей одного вида въ борьбѣ за жизнь. Разумѣется, связанное съ половымъ размноженіемъ стремленіе къ особи своего вида и другого пола (у гермафродитовъ—нерѣдко вообще къ особи своего вида) еще не есть общественность; но это—ея возможный эмбріонъ Здѣсь существенно то, что „представленіе“ о другой особи того же вида начинаетъ уже играть важную роль въ индивидуально-психической жизни, что „воспріятіе“ другой особи при посредствѣ внѣшнихъ чувствъ является для психической системы не моментомъ неприспособленности, а элементомъ приспособленія [1])

[1]) Термины „воспріятіе“, „представленіе“ не слѣдуетъ, конечно, понимать здѣсь

Исторически болѣе позднюю форму видовой совмѣстности въ борьбѣ за жизнь представляютъ заботы родителей о дѣтяхъ (первоначально, да и вообще чаще всего—заботы матери). Въ этой формѣ жизненная совмѣстность пріобрѣтаетъ уже болѣе постоянный, болѣе устойчивый характеръ, хотя и захватываетъ, обыкновенно, лишь часть жизни дѣтенышей. Въ то же время связь особей теряетъ ту крайнюю узость, которая характерна для половыхъ отношеній Въ этомъ смыслѣ родительскіе инстинкты, особенно въ болѣе развитыхъ формахъ, стоятъ уже гораздо ближе къ явленіямъ общественности [1]).

Если подъ именемъ первичной стадности понимать простое стремленіе особей держаться поближе другъ къ другу, слѣдовать другъ за другомъ при перемѣщеніяхъ, то надо признать, что исходной точкой развитія такой стадности могутъ являться и половые, и родительскіе инстинкты Происхожденіе на почвѣ половыхъ отношеній можно съ полнымъ основаніемъ приписать полигамическимъ стадамъ и стаямъ многихъ млекопитающихъ и птицъ, изъ связи родителей съ дѣтьми возникли обширныя семьи у многихъ позвоночныхъ и у такихъ насѣкомыхъ, какъ муравьи, термиты, пчелы.—Но въ общемъ, связи, возникающія изъ чисто половыхъ отношеній, менѣе способны къ развитію въ сторону общественности, чѣмъ тѣ семейныя связи, которыя лежатъ въ основѣ „родового быта“ въ массѣ случаевъ раздѣльность половъ порождаетъ даже спеціальныя формы борьбы между особями одного пола, — борьбы, играющей такую важную роль въ явленіяхъ полового подбора.

Нетрудно понять, какимъ образомъ первичная стадность могла оказываться полезною для особей и для всего вида, и почему, слѣдовательно, она должна была поддерживаться и развиваться дѣйствіемъ подбора Простое пребываніе многихъ особей въ одномъ мѣстѣ часто бываетъ достаточнымъ, чтобы охранить ихъ отъ опасныхъ враговъ; привычка слѣдовать другъ за другомъ должна быть очень полезна для отысканія пастбищъ, водопоевъ, и т под

Но главное значеніе первичной стадности заключается въ томъ, что

отнюдь антропоморфически, принимать обозначенное имя за нѣчто вполнѣ сходное съ нашими воспріятіями и представленіями, но во всякомъ случаѣ дѣло идетъ о весьма аналогичныхъ психическихъ фактахъ

[1]) Остается неизвѣстнымъ, существуетъ ли какая-нибудь генетическая связь между половыми и родительскими инстинктами Что она существуетъ, можно думать хотя бы потому, что обѣ эти группы явленій тѣсно связаны съ одной и той же физической функціей—размноженіемъ

она создаетъ широкое поле для развитія психическихъ фактовъ подражанія

b) Подражаніе

Когда психика осуществляетъ какую-нибудь двигательную реакцію, то обыкновенно она въ то же время воспринимаетъ эту реакцію въ сферѣ сознанія, по крайней мѣрѣ, это относится къ сознательнымъ движеніямъ.

Воспріятіе собственныхъ дѣйствій совершается въ психикѣ двумя путями. Съ одной стороны, имѣется непосредственное двигательное воспріятіе, иннерваціонное, которое представляетъ изъ себя „сознаніе“ затраты психической энергіи, центробѣжной ея передачи. Съ другой стороны, возникаетъ воспріятіе при посредствѣ органовъ внѣшнихъ чувствъ—зрительное, осязательное, слуховое. можно видѣть собственныя движенія, слышать ихъ, и т. д.

Оба воспріятія, внутреннее и внѣшнее, возникаютъ всегда почти одновременно, при однихъ и тѣхъ же приблизительно условіяхъ. Естественно, что они тѣсно ассоціируются одно съ другимъ въ сознаніи: тамъ, гдѣ выступаетъ одно, немедленно является и другое. хотя бы они воспроизводились въ неполномъ видѣ, при отсутствіи тѣхъ условій, которыя непосредственно ихъ вызывали

Тутъ читателю надо припомнить кое-что изъ предыдущаго. Если воспріятіе внѣшнихъ чувствъ, ставши привычнымъ, воспроизводится въ неполномъ видѣ при отсутствіи непосредственно вызывавшихъ его условій, то оно пріобрѣтаетъ уже форму представленія, а не воспріятія. Если двигательный актъ сознанія повторается въ неполномъ видѣ, не достигая перехода въ мускульное сокращеніе, то онъ уже не двигательная реакція, а только стремленіе Стало быть, отъ двухъ способовъ воспріятія собственныхъ дѣйствій въ психикѣ остаются двѣ неполныя реакціи сознанія—представленіе о дѣйствіи, какимъ оно является внѣшнимъ чувствамъ, и стремленіе къ нему. Эти двѣ формы сознанія, какъ было указано, находятся въ тѣсной взаимной связи въ силу самаго своего происхожденія, и одна изъ нихъ въ полѣ сознанія влечетъ за собою другую

При самомъ дѣйствіи внѣшнее воспріятіе должно нѣсколько опаздывать по сравненію съ иннерваціоннымъ, какъ болѣе непосредственнымъ, опаздывать, конечно, на очень незначительный промежутокъ времени. Когда они воспроизводятся въ неполной формѣ, какъ представленіе и стремленіе,

такая послѣдовательность теряетъ значеніе она не сохраняется уже въ силу того, что при благопріятномъ психическомъ подборѣ всякое представленіе и стремленіе удерживается въ сознаніи болѣе или менѣе продолжительное время, наряду съ другими возникающими фактами сознанія

Такимъ образомъ, когда въ сознаніи выступаетъ представленіе о дѣйствіи— является и стремленіе къ нему, и наоборотъ, все равно, которое бы ни возникало первымъ.

Внѣшнее воспріятіе опредѣленнаго дѣйствія — зрительное, слуховое, осязательное—человѣкъ можетъ получить не только тогда, когда онъ самъ выполняетъ это дѣйствіе, но также и тогда, когда оно выполняется другимъ человѣкомъ: воспріятіе чужого дѣйствія въ очень значительной степени сходно съ внѣшнимъ воспріятіемъ такого же собственнаго дѣйствія Вслѣдствіе этого, когда получается воспріятіе движеній другого лица, то немедленно является въ сознаніи также представленіе аналогичной двигательной реакціи самого наблюдающаго эти движенія [1]) А вмѣстѣ съ представленіемъ возникаетъ и неразрывно ассоціированное съ нимъ стремленіе выполнить самыя движенія. При благопріятныхъ условіяхъ психическаго подбора стремленіе, усиливаясь, переходитъ въ дѣйствіе: человѣкъ воспроизводитъ наблюдаемыя движенія другого человѣка. Тогда передъ нами будетъ *полная реакція подражанія* Если же стремленіе останется стремленіемъ и не перейдетъ въ дѣйствіе, то это слѣдуетъ назвать *неполнымъ подражаніемъ*.

Въ значительномъ числѣ случаевъ психическій подборъ *долженъ* оказываться настолько благопріятнымъ для подражанія, чтобы оно стало полнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, особь дѣйствующая и особь получающая воспріятіе ея дѣйствія находятся, обыкновенно, въ весьма сходныхъ условіяхъ; и сами онѣ въ значительной степени сходны между собою· естественно, что результатъ работы психическаго подбора будетъ часто оказываться сходнымъ для обѣихъ особей, и если у особи *A* онъ выражается въ данной реакціи, то у особи *B* также можетъ легко получиться аналогичная реакція. Напр., *A*

[1]) Въ иныхъ случаяхъ воспріятіе движеній другого лица довольно значительно отличается отъ воспріятія соотвѣтственныхъ своихъ движеній, такъ зрительное воспріятіе своихъ ногъ при ходьбѣ, благодаря положенію глазъ, по многомъ не таково какъ при ходьбѣ другой особи Тѣмъ не менѣе, и здѣсь воспріятіе чужого дѣйствія обыкновенно влечетъ за собою представленіе соотвѣтственнаго своего когда представленіе стало *привычнымъ*, то достаточно воспроизведенія нѣкоторыхъ его элементовъ (а тѣмъ болѣе—значительной ихъ части), чтобы остальные воспроизвелись немедленно въ силу ихъ тѣсной связи

видитъ волка и бросается на него, у *B* стремленіе къ такому же дѣйствію тѣмъ легче усиливается до перехода въ дѣйствіе, что при данныхъ обстоятельствахъ онъ, можетъ быть, напалъ бы на волка и безъ того примѣра, который показалъ ему *A*.

Таковы психическія основы подражанія. Его значеніе для жизни громадно Нетрудно представить себѣ, какую пользу можетъ приносить подражаніе въ массѣ случаевъ жизненной борьбы, до какой степени пригодный и цѣнный матеріалъ можетъ оно доставлять для подбора.

Выгоды подражанія удобно раздѣлить на непосредственныя и косвенныя Первыя—еще не самыя главныя, но и онѣ очень значительны. Напр , пусть изъ цѣлаго стада животныхъ только одно увидѣло врага, и обращается въ бѣгство, а другія, еще не видя врага, слѣдуютъ примѣру перваго: какой важный выигрышъ времени въ критическую минуту составляетъ это для всего стада. Или, положимъ, въ стаѣ птицъ болѣе опытныя, зная, лучше другихъ гдѣ искать добычу, своимъ примѣромъ указываютъ это и другимъ: насколько болѣе обезпеченной является благодаря этому жизнь особей.

Но особенно громадно косвенное значеніе подражанія, какъ способа психической пластики.

Путемъ подражанія одна психика усваиваетъ себѣ приспособленія другихъ, каждый „научается“ дѣлать то, что дѣлаютъ остальные Къ подражанію сводится, въ сущности, все „воспитаніе“ особи, частью прямо, частью косвенно. Въ процессѣ подражанія всѣ пріобрѣтенія долгаго видового и общественнаго психическаго развитія становятся достояніемъ особи въ самое, сравнительно, короткое время

Эта сторона дѣла основывается на томъ, что всѣ сложныя реакціи пластически возникаютъ изъ сочетанія простѣйшихъ привычныхъ движеній. Положимъ, у одной особи существуетъ опредѣленная сложная форма дѣйствія, которой нѣтъ у другихъ, но у нихъ существуютъ, не будучи взаимно связаны, всѣ элементарныя движенія, входящія въ составъ этой формы Въ такомъ случаѣ подражаніе совершается путемъ выполненія, одно за другимъ, этихъ простѣйшихъ движеній, получается пластичная реакція, подобная той, которая вызвала подражаніе —Вначалѣ, конечно, такое подражаніе является очень несовершеннымъ, какъ вообще большинство пластичныхъ приспособленій; но постепенно, повторяясь снова и снова, оно пріобрѣтаетъ связность, опредѣленность—становится привычнымъ приспособленіемъ, иногда даже болѣе совершеннымъ, чѣмъ первоначальный образецъ.

Изъ этого видно, между прочимъ, гдѣ лежатъ предѣлы подражанія. Оно

совершенно невозможно тогда, когда психика особи, наблюдающей чужое дѣйствіе, не располагаетъ элементами этого дѣйствія. Подражаніе тѣмъ болѣе затруднительно и тѣмъ менѣе совершенно, чѣмъ болѣе необычнымъ является для подражающей особи данное сочетаніе движеній, чѣмъ меньше имѣется въ психикѣ подходящихъ къ нему готовыхъ сочетаній простѣйшихъ реакцій. Поэтому, напр., обученіе письму, операціи весьма сложной, начинаютъ нерѣдко съ того, что показываютъ ученику, какъ писать палочки, штрихи, овалы — болѣе простыя сочетанія движеній, входящія въ составъ этой операціи, затѣмъ переходятъ къ сочетаніямъ болѣе сложнымъ, и т д

Въ зависимости отъ различія психическихъ особей, а также и внѣшнихъ обстоятельствъ, подражаніе заключаетъ въ себѣ иногда меньше, иногда столько же, но иногда и больше, чѣмъ дается въ подражаемомъ Неполное подражаніе представляетъ, скорѣе, общее правило, полное наблюдается въ меньшинствѣ случаевъ Первое, можно полагать, въ той или иной степени имѣетъ мѣсто при всякомъ воспріятіи чужихъ дѣйствій, второе же требуетъ особенно благопріятныхъ условій въ психикѣ подражающаго — Но зато наблюдается также—и далеко нерѣдко—что тамъ, гдѣ у одного привычная реакція останавливается, не доходя до конца, или даже въ самомъ началѣ,—у другого, ему въ данный моментъ подражающаго, она не только доводится до конца, но и влечетъ за собою другія, съ ней ассоціированныя реакціи одинъ еще только начинаетъ, а другой, въ силу подражанія, не только начинаетъ, но и продолжаетъ и оканчиваетъ. Разумѣется, это возможно лишь тогда, когда то дѣйствіе, которому подражаютъ, является привычнымъ для подражающаго.

Въ процессѣ подражанія индивидуальная психика выходитъ изъ своей первоначальной ограниченности, перестаетъ въ своемъ развитіи всецѣло опредѣляться непосредственными условіями внѣшней природы Тѣ внѣшнія вліянія, которыя прямо не дѣйствуютъ на данную особь, при посредствѣ другихъ подобныхъ ей особей пріобрѣтаютъ значеніе для ея психики, и опредѣляютъ собою массу повышающихъ ея жизнеспособность психическихъ приспособленій

Предпосылкой подражанія является сходство особей, и въ свою очередь подражаніе оказывается могущественнымъ средствомъ увеличенія этого сходства, способомъ взаимной ассимиляціи особей, создавая единство ихъ психическаго развитія

Само по себѣ, подражаніе еще не есть общественность, но оно есть

основная форма, въ которой происходитъ развитіе первоначальной стадности въ настоящую общественность, т. е. въ сотрудничество.

c) Сотрудничество.

Общественность, какую можно наблюдать среди зоологическаго вида Homo sapiens („одаренный разумомъ человѣкъ"), характеризуется не только совмѣстностью особей въ борьбѣ за жизнь, но именно трудовой совмѣстностью, сотрудничествомъ.

Такъ какъ понятіе „труда" въ первый разъ выступаетъ здѣсь въ ходѣ нашего изложенія, то мы должны будемъ заняться теперь его выясненіемъ. А для этого придется начать съ понятія „цѣли".

Человѣкъ видитъ добычу (1-ое воспріятіе), убиваетъ и ѣстъ ее (дѣйствіе), чувствуетъ, что его голодъ прошелъ (2-ое воспріятіе). Отъ этихъ фактовъ остается ассоціація трехъ формъ сознанія. представленія о добычѣ, стремленія напасть на нее, представленія объ утоленномъ голодѣ Психическій подборъ, конечно, очень благопріятенъ для данной ассоціаціи, такъ какъ та полная реакція, изъ которой она произошла, при каждомъ повтореніи завершалась интенсивнымъ чувствомъ удовольствія, и вообще оказывалась весьма полезна для организма. Такимъ образомъ, сложившаяся ассоціація упрочивается до неразрывности и воспроизводится все съ большой легкостью и быстротой.

Въ какомъ видѣ представляется тогда какое-нибудь изъ послѣдующихъ повтореній реакціи? Съ повторнымъ воспріятіемъ добычи немедленно воскресаетъ въ сознаніи стремленіе захватить ее, и представленіе объ утоленномъ голодѣ Стремленіе переходитъ въ дѣйствіе, въ результатѣ повторяется воспріятіе утоленнаго голода Но уже раньше въ сознаніи было представленіе, соотвѣтствующее (приблизительно) этому воспріятію: благодаря сложившейся ассоціаціи фактовъ сознанія, представленіе объ утоленномъ голодѣ предшествовало такимъ образомъ дѣйствію, результатамъ котораго это представленіе соотвѣтствуетъ. Такое представленіе называется „цѣлью" дѣйствія Въ немъ какъ бы отражается будущій результатъ дѣйствія—въ дѣйствительности же только результатъ прежняго опыта, повторяющійся съ повтореніемъ всей реакціи [1])

[1]) Можетъ показаться, что представленіе цѣли дѣйствія должно было предшествовать уже тому первому случаю, изъ котораго возникла описанная ассоціація фактовъ сознанія развѣ человѣкъ не затѣмъ и бросился на добычу, чтобы удовлетворить ею

Такова самая общая схема возникновенія „цѣлей“ въ психикѣ —Въ дѣйствительности сочетаніе представленій часто бываетъ гораздо сложнѣе, самое представленіе цѣли иногда образуется пластически, какъ нѣчто новое, изъ прежнихъ представленій, такъ что человѣкъ стремится къ тому, чего непосредственно не переживалъ, для чего въ пережитомъ у него есть только элементы; наконецъ, вся цѣпь явленій можетъ быть гораздо длиннѣе, съ массой посредствующихъ звеньевъ Все это нисколько не мѣняетъ сущности дѣла, происхожденія „цѣлей“ изъ пережитыхъ воспріятій, и приведенная схема остается всегда примѣнимою въ своихъ основныхъ чертахъ [1]).

Трудомъ называется дѣятельность, соединенная съ сознаніемъ цѣли. Стало быть, это психическій процессъ, который слагается изъ привычныхъ и пластичныхъ (т. е. вообще сознательныхъ) реакцій, сопровождаемыхъ представленіемъ о результатахъ этихъ реакцій

Трудъ, полезный для жизни не только самой трудящейся особи, но и другихъ, ей подобныхъ, есть трудъ общественно-полезный или „производство“ (терминъ экономистовъ, взятый здѣсь въ самомъ широкомъ значеніи) Производство и составляетъ основное содержаніе общественности Общественность, такимъ образомъ, сводится къ сотрудничеству, т е къ трудовой совмѣстности особей въ борьбѣ за жизнь [2])

своей голодъ? Но пусть читатель припомнитъ, что сознательныя дѣйствія первоначально развиваются изъ рефлекторныхъ, а къ рефлекторнымъ понятіе цѣли совсѣмъ не примѣнимо—съ ними не связано непосредственно никакое представленіе объ ихъ результатахъ Если птенецъ, только что вылупившійся изъ яйца, бросается на муху и клюетъ ее, то онъ дѣлаетъ это не затѣмъ, чтобы наѣсться, а только потому, что увидалъ муху, и что въ его психикѣ есть соотвѣтственная рефлекторная реакція

[1]) Здѣсь указано только наиболѣе существенное для насъ въ явленіяхъ „цѣли“ Въ дѣйствительности они значительно сложнѣе. Такъ, представленіе цѣли всегда сопровождается тѣмъ своеобразнымъ психическимъ состояніемъ, которое обозначается терминомъ „ожиданіе“ Это—состояніе особаго напряженія, родственное до нѣкоторой степени съ „вниманіемъ“, и въ своей основѣ, вѣроятно, тоже мускульнаго, иннерваціоннаго характера —Но ближайшее разсмотрѣніе подобныхъ вопросовъ относится спеціально къ области психологіи, а къ нашей задачѣ прямого отношенія не имѣетъ (По той же причинѣ мы вообще оставляемъ въ сторонѣ происхожденіе различныхъ опредѣленій по времени и пространству — представленія о прошломъ, будущемъ, смежномъ, удаленномъ, и т. под.)

[2]) Говоря это, мы имѣемъ въ виду не только трудъ производства такъ называемыхъ «матеріальныхъ продуктовъ», но вообще всякій общественно-полезный трудъ безъ различія его объектовъ

Опредѣленной, рѣзкой границы между трудомъ общественно-полезнымъ и полезнымъ только индивидуально нѣтъ и быть не можетъ Различать оба вида труда съ полной точностью можно только тогда, когда они оказываются во взаимномъ противорѣчіи Общественный характеръ той цѣли, къ которой направлена трудовая дѣятельность, можетъ обнаруживаться и не прямо, а косвенно. Напр., если человѣкъ дѣлаетъ топоръ для себя, но топоръ этотъ нуженъ ему для работы общественно-полезной (колоть дрова для всей семьи), то и выдѣлка топора является, конечно, актомъ общественно-полезнаго труда

Формы общественно-полезнаго труда—формы сотрудничества—весьма различны Онѣ зарождаются среди первичной стадности, и развиваются путемъ подражанія Въ массѣ случаевъ актъ подражанія, соединяясь съ представленіемъ цѣли, прямо создаетъ общественно-трудовую форму Напр , когда одинъ человѣкъ, слѣдуя примѣру другого, бросается вмѣстѣ съ нимъ на опаснаго звѣря, сознавая въ то же время, зачѣмъ это дѣлаетъ, то подобное дѣйствіе имѣетъ прямо общественно-трудовой характеръ.

Общественно-трудовая борьба за существованіе или процессъ производства есть тотъ базисъ, на которомъ возникаетъ и развивается познаніе. Почему и какимъ образомъ это происходитъ — будетъ выяснено въ дальнѣйшемъ.

d) Общественный подборъ

До сихъ поръ далеко еще не выяснено съ достовѣрностью, существуютъ ли „простыя“ формы жизни, не являются ли такими, напр., клѣтки.— Всякой же формѣ сложной свойственны, какъ было выяснено, явленія внутренняго подбора, подбора ея элементовъ въ процессѣ ихъ приспособленія другъ къ другу и къ цѣлому формы. Дѣятельность этого подбора подчинена, какъ мы знаемъ, подбору внѣшнему, и сравнительно весьма ограничена. Деградація и гибель отдѣльныхъ приспособленныхъ элементовъ рядомъ съ развитіемъ приспособляющихся можетъ совершаться только до извѣстнаго предѣла, за которымъ слѣдуетъ гибель цѣлаго; подборъ внѣшній, такимъ образомъ, всегда можетъ остановить работу внутренняго.

Общественное цѣлое есть сложная форма жизни, ближайшіе элементы этой формы—психическія особи—сами весьма сложны, и различнымъ образомъ приспособляются къ совмѣстной жизненной борьбѣ. Отдѣльныя психическія формы особей и цѣлыя особи, и даже цѣлыя ихъ группы устраняются въ общемъ процессѣ развитія или деградаціи соціальнаго цѣлаго, если онѣ

оказываются общественно-неприспособленными и не приспособляющимися Въ этомъ заключается внутренній подборъ соціальнаго цѣлаго—общественный подборъ —Механизмъ общественнаго подбора въ различныхъ случаяхъ весьма разнообразенъ

Общественное цѣлое представляетъ изъ себя обширную систему отношеній, въ которую входятъ не только взаимныя отношенія особей, но и ихъ внутреннія отношенія, и отношенія къ внѣшней природѣ Поэтому общественный подборъ является не только въ формѣ непосредственнаго воздѣйствія особей другъ на друга, но и въ формѣ подбора психическаго, и даже внѣшняго

Изъ различныхъ механизмовъ общественнаго подбора наиболѣе простой и грубый выступаетъ въ томъ случаѣ, когда неприспособленная особь прямо устраняется дѣйствіемъ остальныхъ, напр., когда убиваютъ преступника. Это соотвѣтствуетъ уже к р а й н е й степени взаимной неприспособленности особей, и представляетъ наименѣе интересный съ точки зрѣнія нашей задачи видъ общественнаго подбора

Гораздо чаще общественный подборъ выступаетъ въ менѣе грубыхъ, болѣе замаскированныхъ формахъ. Таковы, прежде всего, тѣ случаи, когда онъ является подъ видомъ подбора внѣ-соціальнаго. Нерѣдко особи погибаютъ, повидимому, вслѣдствіе своей неприспособленности къ природѣ внѣ-общественной; но при дальнѣйшемъ анализѣ оказывается, что дѣло идетъ о непригодности этихъ особей къ наличнымъ формамъ общественности. Положимъ, при данныхъ, сложившихся отношеніяхъ людей отдѣльнымъ личностямъ необходимо для сохраненія жизни работать больше, чѣмъ могутъ выдерживать ихъ организмы; тогда ранняя смерть этихъ особей отъ истощенія и болѣзней есть выраженіе общественнаго подбора, который только принялъ видъ внѣ-соціальнаго Какая-нибудь туберкулезная палочка въ массѣ случаевъ является, какъ это ни странно, дѣятелемъ подбора—въ конечномъ счетѣ—о б щ е с т в е н н а г о

Еще чаще предметомъ общественнаго подбора выступаютъ частныя психическія формы въ отдѣльныхъ личностяхъ Тогда общественный подборъ принимаетъ непосредственную форму психическаго. Если человѣкъ обнаруживаетъ такія склонности, совершаетъ такіе поступки, которые не соотвѣтствуютъ системѣ общественныхъ отношеній, дѣлаютъ его неприспособленнымъ къ общественной средѣ, то это ведетъ къ страданіямъ самой особи отъ воздѣйствія на нее общественной среды: человѣка бьютъ, сажаютъ въ тюрьму, порицаютъ, и т под Возникающіе такимъ образомъ страданія

означаютъ отрицательный психическій подборъ, который направленъ къ ослабленію и уничтоженію неприспособленныхъ психическихъ формъ

Наибольшій интересъ представляютъ для насъ тотъ случай, когда общественный подборъ дѣйствуетъ не на индивидуально-психическія, а на общественно-психическія формы

Общественно-психической формой называется совокупность взаимно-соотвѣтственныхъ и взаимно-связанныхъ психическихъ формъ въ различныхъ особяхъ. Любой случай совмѣстнаго труда людей представляетъ изъ себя конкретное проявленіе опредѣленной общественно-психической формы. Если нѣсколько человѣкъ сообща строятъ домъ, это значитъ, что каждый изъ нихъ обладаетъ опредѣленными психическими формами трудовыхъ дѣйствій, выполняемыхъ для данной цѣли, и что эти психическія формы различныхъ особей болѣе или менѣе приспособлены каждая ко всѣмъ остальнымъ, такъ что каждая содѣйствуетъ поддержанію всѣхъ остальныхъ. Подобная система взаимно-приспособленныхъ индивидуально-психическихъ формъ въ ея единствѣ и отдѣльности съ полнымъ основаніемъ можетъ быть названа общественно-психической или, для краткости, просто общественной формой

Очевидно, что дѣйствіе общественнаго подбора на общественныя формы сводится болѣе непосредственно къ его дѣйствію на отдѣльныя психическія формы, входящія въ составъ общественной, и выступаетъ обыкновенно подъ видомъ психическаго подбора въ особяхъ Разсмотримъ это на конкретномъ примѣрѣ Патріархальная семья, какъ система взаимно-соотвѣтственныхъ психическихъ формъ нѣсколькихъ особей, представляетъ изъ себя опредѣленную общественную форму Она приспособлена къ опредѣленной общественной средѣ—положимъ, натурально-хозяйственной Но среда эта можетъ измѣниться. въ обществѣ возникаютъ, напр , мѣновыя, денежныя отношенія; и къ новой средѣ патріархальная семья оказывается уже неприспособленной Изслѣдовать причины этой неприспособленности намъ здѣсь не приходится; а ея непосредственныя проявленія сводятся къ тому, что каждый изъ членовъ семьи начинаетъ поступать въ противорѣчіи съ другими Начинаются различныя „семейныя огорченія“; страданія, возникающія изъ старыхъ психическихъ формъ въ новой средѣ, по закону психическаго подбора подрываютъ эти самыя формы: прежняя семья распадается Общественный подборъ устранилъ старую общественную форму, чтобы создать новую

Точно также данное мнѣніе, принятое нѣкоторымъ числомъ особей,—напр , какая-нибудь традиціонная теорія,—должно разсматриваться, какъ

общественно-психическая форма; когда она соотвѣтствуетъ общей системѣ отношеній между людьми, то общественный подборъ поддерживаетъ и развиваетъ ее; когда соотвѣтствіе нарушается, общественный подборъ ее измѣняетъ, разстраиваетъ. То и другое совершается въ формѣ психическаго подбора: въ первомъ случаѣ люди чувствуютъ себя удовлетворенными старымъ мнѣніемъ, во второмъ—является неудовлетворенность, чувство противорѣчія

Въ заключеніе еще разъ напомню по поводу общественнаго подбора то, что относится къ принципу подбора вообще: подборъ не есть какой-нибудь реальный дѣятель, а наша абстракція, примѣняемая, какъ методъ изслѣдованія, это—обобщеніе дѣйствительныхъ фактовъ сохраненія и уничтоженія формъ жизни, соединенное съ представленіемъ о закономѣрности того и другого. Общественный подборъ есть сохраненіе или уничтоженіе психическихъ формъ, поскольку оно разсматривается въ зависимости отъ общественной среды.

Содержаніе этой главы сводится, въ краткихъ чертахъ, къ слѣдующему:

1 Изъ связей видовой жизни возникаетъ первичная стадность—зародышъ общественности. На почвѣ этой стадности развивается подражаніе—явленіе, основанное на фактахъ ассоціаціи представленій и стремленій

2 По мѣрѣ того какъ привычныя и пластичныя реакціи пріобрѣтаютъ характеръ трудовыхъ, т. е. соединенныхъ съ представленіемъ опредѣленныхъ цѣлей, изъ фактовъ стадности и подражанія развивается общественность, т. е сотрудничество, трудовая совмѣстность особей въ борьбѣ съ природой.

3 Поскольку, такимъ образомъ, возникаетъ общество, какъ особая форма жизни, на сцену выступаетъ спеціальный внутренній подборъ этой формы—общественный подборъ, приспособляющій элементы общественнаго цѣлаго одни къ другимъ и ко всему цѣлому

4. Система взаимно-приспособленныхъ психическихъ формъ различныхъ особей составляетъ форму общественную. Выработка подобныхъ формъ общественнымъ подборомъ стремится сдѣлать общество цѣльной, чуждой внутреннихъ противорѣчій системой.

5. Выражающія реакціи.

а) Ихъ происхожденіе и значеніе

Всякая психическая реакція, если она достигаетъ стадіи доступнаго человѣческимъ чувствамъ внѣшняго движенія, можетъ вызвать подражаніе себѣ Лицо подражающее переживаетъ, въ большей или меньшей степени, то психическое состояніе, внѣшнія проявленія котораго воспринимаетъ при помощи своихъ внѣшнихъ чувствъ,—переживаетъ по меньшей мѣрѣ представленіе и стремленіе, сходныя съ тѣми, какія входятъ въ составъ реакціи, ставшей предметомъ подражанія Въ этомъ временномъ и частичномъ уподобленіи психики одной особи психикѣ другой заключается сущность подражанія, при чемъ безразлично, полное оно или неполное, воспроизводится ли подражающимъ самое дѣйствіе, которое онъ наблюдаетъ, или только соотвѣтственное стремленіе.

Слѣдовательно, здѣсь внѣшняя реакція выступаетъ, какъ способъ передачи психическаго состоянія отъ одной особи другимъ, или, что то же, какъ средство выраженія.

„Выражать“—это въ конечномъ счетѣ означаетъ всегда то же самое, что „вызывать подражаніе“. Если дѣйствія человѣка выражаютъ для насъ его психическое состояніе, это значитъ, что мы представляемъ себѣ его психическое состояніе, стало быть—въ той или иной степени воспроизводимъ его въ себѣ [1])

Такимъ образомъ всякая двигательная реакція является „выражающей“, поскольку она можетъ служить исходной точкой реакціи подражанія (и этимъ путемъ распространяться съ одной психики на другую). Терминомъ „выражающая“ обозначается, слѣдовательно, только отношеніе данной реакціи къ психикѣ другихъ особей

Но отношеніе это обнаруживается въ различныхъ случаяхъ далеко не въ одинаковой степени, и занимаетъ далеко не одинаковое мѣсто въ біологической роли реакціи Въ иныхъ случаяхъ оно имѣетъ лишь весьма второ-

---

[1]) Но если дѣйствіе не становится объектомъ подражанія, потому что нѣтъ человѣка, который бы наблюдалъ? Тогда, собственно, нѣтъ и выражающей реакціи—«выражать» можно лишь *для кого-нибудь* Однако, и тогда можно условно говорить, что дѣйствіе нѣчто выражаетъ, только при этомъ всегда подразумѣвается возможный, представляемый наблюдатель, для котораго дѣйствіе было бы выражающей реакціей Наконецъ, въ роли такого наблюдателя всегда въ большей или меньшей степени выступаетъ самъ выражающій, какъ это всякій знаетъ изъ своего личнаго опыта

степенное значеніе, въ другихъ рѣшительно выступаетъ на первый планъ — Положимъ, человѣкъ колетъ дрова, и у насъ при взглядѣ на него невольно является слабое стремленіе подражать его дѣйствіямъ: очевидно, здѣсь значеніе реакціи, какъ выражающей, совершенно ничтожно по сравненію съ ея прямымъ значеніемъ, какъ трудовой дѣятельности вообще Но беремъ другой случай человѣкъ, испугавшись, вскрикнулъ; а другой, еще не видя опасности, хватаетъ оружіе и бѣжитъ къ нему на помощь здѣсь біологическое значеніе реакціи перваго заключается главнымъ образомъ именно въ выраженіи его психическаго состоянія

Насколько велика полезность психическихъ реакцій, какъ формъ выраженія, это мы отчасти уже выяснили, когда дѣло шло о значеніи подражанія. Въ массѣ случаевъ для самой выражающей особи полезность эта является косвенной, непрямой,—но и тогда она можетъ быть очень значительной. Какая-нибудь ничтожная сама по себѣ реакція выраженія нерѣдко ведетъ не только къ полному подражанію тѣмъ дѣйствіямъ, которыя неполно въ ней представлены, но и къ цѣлому ряду дальнѣйшихъ дѣйствій, которыя ассоціированы съ первыми въ психикѣ подражающей, хотя, можетъ быть, и совсѣмъ не ассоціированы съ ними въ психикѣ выражающей [1])

Реакціи, которыя являются выражающими по преимуществу, отличаются отъ другихъ не только своимъ жизненнымъ значеніемъ, но до нѣкоторой степени также происхожденіемъ.

Почти всякая психическая реакція, если она проявляется внѣшними движеніями, захватываетъ множество мускульныхъ элементовъ—гораздо большее число ихъ, чѣмъ можетъ констатировать прямое наблюденіе. Если принять во вниманіе величайшую связность психической жизни, то не покажется страннымъ, что въ массѣ случаевъ двигательная реакція затрагиваетъ, въ различной, конечно, степени, самыя различныя области мускульной иннерваціи, измѣняетъ тонусъ самыхъ различныхъ мышцъ—хотя бы это и не было нужно для непосредственнаго приспособленія къ условіямъ.

Во всякомъ случаѣ, каждое цѣлесообразное движеніе сопровождается, какъ было уже раньше указано, цѣлымъ рядомъ непосредственно-излишнихъ „сочувственныхъ“ движеній. Движенія эти по большей части бываютъ сравнительно слабыя—но не всегда Необходимость ихъ возникаетъ изъ „иррадіаціи“ нервнаго возбужденія въ психической системѣ, изъ неизбѣжной

[1]) Именно на такомъ типѣ „подражанія“ основано разграниченіе роли организаторской и исполнительской, и, болѣе частнымъ образомъ, отношенія господства и подчиненія

его передачи по ассоціативнымъ путямъ отъ элементовъ, играющихъ главную роль въ реакціи, ко многимъ другимъ.

Если разсматривать отдѣльную психику внѣ ея связи съ другими, то сочувственныя движенія придется считать за совершенно непроизводительную растрату иннерваціонной энергіи Выгода организма требуетъ, съ этой точки зрѣнія, возможно большаго ограниченія сочувственныхъ реакцій, подборъ долженъ устранять ихъ въ процессѣ развитія Это, какъ мы видѣли, и наблюдается по мѣрѣ перехода пластичныхъ реакцій въ привычныя и дальнѣйшаго совершенствованія этихъ послѣднихъ

Но не совсѣмъ такъ обстоитъ дѣло въ совмѣстной жизни людей. Именно на счетъ нѣкоторыхъ видовъ сочувственныхъ движеній шло, главнымъ образомъ (хотя не исключительно), развитіе формъ выраженія

Процессъ подбора направленъ къ выработкѣ такихъ приспособленій, которыя достигали бы наибольшихъ результатовъ относительно наименьшими затратами энергіи. Поэтому, если сочувственныя движенія, будучи вообще неизбѣжны въ силу основного устройства психики, являлись въ то же время непосредственно безполезными, то вполнѣ естественно, что подборъ иначе воспользовался ими. Онъ приспособилъ очень многія изъ нихъ для спеціальной роли выражающихъ реакцій; и при томъ опять-таки избралъ и особенно развилъ въ эту сторону именно тѣ изъ нихъ, которыя могли выполнять свое назначеніе съ наибольшей экономіей въ затратахъ энергіи

Замѣтимъ, что сокращенія различныхъ мускуловъ при одинаковой величинѣ внѣшняго эффекта, доступнаго наблюденію, стоятъ психикѣ далеко не одинаковыхъ затратъ иннервационной энергіи. Нервное волокно—не абсолютный проводникъ нервнаго тока, а проводникъ съ сопротивленіемъ, энергія иннерваціи должна частью разсѣиваться по пути къ мускуламъ. Эта потеря иннерваціи на „вредное сопротивленіе“, конечно, тѣмъ болѣе, чѣмъ длиннѣе путь возбужденія по проводнику Такимъ образомъ, во-1), далеко не всегда является мускульное сокращеніе тамъ, гдѣ есть иннервація: количество иннервационной энергіи, достигающее мускульнаго волокна, зачастую оказывается недостаточнымъ, чтобы вызвать въ немъ соотвѣтственный кризисъ молекулярныхъ отношеній. Во-2), при данной величинѣ центральной иннерваціи эффектъ сокращенія будетъ, очевидно, наибольшимъ для тѣхъ мускуловъ, которые лежатъ всего ближе къ центрамъ и получаютъ иннервацію съ наименьшими потерями.

Предположимъ, что нервное возбужденіе, порождающее опредѣленную психическую реакцію, изъ спеціальныхъ центровъ этой реакціи распространяется, „иррадіируетъ“ по побочнымъ путямъ къ другимъ нервнымъ

элементамъ, предположимъ, что иррадіація приблизительно равномѣрно направляется во всѣ стороны центральнаго аппарата. Въ такомъ случаѣ скорѣе всего внѣшній эффектъ побочнаго возбужденія долженъ обнаружиться въ мускулахъ, ближайшихъ къ двигательнымъ центрамъ Дѣйствительно, наибольшее количество сочувственныхъ движеній, какъ у животныхъ, такъ и особенно у человѣка, наблюдается въ мускулахъ лица, полости рта, гортани, и т. д

Именно эти мускулы служатъ по преимуществу орудіемъ выражающихъ реакцій—мимики, рѣчи. По преимуществу—но, разумѣется, не исключительно: мускулы рукъ, напр., также играютъ немалую роль въ дѣлѣ выраженія психическихъ состояній, да и всѣ прочіе не лишены такой функціи.

Съ возрастаніемъ біологической важности формъ выраженія, указанныя спеціальныя группы мускуловъ достигли, особенно у человѣка, чрезвычайно высокой степени развитія, поразительно тонкаго дифференцированія Конечно, при различныхъ условіяхъ, напр., у различныхъ расъ, въ различные періоды исторической жизни, формы и степень этого развитія далеко не одинаковы

Таково, въ общихъ чертахъ, происхожденіе наиболѣе интересной, съ точки зрѣнія нашей задачи, группы выражающихъ реакцій.

Здѣсь наблюдается явленіе, чрезвычайно важное для изслѣдованія основныхъ понятій біологіи. Никакое развитіе не является безусловнымъ, никакая приспособленность не бываетъ полною. Но и то, что было безполезно, и даже вредно въ жизни чисто индивидуальной, процессъ подбора обратилъ на пользу высшихъ формъ жизни—вида и общества Индивидуальная неприспособленность стала матеріаломъ коллективнаго приспособленія. Относительность понятія „формъ жизни“ уничтожаетъ всякую рѣзкую границу между развитіемъ и деградаціей; то и другое оказывается условнымъ. Такія двойственныя явленія не рѣдкость въ природѣ. это едва ли не общій способъ развитія формъ жизни.

b) Типы выражающихъ реакцій.

Для начала всего удобнѣе группировать выражающія реакціи по способамъ ихъ воспріятія, значитъ—по органамъ внѣшнихъ чувствъ, при посредствѣ которыхъ реакція одной психики передается другимъ.

Тутъ можно намѣтить три типа Однѣ формы выраженія доступны „общему чувству“ у низшихъ организмовъ, и ближайшимъ его видоизмѣненi-

ямъ—осязанію и мускульному чувству—у высшихъ организмовъ. Другія выражающія реакціи воспринимаются путемъ зрѣнія. Третьи находятся въ связи съ чувствомъ слуха

Обстоятельно прослѣживать генезисъ всѣхъ трехъ типовъ въ ихъ взаимной связи было бы дѣломъ труднымъ,—да оно и не существенно для нашей задачи. Поэтому мы должны ограничиться самыми общими указаніями

Начало всѣхъ выражающихъ реакцій лежитъ, какъ извѣстно, тамъ, гдѣ вообще начинается связь между организмами въ борьбѣ за жизнь,—прежде всего въ сферѣ половыхъ отношеній, а затѣмъ въ сферѣ отношеній родителей къ ихъ потомству

Такъ какъ подобныя отношенія возникаютъ уже на тѣхъ ступеняхъ жизни, гдѣ высшія чувства—зрѣніе и слухъ—еще не дифференцировались изъ общаго чувства, то a priori можно сообразить, что исторически первичными являются выражающія реакціи, воспринимаемыя при помощи общаго чувства Если бы позволительно было такъ далеко заходить въ аналогіяхъ, то не трудно было бы представить себѣ участіе подобныхъ формъ выраженія въ „половыхъ отношеніяхъ“ безполыхъ клѣтокъ—въ явленіяхъ конъюгаціи (и копуляціи): стремленіе къ конъюгаціи, обнаруженное въ движеніяхъ одной клѣтки, и воспринятое другою въ ихъ взаимномъ прикосновеніи, можетъ быть, пробуждаетъ въ ней аналогичное стремленіе

Во всякомъ случаѣ, первая группа выражающихъ реакцій достигаетъ у высшихъ безпозвоночныхъ весьма значительнаго развитія У муравьевъ, напр, умѣнье „разговаривать“ при помощи взаимнаго прикосновенія сяжекъ стоитъ, повидимому, не ниже, чѣмъ у иныхъ дикихъ человѣческихъ племенъ способность вокальной рѣчи Напротивъ, у высшихъ позвоночныхъ развитіе пошло инымъ путемъ: выражающія реакціи прикосновенія играютъ, напр., у человѣка сравнительно небольшую роль. Сюда относятся различныя ласкающія движенія въ сферѣ половыхъ отношеній, отношеній родителей и дѣтей, а также тѣхъ, почти первобытно стадныхъ отношеній, какія наблюдаются между маленькими дѣтьми. Впрочемъ, и въ высшихъ формахъ взаимной связи людей такія выражающія реакціи, какъ поцѣлуй и рукопожатіе, имѣютъ, безспорно, немалое значеніе

Въ другую группу мы отнесли тѣ выражающія реакціи, которыя воспринимаются зрѣніемъ. Вмѣстѣ съ предыдущей группой ихъ обыкновенно соединяютъ подъ общимъ названіемъ „мимики“. Сюда относятся самыя различныя тѣлодвиженія, способныя выражать психическое состояніе особи частью ритмическія, частью неправильныя движенія многихъ птицъ и млекопитающихъ въ играхъ и пляскахъ; игра физіономіи, энергичная, но гру-

бая у низшихъ расъ и у дѣтей, тонкая и сложная у людей психически развитыхъ; выразительные жесты рукъ у человѣка, и т. д... У глухонѣмыхъ такія формы мимики доводятся—правда, искусственно—до степени разговорной рѣчи; у нѣкоторыхъ низшихъ племенъ онѣ вообще необходимы для дополненія вокальной рѣчи, которая слишкомъ мало развита; благодаря этому, напр , бушмены нерѣдко, по словамъ путешественниковъ, оказываются не въ состояніи достаточно понимать другъ друга въ ночной темнотѣ Связь всей этой группы реакцій со сравнительно высокимъ развитіемъ психики видна уже изъ того, что онѣ предполагаютъ довольно совершенный зрительный аппаратъ

Третью группу составляютъ вокальныя, звуковыя формы выраженія: крикъ, пѣніе у очень многихъ животныхъ, членораздѣльная рѣчь—отчасти, можетъ быть, и у нѣкоторыхъ другихъ высшихъ животныхъ, но спеціально—у человѣка. Аппаратомъ для нихъ у позвоночныхъ служатъ обыкновенно специальные придатки дыхательныхъ органовъ, у человѣка—чрезвычайно сложный мускульный аппаратъ гортани, полости зѣва и рта Высокая степень дифференцированія этого аппарата у человѣка опредѣляется, конечно, высотою развитія его спеціальныхъ функцій

Уже вторая группа формъ выраженія, та, которая основана на зрительномъ воспріятіи, имѣетъ громадныя преимущества передъ первой, связанной съ общимъ чувствомъ: большую тонкость различенія, и особенно — возможность передачи психическихъ состояній безъ прямого соприкосновенія организмовъ, даже на довольно большомъ разстояніи Но реакціи вокальныя стоятъ, въ общемъ, не ниже зрительныхъ по возможности тонкаго различенія, и еще выше ихъ по условіямъ передачи: здѣсь внѣшняя среда не имѣетъ такого вліянія на общеніе психическихъ системъ, потому что звуковыя волны распространяются гораздо свободнѣе свѣтовыхъ, для первыхъ непрозрачныя тѣла встрѣчаются гораздо рѣже, и прямолинейность распространенія играетъ гораздо меньшую роль — Именно поэтому вокальныя реакціи оказались способны къ такому грандіозному развитію, какое наблюдается въ различныхъ языкахъ современнаго человѣчества

Отъ предварительной, обще-біологической группировки формъ выраженія мы перейдемъ теперь къ той, которою всего удобнѣе пользоваться въ области спеціально-человѣческихъ формъ жизни Такъ какъ здѣсь выражающія реакціи получили весьма своеобразное развитіе, для котораго въ остальномъ животномъ мірѣ имѣются лишь зародыши и слабыя аналогіи, то первой группировки здѣсь недостаточно. Мы прибѣгнемъ поэтому къ сложившейся, общепринятой классификаціи, которая хотя довольно безпринципна съ логи-

ческой стороны, но имѣетъ за себя серьезныя историческія основанія. Мимика, рѣчь, псьусство — таковы основныя подраздѣленія этой классификаціи.

Намъ нѣтъ, конечно, надобности доказывать, что искусство относится къ области формъ выраженія: вѣдь его общественное содержаніе сводится именно къ передачѣ опредѣленныхъ (эстетическихъ) состояній психики отъ однихъ людей другимъ. Но если искусство, какъ группа выражающихъ реакцій, выступаетъ рядомъ съ мимикой и рѣчью, то самъ собою возникаетъ вопросъ о связи происхожденія всѣхъ этихъ формъ.

Общій генезисъ мимики и рѣчи не нуждается въ поясненіяхъ—вещь и достаточно понятная, и достаточно извѣстная Но не подлежитъ сомнѣнію также и первоначальное тожество или, по крайней мѣрѣ, нераздѣльность этихъ приспособленій съ эмбріонами искусства частью біологія, частью исторія культуры въ достаточной мѣрѣ устанавливаютъ такую нераздѣльность.

Отъ мимики непосредственно ведутъ начало танцы, менѣе непосредственнымъ образомъ—живопись, скульптура, архитектура Происхожденіе живописи легко связать съ мимическими движеніями, подражающими контурамъ предметовъ, которые человѣкъ видитъ или которыхъ говоритъ; скульптура отдѣлилась отъ живописи (промежуточная форма—рельефная живопись); архитектура находится въ самомъ тѣсномъ родствѣ съ той и другою и также представляетъ въ своихъ основныхъ формахъ подражаніе различнымъ предметамъ внѣшней природы [1])

Пѣніе, рѣчь и поэзія составляютъ другую, первоначально нераздѣльную группу формъ выраженія Къ этой группѣ примыкаетъ по своему происхожденію, вѣроятно, и музыка, которая въ то же время стоитъ въ тѣсной связи съ танцами и мимикой въ выработкѣ ритма мелодій Пѣніе, рѣчь и поэзія дифференцировались одна отъ другой въ сравнительно позднее время, можно сказать — на глазахъ исторіи, особенно—рѣчь и поэзія. Объ этомъ напоминаютъ долго сохранявшіеся остатки въ различныхъ языкахъ, напр , употребленіе одного и того же слова для обозначенія и рѣчи вообще, и всякаго повѣствованія, и эпической поэзіи въ частности („ἔπος“, древне-русское „слово“). Да и въ настоящее время о томъ же свидѣтельствуютъ языки

[1]) Архитектура въ своемъ развитіи должна была подчиняться требованіямъ жизненныхъ удобствъ и экономіи труда въ постройкѣ зданій, притомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ въ большей степени, въ этомъ смыслѣ она уже выходитъ изъ области „формъ выраженія“ Но это, конечно, ничего не измѣняетъ въ томъ, что говорится объ ней, какъ собственно объ искусствѣ

многихъ племенъ не высокой культуры· рѣчь здѣсь не рѣдко очень поэтична съ нашей точки зрѣнія, но это потому, что она—почти еще сама поэзія, выраженія образны, потому что нѣтъ еще отвлеченныхъ; они символичны, потому что еще не выработалось выраженій точныхъ, строго соотвѣтствующихъ опредѣленнымъ представленіямъ, и уже небольшое сходство воспріятій достаточно для примѣненія однихъ и тѣхъ же словъ

Искусство письма происхожденія, какъ извѣстно, позднѣйшаго Хотя оно съ технической стороны происходитъ отъ живописи (черезъ гіероглифы), но почти совсѣмъ не есть искусство въ эстетическомъ смыслѣ, и по своему общественному значенію стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ устной рѣчью. Такимъ образомъ это—синтетическая форма выраженія, соединяющая двѣ нити развитія, которыя раньше разошлись отъ общаго корня.

Для занимающаго насъ вопроса существенное значеніе представляетъ, собственно, только одна группа выражающихъ реакцій—формы рѣчи. Приведенныя же, очень краткія замѣчанія о другихъ формахъ служатъ только для того, чтобы дать понятіе о біологическихъ связяхъ этой группы [1]).

c) Выражаемое и формы выраженія.

Непосредственнымъ предметомъ подражанія является внѣшняя сторона психической реакціи, мускульныя движенія, которыя, собственно, и составляютъ форму выраженія Но, какъ мы видѣли, актъ подражанія не сводится только къ повторенію внѣшней реакціи.

Если у обезьянъ-капуциновъ опредѣленный крикъ ассоціированъ съ представленіемъ объ ихъ кормленіи, то когда одна обезьяна издаетъ этотъ крикъ, увидѣвъ, положимъ, сторожа съ пищею, другія обезьяны не только повторяютъ или испытываютъ стремленіе повторить этотъ крикъ, но вмѣстѣ

---

[1]) Отмѣтимъ еще одну сторону этихъ біологическихъ связей приблизительно изъ того же матеріала сочувственныхъ движеній, изъ котораго сложились выражающія реакціи, въ тѣсной связи съ этими послѣдними, возникли нѣкоторыя своеобразныя формы прямой борьбы—пріемы устрашенія У многихъ животныхъ, да и у человѣка тоже, громкій крикъ служитъ средствомъ испугать врага, для той же цѣли служатъ разныя угрожающія движенія, между прочимъ, топорщенье перьевъ у птицъ, взъерошиванье шерсти у млекопитающихъ· при этомъ тѣло животнаго кажется больше и страшѣе Въ португальскихъ войскахъ существовала раньше команда „На непріятеля смотри звѣремъ!“—и по этой командѣ солдаты должны были изображать на своихъ физіономіяхъ наличайшую свирѣпость по отношенію къ врагамъ —Такъ природа пользуется иногда однимъ и тѣмъ же матеріаломъ и для того, чтобы создавать формы совмѣстности, и для того, чтобы создавать формы прямого противорѣчія въ жизненной борьбѣ

съ тѣмъ немедленно представляютъ себѣ обычный процессъ кормленія Если въ данной группѣ людей со словомъ „врагъ“ соединяется представленіе объ опредѣленнаго рода опасности, то достаточно одному изъ нимъ произнести это слово, чтобы у другихъ, вмѣстѣ со стремленіемъ воспроизвести это слово, выступило соотвѣтственное представленіе объ опасности, угрожающей со стороны чужого человѣка Вообще, если у того лица, которое наблюдаетъ выражающую реакцію, она ассоціирована съ такими же внутренними, неполными реакціями (актами сознанія), какъ у лица ее выполняющаго, то вмѣстѣ съ полнымъ или неполнымъ подражаніемъ этой внѣшней реакціи, въ психикѣ перваго возникаютъ и соотвѣтственныя внутреннія, ассоціированныя реакціи — акты сознанія. Тѣ представленія, тѣ стремленія, которыя передаются такимъ путемъ въ силу своей связи съ опредѣленной выражающей реакціей, составляютъ то, что выражается ею—такъ сказать, ея содержаніе

Чтобы форма выраженія дѣйствительно нѣчто выражала, для этого стало быть, требуется существованіе въ различныхъ психикахъ сходныхъ ассоціацій между внѣшними дѣйствіями и фактами сознанія Такое соотношеніе въ строеніи психическихъ системъ возникаетъ двумя способами Въ однихъ случаяхъ, оно является непосредственно, какъ результатъ фактическаго сходства особей: одна обезьяна, увидѣвъ пищу, реагируетъ на это воспріятіе опредѣленнымъ крикомъ, и другая, совершенно независимо отъ первой, въ силу однороднаго съ нею устройства нервнаго аппарата, издаетъ такой же крикъ при аналогичномъ воспріятіи, тогда онѣ съумѣютъ при случаѣ понять другъ друга. Тутъ можно говорить о наслѣдственныхъ формахъ выраженія.—Въ другихъ случаяхъ значеніе выражающей реакціи устанавливается путемъ предыдущаго подражанія. Напр., ребенокъ часто слышитъ слово „кошка“ тогда, когда видитъ кошку; подражая, онъ и самъ привыкаетъ произносить его при такихъ обстоятельствахъ: у него складывается постоянная ассоціація между зрительнымъ образомъ животнаго и движеніями, входящими въ составъ слова „кошка“ Здѣсь дѣло идетъ о взаимномъ пониманіи особей, которое основывается на ихъ обученіи, главнымъ образомъ, разумѣется, на безсознательномъ обученіи Этимъ вторымъ способомъ создается у людей неизмѣримо большее количество выражающихъ реакцій, чѣмъ первымъ.

Но сходство особей относительно, ихъ жизненная обстановка неодинакова, психическій матеріалъ, въ большей или меньшей степени, различенъ Поэтому не бываетъ полнаго соотвѣтствія между тѣмъ, что выражается одной психикой, и тѣмъ, что воспроизводится другой. При значительномъ

несходствѣ особей такое несоотвѣтствіе становится даже очень велико. Лекція ученаго непонятна малообразованному слушателю, потому что у второго не хватаетъ многихъ изъ имѣющихся у перваго ассоціацій между представленіями и формами выраженія Художественная идея артистическаго произведенія лишь весьма неполно воспринимается непривычнымъ посѣтителемъ картинной галлереи; тонкая мимика интеллигентнаго актера пропадаетъ для неразвитой части публики. Люди никогда не понимаютъ другъ друга вполнѣ, они всегда говорятъ на различныхъ до извѣстной степени языкахъ.

Если расширяются и становятся тѣснѣе взаимныя связи особей въ ихъ совмѣстномъ трудѣ, если ихъ жизненная обстановка дѣлается все болѣе сходною, то возрастаетъ и фактическое сходство особей, и возможность ихъ дальнѣйшей взаимной ассимиляціи. Тогда формы выраженія все въ большей и большей мѣрѣ начинаютъ соотвѣтствовать своему біологическому назначенію—взаимное пониманіе особей развивается.

Основныя мысли этой главы сводятся къ слѣдующему

1 Выражающей является всякая двигательная реакція постольку, поскольку она вызываетъ подражаніе, т е. приводитъ къ тому, что психическое состояніе одной особи въ большей или меньшей степени воспроизводится въ другой особи

2. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова о формѣ выраженія можно говорить тогда, когда при посредствѣ внѣшней реакціи вызывается въ психикѣ воспринимающей опредѣленная ассоціація фактовъ сознанія, — преимущественно, представленій, — ассоціація, подобная той, какая въ данный моментъ имѣется въ психикѣ выражающей.

3. Выражающія реакціи, какъ спеціальная форма психическихъ реакцій, развиваются первоначально въ жизни видовой, затѣмъ — и главнымъ образомъ — въ общественной, развиваются отъ одного общаго начала, согласно общимъ біологическимъ и психологическимъ законамъ.

6. Формы познанія

а) Опредѣленіе.

Выражаемое и форма выраженія, неразрывно ассоціированныя между собою въ психикѣ особи —составляютъ вмѣстѣ одну психическую форму. Форма эта обнаруживаетъ свое существованіе иногда въ полной реакціи, т. е. въ

фактахъ сознанія плюсъ всѣ внѣшнія движенія, ихъ выражающія, иногда въ неполной, при чемъ выражающія движенія воспроизводятся только отчасти, или же въ сознаніи выступаютъ только слѣды ихъ въ видѣ представленія о нихъ и слабаго стремленія ихъ выполнить Такія различія несущественны съ нашей точки зрѣнія; они ничего не измѣняютъ въ основномъ строеніи данной формы

Единство и отдѣльность психической ассоціаціи, связывающей выражаемое и выражающую реакцію, образуетъ форму познанія. Такъ, представленіе о человѣкѣ плюсъ слово „человѣкъ“ есть опредѣленная форма познанія. При этомъ неважно, произносится ли слово на самомъ дѣлѣ, или оно существуетъ только въ сознаніи въ видѣ двигательнаго представленія и стремленія

Выражаемое обыкновенно является болѣе или менѣе сложной ассоціаціей образовъ и стремленій; выражающая реакція также можетъ быть очень сложна, объединяя, напр., съ комплексомъ движеній, выполняемыхъ при произнесеніи слова, слуховое представленіе этого слова, иногда также— зрительное представленіе формы его начертанія, наконецъ, стремленіе написать его... Изъ всего такого состава формы познанія каждый элементъ обладаетъ нѣкоторой отдѣльностью· онъ выступаетъ въ сознаніи среди другихъ иногда съ большей, иногда съ меньшей интенсивностью, иногда почти отсутствуетъ. По въ силу неразрывной связи съ другими, онъ всегда является вмѣстѣ съ ними, хотя бы въ видѣ ничтожныхъ, смутныхъ слѣдовъ, въ видѣ слабой тенденціи сознанія къ его воспроизведенію. Человѣкъ, напр , быстро говоритъ, не представляя себѣ въ видѣ отчетливыхъ образовъ того, о чемъ говоритъ —предметовъ или дѣйствій, но эти образы въ неясномъ, ослабленномъ видѣ все-же мелькаютъ въ его сознаніи, и лишь только оно останавливается (въ актѣ вниманія) на какомъ-либо понятіи,—соотвѣтственный образъ сразу выступаетъ съ большей опредѣленностью.

Итакъ, форма познанія есть психическое единство выражаемаго и формы выраженія. Но состояніе психики „выражается“ вполнѣ только тогда, когда оно можетъ воспроизводиться путемъ подражанія въ другихъ психикахъ. А для этого въ другихъ психикахъ должны существовать психическія формы приблизительно одинаковаго съ первою состава. Слѣдовательно, форма познанія не есть индивидуально-психическая, но общественная: она получаетъ полную реальность не въ отдѣльной психикѣ, а во взаимномъ соотвѣтствіи отдѣльныхъ психикъ. Отсюда болѣе точное и строгое опредѣленіе формы познанія она есть сочетаніе взаимно соотвѣтственныхъ психическихъ

формъ различныхъ особей, формъ, изъ которыхъ каждая представляетъ единство выражаемаго и выражающей реакціи.

Такимъ образомъ форму познанія нельзя разсматривать, какъ нѣчто статичное, какъ отдѣльное, устойчивое приспособленіе отдѣльной психики формой познанія ея дѣлаетъ только процессъ психическаго общенія особей, гдѣ нѣтъ формы выраженія, тамъ нѣтъ и формы познанія

Соотвѣтственно различнымъ видамъ выражающихъ реакцій существуютъ различные виды формъ познанія Изъ нихъ получили наибольшее развитіе и отличаются наибольшей опредѣленностью тѣ, которыя связаны съ формами рѣчи. — *На этой именно группѣ и придется намъ сосредоточить свое вниманіе.*

Здѣсь основной, типической формой является **понятіе** Въ индивидуальной психикѣ оно выступаетъ въ видѣ сложной психической реакціи **привычнаго** характера. „Выражаемое“, содержаніе понятія сводится къ какому-нибудь привычному или обобщенному представленію, къ формѣ обобщенія [1]). „Выражающее“ есть **слово**

Такимъ образомъ весь составъ понятія разлагается слѣдующимъ образомъ:

а) комплексъ представленій, взаимно ассоціированныхъ, сходныхъ между собою въ большей или меньшей степени,	„Форма обобщенія“ — содержаніе понятія
b) господствующая надъ этимъ комплексомъ тенденція къ обособленію и возрастанію интенсивности элементовъ сходства, къ подавленію элементовъ различія объединенныхъ представленій,	
с) *комплексъ двигательныхъ и иныхъ представленій, соотвѣтствующихъ* **слову** или сочетанію словъ [2]), его произнесенію (иногда — написанію) и его воспріятію внѣшними чувствами	„Форма выраженія“ — общественная оболочка понятія.

Комплексъ обобщаемыхъ представленій есть **матеріалъ** понятія. Обобщающая тенденція есть для этого матеріала **организующій моментъ** въ индивидуальной психикѣ

---

[1]) При этомъ надо вспомнить, что привычныя представленія частнаго характера по способу образованія весьма сходны съ обобщенными, въ сущности каждое изъ нихъ есть уже обобщеніе ряда однородныхъ, конкретныхъ воспріятій (точнѣе — частныхъ представленій, соотвѣтствующихъ этимъ воспріятіямъ)

[2]) Понятіе выражается не всегда однимъ словомъ, а очень часто — многими, особенно, когда оно очень сложно

Слово есть моментъ организующій для совокупности индивидуальныхъ психическихъ формъ, моментъ соціальный

Изъ этихъ трехъ элементовъ первый является наименѣе постояннымъ, наименѣе устойчивымъ Матеріалъ понятія на каждомъ шагу пополняется и видоизмѣняется новыми понятіями, новыми возникающими изъ нихъ представленіями Такъ, при каждой встрѣчѣ съ новымъ лицомъ матеріалъ понятія о человѣкѣ обогащается новымъ частнымъ представленіемъ.

Второй элементъ обладаетъ гораздо бо́льшимъ консерватизмомъ Обыкновенно требуется довольно значительное измѣненіе въ матеріалѣ понятія, чтобы произошла замѣтная перемѣна въ комплексѣ совпадающихъ элементовъ частныхъ представленій, чтобы обобщающая тенденція захватила нѣкоторые новые элементы (которые раньше не являлись общими въ представленіяхъ, или совсѣмъ въ нихъ отсутствовали), или чтобы она оставила въ сторонѣ нѣкоторые изъ прежнихъ элементовъ (которые оказались совпадающими не во всѣхъ частныхъ представленіяхъ). Напр., у человѣка, не знающаго зоологіи, въ понятіи „мышь“ обобщающая тенденція захватываетъ представленіе о сѣромъ цвѣтѣ шкурки, но не касается представленія объ устройствѣ зубовъ; когда же человѣкъ познакомился съ различными видами мышей и съ ихъ анатоміей, то для него въ составъ обобщенія уже не входитъ представленіе о сѣрой шкуркѣ, но входитъ представленіе о зубахъ, какіе бываютъ у грызуновъ.

Третій элементъ понятія—слово—есть, очевидно, наиболѣе опредѣленный, наиболѣе консервативный. Конечно, и онъ не лишенъ измѣнчивости Однако, въ этомъ отношеніи слово настолько отстаетъ отъ другихъ элементовъ понятія, что даже у одного человѣка одно и то же слово прикрываетъ собою въ различные моменты довольно различныя формы обобщенія, откуда и происходитъ нерѣдко „путаница понятій“.

Аналогичное изложенному соотношеніе получится и въ томъ случаѣ, если разсматривать одно и то же понятіе, какимъ оно является одновременно у различныхъ особей, взаимно „понимающихъ“ другъ друга. Сравните, напр., понятіе „птицы“ у различныхъ людей Матеріалъ понятія очень различенъ въ зависимости отъ того, кто какихъ птицъ видѣлъ и насколько изслѣдовалъ. у крестьянина-земледѣльца не такой, какъ у охотника, у охотника не такой, какъ у біолога Обобщающая тенденція различается уже въ меньшей степени, однако различія весьма замѣтны. у одного къ элементамъ сходства всѣхъ птицъ относится способность летать, у другого—пѣть, у одного почти нѣтъ представленія о сходномъ устройствѣ у всѣхъ птицъ нѣкоторыхъ внутреннихъ органовъ, у другого—есть Слово „птица“

у всѣхъ, повидимому, одно и то же, однако у неграмотнаго въ составѣ этой формы выраженія входитъ гораздо меньше двигательныхъ и иныхъ элементовъ, чѣмъ у грамотнаго

Историческую послѣдовательность развитія формъ познанія мы должны представлять себѣ такимъ образомъ. Первично является матеріалъ понятія, за нимъ обобщающая тенденція, которая безъ него немыслима; слово вырабатывается лишь въ послѣдующемъ общественно-психическомъ развитіи

Старые учителя логики, начиная съ Аристотеля, видѣли въ понятіи только „обобщеніе“; т. е. они взяли душу понятія—обобщающую тенденцію—и представили ее статически, абсолютно, какъ будто она доведена въ психикѣ до своего мыслимаго конца. Такое опредѣленіе особенно благопріятно для игры словами вмѣсто изслѣдованія понятій: человѣкъ упускаетъ изъ виду неустойчивое въ понятіи, думаетъ, что понятіе въ процессѣ мышленія все время остается одно и то же, а оно то и дѣло подмѣняется другими понятіями, которыя съ нимъ не тожественны, хотя и родственны, и обозначаются тѣмъ же словомъ [1])

Путемъ ассоціаціи нѣсколькихъ понятій образуется болѣе сложная форма познанія—мысль или суждение (его выражающая реакція—предложеніе). Самый простой видъ сужденій есть ассоціація понятія болѣе частнаго съ болѣе общимъ, или съ нѣсколькими болѣе общими. Такъ, когда говорятъ: попугай—умная птица,—то выражаютъ этимъ ассоціацію понятія „попугай“, какъ болѣе частнаго, подчиненнаго, съ понятіемъ „птицы“ и съ понятіемъ о фактахъ быстраго психическаго приспособленія къ измѣняющимся условіямъ Отрицательныя сужденія обыкновенно соотвѣтствуютъ формамъ различенія, такъ, когда говорятъ: летучая мышь—не птица,—то это означаетъ, что совершающееся въ психикѣ говорящаго сопоставленіе образовъ птицы и летучей мыши имѣетъ характеръ формы различенія (элементы сходства образовъ блѣднѣютъ, а элементы различія выступаютъ ярче). Въ другихъ случаяхъ формы различенія выражаются нѣсколькими сужденіями, при чемъ элементы различія обозначаются отдѣльными словами; напр. вода жидка, а ледъ твердъ, и т. п.

Здѣсь нѣтъ надобности входить въ ближайшее разсмотрѣніе различныхъ видовъ сужденія, и вообще различныхъ типовъ познавательныхъ формъ

---

[1]) Изъ предыдущаго достаточно очевидна неосновательность того воззрѣнія, что понятіе есть предметъ только логики и теоріи познанія, а не психологіи Съ исторической точки зрѣнія перегородки между этими науками получаютъ весьма ограниченное значеніе Понятіе есть предметъ психологіи, а болѣе частнымъ образомъ—общественной психологіи

Достаточно указать, что изъ сужденій составляются формы еще болѣе сложныя, напр., цѣлыя теоріи Наконецъ, вся область познанія можетъ быть выдѣлена въ изученіи, какъ особая соціальная форма

Всѣ познавательныя формы, возникая первоначально путемъ пластики, стремятся стать привычными Онѣ тѣмъ легче принимаютъ такой характеръ, чѣмъ менѣе сложны Поэтому наиболѣе простыя изъ нихъ, понятія, какими они являются въ отдѣльной психикѣ, и были нами отмѣчены, какъ формы по преимуществу привычныя Сужденія уже въ массѣ случаевъ образуются пластически Живая разговорная рѣчь, представляя съ внѣшней стороны непрерывную пластику выражающихъ реакцій, въ совокупности психическихъ явленій должна разсматриваться, какъ познавательная пластика. это наиболѣе простая и непосредственная ея форма

Мы не касались пока другихъ познавательныхъ формъ, тѣхъ, которыя соотвѣтствуютъ мимическимъ реакціямъ и дѣятельности въ сферѣ искусства Но на нихъ и нѣтъ надобности останавливаться. Онѣ обладаютъ обыкновенно меньшей опредѣленностью, чѣмъ понятія и ихъ производныя, по существу же отъ нихъ не отличаются Выразить сопрѣпость мимикой лица или грозными словоми, дать согласіе кивкомъ головы или словомъ „да“, нарисовать предметъ на картинѣ или описать его словами—все это явленія одного порядка, а детали для насъ пока не важны

b) Біологическое значеніе познавательныхъ формъ

Относится ли познаніе къ числу приспособленій? Съ исторической точки зрѣнія, очевидно—да: всякая форма жизни есть приспособленіе, что примѣнимо и къ жизни познавательной Такая точка зрѣнія, неизбѣжно вытекающая изъ основного метода современной біологіи, уже усвоена многими философскими авторитетами, а потому мало нуждается въ спеціальной защитѣ Однако, еще далеко не исчезли и противоположные взгляды: еще многіе склонны разсматривать „благородныя“ идеологическія функціи жизни человѣка, какъ не подчиненныя тому общему закону происхожденія и развитія, которому подчинена „низменная“ матеріальная сторона жизни Итакъ, мы все-же нѣсколько остановимся на вопросѣ о реальномъ значеніи познанія

По отношенію къ самымъ частнымъ, наименѣе отвлеченнымъ формамъ познанія характеръ приспособленія выступаетъ до очевидности ясно. Трудно сомнѣваться, что, напр., понятіе „волка“ первоначально представ-

ляетъ изъ себя приспособленіе общественной борьбы за жизнь, именно— для борьбы съ волками: въ отдѣльной особи оно является связующей психической формой, при помощи которой соединяются въ ассоціацію многочисленныя полезныя реакціи — воспріятія волка и борьбы съ нимъ, въ совокупности же особей оно служитъ средствомъ объединить и согласовать реакціи особей. Беремъ такой случай: мальчишка пастухъ видитъ волка и кричитъ. „волкъ, волкъ!“—охотники хватаютъ оружіе и бѣгутъ на помощь Здѣсь понятіе выступаетъ какъ центральный, организующій моментъ даннаго частнаго процесса общественной борьбы съ природой

Что касается понятій болѣе отвлеченныхъ, то и ихъ роль, какъ приспособленій, выяснить очень нетрудно, если обратить вниманіе на ихъ фактическія функціи: въ психикѣ особи они служатъ центрами для установленія связи между понятіями болѣе частными и конкретными, т е для внутренней координаціи. для внутренняго взаимнаго приспособленія психическихъ элементовъ; въ жизни общества они создаютъ связь между опредѣленными циклами понятій у различныхъ особей, т е внѣшнюю психическую координацію, взаимную приспособленность элементовъ различныхъ психикъ То и другое сводится въ конечномъ счетѣ къ гармоническому объединенію индивидуальныхъ дѣйствій въ борьбѣ за жизнь общества

Наиболѣе общимъ и убѣдительнымъ для даннаго вопроса представляется намъ отрицательный способъ доказательства Всякая форма познанія, которая оказалась бы общественно-вредной, должна быть устранена дѣйствіемъ подбора, общественно-безполезная также устраняется, ибо она вредна уже фактомъ своего существованія (затраты энергіи на ея поддержаніе). Сохраняются только общественно-полезныя формы познанія, т е. тѣ, которыя являются формами приспособленія

Остается еще одна эклектическая уловка Признаютъ, что каждая конкретная форма познанія есть приспособленіе, но *познавательная способность*, заложенная въ психикѣ, уже не есть приспособленіе, а нѣчто совсѣмъ особое Нетрудно видѣть, что здѣсь дѣло сводится къ своеобразному фетишизму. Возможность или способность познанія никоимъ образомъ не можетъ существовать внѣ конкретныхъ фактовъ познанія; она и представляетъ изъ себя не что иное, какъ чистую безсодержательную абстракцію отъ конкретныхъ формъ познанія: если изъ этихъ формъ устранить всѣ ихъ различія, стало быть, все ихъ содержаніе, тогда и получится то, что называютъ способностью познанія вообще Какъ отдѣльная реальность, она, конечно, не есть приспособленіе, потому что въ такомъ смыслѣ вовсе не существуетъ, какъ простое *понятіе*, и она есть приспособленіе,

ибо служитъ къ общественному объединенію полезныхъ познавательныхъ формъ болѣе частнаго характера.

Принявъ, что познаніе есть приспособленіе, мы должны теперь итти дальше и разсмотрѣть, какого рода это приспособленіе.

Жизненное значеніе познавательнаго процесса всего легче характеризовать при помощи сравненія общества съ индивидуальной психикой Познаніе играетъ ту же роль въ жизни соціальнаго цѣлаго, какую сознаніе—въ жизни особи.

Роль сознанія въ борьбѣ особи за существованіе сводится къ пластикѣ и координаціи—къ образованію новыхъ психическихъ реакцій на измѣняющіяся сочетанія условій и ко взаимному приспособленію психическихъ реакцій Новыя и новыя вліянія среды требуютъ пластики новыхъ и новыхъ психическихъ формъ; но каждая изъ нихъ является для организма цѣлесообразнымъ приспособленіемъ только тогда, когда она не подрываетъ жизнеспособности другихъ психическихъ формъ, когда другія также не разрушаютъ ея самой, словомъ, когда она координирована съ другими Все это всего быстрѣе и непосредственнѣе достигается работой сознанія, организующей дѣятельностью психической системы Такъ, путемъ психическаго подбора нерѣдко въ теченіе немногихъ секундъ возникаютъ изъ матеріала старыхъ формъ полезныя формы такой сложности, что другими видами подбора онѣ были бы выработаны развѣ только черезъ цѣлый рядъ поколѣній Формы сознанія составляютъ область психическаго развитія по преимуществу

Совершенно аналогичное значеніе имѣютъ въ общественной жизни формы познанія Познаніе есть область общественнаго развитія по преимуществу. Тамъ совершается въ наибольшей мѣрѣ пластика и координація общественныхъ формъ приспособленія въ борьбѣ съ внѣшней природой, съ ея разнообразными, непрерывно измѣняющимися вліяніями

Чтобы точнѣе уяснить себѣ значеніе познавательной дѣятельности, возьмемъ такое обычное ея проявленіе, какъ изученіе наукъ въ школѣ Работа ученика есть, очевидно, пластика новыхъ психическихъ формъ, соотвѣтствующихъ опредѣленнымъ, общественно-сложившимся формамъ познанія, какія имѣются въ другихъ особяхъ Пластика эта имѣетъ своимъ назначеніемъ—сдѣлать учащагося пригоднымъ членомъ общества, человѣкомъ, приспособленнымъ къ общественной борьбѣ за жизнь, приспособленнымъ и въ сферѣ отношеній съ внѣшней природой, и въ сферѣ отношеній между людьми.—Точно также изученіе какого-нибудь ремесла, какой-ни-

будь физической работы въ значительной части слагается изъ актовъ познавательной дѣятельности; и здѣсь ихъ значеніе то же, что и тамъ.

Веремъ болѣе специализированную форму познавательной дѣятельности—работу ученаго. Она представляетъ пластику новыхъ общественныхъ приспособленій—новыхъ формъ познанія. Полезность этихъ приспособленій можетъ быть частью непосредственной, частью косвенной Непосредственная полезность всего очевиднѣе тамъ, гдѣ познавательная работа направлена къ выработкѣ какого-нибудь техническаго приспособленія (положимъ, вычисленіе необходимаго количества труда и выясненіе наиболѣе выгодныхъ способовъ его приложенія при постройкѣ зданія) Работа „чисто теоретическая“ не имѣетъ такого практическаго значенія; но ея косвенная полезность можетъ быть очень велика, когда она оказывается необходимымъ моментомъ въ дальнѣйшемъ развитіи познанія, полезнаго для техники. Такъ, когда Лейбницъ и Ньютонъ изобрѣтали дифференціальное счисленіе, это была чисто-теоретическая работа, теперь же выработанный ими методъ имѣетъ громадное примѣненіе во всѣхъ техническихъ наукахъ, и безъ него немыслимо въ массѣ случаевъ достигнуть цѣлесообразной организаціи труда при всякихъ инженерныхъ сооруженіяхъ, при производствѣ машинъ, и т. под. Впрочемъ, эти далекія отъ жизни формы познанія не лишены и непосредственной полезности, которую не слѣдуетъ цѣнить слишкомъ низко именно, устраненіе въ отдѣльныхъ особяхъ того чувства противорѣчія, того познавательнаго страданія, которое вызывается непониманіемъ явленій.

Возвратимся еще разъ къ нашему первому примѣру, и разсмотримъ, на какіе основные элементы можно разложить всякій процессъ обученія человѣка общественно-трудовой дѣятельности, будетъ ли она матеріальнаго, или не матеріальнаго, спеціально техническаго или идеологическаго характера.

Прежде всего, здѣсь имѣется цѣлый рядъ простыхъ подражательныхъ процессовъ Подражаніе есть основа и простѣйшій методъ всякаго обученія—этого нѣтъ надобности доказывать. Процессы подражательные дополняются актами познавательными: вырабатываются понятія, которыя служатъ соединительными звеньями для многихъ реакцій, и тѣхъ, которыя усвоены подражательно, и тѣхъ, которыя изъ нихъ пластически произошли [1]).

[1]) Всѣ психическія формы, пріобрѣтенныя обученіемъ, въ своей совокупности обнаруживаютъ двѣ тенденціи развитія Съ одной стороны, изъ непрочной, пластичной ассоціаціи онѣ складываются въ прочную, привычную это процессъ индивидуально-психическій, онъ происходитъ путемъ психическаго подбора и стремится создать гармонію

Такимъ образомъ, подражаніе и познаніе вмѣстѣ составляютъ систему общественной пластики и координаціи формъ общественно-трудовыхъ, формъ производства Познаніе, какъ намъ уже извѣстно, есть производное отъ подражанія. Точно же отграничить мѣсто того и другого въ ихъ общей системѣ было бы теперь слишкомъ трудно, да и не требуется по обстоятельствамъ —Пожалуй, можно отмѣтить, что именно для к о о р д и н а ц і и человѣческихъ дѣйствій значеніе познанія особенно велико: это дѣятельность по преимуществу о р г а н и з у ю щ а я въ общественной борьбѣ за жизнь.

Въ процессѣ развитія человѣчества роль познавательныхъ приспособленій относительно возрастаетъ

Резюмируемъ основныя мысли этой главы.

1 Форма познанія есть форма общественная, слагающаяся изъ ряда взаимно-соотвѣтственныхъ индивидуально-психическихъ элементовъ въ отдѣльныхъ особяхъ Каждый такой элементъ состоитъ изъ выражаемаго (формы обобщенія или ассоціаціи такихъ формъ) и формы выраженія (по преимуществу—слово, рѣчь). Простѣйшая форма познанія—понятіе—обыкновенно является привычной формой приспособленія; формы болѣе сложныя являются чаще пластичными.

2 Система познавательныхъ процессовъ лежитъ въ области пластики и координаціи формъ общественнаго труда, въ той же области, къ которой относятся и болѣе простые психическіе процессы—подражанія.

7 Выработка формъ познанія

а) П о з н а в а т е л ь н а я п л а с т и к а

Въ предыдущемъ достаточно говорилось о томъ, какимъ способомъ формы познанія, уже сложившіяся въ однѣхъ особяхъ, передаются другимъ посредствомъ подражанія въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, при помощи всевозможныхъ выражающихъ реакцій Теперь намъ слѣдуетъ остановиться на другомъ вопросѣ—какимъ образомъ складываются совершенно новыя формы познанія, какимъ образомъ вырабатываются онѣ первоначально въ психикѣ отдѣльныхъ особей, чтобы потомъ стать общественными формами.

Первоначальный, стихійный процессъ выработки формъ познанія въ

мому реакціями самой особи Съ другой стороны, система реакцій особи приспособляется къ нуждамъ общественнаго цѣлаго, этотъ процессъ происходитъ подъ контролемъ общественнаго подбора и стремится создать гармонію между дѣйствіями различныхъ лицъ

существенныхъ своихъ чертахъ намъ уже извѣстенъ Мы знаемъ, по какимъ причинамъ сходныя представленія легко ассоціируются между собою въ сознаніи отдѣльныхъ особей, и какимъ образомъ это приводитъ къ пластикѣ формы обобщенія, мы знаемъ, что всякій фактъ сознанія, въ томъ числѣ и форма обобщенія, связаны съ опредѣленными чисто-двигательными реакціями, которыя могутъ стать для него формою выраженія Далѣе, намъ нетрудно вспомнить, что въ силу сходства условій у психически родственныхъ особей, живущихъ въ одной обстановкѣ, сходныя формы обобщенія легко могутъ соединятся со сходными внѣшними движеніями, и что процессъ взаимнаго подражанія особей все въ большей мѣрѣ увеличиваетъ это сходство Въ такой стихійной пластикѣ формъ познанія общественное ихъ происхожденіе выступаетъ съ полной очевидностью.

Не такъ велика его очевидность въ тѣхъ случаяхъ, когда особь сознательно стремится къ созданію новыхъ познавательныхъ формъ, когда она индивидуально выполняетъ процессъ „изслѣдованія“

Сознательно стремиться къ чему-нибудь, значитъ—дѣлать это „что-нибудь“ своею цѣлью Въ предыдущемъ выяснялось, что такое цѣль, и какъ она возникаетъ въ конечномъ счетѣ, она есть представленіе, прямо, или косвенно (путемъ пластики) возникшее изъ прежнихъ воспріятій, и сопровождающее психическую работу, въ результатѣ которой является воспріятіе, соотвѣтствующее этому представленію. Теперь дѣло идетъ о томъ случаѣ, когда цѣлью дѣлается познаніе, точнѣе — выработка новой формы познанія.

Что познаніе можетъ стать цѣлью, въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго Положимъ, въ цѣломъ рядѣ случаевъ познавательной пластики не было никакого представленія цѣли. Но каждый такой случай, когда въ результатѣ пластики складывалась новая форма познанія, гармонически объединяющая рядъ фактовъ сознанія, завершался своеобразнымъ чувствомъ умственнаго удовлетворенія, какъ это всегда наблюдается въ дѣйствительности Если теперь начинается новый, аналогичный прежнимъ, процессъ познавательной пластики, то въ сознаніи одновременно съ нимъ выступаетъ и представленіе о томъ психическомъ состояніи умственнаго удовлетворенія, которымъ въ предыдущихъ случаяхъ завершалась пластика Тогда представленіе это можетъ разсматриваться уже какъ цѣль происходящей психической работы, потому что въ ея результатѣ можетъ получиться состояніе психики, соотвѣтствующее этому представленію

Когда выработка новой формы познанія, или, точнѣе, получаемое отъ нея умственное удовлетвореніе становится для человѣка цѣлью, тогда гово-

рять, что онъ занимается изслѣдованіемъ. Въ дѣйствительности, представленіе такой цѣли обыкновенно вызывается уже *начавшейся* познавательной работой психики.

Человѣкъ видитъ необычное явленіе—*положимъ*, шаровидную молнію. Восприятіе это вызываетъ въ его психикѣ множество привычныхъ представленій, но со всѣми ними оказывается въ нѣкоторомъ противорѣчіи, что и ощущается въ эмоціи недоумѣнія. Психическій подборъ стремится приспособить новый фактъ сознанія къ прежнимъ—это уже начало познавательной работы. Мы знаемъ, какъ происходитъ такой процессъ приспособленія, какъ новое пластически „подводится" подъ старыя формы обобщенія. Но когда мы разсматривали эту пластику, то оставляли въ сторонѣ другіе, сопровождающіе ее факты сознанія.

Во-первыхъ, въ этой пластикѣ формы обобщенія и различенія выступаютъ не въ отдѣльности, а вмѣстѣ со своими формами выраженія; стало быть, въ пластикѣ принимаютъ участіе именно *формы познанія*—понятія, сужденія, и т. д. Когда островитянинъ впервые видитъ кошку, то онъ подводитъ новое восприятіе подъ старое обобщенное представленіе о крысѣ, но это послѣднее выступаетъ въ сознаніи вмѣстѣ съ соотвѣтственнымъ словомъ, онъ *мысленно* называетъ увидѣнное животное „крысой". Такимъ образомъ новое восприятіе подводится подъ старое *понятіе*, и это не просто пластика въ сознаніи, но *познавательная* пластика.

Во-вторыхъ, познавательная пластика можетъ сопровождаться представленіемъ ея цѣли, тогда она уже можетъ быть названа процессомъ изслѣдованія. Такъ, островитянинъ, стремясь подвести новое восприятіе подъ старыя понятія, можетъ представлять себѣ то умственное удовлетвореніе, которое связано съ завершеніемъ такой пластики.

Процессу изслѣдованія свойственна еще одна важная черта: дѣятельность вниманія. Участвующія въ пластикѣ восприятія, представленія, понятія выступаютъ въ сознаніи съ *возрастающей* интенсивностью благодаря тѣмъ сопровождающимъ мускульнымъ реакціямъ, которыя составляютъ сущность вниманія. Значеніе этого факта сводится, какъ было указано, къ усиленію психическаго подбора и ускоренію пластики.

Съ этой чертой процесса изслѣдованія весьма родственна другая—искание новыхъ воспріятій. Дѣло въ томъ, что пластика бываетъ въ большинствѣ случаевъ тѣмъ успѣшнѣе, познавательное приспособленіе, создаваемое ею, тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ большая сумма представленій въ ней участвуетъ. Въ сущности, уже вниманіе, когда оно направлено на внѣшній міръ, есть искание новыхъ воспріятій: разглядывая кошку, островитянинъ полу-

чить тѣмъ больше частныхъ воспріятій, чѣмъ болѣе внимательно онъ это дѣлаетъ. Если затѣмъ онъ подходитъ къ кошкѣ, ощупываетъ ее, переворачиваетъ съ одной стороны на другую, то все это—прямое продолженіе реакціи вниманія И та же тенденція подбора, которая привела къ развитію вниманія, должна была содѣйствовать выработкѣ другого аналогичнаго приспособленія—искапія новыхъ воспріятій [1])

Что касается до типовъ психической пластики въ процессѣ изслѣдованія, то они намъ уже извѣстны обобщеніе и различеніе Но рядомъ съ этими процессами идетъ пластика формъ выраженія Всякая новая форма обобщенія или различенія только въ соединеніи съ опредѣленными выражающими реакціями можетъ, во-первыхъ, прочно фиксироваться въ психикѣ, во-вторыхъ, быть передана другимъ людямъ Первое зависитъ отъ большей опредѣленности и консерватизма выражающихъ реакцій по сравненію съ тѣми формами обобщенія и различенія, которымъ онѣ соотвѣтствуютъ Второе основывается на внѣшнемъ характерѣ выражающихъ реакцій, на томъ, что онѣ могутъ восприниматься внѣшними чувствами другихъ людей

Такимъ образомъ въ процессѣ изслѣдованія, во-первыхъ, основнымъ матеріаломъ служатъ общественно выработанныя формы познанія, въ систему которыхъ такъ или иначе вводятся новые факты сознанія; во-вторыхъ, результатомъ являются опять-таки формы познанія, т е. формы сознанія, обобществленныя при помощи выражающихъ реакцій.—Стало быть, процессъ изслѣдованія, даже тамъ, гдѣ онъ выполняется усиліями отдѣльной особи, есть процессъ о б щ е с т в е н н о-т р у д о в о й.

b) Познаніе истинное и ложное.

Какимъ бы способомъ ни были выработаны новыя формы познанія, въ стихійномъ ли процессѣ непроизвольной пластики или въ сознательномъ

---

[1]) Можетъ быть, здѣсь умѣстны кое-какія соображенія о матеріалѣ, изъ котораго выработались эти приспособленія

Толчкомъ къ познавательнымъ процессамъ, слушатъ, обыкновенно, какое-нибудь новое, необычное воспріятіе Какъ всякое новое вліяніе, къ которому психика еще не приспособилась, оно нарушаетъ сложившуюся систему психическаго равновѣсія и вызываетъ этимъ цѣлую массу безпорядочныхъ двигательныхъ реакцій во всѣхъ сферахъ организма (обычная картина эмоцій недоумѣнія, изумленія, тревоги, и т д) Именно эти реакціи, подвергаясь подбору, могли бы дать матеріалъ, между прочимъ, для реакцій вниманія и особенно—искапія новыхъ воспріятій.

процессѣ изслѣдованія, ихъ дальнѣйшая судьба зависитъ отъ того, окажутся ли онѣ истинными или ложными.

Термины „истина“ и „ложь“ выражаютъ собою основное понятіе ученія о познаніи На понятіи этомъ, благодаря сравнительной отсталости самой науки, въ умахъ большинства людей лежитъ до сихъ поръ печать отживающаго, статическаго міровоззрѣнія. Традиціонная, привычная идея объ истинѣ безусловной, надъисторической лишь постепенно, шагъ за шагомъ теряетъ власть надъ умами. Но все-же, если и медленно, то вѣрно смѣняетъ ее представленіе объ относительномъ, исторически преходящемъ характерѣ всякой истины, объ ея зависимости отъ внѣшней среды, объ условности ея различія отъ заблужденій

Съ исторической точки зрѣнія формы познавательныя выступаютъ какъ формы приспособленія, формы жизни, подлежащія дѣйствію подбора Съ этой точки зрѣнія борьба истины съ заблужденіемъ есть просто борьба формъ познанія болѣе жизнеспособныхъ съ менѣе жизнеспособными Критерій истины—переживаніе въ борьбѣ, положительный подборъ; критерій заблужденія—его гибель, отрицательный подборъ Ту же мысль выражаютъ, когда говорятъ, что критеріемъ истины является дѣйствительность, исторія [1]).

Въ началѣ этой работы было установлено разграниченіе видовъ или, точнѣе, стадій подбора—внѣшняго, внутренняго, психическаго, соціальнаго Было выяснено, что разграниченіе это оправдывается реальнымъ противорѣчіемъ, которое иногда можно наблюдать между различными стадіями под-

---

[1]) Здѣсь требуется небольшое поясненіе Обыкновенно говорятъ объ истинныхъ или ложныхъ сужденіяхъ, воззрѣніяхъ, теоріяхъ, и т д, къ простѣйшимъ же формамъ познанія—понятіямъ—эта мѣрка почти не примѣняется, Между тѣмъ, она и къ нимъ примѣнима.

Дѣло въ томъ, что понятія представляютъ изъ себя п р и в ы ч н ы я реакціи, выработанныя долгимъ процессомъ подбора, прочныя, устойчивыя Что касается сужденій теорій, и т под, то онѣ формы сравнительно пластичныя, менѣе консервативныя Поэтому понятія, въ общемъ и среднемъ, сравнительно очень жизнеспособны, т е обыкновенно истинны, формы же болѣе сложныя часто деградируютъ, т е оказываются ложны, къ первымъ критерій истины и заблужденія можетъ примѣняться лишь рѣдко, ко вторымъ его необходимо прилагать на каждомъ шагу. Такимъ образомъ и сложилась привычка представлять истину и заблужденіе въ формѣ по меньшей мѣрѣ сужденія.

Можно указать много случаевъ, когда и понятіе должно признаваться „ложнымъ“ Напр, ложнымъ было бы понятіе, объединяющее нѣсколько весьма разнородныхъ представленій, не гармонирующихъ между собою Логикъ назвалъ бы такое понятіе неправильно составленнымъ

бора Принимая теперь подборъ за критерій истины и заблужденія, мы, очевидно, приходимъ и къ соотвѣтственному разграниченію ряда критеріевъ, конечно, такому же условному и относительному, какъ первое Разсмотримъ это подробнѣе

Прежде всего мы возьмемъ какую-нибудь форму познанія—понятіе, сужденіе, доктрину, — и представимъ ее себѣ во-1) только въ предѣлахъ особи, во-2) въ ея отдѣльности отъ другихъ психическихъ фактовъ Можетъ ли съ этой точки зрѣнія итти рѣчь объ истинѣ или ложности данной формы познанія?

Такъ какъ форма познанія есть сложное цѣлое, состоящее изъ болѣе простыхъ фактовъ сознанія, то и взятая въ отдѣльности она можетъ оказаться неприспособленной, т е ложной. именно, возможенъ случай, когда взаимно неприсобдены ея элементы (въ понятіи—представленія, въ сужденіи—понятія, и т п). Взаимная же неприспособленность отдѣльныхъ фактовъ сознанія, ихъ взаимное противорѣчіе выражается, какъ мы видѣли, въ особой формѣ страданія, въ познавательномъ страданіи или въ чувствѣ противорѣчія Такъ, если въ психикѣ выступаетъ сужденіе—„негодяи суть честные люди“, то взаимная неприспособленность соединенныхъ вмѣстѣ понятій проявляется въ довольно интенсивномъ чувствѣ противорѣчія. Это означаетъ отрицательный психическій подборъ, который и устраняетъ данную форму познанія, какъ неприспособленную въ самой себѣ, какъ внутренно противорѣчивую

Чувство познавательнаго противорѣчія представляетъ одну, отрицательную сторону спеціальнаго познавательнаго подбора. Другую сторону, положительную, представляетъ чувство познавательной гармоніи или умственнаго удовлетворенія.

При взаимномъ соотвѣтствіи элементовъ данной формы познанія, форма эта, взятая въ отдѣльности, можетъ порождать только чувство умственнаго удовлетворенія; тогда невозможно констатировать необходимость ея разрушенія или измѣненія; въ самой себѣ она является тогда истинной.

Но на этомъ нельзя остановиться: базисъ для сужденія о вопросѣ былъ взятъ слишкомъ узкій, сфера подбора была ограничена взаимными отношеніями элементовъ самой формы Теперь возьмемъ ее въ связи съ различными другими формами познанія, хотя все еще въ предѣлахъ одной психики Тогда уже данная форма познанія является передъ нами, какъ элементъ болѣе сложнаго сочетанія. Прочія формы познанія играютъ для нея роль внѣшней среды, роль подбирающаго фактора Если она находится въ соотвѣтствіи съ ними, то сохраняется, жизнеспособна, истинна—по отно-

шенію къ нимъ Если она стоитъ въ противорѣчіи съ ними, то она ложна по отношенію къ нимъ, или онѣ ложны по отношенію къ ней Напр , язычникъ римлянинъ полагаетъ христіане—злодѣи, но въ то же время въ его сознаніи выступаетъ рядъ сообщенныхъ ему фактовъ доброты и честности христіанъ Первое сужденіе находится въ противорѣчіи съ остальными; если при этомъ психическій подборъ поведетъ къ его разрушенію или измѣненію, можно сказать, что именно оно оказалось ложнымъ, если оно окажется прочнѣе, а измѣнятся остальныя (напр , язычникъ перестанетъ вѣрить тому, что слышалъ о порядочности христіанъ), то ложными явятся эти послѣднія (Въ дѣйствительности роль истины достается при этомъ тѣмъ формамъ, которыя имѣютъ болѣе широкую и прочную основу во внѣшней средѣ, но объ этомъ рѣчь еще впереди)

И здѣсь дѣло идетъ пока о томъ же спеціально познавательномъ подборѣ, который проявляется въ чувствѣ противорѣчія или умственнаго удовлетворенія —Вся школьная логика представляетъ изъ себя, въ сущности, анализъ различныхъ случаевъ, когда при сочетаніи формъ познанія получается то или другое изъ этихъ чувствъ, то или другое направленіе подбора. первое соотвѣтствуетъ нелогичному мышленію, второе логичному [1]).

Сознательная жизнь особи не ограничивается фактами познанія. Кромѣ нихъ, тамъ имѣются еще воспріятія и представленія, не связанныя съ опредѣленной, сложившейся формой выраженія, стало быть—не обобществленныя, не познавательныя; далѣе, эмоціи, затѣмъ—процессы воли, стрем-

---

[1]) Аксіомы школьной логики очень легко разсмотрѣть и объяснить съ точки зрѣнія подбора

Аксіома тожества требуетъ, чтобы понятіе въ процессѣ мышленія оставалось неизмѣннымъ, иначе мышленіе, будетъ нелогично Дѣйствительно, если понятіе успѣваетъ измѣниться во время процесса мышленія, то оно, очевидно, не есть прочное и жизнеспособное понятіе, а потому должъ оказаться не прочной, нежизнеспособной, т е ложной, и та форма познанія, въ которую это понятіе войдетъ, какъ элементъ, и которая получится въ результатѣ данной пластики мышленія

Аксіома противорѣчія говоритъ, въ сущности, только о томъ, что противорѣчіе есть познавательная неприспособленность, что форма противорѣчивая нежизнеспособна (частица *не* въ соединеніи со связкой выражаетъ какъ разъ чувство противорѣчія, возникающее при сочетаніи двухъ понятій)

Аксіома исключеннаго третьяго ничего не прибавляетъ къ предыдущимъ Такимъ образомъ логическіе законы представляютъ изъ себя частое выраженіе подбора въ данной области, а не результатъ подбора логичнѣе мыслящихъ особей (какъ полагаетъ Зиммель) Само собой разумѣется что этотъ послѣдній видъ подбора не исключается, но онъ не создаетъ логическихъ законовъ

ленія, и т д Всѣ эти внѣ-познавательные факты сознанія выступаютъ въ изслѣдованіи, какъ среда для познавательныхъ формъ: они могутъ оказываться къ ней приспособленными или неприспособленными—психическій подборъ рѣшаетъ дѣло Противорѣчіе формы познанія съ ея непознавательной психической средой ведетъ къ измѣненію или разрушенію этой формы или къ измѣненію этой ея среды, или той и другой вмѣстѣ. Въ однихъ случаяхъ люди не принимаютъ какой-нибудь идеи только потому, что она противорѣчитъ ихъ стремленіямъ, желаніямъ, ожиданіямъ, только потому, что имъ не хочется, чтобы она была истиной Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, форма познанія оказывается настолько истинной, т е жизнеспособной, что разрушаются или измѣняются многія другія противорѣчащія ей формы сознанія—побужденія, надежды, и т под Все зависитъ отъ того, насколько широки и прочны съ одной стороны тѣ условія, которыя породили и поддерживаютъ данное познавательное приспособленіе, съ другой—тѣ, съ которыми связано существованіе противорѣчащихъ ему психическихъ фактовъ [1]) [2]).

Познаніе, какъ было выяснено, отнюдь не есть только приспособленіе организма къ самому себѣ. по своему основному назначенію оно является приспособленіемъ къ условіямъ общественной борьбы за жизнь, стало быть, къ внѣшней средѣ Поэтому всѣ тѣ формы подбора, которыя разыгрываются въ предѣлахъ отдѣльной психики, не могутъ считаться „критеріями истины“ въ полномъ смыслѣ этого слова Ихъ можно назвать критеріями только „субъективной“ истины Истина „объективная“

---

[1]) Разумѣется, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ форма познанія устраняется психическимъ подборомъ въ силу противорѣчія съ формами непознавательными, когда, напр, человѣкъ не можетъ принять научную теорію потому, что она кажется ему печальной или безнравственной, съ полнымъ правомъ можетъ говорить о нелогичности даннаго лица Школьной логикѣ такое отношеніе къ познанію, безспорно, противорѣчитъ, но въ логикѣ жизни оно до сихъ поръ еще весьма обычное, едва ли не преобладающее явленіе

[2]) О дѣйствіи внутренняго внѣ-социальнаго подбора на формы познанія при нынѣшнемъ состояніи науки можно сказать слишкомъ мало. Оно выражается въ томъ, что, напр, въ силу специальныхъ условій питанія центральнаго нервнаго аппарата данной особи, одинъ изъ ея формъ познанія слабѣютъ или даже исчезаютъ (забываются), другія сохраняются съ особенной устойчивостью Все это можетъ имѣть немалое значеніе для ученія о познаніи, но въ этой сферѣ пока еще слишкомъ недостаточно установленныхъ фактовъ Когда разрушеніе формъ познанія происходитъ по этому типу, то самое понятіе „ложнаго“ не примѣняется къ гибнущей формѣ, потому что процессъ ея разрушенія происходитъ внѣ сознанія и незамѣтно для него

имѣетъ критерій болѣе широкій, чѣмъ внутренніе отношенія особи; этотъ критерій—внѣшняя среда особи

Психика приспособляется къ своей средѣ, въ конечномъ счетѣ, путемъ двигательныхъ реакцій. Поэтому и форма познанія, существующая въ отдѣльной психикѣ, при посредствѣ двигательныхъ реакцій вступаетъ въ соотношеніе съ внѣшней средой Мы знаемъ, что каждый фактъ сознанія, стало быть, и фактъ познавательнаго характера, не есть вполнѣ самостоятельное приспособленіе, а только звено въ цѣпи психическихъ-физіологическихъ процессовъ, въ цѣпи, которая завершается двигательной реакціей, измѣняющей внѣшнія отношенія организма

Съ данной формой познанія при данныхъ условіяхъ связаны опредѣленныя дѣйствія. Если они представляютъ плохое приспособленіе къ внѣшней средѣ, если приводятъ къ пониженію энергіи психической системы, къ ея страданію,—то дѣйствіе отрицательнаго психическаго подбора ослабляетъ и устраняетъ, прежде всего, данныя двигательныя реакціи, а за ними и ту форму познанія, съ которой онѣ связаны (изъ которой онѣ вытекаютъ). Кто полагаетъ, что „всѣ люди добры по природѣ“, и на этомъ основаніи станетъ дружески относиться къ дегенерантамъ и паразитамъ, оказывать имъ помощь и обращаться къ ихъ содѣйствію, тотъ получитъ много непріятностей, и вѣроятно, его образъ дѣйствій, а съ нимъ и мнѣніе измѣнится.

Такимъ образомъ подборъ формъ познанія со стороны внѣшней среды организма совершается при посредствѣ подбора тѣхъ двигательныхъ реакцій, которыя тѣсно ассоціированы съ данными формами познанія. Это выражали такъ: „критерій истины есть практика; практикой устанавливаетъ человѣкъ истину своего мышленія“

Подборъ познавательныхъ формъ со стороны внѣшней среды особи совершается по одному изъ двухъ типовъ, которые правильно будетъ назвать „логическимъ“ и „нелогичнымъ“.—Въ первомъ случаѣ дѣятельность, вытекающая изъ данной формы познанія, приводитъ, на почвѣ данныхъ внѣшнихъ условій, къ созданію новой формы познанія, которая стоитъ въ противорѣчіи съ первою. Напр, исходя изъ извѣстной гипотезы, ученый предпринимаетъ рядъ изслѣдованій, но эти изслѣдованія приводятъ его къ такимъ обобщеніямъ, которыя несовмѣстимы съ первоначальной гипотезой. Тогда отрицательный подборъ, подрывающій старую форму познанія, происходитъ на почвѣ интенсивнаго чувства противорѣчія, т. е. какъ подборъ спеціально-познавательный это и есть логическій способъ устраненія формъ познанія Въ другихъ случаяхъ

процессъ дѣятельности, связанный съ данной формой познанія, приводитъ не къ познавательному противорѣчію, а просто къ какому-нибудь другому виду страданія. Напр., ученый полагаетъ, что земля движется, и высказываетъ это, а его за такую ересь сажаютъ въ тюрьму и подвергаютъ пыткамъ. Если эти страданія вызовутъ перемѣну въ его взглядахъ, то передъ нами будетъ „нелогичный“ типъ измѣненія познавательныхъ формъ.

Не лишне здѣсь замѣтить, что дѣйствіе подбора въ обоихъ случаяхъ есть, конечно, лишь т е н д е н ц і я къ разрушенію данной формы познанія, а совершается ли разрушеніе фактически и въ какой степени,—это зависитъ отъ прочности формы и отъ интенсивности вліянія среды, обусловливающаго подборъ.

Однако, анализъ нашъ не можетъ остановиться на томъ, слишкомъ ужъ общемъ, положеніи, что критерій истины есть практика. Формы познанія суть о б щ е с т в е н н ы я формы приспособленія, форма познанія, существующая въ отдѣльной психикѣ, есть лишь элементъ общественной формы познанія, которая представляетъ цѣлый комплексъ подобныхъ элементовъ въ различныхъ психикахъ (при чемъ элементы эти взаимно приспособленные, находятся въ соотвѣтствіи между собою). Поэтому въ полномъ смыслѣ слова „истиннымъ“ можетъ считаться лишь такая форма познанія, которая о б щ е с т в е н н о сохраняется, которая сохраняется не въ отдѣльной психикѣ, а въ цѣлой системѣ психикъ, связанныхъ сотрудничествомъ.

Такимъ образомъ дается болѣе строгій и опредѣленный критерій истины: это подборъ со стороны общественной среды, общественный подборъ. То, что является истиною и н д и в и д у а л ь н о, можетъ въ то же время не быть истиною с о ц і а л ь н о, если общественный подборъ оказывается въ противорѣчіи съ индивидуально-психическимъ.

Мы уже говорили о томъ, въ какихъ проявленіяхъ выступаетъ общественный подборъ: иногда онъ принимаетъ характеръ грубаго внѣшняго подбора, который устраняетъ формы сознанія вмѣстѣ съ особями—ихъ носителями; обыкновенно, въ наибольшей массѣ случаевъ, онъ отражается въ психикѣ особи въ видѣ психическаго подбора. При этомъ психическій подборъ происходитъ иногда по логическому, иногда по нелогичному типу. Особь высказываетъ какое-нибудь сужденіе; другія особи ее опровергаютъ и убѣждаютъ, такимъ образомъ вліяніе соціальной среды создаетъ въ психикѣ первой особи новую форму познанія, противорѣчащую прежней—т. е. подборъ выступаетъ въ видѣ чувства познавательнаго противорѣчія. Въ другихъ случаяхъ высказанное сужденіе вызываетъ порицаніе и гоненіе

со стороны общества познавательная форма подрывается не познавательнымъ противорѣчіемъ, а физическими, напр., страданіями.

Но лишь въ меньшей части случаевъ подборъ со стороны соціальной среды выступаетъ въ такихъ осязательныхъ и очевидныхъ проявленіяхъ. Гораздо чаще тѣ же по существу („логическія“ и особенно „нелогичныя“) воздѣйствія среды происходятъ въ видѣ незамѣтныхъ, съ трудомъ доступныхъ даже самому тщательному анализу, вліяній, прямо и косвенно подрывающихъ жизнеспособность опредѣленныхъ формъ познанія.

Примѣромъ можетъ служить тотъ случай, когда человѣкъ, попавшій въ культурно-низшую среду, „умственно опускается“ мало-по-малу, незамѣтно для себя и для другихъ.

Новое расширеніе критерія истины вытекаетъ изъ того факта, что само общество есть нѣчто относительное Въ извѣстныя намъ эпохи общественная среда не едина Различныя общественныя единицы, напр., классы, ассоціаціи, семьи, и т под., въ научномъ анализѣ выступаютъ передъ нами то въ борьбѣ съ другими подобными единицами, т е какъ отдѣльныя отъ нихъ „общества“, то въ трудовой совмѣстности съ ними, т. е. какъ элементы одного общественнаго цѣлаго Истина отдѣльной такой группы можетъ не быть истиной другихъ группъ и цѣлаго: такъ, истина мелкой буржуазіи во многихъ случаяхъ не является истиной ни для буржуазіи крупной, ни для пролетаріата, ни тѣмъ болѣе—для всего общества [1])

Во времени общественная среда измѣняется, и потому съ полнымъ правомъ можно говорить объ относительной истинѣ времени. Напр., взглядъ на землю, какъ на неподвижный центръ вселенной, былъ истиной для одного времени, и заблужденіемъ для другого; а въ переходное время онъ былъ и тѣмъ, и другимъ, смотря по тому, какую изъ общественныхъ группъ этого времени мы изслѣдуемъ

Но какъ же быть съ этой безконечной относительностью критеріевъ истины? Гдѣ выходъ изъ тѣхъ затрудненій, въ которыя при выборѣ истины ставитъ насъ противорѣчіе различныхъ ея критеріевъ? И эта относительность, и эти затрудненія сохраняются только до тѣхъ поръ, пока общество разсматривается, какъ простая совокупность различныхъ жизненныхъ процессовъ—индивидуальныхъ, соціально-групповыхъ, пока не принимается

[1]) Здѣсь я говорю не только о различіи такъ называемыхъ „нравственныхъ“, и т под., истинъ, условность которыхъ достаточно извѣстна, и для которыхъ самое примѣненіе термина „истина“ довольно условно Я говорю также о неодинаковыхъ для различныхъ общественныхъ системъ способахъ познанія въ собственномъ смыслѣ этого слова Но объ этомъ еще придется говорить въ дальнѣйшемъ

во вниманіе общая закономѣрность соціальнаго развитія, его объединяющая тенденція. Если такая тенденція существуетъ, то она, очевидно, и является послѣднимъ, наиболѣе объективнымъ критеріемъ истины: истинны тѣ формы познанія, которыя сохраняются и развиваются въ ходѣ общественнаго развитія—и въ силу этого развитія; ложны тѣ, которыя общественное развитіе стремится разрушить [1]) Истина отличается тѣмъ, что она должна побѣдить—таковъ единственный надежный ея критерій.

Очевидно, что, съ точки зрѣнія этого послѣдняго и высшаго критерія, всякая въ данное время господствующая форма познанія можетъ являться заблужденіемъ Очевидно также, что и такая форма познанія, которая въ данное время существуетъ еще только въ отдѣльной психикѣ (напр , въ психикѣ Коперника, Бруно, Спинозы) можетъ быть истиной въ полномъ значеніи этого слова, ибо за нее общественное развитіе, ибо она должна побѣдить [2]).

Но общественное развитіе—не абсолютный законъ природы, а только эмпирическій фактъ; оно можетъ въ однихъ случаяхъ быть, а въ другихъ не быть Вопросъ о наличности этого факта рѣшается на полѣ борьбы общества съ природой внѣ-соціальной: если въ этой борьбѣ энергія общественнаго цѣлаго возрастаетъ, оно развивается, если энергія уменьшается, оно деградируетъ Надъ подборомъ общественнымъ стоитъ подборъ всеобщій, для котораго само соціальное цѣлое—не болѣе какъ частная форма жизни, подобно какой-нибудь амебѣ или водоросли; онъ можетъ сохранить и развить эту форму, онъ можетъ и отбросить ее, какъ негодную Что есть истина въ этомъ послѣднемъ случаѣ?

Но тогда самый вопросъ объ истинѣ становится неинтереснымъ, потому что вмѣстѣ съ ея объективнымъ критеріемъ—соціальнымъ развитіемъ—исчезаетъ и ея жизненное значеніе. На что она нужна, когда она перестаетъ быть выраженіемъ и орудіемъ этого развитія? Она деградируетъ среди общей деградаціи. Она становится чѣмъ-то субъективнымъ, неустой-

---

[1]) Эта общая формула остается, конечно, примѣнимою и въ томъ случаѣ, если вмѣсто такого широкаго общественнаго цѣлаго, какъ классовое общество, брать болѣе узкія общественныя группы, напр , классы истина класса есть только истина его развитія Но вмѣстѣ съ размѣрами сферы развитія, взятой за основу изслѣдованія, сглаживается, само собой понятно, и историческое значеніе самаго критерія

[2]) Напомню, что и въ самый моментъ своего возникновенія въ отдѣльной психикѣ такая форма познанія общественна и по своему происхожденію—изъ матеріала изчѣзающихся, общественно сложившихся формъ познанія, и по формѣ—она становится „формой познанія“ только тогда, когда находитъ себѣ выраженіе въ словѣ, т. е достигаетъ соціальнаго момента своего развитія

чивымъ, чѣмъ-то въ родѣ декадентскаго „мэона“ каждый элементъ разлагающагося цѣлаго можетъ создать свою истину, которая, однако, не остается истиной, если и этотъ элементъ деградируетъ Состояніе умовъ въ эпоху упадка древней культуры даетъ типичную картину такого процесса [1]).

Дѣйствительность внѣ-соціальная, подборъ надъ-общественный есть высшій судья надъ познаніемъ Онъ санкціонируетъ истину общественнаго развитія, и дѣлаетъ заблужденіемъ истину общественной деградаціи

Итакъ, истина исторична, т. е относительна. Ибо, не говоря уже объ ея частныхъ, очевидно, условныхъ критеріяхъ съ ихъ взаимными противорѣчіями, относителенъ и историченъ даже ея всеобщій и послѣдній критерій—общественное развитіе.

c) Монистическая тенденція въ познаніи

Какъ мы видѣли, формы познанія соціальны Каждую изъ нихъ слѣдуетъ разсматривать, какъ единство и отдѣльность взаимно соотвѣтственныхъ, сходныхъ психическихъ процессовъ опредѣленнаго типа, совершающихся въ различныхъ особяхъ одной системы сотрудничества.

Но взаимное соотвѣтствіе элементовъ формы познанія, существующихъ въ отдѣльныхъ психикахъ, всегда относительно, ограниченно. Въ дѣйствительности индивидуально-психическія формы различныхъ особей, входящія въ составъ одной формы познанія, не только сходны, но также—въ большей или меньшей степени—различны, онѣ не только гармонируютъ между собою, но и находятся во взаимномъ противорѣчіи Конечно, моментъ сходства и гармоніи преобладаетъ—иначе передъ нами не было бы общественной формы; но моментъ различія и противорѣчія играетъ также не малую и необходимую роль въ развитіи этихъ формъ

Разсматривая основную форму познанія—понятіе, мы нашли, что въ индивидуальной психикѣ она выступаетъ, какъ цѣлое, разлагаемое на три элемента матеріалъ частныхъ представленій, обобщающая тенденція, которая его объединяетъ, и обобществляющая реакція—слово, которая даетъ

---

[1]) Въ развивающемся обществѣ всегда деградируютъ нѣкоторые его элементы Если элементы эти въ своей совокупности могутъ разсматриваться, какъ болѣе частное соціальное цѣлое (напр, отживающій классъ), то истина такого соціальнаго цѣлаго, поскольку оно деградируетъ, субъективна, объективно же—т е съ точки зрѣнія развитія—она является заблужденіемъ Современная мелкая буржуазія обладаетъ немалымъ запасомъ такихъ истинъ въ различныхъ областяхъ жизни: метафизическія философскія понятія, товарно-фетишистическое пониманіе соціальной жизни, и т под

формѣ социальное существованіе. Изъ этихъ трехъ элементовъ наиболѣе тожественнымъ въ отдѣльныхъ психикахъ является послѣдній, наиболѣе различнымъ—первый

Вопросъ объ индивидуальныхъ различіяхъ и общественномъ развитіи третьяго элемента — формы выраженія — составляетъ предметъ особой науки—исторической и сравнительной филологіи Останавливаться на этой сторонѣ дѣла намъ здѣсь не приходится [1]), и мы ограничимся самымъ общимъ указаніемъ, которое достаточно понятно изъ предыдущаго.—Въ процессахъ пластики формъ выраженія общественный подборъ пользуется ихъ индивидуальными и групповыми различіями, какъ м а т е р і а л о м ъ для выработки формъ болѣе совершенныхъ; и въ то же время онъ непрерывно стремится устранить эти различія, ибо изъ нихъ возникаетъ взаимная неприспособленность особей: недостатокъ „взаимнаго пониманія“ особей, т е взаимнаго соотвѣтствія индивидуально-психическихъ элементовъ формы познанія, нерѣдко ведетъ ко взаимному несоотвѣтствію индивидуальныхъ дѣйствій. Обѣ тенденціи развитія выражающихъ реальности реально нераздѣльны, развитіе направлено въ одно и то же время и къ наибольшему совершенству формъ выраженія, и къ наибольшему ихъ единству для различныхъ частей социальнаго цѣлаго. Все это, разумѣется, необходимо происходитъ лишь тогда, когда и само социальное цѣлое развивается, и его единство возрастаетъ.

Уже болѣе значительны могутъ быть различія въ обобщающей тенденціи, соотвѣтствующей у различныхъ людей одному и тому же слову. Въ сложномъ, групповомъ или классовомъ, обществѣ различія эти бываютъ особенно велики И здѣсь также въ результатѣ могутъ получаться не только индивидуальныя различія дѣйствій, связанныхъ съ даннымъ понятіемъ у различныхъ особей, но также—въ той или иной степени—прямая взаимная неприспособленность дѣйствій, ихъ противорѣчія Часто какое-нибудь техническое понятіе является весьма неодинаковымъ по своему содержанію у производителей, объединенныхъ сотрудничествомъ, напр , у ученаго инженера—организатора и у неученыхъ исполнителей—рабочихъ, нетрудно себѣ представить, какія неудачи въ процессѣ производства могутъ возникать изъ такой неоднородности Еще болѣе удобный примѣръ—всевозможныя понятія

[1]) Сближеніе сравнительной филологіи съ наукой о познаніи все болѣе прогрессируетъ, и связь ихъ становится все болѣе неразрывною, такъ что недалеко то время, когда станетъ прямо невозможнымъ рѣзкое разграниченіе ихъ между спеціалистами Самъ авторъ, къ сожалѣнію, слишкомъ мало филологъ, а потому не берется болѣе детальнымъ образомъ касаться относящихся сюда вопросовъ

правовыя, нравственныя, понятія о личной и общественной выгодѣ, о свободѣ, порядкѣ, и т. под Сложившись на почвѣ производственныхъ, классовыхъ различій, понятія эти получаютъ далеко не одинаковое значеніе въ различныхъ общественныхъ группахъ, и на каждомъ шагу являются поводомъ къ разнообразнымъ практическимъ противорѣчіямъ

Что касается до матеріала частныхъ представленій, охватываемыхъ понятіемъ, то онъ всегда болѣе или менѣе значительно различается въ отдѣльныхъ психикахъ вѣдь именно изъ этихъ различій матеріала возникаютъ и различія въ обобщающей тенденціи Тѣ и другія всегда, слѣдовательно, встрѣчаются вмѣстѣ. При этомъ въ обобщающей тенденціи необходимо исчезаютъ многія конкретныя различія частныхъ представленій, какъ разъ наиболѣе измѣнчивымъ элементамъ представленій въ обобщеніи нѣтъ мѣста Такимъ образомъ различія въ матеріалѣ понятій всегда болѣе значительны, чѣмъ различія въ обобщающей тенденціи. Но первыя, сами по себѣ, имѣютъ лишь сравнительно небольшое практическое значеніе въ жизни наиболѣе важную роль играетъ повторяющееся и общее, а не послѣднія частности Поэтому общественный подборъ въ гораздо меньшей степени стремится устранить индивидуальныя различія въ матеріалѣ понятія, чѣмъ въ двухъ другихъ его элементахъ

Вообще же говоря, для общественнаго подбора въ его стремленіи создать однородность индивидуально-психическихъ элементовъ формъ познанія имѣются обыкновенно благопріятныя условія Формы познанія складываются путемъ подражанія; и мы знаемъ, что за сходными выражающими реакціями съ самаго начала скрывается болѣе или менѣе сходное психическое содержаніе. Вѣдь въ то время, когда особь *B* воспринимаетъ выражающую реакцію особи A и подражаетъ ей, обѣ особи находятся по большей части въ однѣхъ и тѣхъ же условіяхъ, подъ одинаковыми воздѣйствіями среды, стало быть, при первоначально данномъ сходствѣ самихъ особей и при сходствѣ внѣшнихъ вліяній, возникающія психическія формы въ наибольшей массѣ случаевъ должны оказываться сходными —А затѣмъ, чѣмъ въ большей мѣрѣ общественный подборъ уже достигъ однородности особей въ сферѣ познанія, тѣмъ въ большей мѣрѣ облегчается дальнѣйшее развитіе въ ту же сторону.

Однако, разнородность особей и ихъ взаимная неприспособленность въ познавательной жизни всегда существуетъ. „взаимное непониманіе“ людей не устраняется вполнѣ ни въ какой, намъ извѣстной общественной формаціи; а въ современномъ—классовомъ—обществѣ оно достигаетъ, можетъ быть, наиболѣе значительной степени Чтобы понять, почему такое взаим-

ное непониманіе людей въ процессѣ развитія можетъ явиться лишь переходнымъ моментомъ, мы разсмотримъ конкретнѣе, какимъ образомъ оно приводитъ къ практическимъ противорѣчіямъ, и какимъ образомъ устраняется вмѣстѣ съ ними.

Иногда такія противорѣчія выражаются прямо въ нецѣлесообразныхъ дѣйствіяхъ Человѣка просятъ засвѣтить электрическую лампу—онъ прибѣгаетъ къ помощи спички; техническій организаторъ объясняетъ новымъ работникамъ, что имъ надо дѣлать—они все путаютъ; либеральному буржуа приходится попасть въ среду людей низшаго общественнаго положенія,—и при всемъ желаніи принести имъ пользу, онъ оскорбляетъ ихъ на каждомъ шагу, не понимая ихъ психологіи Иногда противорѣчія выступаютъ въ формѣ собственно познавательныхъ Человѣку впервые сообщаютъ, что земля движется, или что есть люди, которые живутъ совсѣмъ иначе: сужденія эти, воспроизводясь въ его психикѣ, вызываютъ въ ней интенсивное чувство противорѣчія, недоумѣніе, усилія понять, вообще—познавательное страданіе.

Въ такихъ случаяхъ требуется познавательная пластика, устраненіе познавательныхъ противорѣчій. Оно можетъ происходить или болѣе косвеннымъ путемъ—на почвѣ самой практики,—или непосредственно познавательнымъ путемъ: людей учитъ понимать другъ друга или „сама жизнь“, или—другіе люди.

Нецѣлесообразныя дѣйствія, возникающія изъ недостатка взаимнаго пониманія, ведутъ прежде всего къ страданіямъ самого дѣйствующаго, тогда въ его психической системѣ происходитъ пластика; вырабатывается цѣлесообразная практическая реакція, а затѣмъ, въ зависимости отъ нея—цѣлесообразная форма познанія. Ребенку говорятъ. огонь жжется;—онъ, не понимая, что значитъ „жжется“, и понимая только, что дѣло идетъ объ огнѣ, тянется къ нему рукой, въ результатѣ—страданіе, психическій подборъ, пластика, и въ другой разъ слово „жжется“ уже будетъ понято ребенкомъ [1]).

Въ другихъ случаяхъ общественная нецѣлесообразность дѣйствій особи вызываетъ страданіе другихъ людей и служитъ толчкомъ къ реакціямъ съ ихъ стороны Иногда они сами выполняютъ дѣйствія цѣлесообразныя при

---

[1]) Конечно, бываютъ, хотя сравнительно рѣдко, и такіе случаи, гдѣ непонимающая особь просто устраняется въ силу своей неприспособленности, а съ ней исчезаетъ и соціально-познавательное противорѣчіе Человѣку говорятъ „въ этой бутылкѣ царская водка“, онъ при случаѣ выпиваетъ ее и умираетъ

данныхъ условіяхъ, и первая особь, усвоивая эти дѣйствія путемъ подражанія, затѣмъ приспособляетъ къ нимъ и свои познавательныя формы Иногда человѣку „объясняютъ“, какія дѣйствія цѣлесообразны Но это— уже второй, „познавательный“ способъ устраненія соціально-познавательныхъ противорѣчій

„Объяснять“ человѣку, что онъ долженъ дѣлать, это значитъ, вмѣсто самыхъ дѣйствій, воспроизводить передъ нимъ ассоціированныя съ ними выражающія реакціи. если подобныя же ассоціаціи существуютъ и въ психикѣ лица, которому объясняютъ, то оно можетъ, въ свою очередь, выполнить цѣлесообразныя реакціи, а затѣмъ оно и познавательно приспособится къ новому сочетанію дѣйствій, и тогда въ значительной мѣрѣ устранится его „недостатокъ пониманія“, познавательное противорѣчіе съ другими людьми [1])

Но общественная пластика, приспособляющая понятія одного къ понятіямъ другого, можетъ происходить также болѣе непосредственнымъ путемъ— въ процессѣ „обмѣна мыслей“ или просто разговора

Ребенокъ впервые слышитъ слово „животное“. Для него это слово пока ничего не выражаетъ; а какъ непривычная реакція, попавшая въ ряду привычныхъ, оно вызываетъ въ психикѣ состояніе неприспособленности, противорѣчія, которое и выражается въ вопросѣ „что это такое“ [2]). У взрослаго человѣка, съ которымъ ребенокъ говоритъ, состояніе это—по принципу подражанія—воспроизводится тогда въ сознаніи. Подъ вліяніемъ такой отраженной познавательной неприспособленности, сознаніе не можетъ остановиться на данномъ понятіи и переходитъ къ другимъ—прежде всего, конечно, тѣмъ, которыя ближе всего съ нимъ ассоціированы. Такими явля-

---

[1]) Какъ видимъ, здѣсь слово „объяснять“, въ примѣненіи къ сложному комплексу дѣйствій, означаетъ—сводить этотъ комплексъ, представляющій изъ себя пластичную реакцію, къ его элементамъ—реакціямъ привычнымъ для того, кому объясняютъ Такое же значеніе имѣетъ слово „объяснять“ и въ сферѣ теоретической сведеніе пластичныхъ реакцій къ привычнымъ, „сложнаго“ къ „простому“ „Простымъ“ люди вообще называютъ привычное для нихъ въ познаніи, то, къ чему познаніе уже приспособилось Когда „непривычное“ превращается въ привычный рядъ привычныхъ реакцій или, что то же, когда „сложное“ сводится къ „простому“, оно становится „понятнымъ“, получаетъ свое „объясненіе“ достигается познавательная приспособленность

[2]) Психологія вопроса, вообще, сложнѣе, чѣмъ здѣсь представлено психическая реакція вопроса соединяется, обыкновенно, съ представленіемъ цѣли, съ представленіемъ о томъ, что въ результатѣ этой реакціи произойдетъ устраненіе познавательнаго противорѣчія То же относится къ психологіи отвѣта Но все же это не измѣняетъ сущности дѣла

ются, во 1), различныя понятія болѣе общія, къ которымъ понятіе „животнаго“ относится, какъ подчиненное болѣе частное, и во 2), болѣе частныя, ему подчиненныя понятія Беремъ второй случай—переходъ къ подчиненнымъ частнымъ понятіямъ; его формой выраженія является такая, приблизительно, фраза „животное—это кошка, собака, птичка, козявка, муха, червякъ“... [1]) Въ психикѣ ребенка переходъ отъ непривычнаго слова къ привычнымъ понятіямъ вызываетъ чувство умственнаго удовлетворенія, а затѣмъ происходитъ пластика одного общаго понятія изъ многихъ частныхъ, понятіе это, приблизительно, уже будетъ соотвѣтствовать тому, которое взрослый выразилъ словомъ „животное“. Такъ происходитъ в ы я с н е н і е понятій

Беремъ другой примѣръ для другого случая — перехода не къ болѣе частнымъ, а къ болѣе общимъ понятіямъ Экономистъ упоминаетъ о работникахъ науки, какъ объ участникахъ производства. Непривычное сочетаніе понятій вызываетъ въ слушателѣ эмоцію недоумѣнія (въ основѣ которой лежитъ чувство познавательнаго противорѣчія), онъ ее выражаетъ, положимъ, вопросомъ „что же вы называете производствомъ?“ Въ психикѣ экономиста воспроизводится состояніе его собесѣдника, и въ сознаніи возникаетъ тенденція къ смѣнѣ даннаго понятія другими, ближайшимъ образомъ съ нимъ ассоціированными. Выступаютъ, положимъ, болѣе общія понятія, которымъ данное понятіе подчиняется въ системѣ познанія: каждое изъ нихъ заключаетъ лишь нѣкоторые элементы обобщающей тенденціи даннаго понятія, лишь нѣкоторыя его „черты“ Таковы понятія „общественнаго явленія“ и „труда“. Выражающей реакціей для всего процесса смѣны будетъ, положимъ, фраза: „производство есть общественный трудъ“. Если оба указанныя болѣе общія понятія имѣются въ психикѣ спрашивающаго, и съ такимъ же приблизительно содержаніемъ, какъ у отвѣчающаго, то первый пойметъ второго, соединяя пластически тѣ элементы обобщенія, которые составляютъ содержаніе болѣе общихъ понятій, онъ получитъ болѣе частное понятіе „производства“. Такъ происходитъ процессъ о п р е д ѣ л е н і я частныхъ понятій черезъ общія.

Въ практической жизни наибольшее значеніе имѣетъ первый изъ двухъ указанныхъ способовъ общественно-познавательной пластики—выясненіе понятія

---

[1]) Дѣло при этомъ происходитъ такимъ образомъ, какъ-будто на почвѣ временной неприспособленности, чувства противорѣчія, понятіе временно дезорганизуется, разлагается, распадается на болѣе частныя понятія, изъ которыхъ раньше слагалось Можетъ быть, дѣйствительно таковъ въ своей основѣ механизмъ изображаемаго явленія

Но и опредѣленіе понятій играетъ не малую роль, особенно въ точныхъ наукахъ Дѣло въ томъ, что соціальная однородность формы познанія, сходство ея элементовъ въ отдѣльныхъ особяхъ можетъ достигаться всего полнѣе въ наиболѣе общихъ, наиболѣе отвлеченныхъ понятіяхъ. Если въ обобщающей тенденціи исчезаетъ обыкновенно извѣстная доля индивидуальныхъ различій обобщаемаго матеріала, то чѣмъ дальше идетъ обобщающая тенденція, тѣмъ сравнительно меньше остается мѣста этимъ индивидуальнымъ варіаціямъ; ибо какъ разъ наиболѣе измѣнчивые, а потому индивидуально наиболѣе различные элементы матеріала понятій наиболѣе подаются обобщающей тенденціей, наиболѣе стушевываются въ процессѣ обобщенія

Такимъ образомъ тенденція къ обобщенію оказывается полезна не только для установленія связи между частными формами сознанія каждой особи, но и для устраненія противорѣчія между элементами формъ познанія въ различныхъ особяхъ. Благодаря этому, она находитъ въ общественномъ подборѣ особенно благопріятныя для себя условія.

Еще болѣе важнымъ для развитія обобщающей тенденіи является тотъ фактъ, что обширное, расплывчатое, часто частичное содержаніе широкаго обобщенія фиксируется съ помощью опредѣленной и консервативной выражающей реакціи. Только неразрывная связь формы обобщенія съ формою рѣчи даетъ первой возможность прочно удерживаться въ психикѣ безъ большихъ растратъ энергіи центровъ сознанія Въ цѣпи ассоціативныхъ процессовъ психики (напр., при пластикѣ новыхъ реакцій) сложное и обширное по матеріалу понятіе большей частью просто замѣняется яснымъ представленіемъ соотвѣтственнаго слова, причемъ всѣ остальные элементы понятія едва намѣчаются въ сознаніи. Этимъ экономизируется много энергіи и времени. Только въ рѣдкихъ случаяхъ употребленіе вмѣсто понятій ихъ знаковъ оказывается недостаточнымъ: тогда понятіе болѣе или менѣе полно всплываетъ въ сознаніи

Тѣ же соображенія относятся и къ „формамъ различенія“, которыя представляютъ вторую, производную слагающую монистической тенденціи въ психикѣ Къ нимъ все это примѣнимо еще въ большей степени, чѣмъ къ формамъ обобщенія, потому что онѣ еще сложнѣе тѣхъ формъ обобщенія, на которыхъ основываются

Путемъ пластики и общественнаго подбора наиболѣе цѣлесообразныхъ („истинныхъ“) формъ познанія и ихъ ассоціацій создается с и с т е м а п о з н а н і я. Такъ, научный законъ представляетъ опредѣленную, консервативную, всегда въ формѣ сужденій выражаемую ассоціацію опредѣленныхъ

формъ обобщенія и различенія. Упрочиться и получить широкое распространеніе такая сложная форма познанія можетъ лишь въ томъ случаѣ, если она въ достаточной степени общественно-полезна для пластики практическихъ реакцій

Такимъ образомъ раньше выясненная нами монистическая тенденція психики получаетъ въ обществѣ громадное развитіе, дополняясь другой монистической тенденціей—къ установленію однородности индивидуальныхъ элементовъ каждой общественной формы познанія.

Не знаю, надо ли поясннть, что въ обоихъ случаяхъ слово „монистическій" употреблено не въ обычномъ философскомъ его значеніи, а въ смыслѣ, вообще, установленія связей и устраненія противорѣчій Философскій монизмъ представляетъ лишь одинъ изъ частныхъ случаевъ проявленія монистической тенденціи.

Но уже на примѣрѣ философскаго монизма, который существуетъ въ весьма различныхъ формахъ, видно, что монистическая тенденція можетъ итти въ весьма различныхъ направленіяхъ. Характеристикой для этихъ направленій могутъ служить тѣ послѣднія обобщенія, къ которымъ данная монистическая тенденція приводитъ, въ которыхъ она завершается, которыя, стало быть, выражаютъ ее въ наиболѣе чистомъ видѣ Такъ, въ одномъ случаѣ высшимъ обобщеніемъ монистической системы познанія можетъ являться противоположеніе „духа и тѣла", въ другомъ случаѣ—понятіе „субстанціи", въ третьемъ—„всеобщій законъ причинности", и т. д. Въ первомъ примѣрѣ передъ нами „анимистическая" тенденція, или анимистическій типъ мышленія, во второмъ—„метафизическій", въ третьемъ „положительный", и т. д Въ дѣйствительности различныя монистическія тенденціи или типы мышленія обыкновенно существуютъ одновременно, перемѣшиваясь между собою по извѣстнымъ законамъ, о которыхъ намъ придется говорить въ дальнѣйшемъ.

d) Познаніе въ общемъ ряду психическихъ явленій.

Чтобы въ соціальномъ познаніи можно было видѣть единую жизненную систему, „форму жизни", для этого необходимо установить его реальное единство и реальную отдѣльность.

Первое выяснено въ достаточной мѣрѣ· оно выражается въ монистической тенденціи, которая придаетъ познанію характеръ связности въ предѣлахъ отдѣльной техники и однородности въ предѣлахъ общества

Второй стороны вопроса намъ еще почти не приходилось касаться: она

выражается въ тенденціи, обособляющей познаніе отъ процессовъ не-познавательныхъ На чемъ же основывается такая тенденція?

Выработка познавательныхъ приспособленій совершается, какъ мы видѣли, частью по логическому, частью по нелогичному типу. Къ первому типу относятся тѣ случаи, когда формы познанія измѣняются или упрочиваются въ силу своего противорѣчія или гармоніи съ другими *познавательными* формами, когда регуляторомъ въ познавательной пластикѣ выступаетъ спеціально познавательный подборъ, ко второму—тѣ случаи, когда формы познанія подрываются или поддерживаются въ силу ихъ отношенія къ не-познавательнымъ психическимъ процессамъ, когда пластикой непосредственно управляютъ другіе виды подбора. Если человѣкъ „принимаетъ“ новую идею благодаря тому, что она находится въ соотвѣтствіи со всей суммой его знаній, его „опыта“, то передъ нами примѣръ перваго рода; если человѣкъ отвергаетъ идею потому, что она ему „не нравится“, противорѣчитъ его склонностямъ, стремленіямъ и т под., то передъ нами примѣръ второго рода Многіе отрицательно относились къ ученію Коперника, дарвинизму, историческому матеріализму въ силу „этическихъ“ побужденій: это были люди не логичнаго типа мышленія; другіе совсѣмъ не считались съ ихъ этическими аргументами: это было вполнѣ логично.

Какъ мы знаемъ, и то, что *непосредственно* является для особи приспособленіемъ, можетъ въ процессѣ общественнаго развитія оказаться неприспособленностью. Именно такимъ характеромъ отличается въ общемъ и среднемъ, нелогичный типъ познавательнаго приспособленія Въ самомъ дѣлѣ, онъ создаетъ и разрушаетъ формы познанія безъ отношенія ко всей существующей *системѣ* познанія, стало быть, обыкновенно, въ противорѣчіи съ нею; если иногда такого противорѣчія не оказывается, то это уже явленіе частное, случайное,—исключеніе, которое не измѣняетъ правила. А такъ какъ существующая система познанія опирается на широкій базисъ *общественной практики*, то нелогичнымъ способомъ пріобрѣтенное познавательное приспособленіе должно, вообще говоря, вступить рано или поздно въ противорѣчіе съ этимъ базисомъ, и стать источникомъ неприспособленности.

Такимъ образомъ, нелогичный типъ приспособленія въ процессѣ общественнаго развитія выступаетъ, какъ типъ весьма несовершенный, и притомъ несовершенный тѣмъ въ большей степени, чѣмъ шире тотъ базисъ общественной практики, на который опирается познаніе. Поскольку этотъ несовершенный типъ конкуррируетъ съ болѣе совершеннымъ, по столько онъ

является прямо вреднымъ, и развитіе стремится устранить его. Возникаетъ тенденція къ вытѣсненію „нелогично“ возникающихъ формъ, къ ограниченію познавательной пластики логическими приспособленіями. А такая тенденція можетъ осуществляться лишь путемъ обособленія познавательныхъ процессовъ въ особую систему среди психики, путемъ ихъ отграниченія отъ всего, что не есть познаніе—отъ эмоцій, стремленій, и т д При этомъ познаніе противополагается другимъ психическимъ процессамъ, какъ дѣятельность „ума“ дѣятельности „чувства„ (аффективной) и „воли“

Особенно сильно тенденція эта стремится отграничить моменты познавательной пластики отъ моментовъ д ѣ й с т в і я. Въ самомъ дѣлѣ, какъ процессы познавательной пластики, такъ и процессы внѣшняго движенія требуютъ относительно наибольшихъ затратъ психической энергіи, поэтому ихъ одновременность представляетъ сочетаніе, наиболѣе неблагопріятное для психической системы, и ея выгоды особенно требуютъ, чтобы моментъ познанія обособлялся отъ момента дѣйствія, чтобы первый кончался тамъ, гдѣ начинается второй, и наоборотъ.

Тенденція, обособляющая познаніе отъ непосредственнаго дѣйствія, придаетъ ему характеръ, выражаемый словомъ т е о р і я, въ противоположность „практикѣ“. Таково его разграниченіе въ его чистой формѣ, вульгарно же ему придаются многія другія побочныя значенія.

Тенденція, обособляющая познаніе среди психики, придаютъ ему извѣстную отдѣльность, и вмѣстѣ съ монистической тенденціей дѣлаютъ познаніе опредѣленной с и с т е м о й жизненныхъ явленій. Отдѣльность познанія среди психики возрастаетъ съ развитіемъ культуры, а въ классовомъ обществѣ встрѣчается въ самыхъ различныхъ степеняхъ [1]) Благодаря ей, познаніе въ такомъ обществѣ можетъ обособиться даже какъ особый видъ производительнаго труда, свойственный опредѣленному классу людей (чистые теоретики-спеціалисты).

Именемъ н а у к и обозначается та область систематизированнаго познанія, которая пріобрѣла характеръ установившейся истины, т. е. которая упрочилась благодаря полезности связанныхъ съ нею трудовыхъ дѣйствій Это система „положительнаго знанія“.

Наука охватываетъ не всю систему познанія познавательная пластика въ направленіи монистической тенденціи сознаетъ и такія формы познанія,

---

[1]) Такимъ образомъ, существуютъ формы промежуточныя въ которыхъ познаніе не вполнѣ обособляется отъ эмоція, отъ стремленія, таково, напр., мистическое мышленіе, суевѣріе, и т под

которыя выходятъ за предѣлы непосредственной соціальной практики, не находятъ въ ней прямой опоры, но въ то же время увеличиваютъ связность познавательной системы. Это—такъ назыв. философія, познаніе гипотетическое —Нѣтъ надобности отмѣчать, что въ общественномъ развитіи два вида познанія реально нераздѣльны.

Процессы познавательной пластики могутъ сами становиться матеріаломъ обобщенія и различенія съ выработкой соотвѣтственныхъ выражающихъ реакцій, вообще матеріаломъ новой познавательной пластики Такъ складываются особыя формы познанія, система которыхъ образуетъ познавательный методъ [1])

Различіе познавательныхъ методовъ ведетъ къ разграниченію системы познанія на отдѣльныя научныя области или просто науки Конкретнѣе объ этомъ намъ придется говорить къ дальнѣйшемъ; а пока вернемся къ познанію въ его цѣломъ.

Познаніе представляетъ опредѣленное звено въ цѣпи общественно-психическихъ процессовъ, моментъ пластики и координаціи формъ общественнаго труда. Развитіе обособляетъ этотъ моментъ, это звено, и даетъ ему значительную самостоятельность. Отсюда рядъ иллюзій относительно того, что познаніе есть нѣчто „совсѣмъ особое“, нѣчто „само по себѣ“, къ чему нельзя приступать съ обычными пріемами изслѣдованія. Отсюда рядъ запутанныхъ метафизическихъ вопросовъ относительно познанія „адэкватнаго“ или „неадэкватнаго“, познанія „вещей въ себѣ“, или только ихъ „явленій“ Съ исторической точки зрѣнія, для которой познаніе—только приспособленіе, вопросы эти прямо устраняются

Типичная, наиболѣе развитая цѣпь психическихъ процессовъ представляется въ такомъ видѣ: отъ недифференцированныхъ аффективныхъ состояній совершается переходъ къ познанію, отъ него—къ дѣйствію Человѣкъ не удовлетворенъ дѣйствительностью—это первый моментъ; онъ изучаетъ ее—второй моментъ; онъ измѣняетъ ее—третій. Чѣмъ меньше смѣшиваются эти три момента въ сознаніи, тѣмъ болѣе интенсивна жизнь сознанія, тѣмъ менѣе безплодно разсѣивается психическая энергія, тѣмъ выше вѣроятность приспособленія

---

[1]) Научные методы обыкновенно представляютъ довольно сложныя формы пластики Напр, энергетическимъ методомъ называется такой ея типъ, при которомъ понятіе о данномъ частномъ явленіи стремятся ассоціировать съ понятіями объ опредѣленныхъ предшествующихъ и послѣдующихъ явленіяхъ, — ассоціировать ихъ какъ частныя понятія, подчиненныя болѣе общему—понятію о стадіяхъ одного непрерывнаго количественно не измѣняющагося процесса

Конечно, второй моментъ опредѣляется первымъ въ томъ смыслѣ, что человѣкъ изучаетъ именно то, чѣмъ онъ не удовлетворенъ, и въ такомъ направленіи, чтобы выработать форму устраненія этой неудовлетворенности; но если аффектъ будетъ непосредственно мѣшаться въ процессъ познавательной пластики, то хорошаго выйдетъ, вѣроятно, немного Точно также третій моментъ опредѣляется первыми двумя, ибо дѣйствіе направлено къ устраненію неудовлетворенности, и сообразно съ выработанной формой познанія; но если во время самаго дѣйствія энергія сознанія будетъ тратиться на эмоцію и на размышленіе, то дѣйствіе не можетъ быть энергичнымъ Всѣ три стадіи могутъ очень тѣсно связываться во времени, онѣ могутъ быть втиснуты въ промежутокъ меньше секунды—и все же онѣ должны быть разграничены, т е только при этомъ условіи можетъ получиться maximum приспособленности

Развитіе стремится создать такого человѣка, который въ моментъ познанія весь принадлежалъ бы познанію, и въ моментъ дѣйствія весь отдавался бы дѣйствію.

Резюмируемъ основное содержаніе этой главы.

1. Познавательная пластика частью совершается стихійно, частью соединяется съ сознаніемъ цѣли, т. е. имѣетъ характеръ труда, но въ обоихъ случаяхъ она—процессъ общественный

2 Всякая сложившаяся форма познанія въ процессахъ подбора выступаетъ, какъ истинная или ложная, т е. приспособленная или неприспособленная. При этомъ, соотвѣтственно различнымъ видамъ подбора, можно найти цѣлый рядъ различныхъ критеріевъ истины, которые всѣ относительны. Наименѣе относительный и наиболѣе объективный изъ нихъ—это тенденція общественнаго развитія

3 Систематизація формъ познанія осуществляется путемъ монистической тенденціи, которая стремится устранить противорѣчія и создать гармонію всѣхъ формъ познанія какъ въ предѣлахъ отдѣльной психики, такъ и въ общественной ихъ совокупности.

4 Въ то же время обособляющая тенденція, отграничивая познаніе отъ процессовъ непознавательныхъ, стремится сдѣлать познаніе системою въ значительной мѣрѣ самостоятельною. Моментъ познанія отдѣляется отъ момента „чувства“ и отъ момента „дѣйствія“, благодаря чему достигается наибольшая возможная интенсивность сознанія въ каждый изъ этихъ моментовъ

До сихъ поръ мы изслѣдовали познаніе при помощи общихъ методовъ біологіи, психологіи Теперь мы переходимъ къ разсмотрѣнію того спеціальнаго метода, который долженъ обособить ученіе о познаніи, какъ опредѣленную общественную науку

III. О методѣ исторической теоріи познанія

I. Мѣсто исторической теоріи познанія въ общемъ рядѣ наукъ

Единство и отдѣльность различныхъ наукъ устанавливаются на основѣ ихъ метода Нерѣдко говорятъ о различіи „предмета“ наукъ, но это представляетъ лишь статическую формулировку того же различія методовъ. Ибо, если два различныхъ „предмета“ могутъ изучаться однимъ и тѣмъ же методомъ, то для нихъ нѣтъ надобности въ отдѣльныхъ наукахъ, и если одинъ „предметъ“ изучается двумя различными методами, то уже тѣмъ самымъ онъ не есть одинъ предметъ для познанія. двѣ формы познанія—два предмета Одно и то же явленіе А можно изучать и математическимъ методомъ (разсматривая его при изслѣдованіи только какъ измѣняющуюся величину), и энергетическимъ (разсматривая его, какъ процессъ, форма котораго измѣняется вліяніемъ другихъ процессовъ), но тогда оно и выступаетъ, какъ два предмета изслѣдованія: одинъ—предметъ алгебраическаго или геометрическаго анализа, другой—предметъ изученія для общей физики

Подъ „методомъ науки‘ здѣсь понимается вообще свойственная ей закономѣрность изслѣдованія Такимъ образомъ, напр, всякій установленный законъ есть элементъ метода, поскольку онъ принимается во вниманіе при изслѣдованіи, и всякая предвзятая гипотеза есть элементъ метода, поскольку кладется въ основу изслѣдованія, даетъ для него точку зрѣнія [1])

---

[1]) Закономѣрность изслѣдованія, называемая методомъ, это, какъ мы видѣли, типъ, общая форма познавательной частицы И законы науки суть законы изслѣдованія, сложившіяся, постоянныя формы познавательной обработки опредѣленнаго ряда представленій

Когда методъ одной науки повсюду примѣнимъ въ другой, но дополняется въ ней спеціальными пріемами болѣе частнаго характера, тогда вторая наука можетъ съ полнымъ основаніемъ разсматриваться, какъ частная область первой. Именно въ такомъ отношеніи находится, какъ было указано, историческая теорія познанія къ другимъ наукамъ о жизни.

Итакъ, чтобы установить историческую теорію познанія, какъ отдѣльную для нашего времени науку, слѣдуетъ выяснить спеціально ей свойственныя особенности метода, и при этомъ степень обособленія науки, очевидно, опредѣляется степенью своеобразности ея собственныхъ пріемовъ изслѣдованія

Намѣчая положеніе исторической теоріи познанія въ ряду наукъ, всего удобнѣе начать съ самаго общаго обзора этого ряда въ его цѣломъ, какимъ онъ представляется при современномъ развитіи научныхъ методовъ, когда методы эти стали историчными

Надо замѣтить, что во всякой наукѣ историческій методъ—познаніе явленій, какъ „процессовъ' въ ихъ взаимной связи—выступаетъ лишь на почвѣ достаточно развившагося статическаго метода (изслѣдованіе явленій внѣ ихъ всеобщей связи, явленій, какъ самостоятельныхъ „предметовъ"). И только благодаря историческому методу, со свойственной ему предпосылкой о всеобщей однородности явленій, науки могутъ быть сгруппированы въ такой рядъ, въ которомъ всякая послѣдующая можетъ разсматриваться, какъ болѣе частная по отношенію къ предыдущей; статическому же методу свойственно было проводить слишкомъ рѣзкія границы между науками.

Математику давно уже разсматривали, какъ общій методъ всѣхъ наукъ. Дѣйствительно для историческаго метода всегда обязательно разсматривать явленія, какъ величины (статическій считалъ себя вправѣ останавливаться нерѣдко на „качественныхъ различіяхъ" явленій, т е на такихъ, которыя признаются совершенно недоступными математическому анализу) Наоборотъ, частные методы другихъ наукъ не примѣнимы въ математикѣ, пока она остается сама собою Итакъ, математика есть наиболѣе общая изъ наукъ о природѣ Именно въ ней историческій методъ достигъ высшаго, наиболѣе законченнаго развитія (такъ называемая „аналитика", которая изслѣдуетъ величины, какъ процессы, находящіеся въ необходимой связи, взаимно обусловленные въ своихъ измѣненіяхъ)

Съ математикой все болѣе сближается общая физика, по мѣрѣ того, какъ въ ней все яснѣе выступаетъ стремленіе перейти въ чистую энергетику Она изучаетъ явленія природы уже въ меньшей абстрактности, чѣмъ мате-

матика, а именно—*какъ превращенія формъ движенія при ихъ взаимодѣйствіи* Сюда же надо отнести теоретическую химію; это—наука о превращеніяхъ „матеріи", поскольку они не сводятся еще къ превращеніямъ энергіи,—наука, въ извѣстномъ смыслѣ, „остаточная"; ея стремленіе слиться съ энергетикой, хотя и выступаетъ уже весьма ясно, но завершится, вѣроятно, значительно позже, чѣмъ для физики.

Далѣе, слѣдуетъ біологія—наука о формахъ жизни, о формахъ борьбы за существованіе. Методъ біологіи характеризуется *принципомъ подбора*, который она прибавляетъ къ общимъ методамъ математики и физики Сущность его заключается въ представленіи о томъ, что *переживаніе и гибель возникающихъ формъ жизни совершаются закономѣрно*, въ зависимости отъ ихъ отношенія къ средѣ; отсюда—стремленіе разсматривать всѣ измѣненія формъ жизни, какъ процессы ихъ развитія или деградаціи, т е возрастанія или уменьшенія для нихъ возможности сохраниться въ борьбѣ за существованіе

Болѣе частной біологической наукой является психологія. Ея *объективное* опредѣленіе, какъ мы видѣли таково: это ученіе о двигательныхъ реакціяхъ организмовъ Специальной особенностью этой біологической области является, какъ мы видѣли, роль *психическаго подбора* въ выработкѣ новыхъ приспособленій, поэтому и со стороны метода психологія должна характеризоваться точкой зрѣнія „психическаго подбора". А такъ какъ процессы психическаго подбора двигательныхъ приспособленій совершаются въ сферѣ сознанія, и сами наблюдаются непосредственно въ видѣ „актовъ сознанія", чѣмъ они и отличаются отъ другихъ процессовъ внутренняго подбора,—то съ принципомъ психическаго подбора необходимо связывается „методъ самонаблюденія", который имѣетъ дѣло съ выраженіемъ въ „сферѣ сознанія" совершающихся измѣненій психики.

Слѣдующимъ звеномъ ряда является далеко еще не сложившаяся, мало разработанная *соціальная зоологія*—наука о психологіи совмѣстной борьбы организмовъ за ихъ существованіе. Вѣроятно, ея методологическія особенности будутъ мало отличаться отъ тѣхъ, которыми характеризуется слѣдующая въ ряду, болѣе частная наука—социологія.

Ученіе объ общественно-трудовой борьбѣ людей за ихъ существованіе имѣетъ своей характеристикой принципъ общественнаго подбора; именно этотъ принципъ способенъ дать логическую основу для примѣненія такъ называемаго абстрактнаго метода, свойственнаго данной наукѣ. Но объ этомъ болѣе подробно придется говорить въ дальнѣйшемъ

Одной изъ общественныхъ наукъ является ученіе о познаніи—системѣ

приспособленій для пластики и координаціи общественныхъ формъ борьбы за существованіе Выясненіе метода этой возникающей науки и будетъ предметомъ послѣдующаго изложенія

Данная характеристика научныхъ методовъ—я прошу читателя особенно обратить на это вниманіе—не есть общепринятая формально, и тѣмъ не менѣе это—дѣйствительно о б щ а я характеристика Дѣло вотъ въ чемъ. И теперь найдется не мало біологовъ, которые не хотятъ признавать формулы подбора, однако, изслѣдуя какой-нибудь организмъ, органъ, ткань и т. под., они постоянно вынуждены разсматривать свой объектъ съ точки зрѣнія его мѣста и значенія въ жизненной борьбѣ· въ какихъ отношеніяхъ и въ какой мѣрѣ данная форма устроена цѣлесообразно или нецѣлесообразно, т. е. приспособлена или неприспособлена къ объективнымъ условіямъ своей жизни, а это и есть точка зрѣнія подбора, ибо такое изслѣдованіе было бы не мыслимо безъ представленія о закономѣрности сохраненія и гибели формъ Стало быть, въ этомъ случаѣ принципъ подбора господствуетъ надъ работой біолога не какъ формула, а какъ ф о р м а м ы ш л е н і я, т. е какъ тенденція познанія.—Точно также психологъ можетъ находить совсѣмъ неудачной формулу психическаго подбора; однако, изслѣдуя мѣсто и значеніе данной психической формы въ общей жизни психики, онъ необходимо стремится выяснить степень соотвѣтствія или несоотвѣтствія этой формы съ внѣшними и внутренними отношеніями психики; а это соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе находитъ свое непосредственное выраженіе именно въ процессахъ психическаго подбора; стало быть, психологъ принужденъ постоянно имѣть ихъ въ виду при историческомъ изслѣдованіи своего предмета, хотя бы самъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ этомъ.

Въ развитіи науки всегда приходится наблюдать, что методъ раньше примѣняется, чѣмъ изслѣдуется и формулируется: и, здѣсь, какъ вездѣ, практика идетъ впереди познанія, потому что она даетъ ему матеріалъ, а не наоборотъ Ученіе о научныхъ методахъ, какъ и вообще ученіе о познаніи—наиболѣе отсталая наука.

Анализъ спеціальныхъ методовъ исторической теоріи познанія можно сдѣлать только по выясненіи нѣкоторыхъ общихъ методологическихъ положеній, относящихся ко всѣмъ наукамъ вообще, и въ особенности къ наукамъ общественнымъ

2. Дедукція въ различныхъ наукахъ

Индукція и дедукція не представляютъ изъ себя отдѣльныхъ научныхъ методовъ, это — два неразрывно связанныхъ между собою момента одного метода. Всякій научный методъ можетъ быть разложенъ —въ абстракціи— такимъ образомъ, что явится въ видѣ опредѣленнаго сочетанія индукціи и дедукціи.

Основное различіе индукціи и дедукціи заключается, собственно, не въ томъ, что первая идетъ отъ частнаго къ общему, а вторая отъ общаго къ частному; оно заключается въ томъ, что въ первой дѣло идетъ о непосредственно-точномъ, о „положительномъ“ познаніи, во второй—о познаніи „гипотетическомъ“, выходящемъ за предѣлы непосредственной наличности фактовъ

Это значитъ вотъ что Если изъ 10 однородныхъ наблюденій дѣлаютъ индуктивный выводъ—обобщеніе, то къ чему, собственно, относится этотъ выводъ? Въ своей непосредственной точности онъ относится только къ тѣмъ 10 наблюденіямъ, изъ которыхъ полученъ, и ни къ чему больше Однако, ему дается такая форма выраженія, въ которой подъ него подводится всякій случай, однородный съ этими 10-ю. Ясно, что уже здѣсь рядомъ съ „положительнымъ“ моментомъ познанія (выводъ, поскольку онъ простирается на данныя 10 наблюденій) выступаетъ и „гипотетическій“ (тотъ же выводъ, поскольку онъ распространяется на всѣ однородные случаи).

Вообще, „положительный“ или „индуктивный“ моментъ познанія обозначаетъ здѣсь тѣ случаи познавательной пластики, когда изъ познавательныхъ формъ болѣе частнаго характера образуются новыя формы обобщенія (и различенія); моментъ „гипотетическій“ или „дедуктивный“—ту пластику, которая заключается въ „подведеніи“ данныхъ формъ познанія подъ формы болѣе общія, съ которыми первыя раньше не находились въ такого рода связи

Замѣтимъ, что не можетъ быть никакого вопроса о томъ, который изъ этихъ моментовъ реально является болѣе важнымъ: оба они—только абстракціи отъ единаго процесса познанія. Безъ своего гипотетическаго момента познаніе превратилось бы въ nonsens: обобщеніе 10 уже пережитыхъ случаевъ не имѣетъ никакого смысла, если остается безъ всякаго отношенія къ 11-му, 12-му и т д. однороднымъ случаямъ, которые встрѣтятся въ дальнѣйшей практикѣ. А безъ момента „положительнаго“, т е. непосредствен-

ныхъ обобщеній реальнаго опыта, познаніе, очевидно, не можетъ и возникнуть.

Теперь намъ надо остановиться на „гипотетическомъ“ моментѣ познанія Въ главѣ о монистической тенденціи сознанія уже была выяснена био-психологическая основа выражающагося въ немъ стремленія — всякій новый фактъ подводитъ подъ обобщенія сходныхъ съ нимъ фактовъ пережитыхъ. Но теперь для насъ важно не это, а другое, —именно то, что въ самой формулировкѣ всякаго индуктивнаго вывода заключается, несомнѣнно, г и п о т е з а, и что гипотеза эта представляетъ въ то же время в о з м о ж н о с т ь д е д у к ц і и (ибо если сложившееся обобщеніе примѣняютъ къ новому частному случаю, то это уже дедукція). Даже болѣе того—если принять во вниманіе общественный характеръ познанія, то здѣсь окажется не одна возможность дедукціи, не одно стремленіе къ ней, а е я ф а к т и ч е с к о е осуществленіе Если обобщеніе, которое одной особью установлено на данныхъ 10 фактовъ, сообщается другой особи, то въ ея психикѣ оно относится уже къ другимъ однороднымъ фактамъ, къ фактамъ ея личнаго опыта; а это равняется выполненной дедукціи.

Указанная нами элементарная форма дедукціи играетъ громадную роль во всѣхъ наукахъ. Возьмемъ, напр , математическое положеніе „сторона треугольника всегда меньше суммы двухъ другихъ сторонъ“—и разсмотримъ, какимъ способомъ оно возникло. Изъ безчисленнаго множества частныхъ фактовъ сложилось и упрочилось въ общественной жизни обобщеніе такого содержанія: между двумя точками существуетъ только одно кратчайшее разстояніе. Это кратчайшее разстояніе называютъ „прямой линіей“; и именно изъ такихъ линій составляется фигура „треугольника“ Но если каждая сторона треугольника есть прямая, т. е. кратчайшее разстояніе между своими крайними точками, то очевидно, что достаточно подвести представленіе о какомъ бы то ни было частномъ треугольникѣ подъ указанное обобщеніе, чтобы получить дедуктивный выводъ, что разстояніе между двумя точками, представляемое одной стороной треугольника, есть кратчайшее, а разстояніе между тѣми же двумя точками, представляемое суммой двухъ другихъ сторонъ, не есть кратчайшее, т е больше первой стороны.

Изъ основной формы дедукціи возникаетъ множество производныхъ. Напр., большинство силлогизмовъ сводится къ такой пластикѣ: понятіе A подводится подъ обобщеніе B; и если это обобщеніе входитъ въ обобщеніе высшаго порядка C, то между A и C можетъ также установиться прямая ассоціативная связь, какъ между частнымъ и общимъ, связь, выражаемая

предположеніемъ A есть C (Гай—человѣкъ, человѣкъ—существо смертное; Гай—существо смертное).

Дедукція становится все болѣе и болѣе сложной, если къ одному обобщенію присоединяется другое, третье, четвертое, которыя относятся къ той же области фактовъ, или хотя отчасти ее захватываютъ. При этомъ чаще всего складывается такая форма дедукціи путемъ сопоставленія данныхъ обобщеній отграничивается та область фактовъ, въ которой всѣ эти обобщенія примѣнимы вполнѣ, и затѣмъ они совмѣстно прилагаются къ этой области фактовъ Напр въ равнобедренномъ треугольникѣ углы при основаніи равны, а въ прямоугольномъ сумма острыхъ угловъ равна прямому. Двѣ сферы фактовъ, охватываемыхъ этими обобщеніями, имѣютъ общую область. прямоугольные равнобедренные треугольники Къ нимъ примѣнимы оба положенія, т е ихъ острые углы равны и въ суммѣ составляютъ прямой, иначе говоря, каждый острый уголъ прямоугольнаго равнобедреннаго треугольника равенъ $^1/_2$ прямого—выводъ дедуктивный

Намъ нѣтъ надобности разбирать здѣсь многочисленныя и разнообразныя формы той познавательной практики, которая называется дедукціей, всѣ онѣ представляютъ лишь болѣе или менѣе сложныя комбинаціи простѣйшихъ дедуктивныхъ процессовъ, какими сопровождается, какъ было выяснено, всякая индукція.

Существенно одно· всякая дедукція гипотетична, когда она даетъ намъ что-нибудь новое, что не было дано въ прямомъ опытѣ, и перестаетъ быть гипотезой лишь тогда, когда выдержитъ повѣрку на фактахъ (всеобщій критерій истины) [1]) И въ то же время дедукція **необходимый, постоянный** элементъ всякаго познанія, безъ нея никакое познаніе не было бы истиной, потому что безъ нея оно безполезно.

Въ различныхъ наукахъ относительное значеніе дедукціи различно, но всегда громадно; напр , вся математика представляетъ сплошную дедукцію

---

[1]) Я подчеркиваю дедукція гипотетична, когда даетъ что-нибудь **новое**, что не было дано въ опытѣ Конечно, если въ силлогизмѣ посылки установлены **вполнѣ**, то его заключеніе—не гипотеза, но за то въ немъ нѣтъ тогда и ничего новаго Если вполнѣ установлено, что всѣ люди (и Гай въ томъ числѣ) смертны, то силлогизмъ о Гаѣ ничего не прибавляетъ къ тому, что мы знали. Строгая математическая дедукція, конечно, приводитъ не къ гипотезамъ, если не гипотезы—основныя положенія, аксіомы и постулаты, но вѣрность этихъ основныхъ положеній именно тѣмъ и устанавливается, что всѣ изъ выводы соотвѣтствуютъ дѣйствительности Если бы какой-нибудь выводъ математики не оправдался на опытѣ, то пришлось бы измѣнить основныя положенія (на такой мысли основана, напр , не-Евклидова геометрія Лобачевскаго)

изъ немногихъ эмпирическихъ положеній. Для общественныхъ наукъ характерной является опредѣленная форма дедукціи—абстрактный методъ.

3 Абстрактный методъ въ общественныхъ наукахъ.

Когда физикъ хочетъ опредѣлить законъ вліянія одного процесса на другой, то онъ старается устранить въ своемъ опытѣ всякія усложняющія условія, всякія побочныя для его цѣли вліянія; этого онъ достигаетъ различными приспособленіями, нерѣдко—весьма сложными аппаратами. Такими способами физикъ получаетъ рядъ обобщеній относительно того, какъ измѣняются формы при такихъ-то или такихъ-то простѣйшихъ условіяхъ. Комбинируя эти обобщенія, изслѣдователь можетъ создать рядъ дедукцій относительно взаимодѣйствія при болѣе сложныхъ условіяхъ, сразу объединяющихъ условія нѣсколькихъ различныхъ опытовъ

Въ иномъ положеніи соціологъ Во-первыхъ, ему почти совсѣмъ нельзя дѣлать экспериментовъ, въ которыхъ онъ, какъ физикъ, самъ управлялъ бы выборомъ условій. онъ можетъ дѣлать только наблюденія Во-вторыхъ, при этихъ наблюденіяхъ ему почти никогда не приходится имѣть дѣла съ условіями достаточно простыми. передъ нимъ жизнь общества во всей ея конкретности, во всей тѣснѣйшей связи ея безчисленныхъ элементовъ. Во всякомъ данномъ наблюденіи налицо имѣется рядъ вліяній изъ самыхъ различныхъ сферъ общественнаго бытія, и вліяній не такихъ ничтожныхъ, чтобы ими можно было пренебречь въ изслѣдованіи Такимъ образомъ у соціолога непосредственныя эмпирическія обобщенія имѣютъ слишкомъ конкретный характеръ, они не представляютъ простыхъ элементовъ, отъ которыхъ можно было бы итти къ болѣе сложнымъ сочетаніямъ. Эти обобщенія не объясняютъ общественной жизни, а только описываютъ ее; ибо объясненіе должно сводить сложное къ простому, а не оставлять его неразложеннымъ [1])

---

[1]) На этомъ положеніи стоитъ остановиться, хотя это и будетъ небольшимъ уклоненіемъ въ сторону Необходимость объяснить сложное черезъ простое, а не черезъ сложное вытекаетъ изъ тенденціи къ наибольшей возможной производительности затратъ энергіи Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ два различныхъ случая, изъ которыхъ въ одномъ психика располагаетъ рядомъ простыхъ реакцій (двигательныхъ или подражательныхъ, это все равно), соотвѣтствующихъ опредѣленнымъ простымъ условіямъ, въ другомъ же имѣется рядъ сложныхъ реакцій, соотвѣтствующихъ сложнымъ сочетаніямъ условій Напр., одна психика обладаетъ реакціями A, B, C, D на внѣшнія вліянія α, β, γ, δ , а другая—реакціями AMN, BRS, CT. на вліянія $\alpha\gamma\delta$, $\beta\gamma$. Теперь, пусть возникаетъ необходимость регулировать (въ смыслѣ внѣшняго

Итакъ, если соціологъ желаетъ **объяснить** общественныя явленія, то онъ непремѣнно долженъ исходить при этомъ изъ положеній, соотвѣтствующихъ простѣйшимъ сочетаніямъ условій. Но такихъ простѣйшихъ условій не дано ему въ его личномъ опытѣ,—стало быть, онъ не можетъ прямо получить и подходящихъ обобщеній Отьуда же они могутъ взяться?

Изъ своего жизненнаго опыта соціологъ получаетъ запасъ частныхъ обобщеній относительно того, какъ поступаютъ различные люди при такихъ то и такихъ то условіяхъ. Обобщенія эти отличаются весьма конкретнымъ характеромъ, и по сложности тѣхъ условій, къ которымъ относятся, даже далеко не всегда бываютъ отчетливо формулированы. И вотъ они то должны стать базисомъ для дедуктивныхъ выводовъ о томъ, какія формы человѣческихъ дѣйствій соотвѣтствуютъ опредѣленнымъ простѣйшимъ условіямъ (которыя, вообще говоря, являются чисто гипотетическими, и выбираются въ зависимости отъ задачъ изслѣдованія)

Но какъ получить такіе выводы? На сцену выступаетъ „абстрактный методъ“ общественныхъ наукъ, тотъ самый методъ, который Смитъ и Рикардо примѣняли въ политической экономіи, Марксъ, кромѣ того,—въ анализѣ фетишистическихъ формъ мышленія. Это—въ высшей степени сложная познавательная пластика.

Пусть въ одномъ случаѣ даны условія A, B, C, при которыхъ процессъ Z протекаетъ опредѣленнымъ образомъ. Въ другомъ случаѣ условія тѣ же, только C выражено въ меньшей степени; при этомъ Z протекаетъ, разумѣется, нѣсколько иначе. Выяснимъ, **въ какомъ направленіи** измѣняется форма процесса Z, когда значеніе C уменьшается Напр., форма Z слагалась изъ элементовъ α, β, γ, δ, и съ уменьшеніемъ C уменьшилось γ. Такимъ образомъ установлена **тенденція** измѣненія формы Z съ частнымъ устраненіемъ условія C. Представивши эту тенденцію доведенной до ея предѣла (въ данномъ случаѣ—до окончательнаго устраненія γ), получаемъ дедуктивный выводъ о томъ, какъ долженъ протекать процессъ Z при болѣе простыхъ, не наблюдаемыхъ въ опытѣ условіяхъ A, B Этотъ выводъ вѣренъ, конечно, только въ томъ случаѣ, если тенденція установлена вѣрно, и тогда онъ представляетъ изъ себя пригодную для изслѣдователя абстрак-

---

движенія или познанія) на новое сочетаніе условій, напр α/δ Въ какомъ случаѣ легче создается новая психическая реакція? Въ общемъ и среднемъ, конечно тогда, когда она слагается прямо изъ простѣйшихъ элементовъ, а не тогда, когда матеріаломъ для нея служатъ готовыя сложныя сочетанія, въ которыхъ многіе элементы совсѣмъ не подходятъ къ данному условію, и потому при пластикѣ должны быть выдѣлены и устранены психическимъ подборомъ

цію. Вмѣстѣ съ другими подобными абстракціями полученный выводъ можетъ затѣмъ послужить матеріаломъ для дальнѣйшихъ абстракцій, соотвѣтствующихъ еще болѣе простымъ условіямъ Выяснивъ, напр., ту тенденцію измѣненія, которая соотвѣтствуетъ устраненію B изъ даннаго комплекса условій, можно соединить ее съ той, которая получена въ нашемъ первомъ выводѣ, и тогда у насъ будетъ абстрактное положеніе относительно простѣйшихъ условій, которыя сводятся къ одному A.

Возьмемъ такой примѣръ Въ общественной жизни мы наблюдаемъ величайшее разнообразіе психическаго склада отдѣльныхъ личностей и группъ, и точно также различной является роль этихъ личностей и группъ въ системѣ производства. Мы дѣлаемъ эмпирическое обобщеніе, что при очень значительномъ различіи производственной роли людей наблюдается и весьма значительное расхожденіе ихъ психологій, и что наоборотъ—люди и группы, занятыя болѣе сходной общественно-трудовой дѣятельностью, обнаруживаютъ меньше несходства въ душевномъ складѣ. Это даетъ намъ возможность притти къ такому выводу психическая разнородность людей уменьшается вмѣстѣ съ разнородностью ихъ производственной дѣятельности; а представляя себѣ указанную тенденцію доведенной до ея предѣла, получаемъ: психическая однородность людей связана съ ихъ соціально-производственной однородностью—положеніе абстрактное.

Подобные выводы абстрактнаго метода могутъ затѣмъ дедуктивно примѣняться уже для объясненія различныхъ сложныхъ явленій общественной жизни При этомъ происходитъ и поправка абстракцій, которыя вѣдь являются гипотетичными, и тѣмъ въ большей степени, чѣмъ онѣ абстрактнѣе. Гдѣ законный выводъ дедукціи оказывается въ противорѣчіи съ дѣйствительностью, тамъ падаютъ и тѣ абстрактныя положенія, на которыхъ дедукція построена.

Въ качествѣ примѣра болѣе сложнаго абстрактнаго изслѣдованія, намъ послужитъ тотъ способъ, по которому исторически-мыслящій экономистъ можетъ прійти къ признанію закона трудовой цѣнности въ обмѣнѣ.

Прежде всего создаются эмпирическія обобщенія, что во-1) при обмѣнѣ либо предложеніе бываетъ больше спроса, либо спросъ больше предложенія, и что во-2) цѣна бываетъ ниже въ первомъ случаѣ, и выше во второмъ. Итакъ, съ относительнымъ возрастаніемъ спроса связана тенденція повышенія цѣны, съ относительнымъ возрастаніемъ предложенія—тенденція пониженія цѣны Въ абстракціи можно представить себѣ обѣ эти тенденціи доведенными до безконечно малой величины; тогда у насъ получится понятіе о цѣнѣ, соотвѣтствующей полному, въ дѣйствительности врядъ ли когда-ни-

будь наблюдаемому равенству условій для продавца и покупателя—понятіе о нормальной цѣнѣ. Эта абстракція оправдывается дальнѣйшими наблюденіями. постоянно приходится видѣть, что чѣмъ меньше оказываютъ давленія продавцы на покупателей и обратно, тѣмъ больше цѣны приближаются къ нѣкоторому предѣлу, одинаковому для даннаго товара, мѣста и времени. Итакъ, первый абстрактный выводъ сводится къ слѣдующему: для каждаго товара существуетъ опредѣленная нормальная цѣна, соотвѣтствующая тому случаю, когда устранено вліяніе спроса и предложенія, назовемъ эту норму „цѣнностью".

Далѣе, надо изслѣдовать величину нормальной цѣны при различныхъ условіяхъ. И здѣсь констатируется опредѣленная тенденція измѣненій. цѣнность понижается съ повышеніемъ общественной производительности труда, т е, съ уменьшеніемъ количества общественнаго труда, употребляемаго на производство товара. Представляя эту тенденцію продолженной до безконечности, находимъ, что для товара, на производство котораго совсѣмъ не тратится общественнаго труда, цѣнность равна нулю. Если эта тенденція есть е д и н с т в е н н а я для цѣнности, то цѣнность образуется только общественнымъ трудомъ, и соотвѣтствуетъ его количеству, воплощенному въ товарѣ — Новая дедукція опять-таки подтверждается — въ извѣстныхъ предѣлахъ—самой жизнью, исходящая изъ нея познавательная и практическая дѣятельность не приводитъ къ сколько-нибудь значительнымъ противорѣчіямъ. А если нѣкоторое противорѣчіе обнаруживается, то изслѣдователь ищетъ другихъ тенденцій, или иной, болѣе точной формулировки данной тенденціи (какъ это и приходится сдѣлать въ нашемъ примѣрѣ).

На основаніи всего изложеннаго, абстрактный методъ можетъ быть характеризованъ слѣдующимъ образомъ: это методъ во-1), дедуктивный, т е. гипотетическій, и во-2), историческій, ибо онъ изслѣдуетъ общественныя явленія, какъ процессы, и ищетъ тенденціи этихъ процессовъ. Теперь надо выяснить, въ какомъ отношеніи онъ находится къ методамъ болѣе общихъ наукъ—психологіи, біологіи..

Исходная точка абстрактнаго метода—это тенденціи, которыя онъ констатируетъ въ общественныхъ процессахъ. Но тенденціи эти могутъ представлять прочную опору для познанія только въ томъ случаѣ, когда измѣненія ихъ закономѣрны Какая же это закономѣрность? Очевидно, она можетъ быть только одна: з а к о н о м ѣ р н о с т ь п р и с п о с о б л е н і я. Ибо общественный процессъ есть процессъ общественнаго приспособленія людей къ внѣшней природѣ и къ собственнымъ взаимнымъ отношеніямъ

Закономѣрность приспособленія заключается въ принципѣ подбора, по

которому формы неприспособленныя уступаютъ мѣсто приспособленнымъ Итакъ, тенденціи, которыхъ ищетъ абстрактный методъ, суть тенденціи приспособленія, тенденціи подбора общественныхъ формъ —Пояснимъ это конкретнѣе, пользуясь прежнимъ примѣромъ.

Если бы при перевѣсѣ предложенія надъ спросомъ цѣна не понизилась, то общество оказалось бы неприспособленнымъ: тогда не установилась бы пропорціональность различныхъ частей производства которая, какъ извѣстно, достигается среди анархіи производства именно при помощи спроса—предложенія; получилась бы громадная, безполезная растрата общественно-трудовой энергіи Равнымъ образомъ и отдѣльные товаропроизводители оказались бы неприспособленными къ общимъ условіямъ обмѣна, если бы не пользовались своимъ преимуществомъ при спросѣ на ихъ товаръ, превышающемъ предложеніе.—Стало быть, измѣненія цѣнъ въ зависимости отъ спроса—предложенія опредѣляются тенденціей общественнаго приспособленія. Точно также пониженіе цѣнъ при возрастаніи производительности труда есть тенденція общественнаго приспособленія; тѣ элементы общества, на психикѣ которыхъ она не отразилась бы, оказались бы неприспособленными

Итакъ, сущность абстрактнаго метода составляетъ выясненіе тенденцій подбора общественныхъ формъ въ борьбѣ общества за его существованіе.—Если припомнить, что въ предыдущемъ было установлено разграниченіе подбора всеобщаго — внѣ-соціальнаго, внутренняго подбора отдѣльныхъ организмовъ, индивидуально-психическаго и общественнаго, то является вопросъ, о какомъ именно подборѣ идетъ дѣло въ данномъ случаѣ Очевидно, тенденціи подбора индивидуальнаго—внутренняго или психическаго—не могутъ *сами по себѣ* опредѣлять процессовъ приспособленія общественнаго. Стало быть, дѣло сводится къ подбору внѣ-соціальному, объектомъ котораго является общество, какъ особая и единая форма жизни, и къ подбору общественному —подбору элементовъ этой формы въ приспособленіи къ ея цѣлому При этомъ поскольку передъ нами общество *развивающееся*, успѣшно приспособляющееся къ внѣшней природѣ, поскольку роль внѣ-соціальнаго подбора сводится всецѣло къ сохраненію общественнаго цѣлаго,—постольку изслѣдованіе должно сосредоточиваться на процессахъ специально-общественнаго подбора, и къ этимъ послѣднимъ сводится содержаніе соціологическихъ абстракцій

Примѣненіе абстрактнаго метода въ общественныхъ наукахъ, какъ видимъ, логически связано съ принципомъ подбора вообще, общественнаго подбора въ частности. Это, конечно, отнюдь не означаетъ, чтобы каждый изслѣдователь, оперирующій даннымъ методомъ, именно такъ и понималъ

его происхожденіе и содержаніе. Напротивъ, точное познаніе метода всегда является на сцену гораздо позже, чѣмъ его фактическое примѣненіе.

4. Абстрактный методъ въ исторической теоріи познанія

Теперь надо выяснить тѣ особенности, которыми характеризуется абстрактный методъ въ исторической теоріи познанія Въ зависимости отъ этихъ особенностей, должна быть установлена и степень обособленія данной науки, какъ науки самостоятельной среди другихъ общественныхъ наукъ

Прежде всего, въ глаза бросаются чрезвычайныя трудности, съ которыми абстрактный методъ принужденъ здѣсь бороться. Величайшая сложность матеріала, съ которымъ приходится имѣть дѣло предварительной индукціи, въ высшей степени затрудняетъ выработку сколько-нибудь опредѣленныхъ эмпирическихъ обобщеній, которыя должны служить основою первыхъ дедукцій.

Далѣе, въ общественныхъ формахъ познанія трудно улавливать тенденціи измѣненій также и по другой причинѣ какъ показываетъ опытъ, изъ всѣхъ общественныхъ формъ именно эти складываются наиболѣе медленно, а разъ сложившись, оказываются наиболѣе консервативны. Связь причины и слѣдствія здѣсь очень часто маскируется продолжительностью того періода, когда дѣйствіе причины остается с к р ы т ы м ъ для наблюденія· старыя формы еще долго сохраняются, когда уже исчезли породившія ихъ условія, а новымъ формамъ надо много времени, чтобы окончательно сложиться. Почему формы познанія такъ консервативны—это будетъ выяснено въ дальнѣйшемъ; пока достаточно констатировать фактъ, хорошо извѣстный всякому, кто сколько-нибудь знакомъ съ исторіей развитія идей

Крайняя сложность условій, медленность процесса приспособленія, особенный консерватизмъ формъ,—все это приводитъ къ тому, что въ историческомъ анализѣ познанія чаще, чѣмъ гдѣ-либо, имѣютъ дѣло съ формами недоразвившимися или пережившими, съ формами, которыя частью е щ е не соотвѣтствуютъ, частью у ж е не соотвѣтствуютъ даннымъ общественнымъ условіямъ

Отсюда вытекаетъ та основная методологическая особенность, которая до извѣстной степени выдѣляетъ историческую теорію познанія среди другихъ общественныхъ наукъ Абстрактный методъ выступаетъ здѣсь, такъ сказать, въ наиболѣе абстрактной формѣ На первыхъ его шагахъ ему приходится здѣсь въ наибольшей степени отвлекаться отъ фактовъ недоразви-

тости однихъ и переживанія другихъ формъ познанія То, что въ дѣйствительности выступаетъ разрозненнымъ, противорѣчивымъ, внутренно неприспособленнымъ во многихъ своихъ частяхъ,—то абстракція должна представить, сообразно тенденціямъ развитія, какъ нѣчто законченно-гармоничное, вполнѣ приспособленное къ данной системѣ условій и къ себѣ самому. Существующую неразвитую систему познанія приходится прежде всего идеализировать и изобразить вполнѣ развитой въ соотвѣтствіи съ данными внѣшними условіями А такой она является лишь въ томъ случаѣ, если представить себѣ завершенной ея монистическую тенденцію развитія. Тотъ процессъ прогрессивнаго обобщенія и различенія понятій, который устанавливаетъ гармоническую связь между частными формами познанія, завершается лишь въ длинномъ ряду поколѣній; а за это время возникаетъ новый матеріалъ познанія, обыкновенно уже не укладывающійся въ рамки прежнихъ формъ обобщенія и различенія, вообще—прежней монистической тенденціи. Тогда наряду съ прежней возникаетъ новая монистическая тенденція, и система познанія опять-таки оказывается неоднородной, являясь недоразвившейся въ однѣхъ частяхъ, переживше — въ другихъ

Итакъ, примѣненіе абстрактнаго метода въ историческомъ ученіи о формахъ познанія характеризуется тѣмъ, что формы эти постоянно разсматриваются съ точки зрѣнія монистической тенденціи ихъ развитія. Сначала дедукція стремится выяснить основныя черты данной системы познанія въ ея монистически-законченномъ видѣ—какой бы она была при данныхъ внѣшнихъ условіяхъ, если бы, находясь въ полномъ соотвѣтствіи съ ними, была организована совершенно монистически, затѣмъ выясняются въ болѣе конкретномъ послѣдованіи реальныя уклоненія отъ этой нормы, и далѣе— ихъ причины, внѣ познанія и въ немъ самомъ

Употребляя терминъ „система познанія“, я подразумѣваю не какую-нибудь индивидуально-созданную философскую или научную систему, а общественную систему познанія, т. е. комплексъ понятій, господствующихъ въ данномъ обществѣ. При этомъ понятіе общества берется, какъ относительное, именно, подъ него подводится всякая группа людей, поскольку она реально объединена сотрудничествомъ. — Такимъ образомъ, дѣло отнюдь не въ индивидуальныхъ формулахъ философіи и науки. онѣ входятъ въ анализъ лишь тогда, когда обнаруживаютъ тенденцію стать общественно-господствующими, и входятъ постольку, поскольку обнаруживаютъ эту тенденцію И границы той системы сотрудничества, того „общества“, познаніе котораго подвергается

изслѣдованію, опредѣляются различно, сообразно задачамъ изслѣдователя: это можетъ быть общественный классъ, нація, все человѣчество въ его развитіи; вообще, дѣло можетъ итти о какой угодно группѣ людей, которая объединяется и обособляется той или иной степенью совмѣстности въ борьбѣ за существованіе.

Абстрактный методъ только *начинаетъ* съ такой отвлеченности, какъ монистическая система познанія, соотвѣтствующая опредѣленной суммѣ внѣ-соціальныхъ и соціальныхъ условій. Такъ какъ его задача — *объясненіе дѣйствительности*, то отвлеченная норма—монистическая система познанія — можетъ для него служить только исходной точкой для дальнѣйшаго анализа, только методомъ дальнѣйшаго изслѣдованія.

Это дальнѣйшее, болѣе конкретное изслѣдованіе имѣетъ дѣло съ фактами недоразвитія и переживанія, маскирующими основную тенденцію. Цѣлая масса элементовъ въ системѣ познанія представляютъ изъ себя приспособленіе не къ тому сочетанію общественныхъ условій, которое дано въ настоящемъ, а къ тому, которое существовало въ прошломъ, и уже не существуетъ болѣе

Такимъ образомъ переживаютъ не только частныя формы познанія, но и частичныя *тенденціи* ихъ *измѣненій*; познаніе включаетъ не только рядъ „заблужденій", но и тенденцію къ ихъ завершенію, къ ихъ сведенію въ монистическое цѣлое. Ибо формы познанія приспособляются къ ихъ средѣ, и въ томъ числѣ къ самой непосредственной средѣ—къ другимъ формамъ познанія; а потому отдѣльныя формы познанія могутъ измѣняться, приспособляясь къ другимъ, которыя сами уже успѣли стать простымъ переживаніемъ, но еще не разрушились и не измѣнились въ соотвѣтствіи съ новыми общественными условіями Напр., приходится наблюдать, что когда уже исчезли объективныя основы метафизическаго мышленія, метафизика еще прогрессируетъ въ сферѣ самыхъ общихъ идей Передъ нами *продолженіе старой монистической тенденціи*, которая соотвѣтствовала вполнѣ только условіямъ прошлаго, но и теперь наблюдается въ познаніи, поскольку сохранились еще понятія и другія формы познанія изъ той минувшей эпохи.

Очевидно, монистическая система познанія, которая, вообще говоря, существуетъ лишь въ научной абстракціи, должна разсматриваться, какъ *элементъ* конкретной системы познанія, наблюдаемой въ дѣйствительности Всякое реальное познаніе, взятое въ цѣломъ, можетъ быть разложено на нѣсколько такихъ элементовъ, неразрывно связанныхъ между со-

бою. и переходящихъ одинъ въ другой безъ рѣзкихъ границъ. Въ головѣ напр , средняго представителя современной культуры самымъ причудливымъ образомъ переплетаются между собою первобытно-фетишистическія, метафизическія, позитивныя формы мышленія. Въ однѣхъ частяхъ системы господствуетъ одна монистическая тенденція, въ другихъ—другая, и т д., а взаимное ихъ противорѣчіе обнаруживается лишь тогда, когда элементы, подчиненные различнымъ тенденціямъ, одновременно выступаютъ въ сознаніи

Различные типы мышленія или монистическія тенденціи, существуя вмѣстѣ, не могутъ не конкуррировать между собою; поэтому абстрактный методъ долженъ на основаніи эмпирическихъ обобщеній выяснять, въ какомъ направленіи совершается замѣна однѣхъ конкуррирующихъ формъ другими Устраненіе отжившихъ формъ познанія происходитъ, какъ было указано, двумя способами: во-1) путемъ того спеціальнаго подбора, основу котораго составляетъ чисто-познавательное противорѣчіе старыхъ формъ съ новыми (способъ непосредственный), и во-2) путемъ того подбора, который основывается на практическихъ противорѣчіяхъ дѣйствія, связанныя съ элементами старой познавательной системы, оказываются нецѣлесообразными при новыхъ условіяхъ (способъ косвенный)

Нетрудно понять, что въ общемъ развитіи познанія противорѣчія практическія гораздо важнѣе чисто-познавательныхъ; эти послѣднія являются *производными*: раньше должны сложиться — очевидно, на почвѣ *практическихъ* противорѣчій—новыя формы познанія, и тогда уже онѣ могутъ вступить въ *познавательное* противорѣчіе со старыми; и кромѣ того, до настоящаго времени чисто-познавательныя противорѣчія играли въ жизни массъ вообще самую ничтожную роль.

5 Матеріалистическій моментъ въ абстрактномъ методѣ теоріи познанія

Благодаря измѣненіямъ внѣшней среды общественно-познавательнаго процесса, въ познаніи встрѣчаются и перекрещиваются различныя монистическія тенденціи. Изъ этого возникаютъ серьезныя трудности для изслѣдованія, чтобы справиться съ ними, надо имѣть какой-нибудь руководящій принципъ, на основаніи котораго можно было бы разграничивать сферы отдѣльныхъ тенденцій Такой принципъ нетрудно найти, если строго и послѣдовательно провести въ методѣ общую біологическую идею. формы познанія

суть формы приспособленія къ общественному процессу трудовой борьбы съ внѣшней природой.

Въ опредѣленную эпоху существовалъ опредѣленный комплексъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій общественной жизни, и въ соотвѣтствіи съ нимъ— система познанія съ опредѣленной, хотя не успѣвшей еще завершиться монистической тенденціей. Общественныя условія измѣняются, въ болѣе или менѣе значительной степени; въ зависимости отъ этого измѣняется система познанія, въ ней обнаруживаются новыя частныя тенденціи развитія, новая общая монистическая тенденція. Раздѣлимъ формы познанія на *болѣе частныя* и *болѣе общія*, располагая ихъ по низшимъ и высшимъ стадіямъ того *обобщающаго процесса*, который представляетъ основное выраженіе монистической тенденціи. Изслѣдуемъ, на какихъ именно стадіяхъ обобщенія можно найти первыя проявленія *новой* монистической тенденціи, на какихъ—всего больше сохраняются *пережитки* старой.

Всякій сложившійся комплексъ приспособленій—организмъ, общество, система познанія—измѣняется въ зависимости отъ измѣненій своей среды, *вслѣдствіе* этихъ измѣненій. Поэтому преобразованіе такого комплекса всегда начинается съ тѣхъ его элементовъ, которые стоятъ въ *наиболѣе непосредственномъ* отношеніи къ средѣ, которые наиболѣе непосредственно подвергаются ея вліяніямъ Это—совершенно неизбѣжный выводъ, если принять, что приспособленіе возникаетъ не само по себѣ и не само для себя, но какъ приспособленіе къ опредѣленнымъ вліяніямъ среды. Выводъ этотъ имѣетъ важное значеніе, не только для занимающаго насъ предмета, но и для всей области наукъ о жизни [1])

Для познанія, внѣшней средой является вся совокупность внѣ-познавательныхъ отношеній, соціальныхъ и не-соціальныхъ, отношеній природы общественной и внѣ-общественной Измѣненія этой среды выступаютъ для каждой отдѣльной познающей психики, входящей въ общественное цѣлое, въ видѣ ряда новыхъ внѣшнихъ вліяній; къ нимъ психика и приспособляется,—прежде всего въ рядѣ отдѣльныхъ новыхъ *воспріятій* и соотвѣтствующихъ имъ *двигательныхъ реакцій* (возникающихъ пластически). Для познанія новыя воспріятія представляютъ новый мате-

[1]) Именно этотъ выводъ долженъ составить логическую основу для матеріалистическаго пониманія исторіи, какъ я указывалъ въ предыдущей работѣ, и какъ здѣсь еще будетъ выясняться въ дальнѣйшемъ.

ріалъ, слѣдовательно, именно въ сферѣ первоначальнаго матеріала познавательныхъ формъ *прежде всего* происходятъ измѣненія, когда начинается преобразованіе всей познавательной системы Затѣмъ уже шагъ за шагомъ совершается процессъ обобщенія новаго матеріала въ каждой частной психикѣ, и его обобществленія въ соціальномъ цѣломъ—тотъ процессъ, въ которомъ воплощается новая монистическая тенденція. Исходя изъ конкретнаго матеріала познанія, новая тенденція, очевидно, раньше всего выступаетъ въ тѣхъ формахъ познанія, которыя первыми образуются изъ этого матеріала—*въ наиболѣе частныхъ* понятіяхъ, сужденіяхъ et cet

Итакъ, новыхъ „формъ мышленія", новыхъ тенденцій познавательной пластики не приходится искать прямо въ сферѣ высшихъ обобщеній, тамъ, напротивъ, старое неизбѣжно сохраняется всего дольше. И здѣсь, какъ вездѣ въ жизни, въ высшихъ сферахъ царитъ консерватизмъ, а развитіе начинается снизу. На каждомъ шагу приходится видѣть такую психологическую структуру (она, пожалуй, типична для нашего времени): въ то время, какъ весь конкретный матеріалъ жизненнаго опыта наиболѣе пригоденъ для обобщеній научно-положительнаго характера, въ сферѣ высшихъ отвлеченностей господствуетъ метафизика, а въ послѣднихъ обобщеніяхъ нерѣдко находятся даже сильные слѣды анимизма.

Уловить новую тенденцію познавательнаго развитія—дѣло весьма нелегкое, особенно вначалѣ. Во-первыхъ, именно въ сферѣ наиболѣе частныхъ формъ познанія монистическая тенденція выступаетъ въ наименѣе характерной, въ наименѣе опредѣленной формѣ: законченная формулировка этой тенденціи получается лишь въ послѣднихъ общихъ понятіяхъ и сужденіяхъ (въ категоріяхъ, всеобщихъ законахъ); въ частныхъ же формахъ познанія, съ ихъ большимъ „содержаніемъ" и малымъ „объемомъ", она маскируется безчисленными „частностями", входящими въ составъ этихъ формъ познанія, тѣми элементами различія, которыя исчезаютъ въ „категоріяхъ" и „высшихъ законахъ" Во-вторыхъ, новый матеріалъ вначалѣ, естественно, укладывается въ рамки стараго, т. е ассоціативно присоединяется къ матеріалу старыхъ понятій, при этомъ ихъ содержаніе (черты обобщенія) преобразуется, но остается связаннымъ со старою формой выраженія. Въ то время, какъ понятія измѣнились въ своей основѣ, слова остаются прежнія.

Впрочемъ, перемѣны въ содержаніи понятія выступаютъ болѣе отчетливо, если изслѣдовать болѣе сложныя и болѣе пластичныя формы познанія—сужденія, доктрины и т п. Это ассоціаціи понятій, а онѣ, конечно, должны измѣняться, разъ измѣняется самое содержаніе понятій Напр , ста-

рые термины поясняются уже новыми опредѣленіями, когда въ оболочку этихъ терминовъ одѣваются новыя понятія.

Во всякомъ случаѣ, изслѣдованіе возможно только тогда, когда самъ изслѣдователь стоитъ на гораздо болѣе высокой ступени познавательнаго развитія, чѣмъ изучаемое имъ общество. Намѣчающіяся тенденціи познавательнаго развитія могутъ быть констатированы и правильно характеризованы только въ томъ случаѣ, если изслѣдователь пережилъ ихъ въ болѣе полной мѣрѣ, чѣмъ онѣ выступаютъ въ анализируемой системѣ познанія.

Итакъ, частныя понятія слѣдуетъ разсматривать, какъ область начальныхъ моментовъ познавательнаго развитія, а понятія высшія— какъ область вторичнаго развитія, опредѣляемаго развитіемъ частныхъ понятій. Такова „матеріалистическая предпосылка абстрактнаго метода“. Но ее надо понимать строго исторически.

Пусть измѣненія произошли не во всей обширной сферѣ частныхъ формъ познанія, а въ какой-нибудь отдѣльной ея области, какъ это бываетъ тогда, когда техническій прогрессъ со значительной силой захватываетъ только одну какую-нибудь сферу производства. Отъ первоначальныхъ измѣненій исходятъ другія, которыя распространяются по направленію обобщающаго процесса; наконецъ, преобразуются такимъ путемъ даже послѣднія обобщенія (категоріи, высшіе законы). Тогда не только очень вѣроятно, но отчасти даже неизбѣжно, что въ зависимости отъ высшихъ формъ познанія и въ соотвѣтствіи съ ними измѣняются, далѣе, формы низшія, болѣе частныя, которыя раньше не были непосредственно захвачены процессомъ преобразованія. Разъ сложилась новая форма мышленія, то въ силу монистической тенденціи подъ нее должно подводиться все познаніе, иначе оно останется противорѣчивымъ. Напр., хотя принципъ энергіи могъ первоначально сложиться только въ сферѣ одной опредѣленной группы познанныхъ фактовъ, но разъ сложившись, онъ стремится перестроить все научное мышленіе, подчинить себѣ всѣ формы познанія [1]).

[1]) Здѣсь дѣло обстоитъ такъ. Если данная монистическая тенденція, данный типъ познанія (выражаемый, напр., въ научной формулѣ принципа энергіи) совершенно необходимо складывается въ опредѣленной области существенно важныхъ для жизни общества отношеній то эта монистическая тенденція, очевидно, не можетъ уже быть устранена изъ познанія. Но если она неустранима, то все, что ей противорѣчитъ въ общей системѣ познанія, должно измѣниться, перестроиться такъ, чтобы оказаться въ гармоніи съ необходимой тенденціей, должно быть подведено подъ нее. А если этого не произойдетъ, то въ познаніи останется рядъ противорѣчій, которыя составляютъ большой минусъ жизненной энергіи. Ибо если даже въ каждомъ

Въ анализѣ исторически смѣнявшихся системъ познанія такое вліяніе новыхъ высшихъ формъ обобщенія на низшія играетъ даже, какъ увидимъ въ дальнѣйшемъ, очень важную роль Только благодаря этому вліянію могли развиться такія, сравнительно, однородныя системы познанія, какія наблюдаются на раннихъ стадіяхъ культуры.

Точный смыслъ матеріалистической предпосылки заключается въ томъ, что изслѣдователь, наблюдая новую монистическую тенденцію въ высшихъ обобщеніяхъ, обязанъ искать ея начала въ сферѣ низшихъ обобщеній, а ея причинъ—въ сферѣ непосредственныхъ отношеній человѣка къ природѣ. Но, наблюдая измѣненія въ сферѣ низшихъ формъ, онъ можетъ предполагать ихъ ближайшій источникъ и въ средѣ внѣ-познавательной, и въ области высшихъ обобщеній; только, если окажется послѣднее, то онъ обязанъ дальше прослѣдить происхожденіе новой тенденціи, отъ высшихъ обобщеній къ другой группѣ низшихъ, а отъ этихъ—опять-таки къ средѣ внѣ-познавательной.

Среда внѣ-познавательная необходимо является исходной точкой историческаго объясненія познавательныхъ процессовъ Объяснять измѣненія ихъ формъ, не выходя изъ области познанія—значило бы только толочься на мѣстѣ и ничего въ сущности не объяснять.

6 Внѣ-познавательныя основы познанія

Познаніе есть система приспособленій къ общественно-трудовой борьбѣ за существованіе, выражаясь кратко — къ „производству“. Эта борьба реально представляетъ изъ себя единый, нераздѣльный процессъ, но въ интересахъ изслѣдованія можетъ быть разграничена на двѣ основныя группы явленій. Всѣ непосредственныя воздѣйствія общественнаго человѣка на внѣшнюю природу составляютъ въ своей совокупности процессъ технической; а тѣ общественно-психическіе процессы, которые не представляютъ изъ себя прямого воздѣйствія на внѣ-соціальный міръ, образуютъ вмѣстѣ процессъ идеологической

Нетрудно понять, до какой степени относительно это разграниченіе. Во всякомъ конкретномъ человѣческомъ поступкѣ можно различить оба момента—технической, поскольку поступокъ есть дѣйствіе внѣшнее, идео-

---

частномъ случаѣ противорѣчія, напр., двухъ понятій чувствуется не очень сильно, излишняя затрата энергіи не очень велика, то вѣдь эти понятія могутъ тысячи разъ сталкиваться въ каждомъ изъ многихъ тысячъ индивидуальныхъ сознаній, и общая сумма лишнихъ затратъ энергіи окажется громадна

логическій—поскольку это дѣйствіе исходитъ изъ извѣстныхъ понятій. Всякая область человѣческой жизни имѣетъ свою технику и свою идеологію. Такъ, производство матеріальныхъ продуктовъ, кромѣ техники, которая состоитъ въ воздѣйствіяхъ на средства производства, обладаетъ своей идеологіей—комплексомъ понятій, при посредствѣ которыхъ эти воздѣйствія только и могутъ связываться въ единый, цѣлесообразный процессъ труда. Правовая, нравственная жизнь, кромѣ идеологической стороны, на которую здѣсь обыкновенно больше всего обращаютъ вниманія,—кромѣ правовыхъ и нравственныхъ понятій, имѣетъ сторону техническую—правовое и нравственное воздѣйствіе однихъ людей на другихъ [1]) Научное изслѣдованіе невозможно безъ опредѣленной техники—примѣненія приборовъ съ одной стороны, символовъ, письменныхъ знаковъ—съ другой Познаніе вообще, при своемъ, несомнѣнно, идеологическомъ содержаніи, невозможно безъ своей технической формы—рѣчи, письма, вообще—выражающихъ реальцій (которыя представляютъ изъ себя воздѣйствіе на различные элементы внѣшней природы: на атмосферу—при процессѣ рѣчи, сводящейся къ производству звуковыхъ волнъ, на соотвѣтственныя орудія труда—перо, бумагу, чернила—при процессѣ письма, и т д).

Для ученія о развитіи разграниченіе техническаго и идеологическаго процесса очень важно въ томъ отношеніи, что даетъ возможность выяснить послѣдовательность общественнаго развитія Какъ было раньше указано, во всякой системѣ приспособленій развитіе начинается съ тѣхъ ея элементовъ, которые имѣютъ наиболѣе непосредственное отношеніе къ борьбѣ за существованіе, съ тѣхъ, которые наиболѣе непосредственно подвергаются „подбирающему“ вліянію внѣшней среды Это—общее біологическое положеніе, вытекающее изъ понятія о подборѣ, какъ причинѣ развитія; въ примѣненіи къ данному случаю оно означаетъ, что формы процесса техническаго развиваются первично, формы же идеологическія опредѣляются ими въ своемъ развитіи, слѣдуютъ за ними и непрерывно приспособляются къ нимъ въ общественномъ процессѣ

---

[1]) На первый взглядъ, правовое и нравственное воздѣйствіе однихъ людей на другихъ не подходитъ подъ опредѣленіе техники—непосредственное воздѣйствіе на внѣшнюю природу Но надо помнить, что понятіе „общества“ относительно, что человѣкъ „соціаленъ“ не во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ поскольку является для общества потребность воздѣйствовать на данное лицо въ правовомъ или нравственномъ смыслѣ, поскольку, значитъ, лицо это является въ обществѣ элементомъ противорѣчія, элементомъ „внѣ-соціальной“ природы, съ которымъ общество борется, хотя бы и не суровыми средствами

Такимъ образомъ, изъ общей біологической идеи о приспособленіяхъ болѣе непосредственнаго и менѣе непосредственнаго характера выводится основное положеніе матеріалистическаго метода въ общественной наукѣ. искать первичныхъ измѣненій въ области техническаго процесса [1])

Познаніе по своему содержанію (формы обобщенія, формы различенія), представляетъ идеологическій элементъ общественной жизни. Слѣдовательно, его развитіе опредѣляется развитіемъ формъ техническихъ, формъ непосредственнаго воздѣйствія человѣка на природу

Формы техническія суть формы общественныя Слѣдовательно, каждая изъ нихъ можетъ быть разложена на индивидуально-психическіе элементы, представляетъ изъ себя комплексъ индивидуально-психическихъ формъ, взаимно-соотвѣтственныхъ, взаимно-приспособленныхъ Взаимное отношеніе этихъ индивидуально-психическихъ элементовъ общественной формы можно назвать ея соціальнымъ строеніемъ Соціальное строеніе технической формы, это то же самое, что форма сотрудничества Если, напр , данная техническая форма имѣетъ своимъ содержаніемъ выполненіе различными особями одинаковыхъ трудовыхъ процессовъ, то это можно обозначить, какъ однородную форму сотрудни-

---

[1]) Этимъ данный методъ не исчерпывается Изъ той же біологической идеи можетъ быть выведено другое основное соціологическое положеніе то, которое ближайшимъ образомъ было формулировано основателями метода въ извѣстной фразѣ о базисѣ и надстройкахъ Цѣлыя области соціальной жизни, съ ихъ техникой и идеологіей, могутъ расматриваться, однѣ—какъ первично развивающіяся, другія—какъ развивающіяся вторично Такъ, если взять общество въ его цѣломъ, то жизнь политическая, правовая, этическая, и т д, создающая внутреннюю приспособленность общества, приспособляющая одни элементы соціальнаго цѣлаго къ другимъ, выступаетъ, какъ вторичная область развитія по сравненію съ производствомъ матеріальныхъ продуктовъ, непосредственно создающимъ внѣшнюю приспособленность общества

Исторія подтверждаетъ правильность обѣихъ посылокъ метода съ одной стороны она показываетъ, что понятія измѣняются вслѣдъ за техникой и въ соотвѣтствіи съ нею, съ другой—что жизнь политическая, правовая, и т д, даже возникаетъ на почвѣ потребностей, порождаемыхъ непосредственной борьбою съ внѣшней природою, и затѣмъ развивается, слѣдуя за ихъ развитіемъ

Свой взглядъ по такому важному вопросу я позволилъ себѣ формулировать въ примѣчаніи потому, что здѣсь я нѣсколько уклонился отъ непосредственной темы изслѣдованія Подробнѣе объ единствѣ обще-біологическаго и соціологическаго метода излагалось въ предыдущей работѣ („Основн элем историч. взгляда на прир “)

Естественно, что при такихъ воззрѣніяхъ мы не можемъ признать никакой научной цѣнности за эклектической путаницей Вольтмана, который полагаетъ, что съ

чества, однородное соціальное строеніе технической формы, если взаимно связанные трудовые процессы *не сходны*, то форма сотрудничества *разнородная*, примѣромъ перваго можетъ служить трудъ двухъ пильщиковъ, которые распиливаютъ бревно, примѣромъ второго—трудъ двухъ каменьщиковъ, изъ которыхъ одинъ подаетъ кирпичи, а другой укладываетъ ихъ.

Какъ неоднородныя, такъ и однородныя формы сотрудничества подлежатъ дальнѣйшей классификаціи; но въ данный моментъ наша задача заключается не въ томъ. Надо какъ можно лучше уяснить себѣ тотъ фактъ, что *формы сотрудничества* не представляютъ чего-либо отдѣльнаго отъ техническихъ формъ, что первыя—только соціальная характеристика послѣднихъ Содержаніе тѣхъ и другихъ одно и то же, а именно—техническій процессъ Для техническаго процесса распиливанья бревна „техническая форма“ заключается въ единствѣ и отдѣльности даннаго комплекса дѣйствій вообще, во всей постоянной закономѣрности, охватывающей данныя дѣйствія двухъ людей въ ихъ взаимной связи; описывая эту „форму“, пришлось бы говорить о рядѣ прямолинейныхъ движеній въ ту и другую сторону, поочередно выполняемыхъ двумя работниками, о способѣ держать при этомъ пилу, т. д Но пусть изслѣдованіе въ извѣстный моментъ не нуждается въ полномъ представленіи всей закономѣрности даннаго техническаго процесса, а обращаетъ вниманіе только на соціальный характеръ этого процесса, на его общественную закономѣрность, на постоянныя черты взаимнаго отношенія между особями при выполненіи этого процесса: тогда предметомъ изслѣдованія является не форма техники вообще, а только форма сотрудничества. Въ нашемъ примѣрѣ ея приблизительное описаніе сведется къ слѣдующему оба пильщика *выполняютъ одинаковыя производственныя дѣйствія*, и *сознательно приспособляютъ*, каждый свои дѣйствія къ дѣйствіямъ другого (форма однородная – организованная)

Если форма вообще есть абстрактное представленіе единства и отдѣльности какого нибудь процесса, то форму одного и того же процесса можно представлять неодинаково, смотря по тому, всѣ ли вмѣстѣ черты единства и отдѣльности мы будемъ обособлять въ познаніи, или только нѣкоторыя, и какія именно Форма сотрудничества и означаетъ обособленіе въ познаніи не всѣхъ, а только нѣкоторыхъ элементовъ единства и отдѣльности техниче-

---

одной стороны какой подбора сохраняется въ обществѣ, съ другой—ограничивается „техникой и умомъ“, съ третьей—переходитъ въ „подборъ орудій“, съ четвертой—принимаетъ форму подбора „военнаго, медицинскаго, экономическаго, юридическаго, политическаго“, и т д

скаго процесса, именно—его соціальной стороны; это—соціальная характеристика даннаго проявленія трудовой дѣятельности людей

Итакъ, форма сотрудничества есть высшая степень абстракціи отъ того же реальнаго явленія, познаніе котораго выражается въ формѣ технической. Первая выражаетъ соціальное соотношеніе элементовъ второй; первая заключается во второй, а не наоборотъ.

Понятіе „формы сотрудничества", такимъ образомъ, гораздо менѣе содержательно, чѣмъ понятіе „формы технической". Чтобы еще ярче иллюстрировать различіе въ содержательности двухъ понятій, беремъ новый примѣръ.—Ремесленникъ, производящій въ городѣ земледѣльческія орудія, и крестьянинъ, доставляющій на рынокъ хлѣбъ, принадлежатъ къ одному соціальному цѣлому Ихъ дѣйствія соціально приспособлены къ ихъ общей борьбѣ за существованіе, поэтому обѣ системы дѣйствій въ ихъ совмѣстномъ единствѣ и отдѣльности могутъ познаваться какъ содержаніе одной технической формы. Этому отнюдь не противорѣчитъ чисто внѣшняя, кажущаяся независимость дѣятельности одного отъ дѣятельности другого въ общемъ процессѣ производства та и другая дѣятельность связаны неразрывно, одна не мыслима безъ другой; производство земледѣльческихъ орудій есть необходимая начальная стадія того производственнаго процесса, который завершается земледѣльцемъ, и производство хлѣба земледѣльцемъ есть необходимое условіе продолженія дѣятельности ремесленника. Форма техническая здѣсь оказывается весьма содержательна: она охватываетъ всю постоянную послѣдовательность выполняемыхъ тѣмъ и другимъ дѣйствій, всю постоянную связь этихъ дѣйствій съ опредѣленными внѣшними условіями, при которыхъ совершаются эти дѣйствія, наконецъ—взаимное соотношеніе тѣхъ и другихъ дѣйствій, какъ по количеству затратъ трудовой энергіи, такъ и по направленію—на р а з л и ч н ы е предметы внѣшней среды. Что же касается до соціальной характеристики этой технической формы, до формы сотрудничества, то она такъ мало содержательна, что ей трудно дать обозначенія, кромѣ чисто отрицательныхъ Во-1) производственная роль особей р а з л и ч н а, т. е. индивидуально-психическія формы, входящія въ составъ технической, неодинаковы: форма сотрудничества н е о д н о р о д н а я. Во-2) трудъ обѣихъ особей не является непосредственно объединеннымъ при помощи сознанія, по формѣ ихъ дѣйствія вполнѣ самостоятельны, они н е п р и с п о с о б л я ю т с я с о з н а т е л ь н о одно къ другому, они не связаны сознательной совмѣстной организаціей: форма сотрудничества н е о р г а н и з о в а н н а я Неоднородность и неорганизованность формы

технической—вотъ и все, въ данномъ случаѣ, содержаніе формы сотрудничества.

Такова та предварительная классификація, съ которой намъ придется вести дальнѣйшій анализъ. Формы техническія—это всякія формы непосредственнаго воздѣйствія соціальнаго человѣка на внѣшнюю природу; формы сотрудничества—это соціальная структура техническихъ формъ, наконецъ, формы идеологическія—это формы непрямого приспособленія людей къ общественной борьбѣ съ внѣшнею природой.

Приведенный здѣсь рядъ опредѣленій можетъ подать поводъ къ возраженіямъ уже въ силу того, что такія опредѣленія не вполнѣ обычны (хотя и не новы). Прежде всего, можетъ показаться, что этими формулами объединяются вещи весьма разнородныя, и наоборотъ, разграничиваются явленія весьма близкія между собою. Техника рѣчи, техника микроскопическаго изслѣдованія укладывается въ одну категорію съ техникой пахания земли; между тѣмъ въ такомъ нераздѣльномъ явленіи, какъ актъ обмѣна, приходится выдѣлить съ одной стороны моментъ техническій—матеріальное перемѣщеніе товаровъ, денегъ, векселей—съ его формой сотрудничества—взаимное отношеніе дѣятельности различныхъ людей при этомъ перемѣщеніи,—съ другой стороны, моментъ идеологическій—измѣняющіяся при этомъ понятія людей о правѣ собственности того или другого изъ нихъ на тотъ или другой товаръ. Не является ли разграниченіе слишкомъ искусственнымъ—слишкомъ тонкимъ, и въ то же время во многихъ случаяхъ недостаточнымъ?

Всякое познавательное разграниченіе правильно постольку, поскольку оно является цѣлесообразнымъ въ изслѣдованіи; стало быть, степень его пригодности можетъ опредѣляться лишь въ зависимости отъ той задачи, которую ставитъ себѣ изслѣдователь.—Въ нашемъ случаѣ задача заключается въ выясненіи той связи развитія, которая существуетъ между формами познанія и ихъ жизненной средой—явленіями внѣ-познавательными. При этомъ, какъ ближайшая среда, къ которой непосредственно приспособляется познаніе, были выдѣлены явленія соціальной борьбы за существованіе; и это было сдѣлано на томъ основаніи, что познаніе есть система приспособленій для пластики и координаціи формъ общественно-трудового процесса Проявленія общественнаго процесса многочисленны и разнообразны; требуется классификація ихъ для изслѣдованія генезиса и развитія формъ познанія: очевидно, что въ каждой категоріи этой классификаціи должны быть объединены такіе элементы процесса, которые стоятъ въ одинаковомъ отношеніи къ генезису и развитію познанія, какъ бы эти элементы ни были различны въ другихъ отношеніяхъ, и должны быть раздѣлены такіе эле-

менты, которые стоятъ въ различномъ отношеніи къ предмету изслѣдованія, какъ бы тѣсно ни связывались они въ реальности —Ибо реальность все равно нераздѣльна, и всякое разграниченіе ея процессовъ есть лишь временно необходимая абстракція, и всякая такая абстракція законна, поскольку цѣлесообразна.

Какъ мы видѣли, критеріемъ истины для формы познанія является внѣшняя дѣятельность. съ нею связанная, изъ нея вытекающая, выражаясь точнѣе—процессы подбора, возникающіе благодаря этой дѣятельности и черезъ нее дѣйствующіе на познаніе. Отрицательный психическій подборъ, *прямо* разрушающій данную форму внѣшней дѣятельности, *косвенно* приводитъ къ разрушенію неразрывно ассоціированной съ нею формы познанія, а затѣмъ—къ замѣнѣ ея новыми, которыя складываются опять-таки на почвѣ внѣшней дѣятельности

Изъ этого видно, что *всякія формы внѣшней дѣятельности стоятъ въ одинаковомъ отношеніи къ генезису и развитію познанія*, а потому всѣ онѣ должны составлять одну категорію въ историческомъ изслѣдованіи. Идетъ-ли дѣло о производствѣ матеріальныхъ продуктовъ, о борьбѣ за тѣ или иныя общественныя формы (въ сферѣ правовой и политической жизни), или о передачѣ идей отъ одного лица другому (въ актѣ рѣчи),—во всѣхъ этихъ случаяхъ человѣкъ вступаетъ въ непосредственное общеніе съ внѣшней средою; и общеніе это ведетъ къ тѣмъ процессамъ подбора, которые управляютъ развитіемъ формъ познанія, управляютъ *черезъ посредство памѣненій въ формахъ внѣшней дѣятельности*

Поэтому вполнѣ логично связать въ одну категорію всѣ тѣ общественныя формы, содержаніе которыхъ составляютъ непосредственныя отношенія человѣка къ природѣ. Названіе же „формъ техническихъ“ удобно здѣсь, собственно, потому, что слово „техника“ употребляется какъ разъ для обозначенія методовъ внѣшней дѣятельности техника производства, распредѣленія, познанія, и т. под. Всю остальную область общественныхъ процессовъ приходится также соединить въ общую категорію явленій идеологическихъ

Такое общее разграниченіе можетъ оставаться достаточнымъ, конечно, только для начальныхъ стадій анализа, и въ дальнѣйшемъ должно уступить свое мѣсто разграниченіямъ болѣе частнаго характера.

Слѣдуетъ никогда не забывать реальной нераздѣльности процесса техническаго и идеологическаго въ общественной жизни моментъ идеологическій всегда представляетъ звено въ ряду техническихъ моментовъ, и только ради

нихъ существуетъ, какъ ихъ реальная связь. Пусть люди увидали волка и убили его; это—актъ общественной борьбы за существованіе, актъ общественно-полезнаго труда Актъ этотъ начинается съ воспріятія—момента техническаго въ томъ смыслѣ, что здѣсь люди вступаютъ въ непосредственное отношеніе къ внѣшней средѣ (недаромъ эта сторона дѣятельности допускаетъ употребленіе орудій, повышающихъ производительность затратъ энергіи, какъ очки, телескопъ и т под) Далѣе, каждый человѣкъ переходитъ къ понятію о волкѣ, объ угрожающей отъ него опасности и о возможности совмѣстными усиліями устранить эту опасность Наконецъ, въ зависимости отъ этихъ понятій, вновь выступаетъ моментъ техническій—внѣшняя дѣятельность — люди убиваютъ волка, для этого момента можно отмѣтить его соціальную характеристику—опредѣленную форму сотрудничества. И такъ какъ развитіе всегда опредѣляется измѣненіями внѣшней среды, то, очевидно, что въ центральной области процесса—въ идеологической сферѣ—оно можетъ исходить только изъ крайнихъ областей, обоихъ техническихъ моментовъ—воспріятія и воздѣйствія

7 Формы сотрудничества и монистическая тенденція.

Вопросъ о связи формъ сотрудничества и монистическихъ тенденцій познанія настолько сложенъ, что анализъ его удобнѣе вести на частномъ примѣрѣ Примѣръ, будетъ, конечно, не вполнѣ конкретный, нѣсколько схематичный—иначе онъ не былъ бы достаточно простымъ

Передъ нами соціальное цѣлое съ весьма однороднымъ строеніемъ техническихъ формъ. Въ дѣйствительности, полной однородности формъ сотрудничества никогда не наблюдается, но все-таки извѣстный типъ ихъ выступаетъ, какъ преобладающій, абстрактный же методъ принужденъ всегда начинать съ идеализаціи соціальнаго строенія, даннаго въ исторіи, чтобы затѣмъ, опираясь на полученные отвлеченные выводы, переходить къ изслѣдованію конкретныхъ явленій. — Положимъ, что соціальная однородность сводится къ раздѣленію труда организаторскаго и исполнительскаго, т. е всякое соціальное дѣйствіе слагается изъ организаторскаго дѣйствія одного члена соціальной группы и исполнительскихъ дѣйствій другихъ членовъ A распоряжается, B, C, D. дѣйствуютъ сообразно распоряженіямъ. Въ наибольшей мѣрѣ къ этому абстрактному изображенію подходитъ организація патріархально-родового общества, гдѣ другія формы сотрудничества играютъ сравнительно ничтожную роль.

Познаніе должно приспособляться къ техникѣ вообще—стало быть, и къ

ея соціальному строенію. Въ силу этого, въ нашемъ примѣрѣ всякая форма познанія, относящаяся къ соціальному дѣйствію, должна представлять изъ себя неразрывную ассоціацію понятія о дѣятельности организующей съ понятіемъ о дѣятельности организуемой. Всякая иначе построенная форма познанія соціальныхъ дѣйствій оказалась бы практически несостоятельной, не выдержала бы общественнаго подбора. Ни организаторъ не сталъ бы приказывать, если бы въ его психикѣ не было такой неразрывной ассоціаціи понятія о приказаніи съ понятіемъ объ исполненіи, ни организуемые не стали бы повиноваться,—т. е. строеніе общественнаго цѣлаго было бы не таково, какъ принято въ нашей абстракціи

При такомъ строеніи познавательныхъ формъ нетрудно выяснить направленіе монистической тенденціи ихъ развитія. Въ процессѣ обобщенія разнообразіе конкретныхъ чертъ этихъ формъ все болѣе уменьшается по мѣрѣ того, какъ процессъ идетъ дальше; и, наконецъ, оно совсѣмъ исчезаетъ въ послѣднемъ обобщеніи, и это обобщеніе выражаетъ то, что есть общаго во всѣхъ техническихъ формахъ, то, что остается, когда отхинуты всѣ различія ихъ реальнаго содержанія Остается именно соціальное строеніе техническихъ формъ, въ нашемъ примѣрѣ—ихъ постоянная двойственность Такимъ образомъ отъ конкретныхъ представленій о соціальныхъ дѣйствіяхъ людей монистическая тенденція шагъ за шагомъ приводитъ къ сужденію о двойственности по составу всевозможныхъ общественно-человѣческихъ дѣйствій, о томъ, что каждое такое дѣйствіе слагается изъ организующаго и исполнительскаго. Конечно, не обязательно въ такомъ именно видѣ должна быть выражена формула послѣдняго возможнаго обобщенія общественно-технической жизни, но необходимо таковъ долженъ быть смыслъ послѣдняго обобщенія при данной тенденціи.

Какъ было уже выяснено, монистическая тенденція, разъ она сложилась, стремится охватить не только ту область жизненнаго опыта, гдѣ она возникла, но — все познаніе. Подъ необходимыя послѣднія обобщенія сферы общественно-техническьой подводится, мало-по-малу, все богатство наличныхъ формъ познанія; совершается это, конечно, путемъ ихъ послѣдовательнаго преобразованія подъ дѣйствіемъ общественнаго подбора, а результатомъ такого преобразованія является гармоническое строеніе всей системы познавательныхъ формъ въ каждой отдѣльной психикѣ и во всѣхъ ихъ вмѣстѣ. Такимъ образомъ и всякое чисто-индивидуальное дѣйствіе начинаетъ разсматриваться, какъ сочетаніе дѣятельности организующей и организуемой; тогда уже та и другая представляются соединенными въ одной особи Возникаетъ дуалистическое понятіе о человѣкѣ Оно распростра-

няется, далѣе, и на всѣ внѣ-соціальныя явленія. Всякій предметъ въ природѣ разлагается на „душу“ и „тѣло“ [1])

Такимъ образомъ получается то однородно-дуалистическое міровоззрѣніе, которое составляетъ сущность такъ называемаго „анимизма“ или натуральнаго фетишизма.—Само собой разумѣется, что полная однородность міровоззрѣнія можетъ быть достигнута лишь за цѣлый соціальный періодъ развитія, ибо всякая монистическая тенденція осуществляется лишь весьма медленно, въ безконечномъ рядѣ явленій психическаго и общественнаго подбора [2]).

Патріархально-родовое общество, которое по своему строенію всего болѣе приближается къ схемѣ, изображенной въ нашемъ примѣрѣ, это общество характеризуется также наибольшимъ развитіемъ анимистической тенденціи Но, конечно, и тамъ эта тенденція была не единственной, а только господствующей: во всякомъ обществѣ всегда существуютъ различные типы сотрудничества, и какъ приспособленіе къ нимъ — различныя монистическія тенденціи И съ теченіемъ времени та или другая изъ нихъ въ свою очередь становится господствующимъ типомъ мышленія—поскольку получаетъ фактическое преобладаніе соотвѣтственная форма сотрудничества Поскольку же сохраняется прежній соціальный типъ производства—постолько удерживается прежній типъ мышленія. Кромѣ патріархально-родового общества, исторія знаетъ еще немало „авторитарныхъ“ общественныхъ организацій (т е. основанныхъ на рѣзкомъ отдѣленіи труда организаторскаго и исполнительскаго, на „подчиненіи“), и всѣ онѣ, являлись ли въ видѣ самостоятельныхъ обществъ (деспотіи) или классовыхъ группъ (іерархіи, бюрократіи) всегда обнаруживали особенную склонность къ анимистическому мышленію. Въ наше время организованная по тому же

---

[1]) Наличію, почему такое распространеніе монистической тенденціи на всю область опыта становится въ данномъ случаѣ необходимымъ Указанная тенденція неустранима, потому что она неизбѣжно возникаетъ въ сферѣ непосредственной борьбы общества съ внѣшней природой Всякая форма познанія, построенная не по типу этой тенденціи, будетъ сталкиваться въ психикѣ съ формами, построенными именно по этому типу, и будетъ оказываться, говоря вообще, въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ ними Но противорѣчіе означаетъ дѣятельность психическаго подбора, и вызываетъ пластику, стремящуюся къ гармоніи формъ, и это въ данномъ случаѣ можетъ достигаться лишь путемъ перестройки всѣхъ формъ, не подходящихъ къ монистической тенденціи, построенныхъ не по ея типу

[2]) Можно ли примѣнять терминъ „монистическая тенденція“ къ натуральному фетишизму—чистѣйшей и наиболѣе типичной формѣ „дуализма“? Можно, такъ какъ въ этомъ сочетаніи терминъ „монизмъ“ означаетъ лишь систематизацію формъ познанія, тенденцію къ однородности строенія и отсутствію внутреннихъ противорѣчій

авторитарному типу семья (крестьянская, мѣщанская, феодальная) продолжаетъ оставаться наиболѣе прочной опорой анимистическихъ формъ познанія

Примѣненный нами способъ абстрактнаго анализа, очевидно, приложимъ ко всякому комплексу однородныхъ формъ сотрудничества. Изъ этого вытекаетъ такое методологическое положеніе: въ процессѣ познавательнаго приспособленія къ данной техникѣ направленіе монистической тенденціи непосредственно опредѣляется соціальнымъ строеніемъ техническихъ формъ, формами сотрудничества

Выясняя, что анимизмъ есть познавательная форма приспособленія къ опредѣленному типу отношеній сотрудничества, я отнюдь не имѣлъ въ виду утверждать, что это—единственно возможная для такихъ отношеній форма приспособленія. Въ зависимости отъ всей совокупности историческихъ условій, жизненный процессъ можетъ къ одинаковому въ двухъ случаяхъ строенію среды приспособиться неодинаковымъ путемъ.—Вполнѣ возможенъ— и дѣйствительно наблюдается—такой случай, когда одна—низшая—монистическая тенденція поглощается другой, высшею, т е. соотвѣтствующей болѣе высокимъ ступенямъ развитія сотрудничества. Это возможно тогда, когда высшая форма сотрудничества включаетъ въ себя низшую, когда болѣе сложное строеніе первой можетъ быть разложено, между прочимъ, и по тому болѣе простому типу, который наблюдается во второй.

Такъ въ современномъ обществѣ рядомъ съ описаннымъ „дуалистическимъ“ типомъ организованнаго сотрудничества встрѣчается еще другой типъ организованнаго сотрудничества — назовемъ его „синтетическимъ“ Типъ этотъ, наблюдаемый въ нѣкоторыхъ демократическихъ организаціяхъ, я опишу пока лишь настолько, насколько это нужно для моей ближайшей цѣли. Въ синтетическомъ сотрудничествѣ организаторская дѣятельность не отдѣляется отъ исполнительской настолько, чтобы каждая изъ нихъ воплощалась въ особомъ лицѣ, здѣсь та и другая выступаютъ совмѣстно, сливаются такимъ образомъ, что въ общемъ процессѣ труда организаторъ и исполнитель постоянно мѣняются ролями, взаимно контролируя другъ друга Напр , когда нѣсколько человѣкъ сообща, на равныхъ правахъ ведутъ какое-нибудь дѣло, то какъ въ процессѣ обсужденія, такъ и въ процессѣ выполненія этого дѣла каждый изъ нихъ поочередно выступаетъ то въ роли организатора, то въ роли исполнителя Онъ является организаторомъ, когда даетъ другимъ указанія и совѣты, какъ вести дѣло, когда подаетъ голосъ за или противъ опредѣленныхъ дѣйствій, предлагаемыхъ другими, вообще— когда вліяетъ на общія рѣшенія, опредѣляющія ходъ дѣла. Онъ—исполни-

тель, когда участвуетъ въ непосредственномъ осуществленіи сообща принятыхъ рѣшеній, когда подчиняется выяснившейся общей волѣ

Дѣйствія организаторскія, такимъ образомъ, отдѣляются отъ исполнительскихъ, но дѣятельности того и другого рода не раздѣлены. Эта частная характеристика синтетическаго сотрудничества ясно показываетъ, что его болѣе сложная форма можетъ быть разложена и по тому типу, который описанъ въ нашемъ примѣрѣ во всякій моментъ трудового процесса организаторскій трудъ можетъ быть отдѣленъ отъ исполнительскаго. Естественно, что высшая монистическая тенденція, приспособляющая познаніе къ синтетическому сотрудничеству, можетъ оказаться подходящей формой приспособленія и для низшей формы сотрудничества, если она существуетъ рядомъ съ высшею

Въ нашемъ примѣрѣ конкретное содержаніе техническихъ формъ оказалось настолько различнымъ, что всѣ черты ихъ единства свелись исключительно къ ихъ *соціальному строенію*, къ ихъ однородной двойственности, она одна такимъ образомъ и составила все содержаніе монистической тенденціи. По мыслимъ и другой случай: въ конкретномъ содержаніи всѣхъ техническихъ формъ могутъ оказаться еще иные сходные элементы, помимо соціальнаго типа этихъ формъ; могутъ сложиться такіе *общіе методы* воздѣйствія на внѣшнюю природу, которые въ основныхъ чертахъ оказываются примѣнимы во всѣхъ видахъ внѣшней соціально трудовой-дѣятельности

Нетрудно понять, что тогда содержаніе монистической тенденціи не сведется только къ соціальному строенію техническихъ формъ, но захватитъ и другіе ихъ общіе элементы, тѣ общіе методы воздѣйствія на природу, которые играютъ роль во всѣхъ техническихъ процессахъ.—Этотъ случай, пока, мыслимъ только теоретически, но уже въ наше время соціальная жизнь даетъ много намековъ на возможность такихъ общихъ техническихъ методовъ въ будущемъ.

8 Дальнѣйшій ходъ изслѣдованія

Какъ выяснено, первые шаги абстрактнаго изслѣдованія историческиданнаго комплекса формъ познанія должны заключаться въ анализѣ соціальнаго строенія изучаемой общественной формаціи: такимъ путемъ опредѣляются монистическія тенденціи эпохи. Далѣе, выступаетъ новая задача—опредѣлить мѣсто и значеніе каждой изъ этихъ тенденцій въ общемъ развитіи познанія.

Одно руководящее положеніе для рѣшенія новой задачи у насъ уже есть. Чѣмъ дальше подниматься къ высшимъ обобщеніямъ, тѣмъ въ большей мѣрѣ выступаетъ преобладаніе *старыхъ* тенденцій, хотя бы онѣ соотвѣтствовали уже отживающимъ, уже потерявшимъ господство формамъ сотрудничества; и наоборотъ, чѣмъ ниже спускаться къ болѣе частнымъ формамъ познанія, тѣмъ сильнѣе становится вліяніе новѣйшихъ тенденцій, вновь выступающихъ формъ сотрудничества (послѣднее относится особенно къ тѣмъ областямъ познанія, которыя соотвѣтствуютъ наиболѣе развивающимся частямъ общественнаго процесса) Этотъ важный принципъ выводится, какъ было выяснено, изъ фактовъ *переживанія* и *недоразвитія* познавательныхъ формъ.

Что касается вопроса о большей или меньшей роли различныхъ монистическихъ тенденцій въ жизни познанія, то онъ рѣшается, конечно, въ зависимости отъ большаго или меньшаго объективнаго значенія соотвѣтственныхъ формъ сотрудничества Когда извѣстный типъ соціальной структуры въ сферѣ производства распространяется въ большей и большей мѣрѣ, то вслѣдъ за тѣмъ должно возрастать значеніе связанной съ этимъ типомъ монистической тенденціи Ибо, если познаніе есть приспособленіе общественной психики къ процессу производства, то въ наибольшей мѣрѣ оно должно приспособляться къ тѣмъ формамъ производства, которыя имѣютъ наибольшее значеніе.

Все это удобно было бы иллюстрировать на конкретныхъ примѣрахъ. Можно было бы, напр., прослѣдить, какимъ образомъ съ переходомъ патріархальнаго—родового или феодальнаго—общества въ мелко-буржуазное исчезаетъ анимистическая точка зрѣнія сначала въ сферѣ наиболѣе частныхъ понятій, затѣмъ въ области болѣе широкихъ обобщеній, гдѣ скоро становится замѣтною „метафизическая“ тенденція,—какъ эти измѣненія раньше всего и сильнѣе всего выступаютъ въ тѣхъ группахъ понятій, которыя берутъ свое начало въ наиболѣе прогрессивныхъ областяхъ производства, и т. д. Можно было бы также разсмотрѣть процессъ, исторически намъ болѣе близкій—прогрессивное вытѣсненіе метафизической тенденціи и послѣднихъ остатковъ анимизма новымъ типомъ мышленія, который уже намѣчается довольно ясно въ современномъ историко-энергетическомъ взглядѣ на природу, который соотвѣтствуетъ новой, „синтетической“ формѣ сотрудничества Но какъ только мы приступаемъ къ анализу этихъ явленій, мы встрѣчаемся съ новымъ затрудненіемъ.

Единство общественнаго цѣлаго не есть абсолютное единство; понятіе „общества“ относительно Рядомъ съ сотрудничествомъ выступаетъ внутри-

общественная борьба, общество распадается на соціальныя группы. Таковы по крайней мѣрѣ всѣ позднѣйшія общества, со времени разложенія родового быта и до нашихъ дней Каждая соціальная группа есть отдѣльное общество, если стоять на точкѣ зрѣнія ея борьбы противъ другихъ группъ; и всѣ группы вмѣстѣ составляютъ единое общество, если остановиться на фактѣ общественнаго сотрудничества и отвлечься отъ явленій борьбы.

Разграниченіе соціальныхъ группъ опредѣляется, какъ извѣстно, ихъ различною ролью въ производствѣ. Принимая во вниманіе этотъ фактъ, нетрудно понять, что въ предѣлахъ различныхъ группъ идеологическія формы развиваются не вполнѣ одинаково.—Правда, монистическая тенденція общественнаго развитія направлена къ полной однородности общественной психологіи, къ полному соотвѣтствію познавательной жизни особей; но вѣдь передъ нами не вполнѣ единое общество, по отношенію къ нѣкоторымъ жизненнымъ проявленіямъ оно распадается на цѣлый рядъ обществъ, и это даже не только по отношенію къ процессамъ внутри-общественной борьбы, но отчасти также и по отношенію ко многимъ другимъ производственнымъ процессамъ, въ которыхъ отсутствуетъ прямая связь сотрудничества между группами.

Поскольку отдѣльныя группы соціальнаго цѣлаго не сливаются въ общественномъ единствѣ, постольку онѣ, приспособляясь къ своимъ частнымъ условіямъ производства, должны обнаружить различныя тенденціи идеологическаго развитія Это и наблюдается въ дѣйствительности: изъ прямого жизненнаго опыта извѣстно, насколько различны типы мышленія—рентьерскій, предпринимательскій, пролетарскій, мелко-буржуазный, и т. д

Въ то же время, поскольку между различными соціальными группами существуетъ фактическое сотрудничество, постольку должна существовать постоянная тенденція къ идеологическому единству общественнаго цѣлаго, ибо успѣшное сотрудничество возможно лишь при взаимномъ пониманіи особей. Отсюда болѣе или менѣе значительное сходство познавательной жизни различныхъ соціальныхъ группъ; сходство это всего ярче выражается въ возрастающемъ единствѣ формъ рѣчи, напр , въ національномъ единствѣ языка.

Раздробленіемъ общества на соціальныя группы историческій анализъ познанія усложняется, но методъ, очевидно, долженъ остаться тотъ же Анализъ сотрудничества между соціальными группами даетъ базисъ для изслѣдованія общихъ формъ познанія, свойственныхъ всему соціальному

цѣлому, анализъ сотрудничества въ предѣлахъ каждой группы позволяетъ разобраться въ ея специальныхъ идеологическихъ тенденціяхъ

Съ эклектической точки зрѣнія при этомъ случаѣ нельзя не поднять вопроса о взаимномъ вліяніи соціальныхъ группъ въ ихъ идеологическомъ развитіи. Но это „взаимное вліяніе“ подлежитъ тому же соціальному подбору, которымъ вообще опредѣляется идеологическое развитіе каждой группы и всего общества, оно, слѣдовательно, возможно лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ соотвѣтствуетъ направленію тенденцій общественнаго подбора, а эти тенденціи въ свою очередь опредѣляются все тѣми же условіями производственной дѣятельности данной группы и соціальнаго цѣлаго. Поэтому вліяніе одной группы не вноситъ въ идеологію другой группы ничего такого, что противорѣчило бы производственнымъ отношеніямъ этой послѣдней: иначе эта группа оказывается идеологически-неприспособленной и должна общественно деградировать.

Съ той же точки зрѣнія должно вестись изслѣдованіе идеологической жизни отдѣльной личности (въ критикѣ, въ біографіи). Оно должно исходить изъ анализа спеціальной производственной роли данной особи и различныхъ отношеній сотрудничества и борьбы, въ какихъ она стояла къ другимъ особямъ своего класса и другихъ общественныхъ группъ. Ибо и особь должна въ своемъ познаніи приспособляться къ спеціальнымъ условіямъ своей общественной практики.

9 Общіе типы формъ сотрудничества и формъ мышленія

Такъ какъ характеръ монистической тенденціи познанія всего ближе опредѣляется типомъ сотрудничества особей, то разнообразіе монистическихъ тенденцій должно приблизительно соотвѣтствовать разнообразію формъ сотрудничества. А такъ какъ это разнообразіе очень велико, то пріобрѣтаетъ особенно важное значеніе для изслѣдованія цѣлесообразная классификація формъ сотрудничества Здѣсь я попытаюсь указать самыя общія, основныя разграниченія такой классификаціи, при чемъ рядомъ съ опредѣленнымъ типомъ сотрудничества буду по возможности давать характеристику соотвѣтствующаго типа мышленія (конечно, въ самыхъ основныхъ чертахъ)

а) Простѣйшая изъ извѣстныхъ намъ формъ общественности—назовемъ ее первичнымъ сотрудничествомъ—едва можетъ быть подведена подъ понятіе „сотрудничества“, это даже скорѣе стадность, а не сотрудничество. Но въ то же время это—логически необходимая исходная точка развитія всѣхъ болѣе высокихъ формъ общественности.

Первичная форма соціальнаго строенія отличается однородностью и неорганизованностью. Ея сущность заключается въ томъ, что всѣ совмѣстно живущія особи выполняютъ приблизительно *одинаковыя* дѣйствія для сохраненія своей жизни, и выполняютъ ихъ, вообще говоря, *самостоятельно*. Слѣдовательно, психическія формы общественнаго процесса приблизительно *однородны* въ различныхъ особяхъ, и въ то же время дѣйствія особей не объединены, *не организованы* въ каждомъ частномъ случаѣ Эти дѣйствія *индивидуальны* по своей формѣ, потому что орудія производства—камень, палка,—и его матеріалы—плоды, коренья, зерна, мелкія животныя,—не требуютъ координаціи одновременныхъ усилій многихъ особей. Каждая особь почти все добываетъ для себя сама, случайный же излишекъ послѣ удовлетворенія непосредственной потребности она охотно предоставляетъ всякой другой особи своей группы. Такимъ образомъ эпоха „индивидуальнаго исканія пищи“ [1]) есть въ то же время эпоха нѣкотораго своеобразнаго коммунизма; выражаясь точнѣе, тамъ нѣтъ еще ни индивидуализма, ни коммунизма, такъ какъ для эмбріональнаго состоянія общества никакая опредѣленная характеристика не можетъ быть вполнѣ подходящей опредѣленность строенія есть продуктъ долгаго развитія—это относится ко всѣмъ формамъ жизни

Само собой разумѣется, что изображенное „первичное“ строеніе общества есть лишь абстракція: такая форма общественности, правда существовала и существуетъ вмѣстѣ съ высшими формами даже до сихъ поръ; но она никогда не могла быть *единственной* для даннаго общества, а всегда играла подчиненную роль по отношенію къ высшимъ формамъ, среди которыхъ она и теперь еще отчасти сохраняется, какъ остатокъ прошлаго, какъ выраженіе недостаточнаго развитія.

Какова же должна быть монистическая тенденція познанія, соотвѣтствующая такому типу соціальнаго строенія? Ее едва ли возможно, и по меньшей мѣрѣ очень трудно установить при помощи абстрактнаго анализа, трудно для *современнаго* изслѣдователя. Дѣло въ томъ, что исходной точкой абстрактнаго изслѣдованія служатъ *эмпирическія* обобщенія, а въ данномъ случаѣ жизнь не даетъ подходящаго матеріала для обобщеній, которыя можно было бы положить въ основу анализа. Надо было бы имѣть наблюденія относительно того, какъ измѣняются формы познанія, когда распространяется и пріобрѣтаетъ господство данный типъ сотрудничества; а такихъ наблюденій нѣтъ, исторія не могла сохранить ихъ, на ея памяти эта форма общественности исчезаетъ

[1]) Терминъ Бюхера

Во всякомъ случаѣ, „первичная“ монистическая тенденція въ познаніи должна быть весьма неопредѣленная и мало-содержательная. До высшихъ обобщеній, охватывающихъ всякую реальность, она, вѣроятно, и неспособна довести познаніе, но крайней мѣрѣ у самыхъ низшихъ племенъ, у которыхъ сравнительно наиболѣе распространено первичное сотрудничество, наслѣдователи не могли констатировать и слѣдовъ высшихъ обобщеній.

b) Гдѣ возникаетъ необходимость въ прямомъ сочетаніи совмѣстныхъ усилій нѣсколькихъ человѣкъ, тамъ возникаетъ необходимость въ организованномъ образѣ дѣйствій, т. е. въ сознательномъ приспособленіи дѣйствій каждаго къ дѣйствіямъ всѣхъ. Въ простѣйшихъ случаяхъ организованность достигается безъ обособленія организаторской дѣятельности отъ исполнительской: это именно тогда, когда дѣйствія отдѣльныхъ лицъ остаются приблизительно однородными,—напр., если нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ носятъ бревна, или сразу нападаютъ на большого, но не опаснаго звѣря, и т. под. Но по мѣрѣ того, какъ группа становится многочисленнѣе, а средства производства разнообразнѣе,—необходимо возрастаетъ разнородность въ производственныхъ дѣйствіяхъ особей, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ и трудность прямого взаимнаго приспособленія индивидуальныхъ дѣйствій въ производственномъ процессѣ. Приспособленіе создается тогда въ такомъ видѣ, что организаторская дѣятельность отдѣляется отъ различныхъ видовъ исполнительской (вначалѣ лишь слабо раздѣленныхъ между собою) Дальнѣйшее развитіе этой формы сотрудничества заключается въ томъ, что какъ исполнительская, такъ затѣмъ и организаторская дѣятельность распредѣляется между различными особями въ видѣ цѣлаго ряда спеціальностей. Таково р а з н о р о д н о е о р г а н и з о в а н н о е или а в т о р и т а р н о е сотрудничество; примѣромъ основанной на немъ организаціи можетъ служить патріархальная группа кочевниковъ скотоводовъ, или болѣе сложная старо-индійская земледѣльческая община Этотъ типъ соціальнаго строенія становится преобладающимъ въ эпоху патріархально-родового быта, но и за ея предѣлами продолжаетъ играть выдающуюся, лишь постепенно уменьшающуюся роль въ жизни.

Основная познавательная тенденція авторитарнаго сотрудничества отчасти уже намѣчена въ предыдущемъ: анимистическій монизмъ. Тенденція эта оказывается нѣсколько болѣе содержательною, если ближе разсмотрѣть вліяніе соціальной разнородности, спеціализаціи на типъ мышленія.

Когда соціальныя явленія совершаются о д н о р о д н о, тогда познаніе приспособляется къ нимъ, создавая опредѣленные з а к о н ы явленій. Но какъ приспособляется оно, когда соціальные процессы выступаютъ въ р а з-

народныхъ проявленіяхъ? Тогда, будучи не въ силахъ объединить эти проявленія опредѣленной общей закономѣрностью, познаніе создаетъ формы мышленія, прямо противоположныя законамъ, формы мышленія, содержаніемъ которыхъ является *беззаконность* явленій (свобода воли, случайность).

Поясникъ это конкретнѣе. Познаніе должно приспособиться къ процессу производства, который слагается изъ отдѣльныхъ организаторскихъ и исполнительскихъ дѣйствій. Какъ тѣ, такъ и другія дѣйствія весьма разнородны въ различныхъ случаяхъ

Но въ то время, какъ всякое исполнительское дѣйствіе вполнѣ приспособляется къ тому организаторскому, за которымъ оно слѣдуетъ, вполнѣ ему соотвѣтствуетъ,—организаторскія дѣйствія не опредѣляются прямо другими дѣйствіями, не связаны съ ними непосредственно —Эти общія черты двухъ типовъ дѣйствій входятъ и въ содержаніе послѣднихъ обобщеній познанія Если раздѣленіе роли организаторской и исполнительской нашло свое познавательное выраженіе въ анимистической тенденціи, въ стремленіи разсматривать всякій предметъ познанія, какъ сочетаніе духовнаго и тѣлеснаго начала,—то указанныя черты той и другой роли приводятъ къ характеристикѣ обоихъ началъ: тѣлесное начало представляется, какъ нѣчто инертное, непосредственно обусловленное въ своихъ проявленіяхъ, въ своемъ движеніи, духовное же начало выступаетъ, какъ нѣчто „свободное“, необусловленное. Выражаясь философски, инертность становится аттрибутомъ матеріи, свобода аттрибутомъ духа [1]).

Итакъ, монистическая тенденція, свойственная авторитарнымъ формамъ сотрудничества, характеризуется, вообще говоря, представленіемъ всякой реальности, какъ сочетанія двухъ началъ, духовнаго и вещественнаго; при

---

[1]) Является ли представленіе о „свободѣ“ духа, представленіе, вытекающее, какъ видимъ, изъ опредѣленнаго типа сотрудничества, практически полезнымъ приспособленіемъ? При наличности этого типа сотрудничества—да! При социальной разнородности, при значительномъ несходствѣ психическихъ особей, каждый отдѣльный человѣкъ на основаніи своего психическаго опыта не можетъ создать себѣ представленія о постоянной закономѣрности поступковъ *другихъ* людей, играющихъ иную роль въ производствѣ Такъ какъ поступки другихъ людей предвидѣть человѣкъ не можетъ, то необходима такая форма познавательнаго приспособленія, при которой никакое *непредвидѣнное* дѣйствіе другихъ людей не оказывалось бы *вполнѣ неожиданнымъ*, не приводило бы человѣка въ состояніе полной познавательной неприспособленности (изумленіе, недоумѣніе). Такая форма мышленія есть идея „свободной воли“ т. е стремленіе разсматривать человѣческія дѣйствія, какъ *незакономѣрныя*

этомъ первое выступаетъ, какъ „свободное“ начало, второе — какъ инертное

Анимистическій типъ мышленія впервые создаетъ идею причинности, въ наименѣе совершенной ея формѣ; содержаніе этой идеи сводится къ дѣйствію одной вещи, какъ активной, на другую, какъ пассивную, связь явленій познается по образцу связи человѣческихъ дѣйствій (фетишистическое понятіе причинности)

c) Когда размѣры и разнообразіе производственной дѣятельности людей возрастаютъ до значительной величины, то единство организаторской дѣятельности, воплощаемое въ отдѣльной личности общаго высшаго организатора, такое единство становится немыслимымъ Тогда шагъ за шагомъ устанавливается, путемъ долгаго и сложнаго процесса развитія, новая форма сотрудничества—разнородное неорганизованное или анархическое. Оно характерно для такъ называемаго „мѣнового“ или рыночнаго хозяйства, для мелко-буржуазнаго и затѣмъ капиталистическаго общества Этотъ типъ соціальнаго строенія въ наибольшей мѣрѣ изслѣдованъ экономистами, и потому здѣсь можно обойтись безъ его описанія

Монистическая тенденція анархическаго сотрудничества отличается, главнымъ образомъ, своей безсодержательностью: это тенденція, направленная къ обобщеніямъ настолько отвлеченнымъ, что въ нихъ всякое конкретное содержаніе исчезаетъ, и остается лишь с л о в о, это—метафизическій типъ мышленія

И въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ видѣ долженъ познавать человѣкъ производственную дѣятельность, если она по своему соціальному строенію н е-однородна и н е-организована? При такой чисто отрицательной, б е з с о д е р ж а т е л ь н о й соціальной характеристикѣ системы производства никакая с о д е р ж а т е л ь н а я тенденція монизма не была бы прямымъ приспособленіемъ. Монистическая тенденція выражается въ наиболѣе чистомъ видѣ въ п о с л ѣ д н и х ъ обобщеніяхъ познанія. Если дѣло идетъ о познаніи техническаго процесса, гдѣ, собственно, складывается монистическая тенденція, то въ послѣднемъ обобщеніи этой области должны исчезать всѣ конкретныя различія формъ производства При этомъ какое же останется конкретное содержаніе для послѣднихъ обобщеній, если индивидуальные элементы общественной техники разнородны, и нѣтъ прямой связи между техническими дѣйствіями общественныхъ единицъ? Получаются, въ концѣ идеологическаго развитія этого типа, такія безсодержательныя обобщенія, какъ „субстанція“ (у Спинозы), „бытіе“ или „реальность“ (у новѣйшихъ

философовъ), и т. под. Эта тенденція особенно ярко выражается въ стремленіи объяснять факты „свойствами“ или „внутренними потенціями“ различныхъ предметовъ, тогда какъ эти „свойства“ и „потенціи“ представляютъ лишь отвлеченное выраженіе тѣхъ же самыхъ фактовъ, которые надо объяснить.

Къ числу частныхъ проявленій метафизической тенденціи принадлежитъ такъ называемый „товарный фетишизмъ“, спеціальная форма познанія общественныхъ отношеній, свойственная анархическому типу сотрудничества Эта форма познанія была геніально изслѣдована великимъ соціологомъ; его анализъ представляетъ едва ли не первый въ исторіи случай примѣненія абстрактнаго метода въ вопросѣ о способѣ познанія.

Выводы этого анализа сводятся къ слѣдующему. Анархическое сотрудничество въ сферѣ распредѣленія имѣетъ своимъ выраженіемъ о б м ѣ н ъ. Къ мѣновымъ отношеніямъ каждый человѣкъ долженъ приспособляться— практически, а стало быть, и познавательно. Обобщеніе постоянной закономѣрности мѣновыхъ отношеній принимаетъ форму понятія о „цѣнности“. Въ дѣйствительности эта закономѣрность выражаетъ собою, какъ извѣстно, количественныя отношенія общественнаго труда, воплощеннаго въ товарахъ Но при разнородности формъ и неорганизованности общественнаго труда, человѣкъ не можетъ связывать понятіе закономѣрности обмѣна съ понятіемъ объ общественномъ трудѣ, ибо, приспособляясь къ разнородности и неорганизованности общественнаго труда, онъ перестаетъ познавать этотъ трудъ, какъ единый, связный процессъ, а познаетъ его, какъ различные виды труда, выполняемые независимо одинъ отъ другого Благодаря такому способу познанія общественнаго процесса, человѣкъ не можетъ связать понятіе о цѣнности ни съ чѣмъ, кромѣ понятія о товарѣ: товаръ для него имѣетъ опредѣленную цѣнность с а м ъ п о с е б ѣ, а не въ силу того факта, что воплощаетъ опредѣленное количество общественнаго труда. Такимъ образомъ реальное содержаніе понятія о цѣнности устраняется изъ сознанія; и въ этомъ сказывается все та же метафизическая тенденція—къ безсодержательнымъ обобщеніямъ.

Другой примѣръ метафизической безсодержательности обобщеній—это Кантовское понятіе о „долгѣ“, высшая формулировка мелко-буржуазной нравственности. Долгъ есть долгъ, и люди должны ему повиноваться, потому что онъ есть долгъ; никакихъ больше мотивовъ, и никакихъ объясненій!

Метафизическій типъ мышленія преобразуетъ старую идею причинности Онъ сводитъ ее къ н е о б х о д и м о й с в я з и причины и слѣдствія, при чемъ между ними, кромѣ голой необходимости послѣдованія, не остается

никакого отношенія (ни количественнаго, ни качественнаго),—наиболѣе безсодержательная форма причинности

d) Господство анархическаго сотрудничества означаетъ—какъ выяснено экономистами—хроническую, а временами и весьма острую неприспособленность людей къ ихъ взаимнымъ отношеніямъ Уже сама по себѣ, эта неприспособленность, какъ таковая, требуетъ преобразованія формъ сотрудничества; а изъ ея разсмотрѣнія нетрудно вывести направленіе развитія

Мѣновое общество является, въ силу своей неорганизованности, настоящимъ міромъ противорѣчій. Процессы общественнаго подбора, благодаря этому, становятся страшно интенсивны, они требуютъ величайшей п л а с т и ч н о с т и техническихъ формъ, быстраго ихъ развитія —Но въ то же время к о н с е р в а т и з м ъ человѣческихъ психикъ не уменьшается, а возрастаетъ, поскольку усиливается р а з н о р о д н о с т ь технической дѣятельности, спеціализація особей. Чѣмъ уже становится сфера труда для каждаго спеціалиста, тѣмъ меньше пластичность его пріемовъ чѣмъ уже сфера, тѣмъ меньше найдется въ ней новыхъ внѣшнихъ вліяній, которыя давали бы матеріалъ для развитія.—И однако, спеціализація сама является условіемъ высокой техники, т е. дѣйствительной побѣды людей надъ природой.

Съ другой стороны, та же крайняя разнородность, та же спеціализація техническихъ формъ приводитъ къ такимъ значительнымъ различіямъ индивидуальностей и цѣлыхъ общественныхъ группъ, что людямъ становится еще труднѣе приспособляться другъ къ другу; неприспособленность, возникающая изъ неорганизованнаго характера производства, еще осложняется тою, которая вытекаетъ изъ разнородности особей и группъ [1])

Итакъ, новая форма сотрудничества должна устранить и неорганизованность, и разнородность... Стало быть, это сотрудничество организованное и однородное

Но вѣдь неорганизованность явилась результатомъ колоссальнаго разростанія общественнаго организма, которое сдѣлало невозможнымъ выполненіе общей организаторской дѣятельности отдѣльными особями. Стало быть, немыслимъ уже возвратъ къ индивидуально-организаторскому управленію системой производства: въ громадномъ обществѣ возможна лишь с о в м ѣ с т н а я организаторская дѣятельность; это же соотвѣтствуетъ и требованію однородности.

---

[1]) Отсюда возникаетъ рядъ приспособленій, имѣющихъ тенденцію ослаблять вліяніе этой разнородности особей и группъ, ввести ее въ тѣсныя рамки. Такими приспособленіями являются обычное право, право, нравственность, общественныя привычки, все, что въ наше время обозначаютъ общимъ терминомъ „условности“

Однако, возможно ли окончательно устранить специализацію, ограниченіе поля дѣятельности особи? Это означало бы утратить существенное условіе побѣды надъ природою. Необходима, стало быть, и специализація,—но такая, которая не нарушала бы общественной однородности и не увеличивала бы консерватизма психики.

Это возможно только однимъ путемъ: путемъ выработки *общихъ методовъ* во всѣхъ сферахъ производства, такихъ методовъ, которые требовали бы лишь небольшихъ видоизмѣненій, точнѣе даже—дополненій, для успѣшнаго примѣненія въ любой технической области —Такимъ образомъ, специализація сохранялась бы лишь въ томъ смыслѣ, что энергія различныхъ особей *направлена на различные объекты* внѣшней природы; трудъ различался бы преимущественно по результатамъ, сохраняя величайшую однородность въ своей основѣ—общемъ методѣ.

Таково *синтетическое сотрудничество* Это по всей вѣроятности, господствующая форма будущаго; но ея основы ясно намѣчаются уже въ настоящемъ. Въ современномъ машинномъ производствѣ, по мѣрѣ его развитія, различіе спеціальности соединяется со все меньшею разнородностью психологіи работниковъ. Чѣмъ болѣе совершенствуется машина, тѣмъ въ большей степени дѣятельность работника сводится къ внимательному наблюденію за механизмомъ, къ контролю его стихійной дѣятельности. При этомъ, хотя различныя машины служатъ для производства самыхъ различныхъ продуктовъ, но содержаніе труда рабочихъ становится все въ большей степени сходнымъ, психологія ихъ работы—все болѣе *однородною*.

Въ то же время самый типъ работы оказывается сходенъ скорѣе съ организаторскимъ (вниманіе, контроль, управленіе, хотя бы работою машины, а не другихъ людей), чѣмъ исполнительскимъ (механичность, отсутствіе умственнаго напряженія). Прежніе оба вида труда фактически совмѣщаются въ одномъ. Это совмѣщеніе не ограничивается областью непосредственной работы при машинахъ, но развивается дальше, стремясь охватить общественное производство въ его цѣломъ [1]) Складываются, шагъ за шагомъ, формы коллективнаго контроля надъ производствомъ, объединеніе организаторской и исполнительской дѣятельности въ широкихъ размѣрахъ (практика trade union'овъ, и т. под).

---

[1]) Тотъ же типъ сотрудничества, то въ болѣе, то въ менѣе выраженной формѣ выступаетъ во всѣхъ такъ назыв демократическихъ учрежденіяхъ, гдѣ личность, какъ часть организованнаго цѣлаго, выполняетъ то организаторскую роль (поскольку оказываетъ вліяніе на выработку общей воли), то исполнительскую (поскольку подчиняется этой волѣ, осуществляетъ ее).

Та же тенденція начинаетъ выступать въ научной техникѣ; тамъ она принимаетъ форму стремленія къ единству методовъ изслѣдованія для всѣхъ сферъ познанія, къ установленію такихъ о б щ и х ъ пріемовъ, которые въ каждой научной области оставались бы основою анализа, и только дополнялись бы болѣе частными пріемами, соотвѣтственно конкретнымъ особенностямъ данной области.

И въ технической, и въ научной дѣятельности при этомъ достигается максимум пластичности формъ приспособленія Всего ярче это выступаетъ въ томъ фактѣ, что и тамъ и здѣсь переходъ отъ одной спеціальности къ другой становится все болѣе легкимъ дѣломъ [1])

Но всѣ указанные элементы синтетическаго сотрудничества въ наше время еще далеки отъ полнаго развитія и господства.

Очевидно, что для современнаго изслѣдователя не можетъ быть и рѣчи о сколько-нибудь точномъ и полномъ выясненіи монистической тенденціи познанія, свойственной синтетическому сотрудничеству. Но уже можно констатировать, преимущественно въ мышленіи наиболѣе прогрессивныхъ общественныхъ группъ, нѣкоторые отдѣльные элементы высшаго типа познанія Очевидно, что конкретное содержаніе высшихъ обобщеній этого типа должно опредѣляться конкретнымъ содержаніемъ того о б щ а г о м е т о д а борьбы за существованіе, который составитъ основу высшей формы сотрудничества. Поэтому всюду, гдѣ обнаруживается развитіе общихъ техническихъ методовъ, слѣдуетъ искать, какая форма мышленія можетъ быть наиболѣе подходящимъ приспособленіемъ къ этимъ методамъ. Эмпирическій матеріалъ для такихъ изысканій дастъ сама жизнь, наблюденія надъ дѣйствительными измѣненіями формъ сознанія съ развитіемъ новой формы сотрудничества.

Съ развитіемъ науки все сильнѣе упрочивается тенденція разсматривать всѣ человѣческія дѣйствія, какъ в п о л н ѣ закономѣрныя, в п о л н ѣ обу-

---

[1]) Какъ было указано въ началѣ работы, отдѣльнымъ типамъ психическихъ приспособленій свойственны различныя преимущества: реальнымъ рефлекторнымъ и привычнымъ—быстрота и легкость приспособленія, пластичнымъ—его полнота и точность Повидимому, выработка общихъ методовъ борьбы съ природой стремится совмѣстить всѣ эти преимущества, ибо общіе методы—это п р и в ы ч н ы е т и п ы п л а с т и к и, позволяющіе приспособляться къ новымъ условіямъ съ большой полнотой и точностью, но также и съ наибольшей возможной быстротой и легкостью Насколько легче и быстрѣе современный инженеръ преодолѣваетъ всѣ техническія трудности, или современный охотникъ—всѣ опасности, по сравненію съ инженерами и охотниками, напр., древняго міра

словленныя Не есть ли это приспособленіе къ возрастающей однородности особей, однородности, благодаря которой дѣйствія людей при сходныхъ условіяхъ становятся все болѣе сходны, и каждый человѣкъ на основаніи личнаго психическаго опыта получаетъ все болѣе возможности предвидѣть дѣйствія другихъ людей и заранѣе приспособляться къ нимъ?

Съ развитіемъ науки усиливается стремленіе разсматривать всѣ виды человѣческой работы, какъ тожественные по существу, различные лишь по условіямъ ихъ выполненія (понятіе объ „абстрактномъ трудѣ“ у экономистовъ) Не есть ли это—приспособленіе къ возрастающему единству техническихъ методовъ въ автоматически-машинномъ производствѣ самыхъ различныхъ продуктовъ?

Съ развитіемъ науки возрастаетъ склонность людей принимать всѣ виды человѣческой энергіи и энергіи процессовъ внѣшней природы за однородные, за тожественные по существу. Не есть ли это необходимое приспособленіе къ основной технической тенденціи машиннаго производства—уменьшать затраты человѣческой энергіи путемъ примѣненія энергіи внѣшней природы?

Повидимому, во всѣхъ такихъ тенденціяхъ мышленія правильно было бы искать зачатковъ синтетическаго монизма.

10. Типы труда и типы мышленія.

Наша задача заключается въ томъ, чтобы выяснить, какъ складываются формы познанія въ зависимости отъ формъ общественнаго труда Формы общественнаго труда можно разсматривать не только со стороны ихъ соціальнаго строенія, какъ мы это дѣлали въ предыдущемъ, говоря о видахъ, „сотрудничества“; эти формы можно разсматривать также со стороны ихъ непосредственнаго содержанія, какъ виды „труда“.

Трудъ есть сознательно-цѣлесообразная дѣятельность, такъ что содержаніе этой дѣятельности опредѣляется, очевидно, тѣми сознаваемыми цѣлями, къ которымъ она направлена Поэтому характеристика „видовъ труда“ сводится къ характеристикѣ направленія, цѣлей сознательной дѣятельности

Само собой разумѣется, что цѣли эти безконечно разнообразны; и нашъ анализъ можетъ касаться только самыхъ общихъ типовъ трудового содержанія человѣческой жизни И здѣсь мы поневолѣ будемъ держаться въ рамкахъ такого же схематизма, какъ при разсмотрѣніи соціальныхъ характеристикъ труда Мы не будемъ говорить о различныхъ сферахъ обще-

ственнаго труда съ ихъ различными специальными цѣлями, сводящимися къ производству однихъ, другихъ, третьихъ, и т д —матеріальныхъ или не-матеріальныхъ продуктовъ. Мы ограничимся сжатымъ описаніемъ двухъ основныхъ направленій человѣческаго труда—направленій, которыя мы назовемъ „консервативнымъ“ и „измѣняющимъ“.

„Консервативное“ направленіе труда характеризуется тѣмъ, что трудъ стремится **сохранять, поддерживать, воспроизводить** то, что существовало раньше, и въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало раньше Такова почти вся техническая дѣятельность въ застойныхъ обществахъ—первобытныхъ, патріархально-родовыхъ, феодальныхъ Цѣли для труда непосредственно ставятся прошлымъ Человѣкъ сегодня производитъ то же, что вчера, и тѣмъ же способомъ, какъ вчера,—въ будущемъ году то же и тѣми же способами, что въ нынѣшнемъ. Если происходятъ измѣненія въ условіяхъ и результатахъ производства, то съ такой медленностью, что сознаніе не можетъ непосредственно ихъ отмѣчать [1]) Міръ „цѣлей“ такимъ образомъ слагается для человѣка изъ представленій **привычныхъ**, вполнѣ соотвѣтствующихъ воспріятіямъ раньше пережитымъ и пережитымъ много разъ. Хотя вообще трудъ всегда въ большемъ или меньшемъ количествѣ заключаетъ въ себѣ пластичныя реакціи, но сознаніе во время трудового процесса постоянно фиксировано на томъ **привычномъ, неизмѣняющемся**, которое является цѣлью.

Бываютъ также трудовые процессы иного характера, въ которыхъ цѣль не прямо дана прошлымъ,—которые направлены не къ простому сохраненію и воспроизведенію того, что уже было, и такимъ, какимъ оно было Нерѣдко человѣкъ стремится создать то, чего не было еще въ его непосредственныхъ воспріятіяхъ, измѣнить то, что въ нихъ имѣется, сдѣлать инымъ, чѣмъ оно было и есть. Представляемая цѣль труда не совпадаетъ ни съ чѣмъ, имѣющимся въ прямыхъ воспоминаніяхъ, не есть что-либо обычное, много разъ переживавшееся раньше Когда капиталистъ стремится расширить свое предпріятіе, когда техникъ старается изобрѣсти новое приспособленіе, когда рабочій добивается улучшенія въ условіяхъ труда—ни одинъ изъ нихъ не можетъ почерпнуть своихъ цѣлей прямо изъ прошлаго: но всѣхъ такихъ случаяхъ представленіе цѣли **пластически** сложилось изъ прежнихъ

[1]) Бываютъ, конечно, измѣненія быстрыя и рѣзкія, но они стихійнаго происхожденія—въ случаяхъ неурожаевъ, наводненій, пожаровъ, и т под, тогда производитель оказывается просто неприспособленнымъ, или, если понемногу приспособляется, то опять-таки стремится воспроизвести прежнія условія своей жизни, т е цѣль опять-таки непосредственно дается прошлымъ

воспріятій, не соотвѣтствуетъ ни одному изъ нихъ въ точности, является новой комбинаціей, составленной изъ ихъ элементовъ

При консервативномъ типѣ труда человѣкъ постоянно воссоздаетъ прежнія условія своего существованія, тѣ условія, къ которымъ онъ уже въ прошломъ приспособился, для которыхъ выработалъ подходящія привычныя реакціи. Но такимъ путемъ онъ въ то же время, очевидно, воссоздаетъ условія сохраненія и упроченія тѣхъ привычныхъ реакцій, которыя связаны съ этими прежними условіями. Воспроизводя прошлое внѣ себя, онъ воспроизводитъ его и въ своей психикѣ Напр., устраивая себѣ такой же домъ, какой онъ имѣлъ прежде, онъ получаетъ твердую опору для прежнихъ привычекъ, для старыхъ воспоминаній, и т. д.

Такимъ образомъ консервативный типъ труда приводитъ къ тому, что въ психической жизни громадный перевѣсъ получаютъ привычныя реакціи. Ибо не только при выполненіи труда сознаніе постоянно фиксируется на привычномъ представленіи (цѣли), а самый процессъ труда въ наибольшей части слагается изъ привычныхъ дѣйствій, но, что еще важнѣе, по завершеніи труда, въ его результатѣ получаются условія, дѣйствующія на психику въ смыслѣ поддержанія, укрѣпленія, фиксированія цѣлаго ряда сложившихся привычныхъ реакцій

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло при измѣняющемъ типѣ труда Во-первыхъ, въ центрѣ трудовыхъ реакцій здѣсь находится пластичное представленіе, которое само измѣняется за время труда, становясь все опредѣленнѣе и яснѣе (по мѣрѣ того, какъ цѣль осуществляется). Во-вторыхъ, самъ трудовой процессъ въ наибольшей мѣрѣ слагается изъ пластичныхъ дѣйствій (чѣмъ менѣе привычна, чѣмъ болѣе нова цѣль, тѣмъ менѣе пригодны привычные способы дѣйствія для ея достиженія, тѣмъ болѣе необходимы способы пластичные). Наконецъ, что всего важнѣе, въ результатѣ получаются, новыя, не пережитыя раньше условія, т е. условія, при которыхъ становятся недостаточны или даже непригодны прежнія, привычныя приспособленія, и возникаетъ необходимость въ новыхъ, пластичныхъ. Такимъ образомъ, при пластичномъ по преимуществу характерѣ самого трудового процесса, психика сверхъ того настраивается на дальнѣйшія, все новыя и новыя пластичныя реакціи, вся психическая дѣятельность все въ большей и большей мѣрѣ складывается по пластичному типу — Измѣняя свою среду, человѣкъ создаетъ себѣ измѣнчивую психику.

Консервативный и измѣняющій типы труда, а вмѣстѣ съ тѣмъ—привычный и пластичный типы психической жизни,—въ жизни постоянно смѣшиваются, существуютъ одновременно во всякой общественной формаціи

Но преобладаетъ обыкновенно одинъ изъ нихъ, и при извѣстныхъ условіяхъ такое преобладаніе бываетъ очень значительно. Такъ, въ натурально-хозяйственныхъ обществахъ трудъ измѣняющій играетъ самую ничтожную роль, имѣетъ почти безконечно малое значеніе сравнительно съ трудомъ консервативнымъ. Напротивъ, капиталистическое общество съ его бурнымъ развитіемъ всецѣло основано на господствѣ измѣняющаго труда, и непрерывно съуживаетъ область труда консервативнаго

Какимъ же образомъ познаніе приспособляется къ каждому изъ обоихъ основныхъ типовъ труда?

Очевидно, создаются формы познанія, соотвѣтствующія типу приспособляющихъ реакцій. Характеристику этихъ формъ познанія составятъ двѣ опредѣленныя монистическія тенденціи или, точнѣе, два опредѣленные типа монистическихъ тенденцій.

При консервативно-направленномъ трудѣ господствуетъ привычный типъ реакцій. Содержаніе этихъ реакцій весьма различно, и тотъ обобщающій процессъ, который составляетъ основное проявленіе монистической тенденціи познанія, восходя отъ низшихъ обобщеній къ высшимъ, долженъ все въ большей степени устранять эти различія, пока они совершенно не исчезнутъ въ послѣднемъ обобщеніи. Но тогда останется только то, что составляетъ *общую характеристику* привычныхъ реакцій Припомнимъ эту характеристику

Привычныя реакціи отличаются, по сравненію съ пластичными, прежде всего *высокой прочностью, консерватизмомъ*, а въ зависимости отъ этого—*слабою степенью различенія* условій и затѣмъ — значительной *опредѣленностью* и *самостоятельностью* Другими словами, привычныя реакціи повторяются въ *приблизительно неизмѣнныхъ* формахъ, не смотря на нѣкоторыя, иногда довольно значительныя измѣненія и различія въ вызывающихъ условіяхъ [1]); кромѣ того, онѣ совершаются весьма раздѣльно, не смѣшиваясь

---

[1]) Въ тѣхъ обществахъ, гдѣ господствуетъ привычный складъ мышленія, насъ поражаетъ чрезвычайная грубость всякихъ общественныхъ оцѣнокъ Для ортодоксальнаго католика старыхъ временъ нѣтъ никакой разницы между скромнымъ философомъ—пантеистомъ съ одной стороны, грубымъ фанатикомъ практическаго материализма—съ другой, слегка уклоняющимся отъ догмы „еретикомъ“—съ третьей, и т д всѣхъ ихъ онъ одинаково, безъ дальнѣйшихъ размышленій, подводитъ теоретически подъ опредѣленіе „врагъ святой Римской церкви“, и практически—спроваживаетъ на костеръ Такой же *недостатокъ различенія* сказывается и въ большинствѣ юридическихъ нормъ неразвитыхъ обществъ, назначающихъ одинаковыя наказанія за весьма различныя преступленія, и въ техникѣ воспитанія, которая не считается съ

между собою, сопровождаясь лишь ничтожнымъ количествомъ „сочувственныхъ“ реакцій

Въ послѣднемъ обобщеніи того ряда понятій, который дается трудовой дѣятельностью человѣка, окажется, слѣдовательно, понятіе о *непзмѣнномъ и самостоятельномъ* Повидимому, дѣло должно бы итти лишь о *приблизительно* непзмѣнномъ и *приблизительно* самостоятельномъ, ибо такова характеристика привычныхъ реакцій Но привычнымъ реакціямъ, а слѣдовательно и консервативной психикѣ, изъ нихъ складывающейся, свойственна лишь *незначительная* степень различенія, такая степень, при которой сознаніе не можетъ различить, отмѣтить ничтожныя измѣненія привычныхъ реакцій, и ихъ весьма слабо проявляющуюся несамостоятельность Такимъ образомъ, послѣднее обобщеніе данной области познанія будетъ—вполнѣ непзмѣнное, вполнѣ самостоятельное, иначе говоря, *абсолютное*

Мы знаемъ, что необходимо сложившаяся монистическая тенденція стремится подчинить себѣ все познаніе, перестроить по своему типу всѣ познавательныя формы Такъ и здѣсь, человѣческое мышленіе будетъ стремиться къ тому, чтобы весь матеріалъ представленій уложить въ рамки совершенно непзмѣннаго, совершенно самостоятельнаго, абсолютнаго. Таково *статическое* мышленіе Природа является ему, какъ совокупность отдѣльныхъ, совершенно устойчивыхъ въ своемъ существованіи „вещей“ или „предметовъ“. И даже тамъ, гдѣ явленіе никакъ ужъ не можетъ уложиться въ эти рамки, гдѣ дѣло идетъ объ *измѣненіяхъ* вещей, даже тамъ статическое мышленіе не отступаетъ. оно создаетъ непзмѣнную и самостоятельную сущность — „силу“, самостоятельное и непзмѣнное содержаніе которой заключается именно въ томъ, что она производитъ измѣненіе вещей.

Измѣняющему типу труда и пластичному строенію психики соотвѣтствуетъ противоположная характеристика Пластичныя реакціи мало консервативны, обладаютъ слабой самостоятельностью, и различеніе условій въ нихъ является наиболѣе тонкимъ Другими словами, онѣ повторяются всегда съ болѣе или менѣе значительными измѣненіями, онѣ всегда сопровождаются цѣлой свитой непосредственно палишихъ реакцій [1]),

---

личными особенностями ребенка, и въ массѣ другихъ чертъ жизни Стремленіе „индивидуализировать“ отдѣльные случаи юридической или педагогической практики, принимать во вниманіе всю совокупность частныхъ условій, есть черта *пластическаго* склада психики

[1]) Напр, съ пластически образовавшимся представленіемъ всегда ассоціируются тѣ привычныя представленія, элементы которыхъ послужили для него матеріаломъ

онѣ въ сильной степени варпируются въ зависимости отъ различія обстоятельствъ.

Послѣднимъ обобщеніемъ, завершающимъ монистическую тенденцію, окажется въ этомъ случаѣ *измѣняющееся и связное*, а въ зависимости отъ тонкаго различенія, улавливающаго переходы между явленіями и ихъ оттѣнки, также *непрерывное* Таковъ *историческій* типъ мышленія Природа представляется ему, какъ система непрерывныхъ процессовъ, взаимно сливающихся между собою.

Все, что для сознанія непосредственно является, какъ *неизмѣнное*, въ историческомъ познаніи, подчиняясь его общей тенденціи, выступаетъ, какъ повтореніе одинаковыхъ измѣненій или какъ результатъ одновременныхъ измѣненій, взаимно уравновѣшивающихъ другъ друга благодаря противоположности направленія, стало быть, какъ „подвижное равновѣсіе“ Для всего, что непосредственно является сознанію, какъ вполнѣ отдѣльное, самостоятельное, для всего этого историческое мышленіе стремится найти или пластически возсоздаетъ непрерывныя связи и переходы, объединяющіе это отдѣльное со всей остальной реальностью Вещь самая консервативная и воспринимаемая наиболѣе раздѣльно отъ своей среды, напр., алмазъ, разсматривается все-таки не какъ неизмѣнная и самостоятельная вещь; для историческаго познанія это—процессъ, различныя стадіи котораго приблизительно одинаково воздѣйствуютъ на наши чувства благодаря подвижному равновѣсію измѣняющихъ вліяній, и который непрерывными переходами, неуловимыми для нашихъ чувствъ, связанъ съ процессами окружающей среды

Статическій и историческій оттѣнокъ могутъ въ различной мѣрѣ соединяться съ тѣмъ содержаніемъ монистическихъ тенденцій, которое зависитъ отъ формъ сотрудничества. Такъ, анимизмъ соединяется въ исторіи со статикой, метафизика на раннихъ ступеняхъ развитія бываетъ статична (напр., элеаты), на позднихъ—исторична (напр , Гегель). Синтетическій типъ мышленія, вѣроятно, всегда историченъ [1]).

---

[1]) Такъ называемая „первобытная діалектика“ (Энгельсъ) отнюдь не есть историзмъ Правда, человѣкъ-дикарь представляетъ себѣ природу въ видѣ ряда *дѣйствій*, но его представленіе „дѣйствія“ отнюдь не соотвѣтствуетъ нашему представленію „процесса“ и не соединяется вовсе съ представленіемъ о связности и непрерывности Характерпческій же историзмъ не есть отраженіе этой первобытной діалектики, а результатъ гораздо болѣе высокаго развитія

(Болѣе обстоятельная характеристика статики и историзма дана въ моей работѣ „Осп элем историч взгляда на природу“, стр 10—19)

II О границахъ эклектизма

Въ рамкахъ настоящей работы не можетъ быть выполненъ дальнѣйшій анализъ типовъ труда и сотрудничества съ одной стороны, обусловленныхъ ими типовъ познанія—съ другой. Но и то, что уже изложено, нуждается въ нѣкоторыхъ поясненіяхъ, ибо представляетъ изъ себя рядъ абстракцій, далеко не вполнѣ описывающихъ непосредственную дѣйствительность въ мірѣ познанія.

Каждое данное общество, каждая данная соціальная группа, отношенія каждаго даннаго лица къ другимъ людямъ представляютъ изъ себя болѣе или менѣе сложное сочетаніе разнообразныхъ формъ сотрудничества. Такъ, въ мелко-буржуазномъ обществѣ можно констатировать господство двухъ основныхъ типовъ сотрудничества: анархическаго (связь между хозяйствами) и авторитарнаго (организація отдѣльнаго хозяйства). Современный классъ непосредственныхъ производителей живетъ въ гораздо болѣе сложныхъ отношеніяхъ: частью сотрудничество авторитарное (отдѣленіе организаторской дѣятельности отъ исполнительской) и вообще спеціализація, частью анархическое (связь рабочихъ различныхъ капиталистическихъ предпріятій), частью—синтетическое. Данное лицо можетъ быть связано съ другими въ однѣхъ областяхъ своей жизни различными формами авторитарнаго сотрудничества (напр., глава семьи—организаторъ у себя дома, исполнитель на службѣ), въ другихъ сотрудничествомъ анархическимъ (напр., то же лицо въ своей коммерческой дѣятельности, какъ покупатель и продавецъ, конкуррирующій съ другими), въ третьихъ синтетическимъ (довольно обычная форма связи между сотрудниками въ идейной борьбѣ), и т. д.

Отношенія внутри-общественной борьбы при этомъ также должны быть приняты во вниманіе въ томъ смыслѣ, что въ процессѣ этой борьбы въ предѣлахъ каждой борющейся группы складываются опредѣленныя частныя формы сотрудничества, какъ приспособленія къ этой борьбѣ (типы организацій классовой борьбы).

Точно также могутъ быть различны типы труда, наполняющаго жизнь данной группы, данной особи. Въ производственной дѣятельности прошлыхъ общественныхъ формацій трудъ консервативный господствовалъ почти безраздѣльно, мѣновое общество, проникнутое духомъ борьбы, отводитъ все болѣе значительную роль труду измѣняющему. Капиталистъ является представителемъ измѣняющаго труда, когда онъ стремится расширить и цѣлесообразнѣе организовать свое предпріятіе, или когда старается устранить своихъ конкуррентовъ; но его трудъ получаетъ консервативное напра-

вленіе, когда дѣло идетъ о борьбѣ противъ попытокъ наемныхъ рабочихъ измѣнить условія труда, или противъ попытокъ мелкой буржуазіи добиться законовъ, затрудняющихъ развитіе капитала. Мелкая буржуазія направляетъ свою дѣятельность въ консервативномъ направленіи, когда стремится удержать свое экономическое положеніе подъ натискомъ крупнаго капитала, и въ измѣняющемъ направленіи, когда старается демократически преобразовать государственно-правовыя отношенія Одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ быть ярымъ реформаторомъ въ своей общественной дѣятельности и строгимъ консерваторомъ въ семейной жизни, и т. д.

Соотвѣтственно такому разнообразію формъ труда и сотрудничества, опредѣляющихъ собою содержаніе жизни цѣлыхъ группъ и отдѣльныхъ личностей, мышленіе людей бываетъ вообще эклектично. Одинъ и тотъ же классъ, одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ въ однихъ случаяхъ представлять себѣ явленія анимистически, въ другихъ — метафизически, въ третьихъ—позитивно, въ однихъ разсматривать ихъ статически, въ другихъ—исторически. Такъ, буржуазія склонна въ наше время основныя экономическія отношенія познавать метафизически (товарный фетишизмъ) и статически (представленіе о конкурренціи, какъ вѣчномъ законѣ общественной жизни); это объясняется тѣмъ, что въ сферѣ данныхъ отношеній буржуазія живетъ среди анархическаго сотрудничества, и направляетъ свою дѣятельность консервативно Напротивъ, на политическія отношенія крупная буржуазія смотритъ обыкновенно съ весьма позитивной и исторической точки зрѣнія; и это, опять-таки, понятно, если обратить вниманіе на то, что, какъ политическая сила, буржуазія организуется обыкновенно по синтетическому типу, а ея дѣятельность въ этой сферѣ чаще всего направлялась до сихъ поръ въ сторону измѣненій.

Такого рода эклектизмъ усиливается, какъ мы знаемъ, еще болѣе въ силу фактовъ переживанія и недоразвитія, благодаря которымъ формы мышленія должны оказываться смѣшанными даже тогда, когда въ формахъ труда и сотрудничества установилась уже нѣкоторая однородность. Но на этомъ мы останавливаться не будемъ, такъ какъ это уже указывалось въ предыдущемъ.

Существуютъ и такія условія, которыя иногда усиливаютъ, а иногда ослабляютъ этотъ соціальный эклектизмъ мышленія. Таково словесное общеніе, благодаря которому одни классы и личности усваиваютъ формы мышленія другихъ, благодаря которому группа и особь приспособляются не только къ своимъ собственнымъ, но косвенно и къ чужимъ условіямъ существованія

Въ той или иной мѣрѣ, путемъ словеснаго общенія люди могутъ заимствовать одни у другихъ самыя различныя формы познанія;—но прочнымъ, устойчивымъ бываетъ заимствованіе лишь тогда, когда оно не стоитъ въ противорѣчіи съ необходимыми формами мышленія самихъ заимствующихъ, съ формами, строго соотвѣтствующими характеру обычнаго труда и сотрудничества этихъ людей. Поэтому, напр., низшіе классы нерѣдко живутъ идеологіей высшихъ въ началѣ своего развитія, но чѣмъ дальше идетъ это развитіе, тѣмъ больше отбрасываются тѣ элементы чуждой идеологіи, которые не гармонируютъ съ собственными жизненными отношеніями развивающагося класса, и остаются только такіе элементы, которые подходятъ къ этимъ отношеніямъ, или, по крайней мѣрѣ, не противорѣчатъ имъ. Англійскіе трэдъ-юніонисты такъ же не могли остаться до конца вѣрными манчестерскимъ взглядамъ на экономическія отношенія, какъ не могла буржуазія городовъ долго сохранять въ чистотѣ феодальный католицизмъ.

Но если группы развивающіяся принуждены бываютъ въ своемъ поступательномъ движеніи отбрасывать шагъ за шагомъ тѣ формы мышленія, которыя выработаны были жизнью старыхъ классовъ, то группы отживающія, наоборотъ, шагъ за шагомъ неизбѣжно воспринимаютъ тѣ формы мышленія, которыя складываются въ жизни прогрессивныхъ классовъ. Такъ, феодальная психологія принуждена была примириться и съ идеей движенія земли, и отчасти даже съ идеей развитія, хотя обѣ эти идеи вносятъ въ нее жестокое противорѣчіе: стало быть, сила этого противорѣчія все-же меньше силы давленія той прогрессивной общественной среды, которая окружаетъ феодальную группу. Подобные процессы протекаютъ въ видѣ идеологической борьбы, нерѣдко весьма долгой и мучительной.

Итакъ, чистые типы мышленія соотвѣтствуютъ лишь идеальнымъ условіямъ. Въ дѣйствительности, мышленіе людей всегда эклектично, только въ различной степени. Оно наименѣе эклектично въ группахъ наиболѣе однороднаго строенія.

Процессъ развитія, первоначально въ сферѣ труда и сотрудничества, а затѣмъ, въ зависимости отъ этого, и въ сферѣ познанія, ведетъ къ вытѣсненію однѣхъ формъ другими, вообще говоря—низшихъ высшими. Эти измѣненія совершаются весьма медленно, весьма послѣдовательно, и только тогда, когда реформируются послѣднія, все объединяющія обобщенія—тогда развитіе принимаетъ видимость переворота, потому что окончательныя формулы измѣняются рѣзко и быстро, приспособляясь къ значительно измѣнившимся уже формамъ мышленія. Это особенно легко наблюдать на философскихъ системахъ, которыя вообще имѣютъ задачей именно

выработку послѣднихъ формулъ. Такъ, напр., дуалистическая тенденція анимизма, которая еще рѣзко выражена въ формулахъ Декарта (двѣ субстанціи—мыслящая и протяженная), значительно слабѣетъ и вырождается въ ученіи Спинозы (два аттрибута одной субстанціи—мышленіе и протяженіе), затѣмъ въ ученіи современныхъ критицистовъ (двѣ параллельныя стороны одной реальности) Въ послѣдней формѣ она уже почти безсодержательна, и переходъ отъ нея къ энергетическому монизму, будучи переворотомъ по видимости, на дѣлѣ закрѣпитъ лишь совершившіяся уже измѣненіе во всей системѣ мышленія развивающихся элементовъ общества

Но здѣсь является такой вопросъ Вѣдь если отъ опредѣленныхъ формъ труда и сотрудничества зависятъ опредѣленные типы мышленія, то можетъ ли вообще развитіе устранить эклектизмъ, пока существуютъ р а з л и ч н ы я формы труда и сотрудничества? Казалось бы, пока существуетъ консервативный типъ труда, познаніе не можетъ в п о л н ѣ отдѣлаться отъ статики, пока существуетъ авторитарное сотрудничество—отъ дуализма, пока существуетъ апархическое—отъ метафизики.

Въ противоположномъ смыслѣ говорятъ слѣдующія соображенія.

Измѣняющій типъ труда не исключаетъ консервативнаго, а напротивъ, в к л ю ч а е т ъ его. Создавать нѣчто новое можно только изъ старыхъ элементовъ, и по отношенію къ этимъ старымъ элементамъ, которые придется воспроизвести, процессъ труда окажется консервативнымъ Соотвѣтственно тому историческое мышленіе не просто уничтожаетъ статику. оно преобразуетъ ее, оно сохраняетъ ея „неизмѣнное“, отводя ему только иное мѣсто, именно, не въ области „неподвижнаго“, а въ сферѣ подвижного равновѣсія Поэтому историческое мышленіе, складываясь на почвѣ измѣняющаго труда, остается цѣлесообразнымъ приспособленіемъ и для труда консервативнаго, можетъ вполнѣ замѣнить собою статическое мышленіе Стало быть, для устраненія статики вовсе не является необходимымъ полное устраненіе консервативнаго труда, необходимо только достаточное развитіе труда измѣняющаго.

Синтетическій типъ сотрудничества точно также не есть простое отрицаніе другихъ типовъ: онъ совмѣщаетъ ихъ характеристики Въ немъ существуетъ и то разграниченіе труда организаторскаго и исполнительскаго, которое свойственно авторитарному типу, только это разграниченіе не связано со спеціализированными личностями организатора и исполнителя: тотъ и другой постоянно мѣняются ролями Въ этомъ сотрудничествѣ сохраняются и основныя черты неорганизованнаго сотрудничества—во-1) отсутствіе личной воли, организующей производство (только прибав-

лена наличность организующей общественной воли); во-2) широкая специализація (при чемъ, благодаря наличности общихъ методовъ производства, эта специализація не создастъ рѣзкой психологической разнородности особей) Соотвѣтственно такому характеру формы сотрудничества, энергетическій типъ мышленія способенъ вполнѣ замѣнить анимизмъ и метафизику: нѣтъ такого явленія, которое можно было бы понять только по одному изъ послѣднихъ двухъ типовъ, и нельзя было бы понять по первому Анимизмъ становится не нуженъ, когда начало организующее удается понять въ тѣхъ же формахъ, какъ организуемое, пустая метафизическая абстракція въ родѣ „субстанціи“ должна потерять значеніе, когда на ея мѣсто становится содержательное энергетическое обобщеніе.

Итакъ, для устраненія анимизма и метафизики не требуется полнаго уничтоженія низшихъ формъ сотрудничества: требуется только достаточное развитіе высшей формы.

12 О „предпосылкахъ“ познанія [1]).

Въ предыдущемъ мы старались дать самую общую характеристику формъ познанія со стороны ихъ происхожденія и ихъ строенія. Познаніе разсматривалось, какъ процессъ біологическій, психическій, соціальный, какъ сложный результатъ развитія болѣе простыхъ явленій— біологическихъ, психическихъ, соціальныхъ. Поставленная задача имѣла историческій характеръ, и примѣненный методъ былъ историческій.

Такая точка зрѣнія въ теоріи познанія становится все въ большей мѣрѣ господствующей. Однако до сихъ поръ она не можетъ считаться безусловно общепризнанной. Существуетъ еще взглядъ—его держатся многіе философы кантіанскаго оттѣнка,—прямо отрицающій законность историзма въ теоріи познанія, или по крайней мѣрѣ указывающій для него опредѣленныя границы, дальше которыхъ онъ не долженъ итти. Взглядъ этотъ не можетъ быть оставленъ нами безъ вниманія.

Аргументація, которая выставляется противъ историческаго метода въ теоріи познанія, сводится въ существенномъ къ слѣдующему.

Теорія познанія указываетъ общія, необходимыя условія познавательной дѣятельности Таковы, напр., „формы созерцанія“—пространство и время; таковы (у Канта) различныя „категоріи“, въ которыя познающій

---

[1]) Основной критической идеей этой главы я обязанъ въ значительной степени В Базарову

разсудокъ необходимо укладываетъ все содержаніе познанія; таковы, между прочимъ, и основные логическіе законы, безъ помощи которыхъ ни о чемъ вообще нельзя разсуждать .. Эти необходимыя условія, эти „предпосылки" познанія сами **не подлежатъ** анализу, и вообще никакому изслѣдованію—не подлежатъ потому, что всякій анализъ, всякое изслѣдованіе **ихъ предполагаетъ**, на нихъ основывается; безъ нихъ никакое объясненіе невозможно, а потому ихъ самихъ нельзя объяснять Всякая попытка ихъ разложить или найти ихъ происхожденіе **нелѣпа** въ силу того, что она необходимо должна опираться на тѣ самыя „предпосылки", которыя стремится изслѣдовать. Такъ, напр., если ассоціаціонисты и психофизіологи опредѣленнымъ образомъ объясняютъ возникновеніе идей пространства, времени, „я",—то всѣ эти объясненія не имѣютъ никакого смысла съ „гносеологической" точки зрѣнія; ибо всѣ опыты, на которыхъ основано объясненіе, сами даны изслѣдующему **въ пространствѣ и во времени** и связаны единствомъ „я".

Такова „критическая" аргументація нео-кантіанцевъ. Попробуемъ отнестись къ ней критически

Представимъ себѣ Канта въ то время, какъ онъ изслѣдовалъ познаніе вплоть до его „a priori". Это изслѣдованіе было, конечно, познавательной дѣятельностью. Итакъ, Кантъ **познавалъ познаніе**. Не есть ли это нелѣпость? Конечно, нѣтъ Кантъ познавалъ не тотъ познавательный процессъ, который въ это самое время выполнялъ,—а другіе познавательные акты, которые имѣлъ передъ собою въ видѣ воспоминаній, **представленій**. Никто не можетъ познавать то самое познаніе, которое непосредственно переживаетъ, какъ никто не можетъ непосредственно своимъ глазомъ видѣть этотъ же самый глазъ (или, еще ближе—видѣть свой актъ зрѣнія)

Слѣдовательно, познаніе, какъ непосредственно выполняемый актъ, и познаніе, какъ объектъ, какъ матеріалъ для другого познанія—двѣ очень различныя вещи, хотя и обозначаются однимъ словомъ Онѣ различны не въ меньшей степени, чѣмъ, напр, ударъ молоткомъ и наковальня [1]) Если не разграничивать два значенія слова „познаніе", то построить „науку о познаніи" станетъ такимъ же легкимъ дѣломъ, какъ поднять себя за волосы, или отпарировать ударъ той же шпагой, которою онъ нанесенъ

[1]) Разница между познаніемъ, какъ непосредственнымъ актомъ, и познаніемъ, какъ объектомъ изслѣдованія, равняется полной ихъ несоизмѣримости: ихъ даже невозможно сравнивать, какъ вообще невозможно сравнивать реальный процессъ и форму процесса, его познавательную характеристику

Итакъ, нельзя смѣшивать познаніе—изслѣдованіе и познаніе—объектъ изслѣдованія. Первое есть непосредственно переживаемое дѣйствіе, второе—психическій образъ, представленіе (или понятіе) о подобномъ дѣйствіи Первое никогда не является объектомъ прямого изслѣдованія: оно должно раньше преобразоваться во второе, актъ познанія долженъ перейти въ „форму“ познанія; дѣйствіе должно стать представленіемъ или понятіемъ, производство должно кристаллизоваться въ продуктѣ—и уже тогда можетъ начаться его анализъ

Когда Кантъ въ поискахъ за „a priori“ выполнялъ опредѣленные познавательные акты, то въ этихъ ли самыхъ актахъ непосредственно имѣлись требуемыя предпосылки, въ процессѣ ли самаго исканія заключалось то, что отыскивалось? Если бы это было такъ, то работа Канта превратилась бы въ чудовищную нелѣпость, много хуже, чѣмъ тотъ супъ, который у Гейне обезьяна варитъ изъ собственнаго хвоста Но Кантъ искалъ „a priori“ не въ самомъ переживаемомъ процессѣ исканія, а въ томъ матеріалѣ, который обозрѣвалъ во время этого процесса

Теорія познанія оперируетъ, слѣдовательно, не надъ познаніемъ, какъ непосредственнымъ актомъ, а надъ представленіями и понятіями о познавательныхъ актахъ, надъ ихъ образами Только въ этихъ послѣднихъ она можетъ искать и находить постоянныя „формы“, иначе называемыя „предпосылками“ или „a priori“.

Итакъ, откуда же взялись „предпосылки“? Путемъ акта познанія онѣ выдѣляются изъ представленій о познавательныхъ актахъ Онѣ, слѣдовательно, результатъ, продуктъ акта познанія, и характеристика, элементъ представленій о познаніи.

Какъ же онѣ могутъ „предполагаться“ въ актѣ познанія, быть его „предпосылками“, его „a priori“? Очевидно, такое утвержденіе основано на грубой, наивной путаницѣ понятій: смѣшеніи непосредственнаго акта познанія съ представленіемъ объ этомъ актѣ.

Человѣкъ изслѣдуетъ нѣчто (представленія и понятія о своихъ познавательныхъ актахъ) и находитъ для этого „нѣчто“ опредѣленную, постоянную характеристику (логическія и гносеологическія „формы или предпосылки“). Какъ можетъ эта характеристика быть „предпосылкой“ изслѣдованія?.

„Абстрактное пространство“, „абстрактное время“, всеобщая причинность“, и т. под —все это высшія отвлеченія, добытыя долгимъ процессомъ познавательнаго развитія, на памяти исторіи Какъ могутъ они

быть „необходимыми условіями“ самаго процесса познанія, процесса отвлеченія [1])?

Итакъ, познавательныя „a priori“ вовсе не предпосылки познанія „Гносеологическая точка зрѣнія“, въ ея кантіанскомъ пониманіи оказывается логической ошибкой Въ самый критическій моментъ изслѣдованія кантіанскій критицистъ устраиваетъ самое некритическое смѣшеніе опредѣленнаго процесса и представленія объ этомъ процессѣ.

Теперь нетрудно выяснить вопросъ о законности исторической точки зрѣнія въ ученіи о познавательныхъ процессахъ.

Представленія и понятія о познавательныхъ процессахъ, какъ матеріалъ познанія, попадаютъ въ одинъ рядъ съ представленіями и понятіями о другихъ общественныхъ, о другихъ психическихъ процессахъ, о процессахъ біологическихъ, химическихъ, физическихъ... Весь этотъ матеріалъ подвергается познавательной обработкѣ, которую вообще можно характеризовать, какъ „описаніе“.

Описаніе познавательнаго матеріала стремится пріобрѣсти характеръ „объясненія“. т е сведенія болѣе сложнаго къ болѣе простому При этомъ изслѣдованіе обязательно должно выйти изъ круга „объясняемыхъ“ явленій, чтобы установить ихъ связь съ явленіями болѣе простыми, чѣмъ они сами Понятно, что путь „объясненія“ въ общемъ намѣчается степенью сложности

---

[1]) Въ непосредственномъ актѣ познанія нѣтъ ни субъекта, ни объекта. Сказать что актъ познанія „предполагаетъ“ субъектъ, значитъ утверждать, что мы ухитрились изслѣдовать непосредственный актъ познанія, который вовсе не есть предметъ изслѣдованія, а с а м о изслѣдованіе

Этого не понимаютъ многіе кантіанцы, пытающіеся объявить свои „a priori“— табу для историческаго изслѣдованія Вотъ, напр, что говоритъ г Бердяевъ (Индивидуализмъ и Субъективизмъ“ стр 24)

„Что-нибудь изъ двухъ—или всякій, самый элементарный актъ познанія, первый въ исторіи міра, уже требуетъ нѣкоторыхъ логическихъ предпосылокъ въ познающемъ субъектѣ, или этотъ первичный актъ познанія былъ результатомъ одного объекта безъ всякаго субъекта—выводъ чудовищный по своей логической нелѣпости“

Здѣсь, г Бердяевъ обращается, въ сущности, не къ логикѣ, а къ п р и в ы ч к ѣ философствующихъ людей представлять себѣ познаніе разложеннымъ на субъектъ и объектъ Но есть вѣдь и такіе изслѣдователи, для которыхъ познаніе является единымъ, нераздѣльнымъ процессомъ, а всякія расчлененія въ немъ—лишь п р е д с т а в л я е м ы м и и у с л о в н ы м и Почему же они будутъ виновны въ „логической нелѣпости?“

Но далѣе, допустимъ, субъектъ дѣйствительно имѣется въ познаніи; нѣтъ субъекта, нѣтъ и познанія Отчего, въ такомъ случаѣ, не предположить, что хотя нѣтъ познанія, и субъекта, но есть нѣчто, изъ чего и познаніе, и субъектъ развиваются? По мѣрѣ

представленій въ различныхъ областяхъ познанія Для нашего времени это, по преимуществу, путь „историческаго метода“, ибо всѣ факты показываютъ, что сложное исторически развивается изъ простого.

Представленія о познавательныхъ процессахъ, какъ извѣстно наиболѣе сложныя изо всѣхъ Менѣе сложны представленія о другихъ психическихъ процессахъ, о процессахъ жизни вообще, и т. д Итакъ, „объясненіе“ познавательныхъ явленій должно восходить къ психическимъ и біологическимъ „основамъ“ познанія; изслѣдованіе не должно ограничиваться гносеологическими и логическими „формами“, потому что тогда оно не выходитъ изъ круга изслѣдуемыхъ явленій, не даетъ намъ болѣе простого на мѣсто болѣе сложнаго, и не есть вовсе объясненіе

Объясненію, очевидно, подлежатъ и тѣ общія характеристики изслѣдуемаго познанія, которыя неправильно называются его предпосылками Такъ. логическіе законы познанія *дѣйствительно* объясняются закономъ подбора жизненныхъ явленій, потому что представленіе о мышленіи по логическимъ законамъ гораздо сложнѣе, чѣмъ представленіе о дѣйствіи подбора на формы жизни Идея пространства *дѣйствительно* объясняется опредѣленной ассоціаціей мускульныхъ и иныхъ воспріятій, потому что представленіе о пространственной формѣ воспріятій гораздо сложнѣе представленія о соединеніи мускульныхъ воспріятій

Историческій методъ одинъ способенъ *объяснить* происхожденіе познавательныхъ явленій изъ болѣе простыхъ социально-психическихъ, біологическихъ, физико-химическихъ Нелѣпы и безсильны попытки преградить ему путь

того какъ складывается субъектъ, означенное психическое „нѣчто“ становится познаніемъ, проходя всѣ переходныя стадіи Что въ этомъ нетѣпаго? И почему нельзя тогда выяснить *происхожденія* субъекта?

Г Бердяевъ утверждаетъ „Отрицать гносеологическій априоризмъ можно только замалчиваніемъ великой гносеологической проблемы“ Можетъ быть, онъ теперь согласится, что отрицать этотъ априоризмъ можно и опредѣленнымъ *рѣшеніемъ* упомянутой проблемы?